

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 27.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 2 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Все, и жизнь и достоянье,
Все за тронъ Царя-отца!
Къ Провидѣнью — уповаье,
Вѣрь — вѣрность до конца.

Мансуровъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ИЗЪ ЛАГЕРЯ.

(Повѣсть Клаурена.)

(Продолженіе.)

Таинственная пишина! роскошная поспель!
спящая красавица! — Бываютъ въ жизни об-
спояпельспва, гдѣ нужна необыкновенная
твердоспъ, чпобы владѣть собою. Я безмолв-
но смотрѣлъ на плѣющіе уголья: одна искра
гаснула за другою. Живая картина моихъ
правиль! Но я невольнo вооружился мѣхомъ
здраваго разсудка, и началъ вдупать жизнь въ
мои умирающія правила, дабы они поддержали
меня, по крайней мѣрѣ, въ эту ночь пляжкихъ
испытаній.

Всего прискорбнѣе для меня было то, чпо
она уснула, не примирившись со мною. Не-
ужели допуспншь, чпобы солнце въ гнѣвѣ
надъ нами закапилось? Упрямыца уснула, не
пожелавъ мнѣ даже доброй ночи.

Черезъ четверть часа съ небольшимъ, по-
лагал, чпо она давно ужъ заснула, я спросилъ
спшонько: неужь-то вы на меня сердпсьесть?—

Я подошелъ къ ней, и спалъ предъ пос-
пелью на одно колено.

«Сердпсьесть? За чпо мнѣ на васъ сердпсье-
ся? Я, кажеться, неумышленно васъ обидѣла; а
вы такъ добры; вы для меня лишаете себя
сна. Не сердпсьесть; я и не думала васъ ос-
корблять.»

Сердце у меня прошло! Вотъ какъ мы му-
щны добродушны; я разсердился было на
прелестную брюзгливицу: одно ласковое слово,
и я распаялъ, какъ воекъ на солнцѣ.

Я прижалъ къ губамъ ея полненькую руч-
ку, которая въ прелестной наготѣ до самага
плеча, покоилась на шелковомъ одѣялѣ. Я по-
клялся съ жаромъ, чпо никогда на неѣ не
сердплся, никогда, въ жизни своей не въ со-
спояннн буду на неѣ сердпсьесть, и, до сихъ
поръ не понимаю, какимъ образомъ, снова за-
велъ прежній разговоръ.

Но племянница отвѣчала съ досадою, чпо
если я поспчасъ не переспану говорпшь, она
принуждена будетъ вспать и выпнн изъ ком-
напы.

Покораясь необходимости, я напечатлѣлъ
еще нѣжный поцѣлуй на ея мякенькой руч-
кѣ, пожелавъ ей покойной ночи, и измучен-
ный спраспью, вспалъ и сълъ оспянь къ полу-
попухшему камину.

Я уснулъ на спулѣ. Красавица почтвала до самаго упра.

Намъ оспавалась одна только спанція до Шпоренберга; памъ, можешь бышь, долженъ я навсегда разспашься съ прелестною. И пакъ, за чаемъ я еще разъ завелъ рѣчь о женихѣхъ.— Что же, какъ вы думаете?—сказалъ я въ заключеніе, схвативъ обѣими руками ея правую руку: хочите ли — хочешь ли выпити за меня, моя милая? —

«Я ничего не думаю, не могу ничего думать;» отвѣчала она быспро, но ласково: «я васъ не знаю; вы меня не знаете; не говорите объ этомъ. Меня спрахъ беретъ. Ваша пѣтушка не права. Ищите и найдете, говорите Писаніе.»

Почпаліонъ запрубилъ. Мы сѣли въ коляску.

— Если мнѣ позволено искашь, то мнѣ надобно васъ опыскашь въ Шпоренбергъ; смѣю ли сдѣлать вамъ посѣщеніе?

«Нѣтъ.»

— Нѣтъ? —

«Ни за что въ свѣтъ не позволю!»

— Почему? —

«Во первыхъ, вы ѣхали со мною подъ именемъ Барона *Остена*; подъ симъ же именемъ вы должны были бы явиться въ нашъ домъ; ибо семейство, въ которомъ я живу, разумѣется, будетъ писать объ этомъ Форспмейстершъ, и вообразите себѣ; какая выдесть суматоха, если вы познакомились подъ вашимъ истиннымъ именемъ.»

— Во вторыхъ? —

«Во вторыхъ.»

— Ну чтожь? —

«Оспавимъ это.—Я не чувствую себя счастливою въ этомъ семействѣ; меня—она пощупала глаза, и примолвила тихимъ голосомъ—«меня презираютъ, пираняютъ; всѣ удивятся, если вы пріѣдете — для меня; ибо въ домѣ есть взрослая дочь, которая имѣютъ болѣе меня права на руку такого человѣка, какъ вы. Я изъ милости живу въ этомъ домѣ. Года два тому назадъ, какъ я лишилась своихъ родителей. Они ничего не оспавили мнѣ, кромѣ воспитанія.»

Я заключилъ прелестную въ свои объятія. Я поклонился ей въ честности моихъ видовъ,

увѣряя, что черезъ двѣ недѣли возвращусь, и буду формально за неѣ свататься. Мы будто познакомились въ сполницѣ. Само собою разумѣется, что ни слова не будетъ упомянуто о нашемъ путешествіи въ Шпоренбергъ.

Она улыбнулась спыдливо и тихо освободилась изъ моихъ объятій. «Вы очень рѣшительны;» сказала она въ миломъ замѣшательствѣ.

— Ну чтожь?—спросилъ я, мысленно поржесвуя заранѣе: теперь вы видите, что ваше первое возраженіе ничего не значитъ. На впорое я отвѣчалъ; слыши у васъ еще претъе? —

«Есть;» произнесла она едва слышимымъ голосомъ.

— Еще претъе? Извольте объявить. —

«Вы не смѣете меня любить; мое — мое сердце не свободно; оно принадлежитъ другому. Но не спрашивайте объ имени. Кромѣ его, одни только вы объ этомъ знаете. Уважьте мою тайну. Я бы вамъ этого не сказала, еслибъ ваше предложеніе, которому знаю цену, не возложило на меня взаимной обязанности, говорите съ вами опкровенно.»

Я вѣрно при семъ непріятномъ извѣстіи сдѣлалъ кислую рожу: ибо она послѣ крапкого молчанія опять спросила меня съ невыразимымъ просподушіемъ, не сержусь ли я?

Ахъ, я не сердился, но я былъ несчастливъ, въ самомъ дѣлѣ очень несчастливъ. Наша беседа до самаго Шпоренберга была весьма суха; нѣсколько разъ я пыпался снять покрывало съ ея тайны; но она держала его крѣпко, и клалась, что имѣетъ весьма важныя причины таить отъ меня имя своего возлюбленнаго. Я предложилъ ей мою помощь, что бы успранишь претястствія, которые, можетъ бышь, заграждаютъ ей путь къ счастью; но она, горестно покачавъ головою, сказала: «намъ никакъ не можетъ помочь.» —

У Шпоренбергской спанціи она вышла изъ коляски, поблагодарила меня за мою услужливость, и пошла въ домъ ея родственниковъ.

Я смотрѣлъ вслѣдъ моей миловидной Граціи, доколѣ могъ. Одержанная въ прошлую ночь надъ самимъ собою побѣда, теперь только представилась мнѣ исполненнымъ подвигомъ добродѣтели.

Мнѣ крайне досадно было, что красавица проспалась со мною такъ просто, такъ по деревенски; во всю дорогу она говорила такъ умно, такъ скромно, а теперь только поблагодарила за—мою услужливость. Жерпву, гореспиную жерпву, ей принесенную, она просто называла услужливостью.

Но нѣтъ — я не виню её. Когда она вышла изъ коляски, то люди изъ оконъ сосѣднихъ домовъ съ любопытствомъ выглядывали. Неужели она могла подойти ко мнѣ и сказать благодарю тебѣ за твою безкорыстную защиту, за твое скромное самоопроверженіе! Прощаніе ея было холодно, сухо и чинно; этимъ она хотѣла показать всѣмъ сосѣдямъ, къ какому далекому она ко мнѣ находится отношеніи. Тотъ, кто послѣ всего этого угадалъ бы, что она провела всю ночь въ одной со мною комнатѣ, что я чуть-чуть было на ней не женился; что она въ страхѣ своемъ открыла мнѣ свою любовную тайну, тогда, вмѣсто зрачковъ, долженъ бы имѣлъ въ глазахъ пару Гершелевыхъ телескоповъ.

Словоохотная Смотрительница кое-что мнѣ объяснила. Когда она, лукаво улыбаясь, поздравляла меня съ бывшею мловидною спутницею, а я, для сохраненія добраго имени племянницы, возразилъ, что моя незнакомка во всю дорогу была задумчива и печальна, то она продолжала съ участіемъ: «иначе и быть не можетъ; бѣдненькой очень худо у родственниковъ: старикъ попрекаютъ ей каждымъ кускомъ хлѣба, котораго они даютъ ей изъ милости, а отъ дочерей она принуждена выносить всевозможныя обиды. Не столько изъ любви, какъ только попому, чтобы выйти изъ сего бѣдственнаго положенія, она, какъ поговариваютъ, привязалась къ одному здѣшнему молодому человѣку; но, вы увидите, что впопъ пролазъ обольститъ её, а попомъ броситъ; онъ ужъ не съ первою это дѣлаетъ.»

Разсказъ болтуны раздиралъ мнѣ сердце. И такъ, подумавъ я самъ въ себя, эта милая дѣвушка осчастливила недоспойнаго своею любовью, своими прелестями, а мнѣ, который искренно, сердечно полюбилъ её, мнѣ она во всемъ опказала.

— Развѣ вы не можете — спросилъ я, перзаемый страхомъ и досадою — развѣ не може-

те предосперечь легкомысленную дѣвушку отъ сего человѣка? —

«Отъ него? — Вы его не знаете, сударь. Это презлой, прековарный человѣкъ; мужъ мой откупааетъ у него большой сѣнокосъ, что подлѣ городскихъ воротъ; нигдѣ нельзя найти такой прекрасной правы, какъ тамъ. Эпопъ человѣкъ попчасть готовъ уничтожитъ конпрактъ; если онъ узнаетъ, что я вмѣшиваюсь въ его любовныя связи. — Нѣтъ, сохрани Богъ! — Это дѣло весьма щекотливое.»

Таковъ-то свѣтъ! Сколько людскихъ глупостей было бы опвращено, еслибъ ничтожныя, жалкія причины не удерживали претпьяго, помогать безразсудному совѣтомъ и дѣломъ; но когда пришла бѣда, которую тысячи предвидѣли и молчали, тогда всякой готовъ прежде всѣхъ кинуть камень въ несчастнаго и безощадно перзаетъ его своими упреками.

Какъ счастлива была бы племянница, еслибъ сѣнокосъ не зажалъ рта Почтмейстеру, которая короче знала возлюбленнаго легковѣрной.

Разстроенный своекорыстіемъ людей, я спросилъ самъ себя, куда мнѣ ѣхать? Возвратившись и видѣвъ опять спанцію, гдѣ искуситель показалъ мнѣ прелестнѣйшую въ свѣтѣ дѣвушку на роскошномъ ложѣ, я никакъ не могъ. И такъ, я одинъ опсправился далѣе. Но и это мнѣ не нравилось.

На первой спанціи я нашелъ дилжансъ. Онъ весь занятъ былъ весельчаками, которые также ѣхали изъ лагеря.

И прѣхалъ на перекладныхъ, и по почтовому уложенію, долженъ былъ такимъ же образомъ продолжать свое пупешестіе; но какъ я впередъ заплащивъ деньги до ближайшей спанціи, и сверхъ того внесъ оныя сполна за мѣспю въ дилжансъ, то безкорыстный Почтмейстеръ былъ сполько добръ, что покорился моей прихоти, и позволилъ мнѣ съ Богомъ продолжать путь въ дилжансъ, который въ шеперешнемъ моемъ расположеніи былъ мнѣ пріятнѣе, нежели покойная, но уединенная коляска. Я, какъ послѣдній пассажиръ, получилъ мѣсто на обипомъ желѣзомъ сундукѣ съ посылками.

Сказавъ нечего; почтовой сундукъ есть самое дѣйствительное средство проливъ ипо-

хондріи. На городской мостовой уже я почувствовал как пѣло у меня опсвадао опть костей. Зубы спучали во рту, какъ толчя; мы не успѣли еще поперяпть изъ виду городокъ, какъ всѣ ребра мои были избины.

Пупешествовалъ съ сердцемъ, расперзанымъ опть неудачнаго сваповспва, съ дурною въ головѣ опть безсонницы, не имѣя ни одной крохи въ желудкѣ, и при помѣ, сѣдя на пряскомъ сундукѣ—вопть испинно бѣдспвенное положеніе! Къ счастью мы въѣхали въ глубокіе пески; лошади пощались шагомъ. И такъ, одной бѣдою менѣе!

«Вамъ вѣрно худо сидѣть, сударь?» спросила роскошная блондинка, оборотясь ко мнѣ.

— Не такъ-то хорошо, — отвѣчалъ я, и почувствовалъ, что мое кислое лице примѣпно прояснилось опть соспрадапельнаго вопроса моей бѣлокурой спупницы; впрочемъ я охотно терплю сіе безпокойство, примолвилъ я: попому, что имѣю удовольствіе сидѣть позади васъ, —

«Если вы будете такъ добры,» — сказала блондинка сидѣвшей подлѣ неѣ бронепокъ: «и подвинетесь крошечку впередъ, то эпопть господинъ помѣспнтся между насъ.»

«Очень хорошо!» ласково отвѣчала бронепокка, и оподвинулась въ спорону, сколько могла. Я перелѣзъ къ нимъ черезъ перилы, подобралъ подъ себя часпть ихъ капоповъ и плапьевъ, сколько мнѣ было нужно, и сидѣлъ какъ Принцъ.

Блондинка была преумница. Она говорила—ужь не знаю, какъ зашла у насъ объ эпопть рѣчь—о любви съ пакою живоспью, съ пакимъ огнемъ, что дилижансъ ежеминутно угрожалъ вспыхнуть.

Моя сосѣдка съ лѣвой спороны вѣрно поражена была жалобою на муцинъ изъ успть муцины; она, въ дѣвической скромности своей, пригорюнясь, во все сіе время сидѣла молчаливо, и робко опть меня опспранялась. Моя рѣчь, казалось, снискала еѣ довѣренность; она обернулась ко мнѣ, и съ добродушною ласковоспью поподчивала завтракомъ меня и нашу спопуницу.

Она выпатила порядочную корзинку, и съ распочипельною щедроспю удѣлила мнѣ и блондинкѣ часпть обильнаго запаса. Я былъ голоденъ, какъ волкъ и съ жадноспю принялся

за предложенный мнѣ завтракъ; однакожъ замѣпилъ серебряный фуляръ для ножей, замѣпилъ понкы, дорогія салфетки, въ которыя завернуто было пирожное, и оппщной работы Англійскій хрустальный графинъ съ Малагою. Наша милويدная хозяйка, во время завтрака, сняла перчатки съ бархатныхъ, полненькихъ ручекъ. Два брилліанповыхъ перспня, со вкусомъ оправленные, сверкали на нѣжныхъ пальчикахъ; крупный жемчугъ въ при ряда обвивался вокругъ прекрасной шеи, и опускался въ глубину предательской шамно несравненно богатѣйшую драгоценность ея соспавляла: ослѣпительная блѣзна зубовъ, пурпуръ успть, свѣжій румянецъ щекъ и живой огонь голубыхъ очей. Меня сильно клонило ко сну, ибо я всю прошлую ночь не спалъ, но вкусный завтракъ меня опять оживилъ. Сонъ мой пропалъ. Какая сила въ нѣсколькихъ капляхъ винограднаго сока! Мы чувствовали себя счастливые; мы были веселѣе на нашей грѣшной скамѣчкѣ, нежели пыспчи богачей и богачекъ на своихъ мягкихъ, роскошныхъ диванахъ. Но бронепокка почти прогнѣвалась на меня, за то, что я въ насмѣшку назвалъ грѣшною скамѣчкою наше жеспкое почповое сѣдалище; эпо заспавило меня подуматъ, что ея родспели или родспвенники вѣрояпно спужапть въ почповомъ Департаментѣ, и что по сей причинѣ она не хочеть, чтобы издѣвались надъ висящими на цѣпяхъ доскамъ нашего бѣдспвеннаго сѣдалища.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛБОМЪ В. А. П.

Какъ громами дубъ разбиный,
 Какъ безъ дожжика поля,
 Какъ цѣпокъ, косою убиный,
 Вянешъ юность такъ моя.
 Какъ лучъ солнца въ черной пучѣ,
 Какъ въ несчастіи — друзья,
 Какъ въ пучинѣ — валъ зыбучій,
 Скрылась радость такъ моя.

Георгій Лобасовъ.

О М О Н И М Ъ.

Бываю у плаца, бываю у руки,
 Бываю коспяная,
 Серебряная, золошая,
 Щепшиная просная.
 Я шпучка небольшая,
 Но безъ меня нельзя сжашъ кулакц.

Въ No, 26, помѣщенна шарада значить: *Bon-jour.*

К Р И Т И К А.

Стихотвореніа *Василія Романовича. С. П. Б.*
 1832.

(Окончаніе.)

Часть третія.

Въ *затыя* ударяя струны.
 *
 Минарешами *затыми*
 *
 И *златистый* звѣздъ вънецъ.
 *
 Волнистая, шелковая, *затыя*;
 Ковры, возглавля *парчевыя*.
 *
 Подъ пополокъ, *затянуційся* какъ жарь.
 *
 И здѣсь — цвѣшы, шамъ *злато*,
 *
 Гдѣ въ *золотъ*, оправленномъ офиромъ.
 *
 Заплясая съ рукъ въ оправѣ *золотой*.
 *
 Касаясь дна *златаго* подѣ волнами.
 *
 День очамъ швоимъ *огнистымъ*
 Подражаешъ въ небесахъ
 Блескомъ солнца *золотистымъ*.
 *
 Какъ виноградъ *златой* въ устахъ.
 *
 И между швѣмъ, какъ слѣдъ *огнистый*
 Горшкъ на дремлющихъ водахъ —

Кудабъ ни вель сей пушь *златистый*,
 Я полешель бы на крылахъ.

*

Теперь-шо самый мигъ *златой*.

*

Мишумы жизни *золотыя*.

*

Вперля взоры въ дно его *златое*.

*

Чшо шѣ мишумы *золотыя* —

*

Слишъ пурпуръ съ яхонтомъ и *златомъ*.

*

Едва лишь только пушь *златистый*

Ложился по его щекамъ,

И данъ любовью цвѣшь *огнистый*

Его виющимся кудрямъ.

*

Ночью ложе мшъ — *сребристый*

Въчно зыблемый криспалль;

Днѣмъ — мшъ въ кудри *золотистыя*

Вѣтсья жемчугъ и коралль.

*

А *золотомъ* горшкъ вершина.

*

Широкія волны съ пескомъ лишь *златистыя*.

*

Высокія *главы* огромныхъ дворцовъ

Въ эфиръ прорывающся, *златомъ* сіяя.

*

По дну *золотому*, по дивнымъ цвѣшамъ.

*

Ошкннувъ кудри *золотыя*

*

Вошь облако, какъ лебедь сонный,

Плывешъ по высямъ голубымъ;

Бѣдй чѣмъ свѣгъ, лишь окаймѣнный

Ошливомъ солнца *золотымъ*.

*

Вошь близпа швоя, вошь *злато*

Твоихъ раскинушихъ кудрей!

Часть четвертая.

Грѣшно сказаць, чшобы спихи разбираема-
 го нами поѣпа были холодны; напрошвъ, въ

нихъ чрезмѣрно много огня и жару. Слѣдую-
щія выписки докажутъ, что мы говоримъ
правду—и только правду!

1.
..... ихъ лица
Пылаютъ страшно.
2.
Въ лавинахъ ихъ *пылаетъ жаръ*....
3.
Въ пѣлодвиженяхъ сладострастныхъ
Смященныхъ чувствъ *кипитъ пожаръ!*
4.
Я пью восшорги *огневые*
5.
Расширилось *пламя*....
6.
Все *огненный* вихрь въ одинъ мигъ обхватилъ.
7.
И *заревомъ* гору свѣтло озарилъ.
8.
Взоръ *пламенемъ* *пышетъ*.
9.
Его согрѣваетъ пророческій *жаръ*.
10.
..... какъ лавы
Попроки, пѣснь *огненной* льется волной.
11.
Лазурь въ *огняхъ* полуденныхъ *пылаетъ*.
12.
Но багрецомъ вдругъ *вспыхнули* у ней,
При видѣ семъ, спыдливыя лавины.
13.
Запахъ пурпуромъ *горитъ*.
14.
Сердце страстью *пламенѣетъ*,
Ожиданіемъ *кипитъ*.
15.
Ждеишь тебя милая, перси *горятъ*.
16.
Жаркии лобзаніямъ время настало.
17.
Приходи!... сильнѣе *пышетъ*
Огонь въ очахъ и на устахъ.
18.
Кровь *кипитъ*, горю въ *огняхъ*.

19.
Попуши ты *пламенемъ* сей.
20.
Пышущій пламень во мнѣ утихаетъ.
21.
Поцѣлуй сей сладострастья
До сихъ поръ на мнѣ *горитъ*.
22.
..... мечна *кипитъ*.
23.
Солнце жжётъ его сильнѣе...
24.
Депь очамъ твоимъ *огнистымъ*
Подражаешь въ небесахъ,
25.
Пламени въ высотахъ.
26.
Очи, *искрали сверкая*,
Плаваютъ души изъ свинца.
- 27 и 28.
Съ чѣмъ сравнишь твои мнѣ очи?
Жгутъ какъ солнце и *горятъ*.
29.
На щекахъ твоихъ цвѣтущихъ
Точно снѣгъ снялся съ *огнемъ*.
30.
Въ сердцѣ кровь *кипитъ* сильнѣй.
31.
И *горячія* лобзанья
На устахъ молодыхъ собирай.
32.
Когдажъ *огонь запышетъ* вдругъ въ очахъ.
- 34 и 34.
..... слѣдъ *огнистый*
Горитъ на дремлющихъ водахъ.
35.
Они, средѣ бѣдствій чѣрныхъ тучъ
Горятъ мнѣ выразишь счастье.
36.
Чуть только почь—*пылаетъ* онъ.
37.
Должны *пылать* во время ночи.
38.
Сердца намъ *пламенитъ* огнёмъ.
39.
Лишь *вспыхнетъ жаромъ*.

40.
Люблю васъ *пламенной* душой.

41.
Ты *пламенными* моимъ словамъ,
Съ улыбкой милою грозила.

42 и 43.
И съ жаромъ руку лобызала,
И съ жаромъ отвергала я пени.

44.
И даишь любовью цвѣтъ *огнистой*.

45.
Возжги огонь заповѣдной.

46.
Горя любовію иной.

47.
Пылавшая — упейся кровью!

48 и 49.
Дышать огнемъ — жизнь Саламандры лсной,
И выйсья вверхъ на *пламенныхъ* крылахъ.

50.
Въ капль перлы той горя,
Отражался ликъ мой лсной.

51.
Въ грудь *пылкую* пролился бы воспоргъ.

52.
И вопгъ *зажгъ* онъ факель погребальный.

53.
Средь *пламенныхъ* желаній,

54, 55 и 56.
Тамъ нвгой спраспъ, просачиваясь въ жилы,
Кипитъ въ крови и *пышетъ* изъ очей;
Сжигаетъ грудь помпшельнымъ дыханьемъ.

57.
Пожаръ спраспей и нѣга уоспья.

58.
Земля и воздухъ *пышатъ жаромъ!*

59.
..... холмы *горятъ*.

60.
Но каждый мигъ сильнѣе *жаръ*.

61.
Полудня обхвативъ *пожаръ*.

62.
Лучей *палачихъ* избѣгая.

63.
И съ *пышущихъ* ланпшъ моихъ,

64.
Томишельный *полудня* зной.

65.
Такъ, *пламенно* любя...

66.
Пожаромъ солнце догараспъ.

67.
Въ зеркальной влагѣ Лаура купала
Свой ангельскій образъ въ *похуденный* зной.

68 и 69.
Стихи, начертанные имъ,
Пылаютъ чувствомъ *огневнымъ*.

70.
Лишь сердце съ *гибельными* огнемъ.

71.
Зажглись звѣздъ вѣщи надъ головой.

72 и 73.
Но мнѣ онъ мнѣ, сей ужасъ шьмы глубокой
Съ *пылающими* эфиромъ подъ грозой —
Какъ взоръ съ *огнемъ* у дѣвы черноокой.

74.
Все озеро опъ неба *пламенеетъ*.

75.
Все пустошнпшъ небесными *огнями*.

76.
Бой Урагановъ яростныхъ *кптитъ!*

77.
Въ нихъ адъ опчалаща *вскипаетъ*.

78.
Несетъ *пожаръ* и смершь...

79.
И озеро и *могній* блескъ *живой!*

80.
И пламень чувствъ...

81.
Зажглась заря.

82.
Лице ея багрянцемъ розы *пышетъ!*

83 и 84.
Въ улыбкѣ ихъ спраспной желанье *горитъ*,
И *пышетъ* *огнемъ* омъ цвѣпущихъ ланпшъ.

85.
..... смѣлымъ взоромъ
Встрѣчая блескъ его *огней*.

86 и 87.
Какъ по свѣпшло съ *огневнымъ*
Краснымъ бунчукомъ своимъ,
Обогащается *огнями*.

88.

Какъ бы за дымякою, въ шумахъ,
Мерцають тысячи *огней*.

89 и 90.

Вращаются урочнымъ хоромъ,
Пылая въ пламенныхъ вьщахъ.

91 и 92.

И такъ сердца ихъ *огневыя*,
Упоены, *разожжены*.

93.

Но не одинъ онъ очарованъ,
Въ восторгахъ шая *огневыя*.

94.

И предается всей души
Огню поэзи свяшой.

95.

Земная страсть, какъ ядъ *огнистый*.

96.

..... ядомъ *прожжены*.

97 и 98.

И перламутровая лампада
Творцемъ *затеплена*, зажглась.

99.

И мирра, днемъ *согрѣта жаромъ*.

100.

Я палъ, въ восторгъ, на колѣни,
Передъ Проводы алтаремъ,
И на цвѣтушіи ступени
Поинкъ *пылающими* челомъ.

Послѣсловіе.

Г. Романовичъ знаетъ иносправные языки и знаетъ бы Россійскій, еслибъ хотѣлъ; имѣетъ палантъ, вкусъ, и прилѣжаніе обрабатывавъ стихи свои. Что сіе наше мнѣніе искренне: это доказывается помѣщеніемъ болѣе десяти его стихопвореній въ листкахъ нашихъ. Гдѣ же искать вину неопытности въ слогъ, непочности въ выраженія, въ споль великомъ количествѣ намъ замѣченныя? Въ рѣшеніе: Г. Романовичъ мыслитъ на Польскомъ и, опираясь на сродство его съ Россійскимъ, употребляетъ Русскія слова на манеръ Польскихъ; подчиняетъ Русскій языкъ законамъ

Польскаго синтаксиса и просодіи, и увѣренъ, что онъ украшаетъ, обогащаетъ, дѣлаетъ честь Россійскому слову такими насильственными и совсѣмъ несвойственными ему нововведеніями. Осмѣливаемся шепнуть Г. Романовичу, что онъ заблуждается.

В.

MODES.

Une toilette charmante que nous avons remarquée à un concert, était composée d'un par-dessus en gaze couleur hortensia, très-claire. Une large pélerine ronde tombait un peu plus bas que les épaules, et par-dessus cette pélerine, se rabattait un collet carré. Pour coiffure, un turban de gaze blanche à plis, se prolongeait en avant et un peu à droite, et dont les deux bouts étagés pendaient ornés d'une large frange d'argent.

À la cour d'assises, lors du procès de la Mode, les toilettes, dites toilettes du matin, se faisaient remarquer par une élégante simplicité: nous avons remarqué un chapeau de nouvelle forme, dont nous donnerons le modèle dans une de nos prochaines livraisons.

Pl. No 10. Coiffure ornée de perles. Tenique en crêpe garnie de perles.

МОДЫ.

Мы замѣнили прелестный нарядъ въ одномъ концертѣ, онъ состоялъ изъ газоваго *par-dessus* цвѣта горшензіи весьма свѣтлаго; широкая круглая пелеринка спущена была немного по ниже плечъ, а сверхъ пелеринки опложной четвероугольной воронникъ. На головѣ шюрбанъ изъ бѣлаго газа сдѣланъ складками, разпространялся въ высоту и немного на правую сторону, концы же его висѣли одинъ другаго ниже, обширные широкою серебряною бахрамою.

Въ зазданіи суда (cour d'assises), во время процесса журнала *Моды*, наряды, называемые упреніями, отличались щеголеватого простотою: мы замѣнили одну шляпку новой формы, которой приложимъ рисунокъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

Карп. No 10. Прическа съ жемчугомъ. Креповое платье съ жемчужною оплѣлкою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходящъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 28.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сѣлкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 6 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Скажи, пожалуй мнѣ, какая прибыль въ томъ,
Что въ дружествѣ тебѣ клевется льстецъ своимъ
И до небесъ тебя хвалами возвышаетъ,
Когда онъ первому мерзавцу тожъ читаетъ?

Ф. Кокошкинъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

КЪ ГОСПОДИНУ П.. СТАНЦ....

Не имѣю удовольствія знать васъ, — и пишу къ вамъ! Пишу—потому, что—я *долженъ* писать къ вамъ, я хочу писать къ вамъ, я обязанъ писать къ вамъ! Этого мало — требую, чтобъ вы, (не знаю кто, Милостивый Государь, или Милостивый Государь мой, или Государь мой), — требую, чтобъ вы прочли это письмо мое, — прочли со вниманіемъ,

Съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Я пишу, обязанъ писать, — наконецъ: поклялся писать къ вамъ, — руководствуясь испиною, благоговѣя передъ одною испиною, и божась одною испиною. Можетъ быть, вы удивляетесь, Милостивый Государь, или Милостивый Государь мой, или Государь мой! такому вступленію, или такому началу письма моего—вы въ недоумѣніи—перелестесь—робѣете... А! а! спало вы чувствуете себя не совсѣмъ правымъ?... Но—не хочу поминать васъ больше—довольно! слушайте.

Вы ли прислали письмо къ какимъ-то двумъ почкамъ? Вы? — Ваше ли письмо къ этимъ

двумъ почкамъ помѣщено въ Литературномъ Прибавленіи къ Инвалиду? Ваше? — Въ 16-мъ номерѣ? Такъ ли? — Такъ! — А если такъ, по послушайте:

Съ чего взяли вы, что изъ Московскихъ книгопродавцевъ только одинъ *Глазуновъ учтивъ*? Помилуйте! Ссылаюсь на всѣхъ живущихъ Московскихъ: есть ли грубіяны между Московскими книгопродавцами? Можетъ быть однако, что вы считаете грубостию, если занятый своимъ дѣломъ книгопродавецъ, не отвѣчаетъ на ваши вопросы? Если онъ даже не говоритъ съ вами, когда вы у него спрашиваете книгу, изданную другимъ книгопродавцемъ? Если онъ махнувъ рукою, говоритъ вамъ: подпишете съ Богомъ! у меня нѣтъ такой книги?... Не такіе ли поступки, весьма обыкновенные, называете вы грубостию? Поздравляю васъ!.. Что-же по вашему называется учтивостию?

Пишете вы намъ же, что въ новой библиотекѣ *не услышите вы отъ хозяина ни какой плоскости*. Это что такое? — Наши книгопродавцы всѣ люди просвѣщенные, воспитанные, люди со вкусомъ—и что новый библиотечарь не говоритъ плоскостей—совсѣмъ не рѣдкость!

Пишете вы, что такой библиотеки, какова библиотека Николая Николаева Глазунова, не бывало в Москвѣ!— Мое почтеніе! Да еще до Французовъ была открыта библиотека Селивановскаго—и была та библиотека самая полная всѣхъ Русскихъ книгъ! Была библиотека и у погтеннаго А. С. Ширлева, — еще в прошломъ году. Всѣ шли къ А. С. Ширлеву! Какой книги угодно—всѣ у него были! Да и книги брали по самому полному каталогу Русскихъ книгъ—по каталогу Смирдина! Какъ же это вы говорите, что такой библиотеки, какова Глазуновская, в Москвѣ не бывало? Грѣшно! Коли говорить правду—такъ правду! И я вамъ скажу, что новая библиотека Николая Глазунова, составила: изъ книгъ А. С. Ширлева! Не будь А. С. Ширлева, не было бы библиотеки Глазунова: ясно! Такъ вопъ, что я хотѣлъ сказать вамъ. Да еще прибавлю—не извѣстно, что выйдетъ изъ Глазунова, а наши старые Московскіе книгопродавцы: ужъ люди съ именемъ: состоятъ членами Московскаго Англійскаго клуба, ѣздятъ чепверкою въ каретѣ, имѣютъ собственные свои дома, и безъ нихъ—не существовало бы ни одного журнала, — даже Московскихъ газетъ!

Вопъ вамъ моя правда.... Извините, если она жестка.... Вѣдь правда глаза колетъ!...

Докорный къ услугамъ

Петръ Шубаковъ.

Москва.

Марта 7-го дня
1832 года.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ИЗЪ ЛАТЕРЯ.

(Повѣсть Клаурена.)

(Окончаніе.)

Когда на станціи блондинка выходила изъ дилижанса и опкланивалась, я поцѣловалъ еѣ въ бѣлоснѣжную шею, и сдѣлалъ глупое замѣчаніе, которое, не знаю какъ, пришло мнѣ въ голову: возможно ли, чтобы рука палача подымалась на такую дивно-прелесную шею?

Блондинка, смѣясь, поправила свои русые локоны, и сказала, что если это съ нею случилось, то она призоветъ меня, и тогда навѣрное надеется получить прощеніе; но брюнетка закрыла лице обѣими руками, судорожно сжала пальцы, и важными словами изъяснила свое негодованіе на такія безумныя рѣчи.

Вмѣстѣ съ прекрасною блондинкою оставило насъ и прочее общество; моя маленькая брюнетка и я остались одни в дилижансѣ. Когда надобно было ей плащить пупевыя деньги, то она открыла кошелекъ, въ которомъ было, по крайней мѣрѣ, двѣсти червонцевъ. Вообще, ея тонкій вкусъ, умная бесѣда и ловкое обращеніе показывали, что она дѣвица хорошей фамиліи, и потому я весьма любопытноспивовалъ узнать, по какому случаю она могла рѣшиться ѣхать в дилижансѣ одна безъ челоуѣка.

Я спороною далъ ей это замѣчаніе; но сколь ни оспорожно я взвѣсилъ слова свои, она меня поняла, и нѣсколько времени спустя, рассказала мнѣ, что она в первый разъ ѣдетъ на почтовыхъ; что братъ еѣ хотѣлъ пріѣхать за нею в столицу, но какъ одна изъ лошадей его заболѣла, то онъ писалъ къ ней, чтобы она возвратилась при случаѣ; лучшаго случая не встрѣтилось, и такимъ образомъ она рѣшилась ѣхать в дилижансѣ: ибо шумный городъ ей спалъ уже в пятгосп.

— Такъ вы изволили жить в деревнѣ?—

«Точно такъ, и мнѣ очень нравилась в деревнѣ; в городѣ не такъ пріятно жить, какъ в нашемъ уютномъ домикѣ.»

— Но не скучно ли вамъ иногда?—

«Нѣтъ, я не знаю скуки. Лѣпомъ в деревнѣ безъ сомнѣнія пріятнѣе, нежели в городѣ: нашъ домикъ построенъ на горѣ, съ которой можемъ далеко обозрѣвать наше живописное помѣстье; я управляю довольно обширнымъ хозяйствомъ моего брата, а садикъ—мой любимецъ; я посѣщаю его каждый день. Зимкою пріобрѣгаю къ книгамъ и музыкѣ. Братъ подарилъ мнѣ недавно, в день моего рожденія, прекрасное Вѣнское фортепьяно, которое для меня милѣе всѣхъ столичныхъ рѣдкостей.»

— Братецъ вашъ такъ же играетъ?—

«Нытъ-съ, но чрезвычайно любить музыку. Онъ большой охотникъ до лошадей и собакъ; даже въдовозныя лошади наши могли бы служить украшеніемъ многимъ экипажамъ въ столицѣ; а собакъ у насъ ужасное множество.»

До сихъ поръ я называлъ милостивую смуглянку просто мамзель. Теперь я замѣтилъ, что она барышня, и при первомъ случаѣ обратился къ ней съ словами: Милостивая Государыня! но такъ, какъ будто съ самаго начала принималъ её за благородную, и тѣмъ полагалъ поправить свою ошибку.

«Какимъ образомъ вамъ пришло на умъ вдругъ принять меня за благородную?» спросила она, просподушно улыбаясь.

— Извините, что я не потчасъ это сдѣлалъ; извините также, если теперь ошибся; я сложилъ все вами рассказанное, и вышедшій изъ сего шпогъ произвелъ васъ въ дворянство; помѣстье, обширное хозяйство, ваше отличное воспитаніе, славныя лошади, множество собакъ. . . . —

«Неужели въ вашей родинѣ по количеству собакъ судятъ о значимости происхожденія?» спросила она съ нѣкоторою ѣдкостью: «Неужели единственно по этому не могу быть меньше или больше вашей мнимою деревенской барышней?»

Менте она не была; ибо въ голосѣ, коимъ произнесла послѣднія слова, выражалась благородная гордость, которую могъ чувствоваться только тотъ, кто видѣлъ и слышалъ эту прелестную и умную дѣвицу. Она вѣрно была больше. Разговоръ сей раздражилъ её въ глубинѣ сердца, ибо задѣлъ её за чувствительнѣйшую струну. При шипулѣ «мамзель» она молчала, потому что и Принцесса можно называть demuазелями. Слово «барышня» её обидѣло. Красавица-брюнетка, почтившая своимъ присутствіемъ простой дилжансъ, была безспорно Графиня. Я не зналъ, куда дѣвались мои глаза; вслѣдствіе, кто имѣетъ хопя малѣйшее понятіе о дѣвицахъ значаго происхожденія, при первомъ взглядѣ на эту прелестную дѣвицу, узналъ бы въ ней Графиню. Почтовая колымага тупѣ ничего не значила; я самъ однажды былъ очевидцемъ, что одна Княгиня приѣхала въ городокъ на ярмарку въ

креспьянской пелѣгѣ, везомой одною слѣпою клячею; почему же молодой Графинѣ не могло прійти на умъ, попробовать проспой прясскій дилжансъ? Такой спарой Малаги, какою насъ она угощала, сонни владѣтельныхъ Графовъ не имѣютъ въ своихъ погребахъ; сверхъ того жареная упка, спасибо ей, мнѣ всё объяснила. Она, по еспь моя черноокая спупница, вѣрно происходила изъ весьма древней фамиліи, ибо упка была завернута въ конвертъ письма, которое вѣроятно адресовано было на имя Графинина брата, ибо на лоскуткѣ сего конверта я прочиталъ слова:

«мейстеру Графу.»

Слѣдственно, братъ моей брюнетки или Обер-гоф-церемоніймейстеръ или Оберъ-Форспмейстеръ; на внутренней сторонѣ конверта увидѣлъ я слово «Рабенштейнъ (*).» — Въ числѣ моихъ Университетскихъ друзей находился нѣкто Графъ Рабенштейнъ, который часно рассказывалъ мнѣ въ шупку—ибо онъ любилъ издѣваться надъ своею породою,—что его фамилія самая древнѣйшая на Рейнѣ. Чего добраго, подумалъ я самъ въ себѣ: можетъ быть мой прежній Университетскій пріятель братъ моей черноволосой красавицы; только я не могъ понять, какимъ образомъ онъ съ Рейна сюда попалъ; но чего невозможно въ нынѣшнія времена возможныхъ невозможностей?! —

— Графиня!—сказалъ я почтительно, и хотѣлъ уже начать преувѣчивую рѣчь; — но Графиня захохотала во все горло; ея инкогнипо было открыто; она прибѣгла къ самому лучшему средству: она, какъ говорятъ Французы, дѣлала *bonne mine au mauvais jeu*. Это явно показывалъ ея дусмысленный хохотъ.

«Скажите, ради Бога,» — спросила она мирная со смѣху, — «скажите пожалуйста, отъ куда вы взяли, что я Графиня?» —

Шалуныя такъ меня озадачила, что у меня, самъ не понимаю какъ, сорвался съ успѣ просподушный отвѣтъ: отвѣ упки!

«Изъ какой вы земли? У васъ собаки жалуются людямъ дворянство, а упки даютъ Графское достоинство!»

(*) Такъ называютъ въ Германіи мѣсто казни.

— Я вамъ все объясню, — отвѣчалъ я; вытащилъ изъ корзинки жареную утку и показалъ ей адресъ. Она засмѣялась, покраснѣла, смущилась и замолчала. Теперь мнѣ бы слѣдовало молчать; но гордясь моимъ открытiемъ, я сдѣлался смѣлье. — О! — сказалъ я поржески, я знаю еще болѣе. Мнѣ сполнѣ только вымолвивъ слово *Рабенштейнъ*.

Графиня вдругъ сдѣлалась серьезною, весьма серьезною. Она не говорила ни слова. Минуты черезъ двѣ, на помныхъ глазахъ ея вернулись слезы.

Я испугался. Я вовсе не думалъ оскорбить ея. Что ея фамиля не *Рабенштейнъ*, это легко было замѣшшь; ибо какимъ образомъ ея собственная фамиля могла ея разспрошшь? Вѣроятно, какой нибудь Графъ *Рабенштейнъ* былъ ея несчастный любовникъ. Надобно было поправить свою глупую выходку, и вмѣстѣ съ тѣмъ помаленьку добраться до ея сердечной тайны.

Я опять завелъ съ нею разговоръ. Графиня, недавно еще веселая, вдругъ сдѣлалась молчаливою и разспроенною. Я началъ говорить вообще про счастливое время юности, непримѣнно перешелъ къ моей Университетской жизни, послѣ чего съ четверть часа рассказывалъ ей предлинную повѣсть о моемъ Графѣ *Рабенштейнѣ*, происходящемъ изъ древнѣйшей фамили на Рейнѣ.

«Къ чему рассказываете мнѣ о вашемъ Графѣ *Рабенштейнѣ*?» спросила Графиня и смѣялась и задумываясь.

Скажу вамъ откровенно, Графиня! на внутренней спорной бумагѣ, въ которую завернута жареная утка, прочиталъ я слово «*Рабенштейнъ*». Сначала я принялъ васъ за Графиню *Рабенштейнъ*. Это древняя, весьма древняя фамиля; слѣдственно мои догадки не могутъ быть для васъ оскорбительны. Но когда я произнесъ сіе имя, и вы вдругъ совершенно перемѣнились, разспроились, тогда въ головѣ моей мелькнула мысль, что какой нибудь *Рабенштейнъ* вашему сердцу. Можетъ спастись вы знаете моего Рейнскаго *Рабенштейна*? —

«Нѣтъ, вашего не знаю. — Но» Она вдругъ приостановилась; подавила эцимъ *но*

какое-то горестное чувство, и спросила: «вы болѣе ничего не читали въ той бумагѣ?»

— Въ обертокѣ утки? — Нѣтъ, болѣе ни слова. —

Она опять улыбнулась ласково. Ея прежняя веселость, рѣзвость, оспроумный шутки, ея прежняя искренность — все живо изображалось на ея очаровательномъ личикѣ. Ея и нѣмую можно было понимать.

Теперь — подумалъ я самъ въ себя — теперь сбылось тѣтушкино пророчество: она-то безъ сомнѣнія та дѣвица, которая судьбою предназначена мнѣ быть моей женою. Къ племянницѣ не относилось сіе пророчество; ибо, правду сказать, я ея все таки искалъ. Тоже самое можно опнессти и къ блондинкѣ. Она, вмѣстѣ съ своимъ безумiемъ въ спраждающемъ любовью сердцѣ, вмѣстѣ съ своею спрасью къ новому законодательству, давно ужъ опдалась другому. Племянница была очень, очень хороша собою, блондинка также, но Графиня была прелестна. Для племянницы я былъ бы въ состоянiи пожертвовать пальцемъ, для блондинки вѣтъ мнѣ имуществомъ, для Графини мою жизнь. Ахъ, для чего эта черноокая красавица родилась Графинею! —

Мы нѣсколько времени оба сидѣли въ раздумьѣ.

«Что съ вами сдѣлалось?» спросила наконецъ моя спутница съ душевнымъ участiемъ: «вы давеча были черезъ чуръ веселы, такъ что я приняла было васъ за шалуна, за проказника, а теперь — вы совсѣмъ другой человекъ.»

Сердце мое сильно забилось. Я схватилъ ея маленькую ручку; въ каждую ямку впечатлѣлъ я пламенный поцѣлуй. — Ахъ, еслибъ я дѣйствительно былъ другой человекъ! — воскликнулъ я, и взоръ мой встрѣтился съ ея помнымъ, души исполненнымъ взоромъ.

«Другой человекъ? Какъ вы это разумеете?» —

— Я приникъ къ ея рукѣ, чтобы въ глазахъ ея не прочиталъ приговора моей дерзости; потомъ произнесъ со вздохомъ: какъ ужасны предразсудки высокаго званiя! —

«Да, вы сказали правду;» отвѣчала она важнымъ и выразиельнымъ пономъ: «предразсудки знаиности въ самомъ дѣлѣ гибельны!»

Я смѣле взглянулъ на неё; посмотрѣлъ ей прямо въ глаза; они упоали въ слезахъ.

Ко мнѣ ли относились сіи слезы, или панн-спвенная красавица любила кого нибудь изъ низкаго сословія?

«Для чего устарѣлые предрасудки,» продолжала она печальнымъ и важнымъ голосомъ: «для чего древніе обычаи, вовсе не соотвѣтствующіе духу времени, налагаютъ на сердце оковы, копорыхъ никакая земная сила не въ состояніи разорвать, оковы, копорыя по самую смерть гнетутъ чувствительнаго!»—

— Никакая земная сила? — подхватилъ я: могучій разрываетъ всѣ оковы! Я вижу, что въ вашей душѣ заключаются силы, коихъ вы, можете быть, сами не знаете. Милое, Ангельское существо! — Я палъ, не смотря на тѣсное пространство дилижанса, предъ нею на колѣна, облобызалъ ея руку и прижалъ её къ сердцу. —

«Встаньте,» сказала она умоляющимъ голосомъ, копорый вмѣстѣ выражалъ удивленіе: наше помѣстье близко отсюда; легко можете съ нами встрѣтиться кто нибудь изъ моихъ знакомыхъ; что скажутъ обо мнѣ и о васъ, если увидятъ васъ у ногъ моихъ!»

— Какъ? ваше помѣстье близко? — спросилъ я, встревоженный спрахомъ скорой съ нею разлуки.

«Вотъ тамъ мы живемъ,» отвѣчала она, указывая на спроеіе, копорое мнѣ близорукому показалось огромнымъ, великолѣпнымъ замкомъ. Заходящее солнце позлащало окна Графской виллы.

— И пакъ, мнѣ не долго наслаждаться вашимъ присупствіемъ? Ахъ, презирайте свѣтъ. Любовь не заботится о приличіи, о развѣспомъ родословномъ деревѣ. Любовь всегда одинакова, какъ въ груди галерныхъ невольниковъ, пакъ и въ груди всемірныхъ власпешновъ,

Тутъ не время было мышкапъ. Я прижалъ ея руку къ губамъ моимъ, съ жаромъ обхватилъ ея спройный спанъ, пламенно облобызалъ ея чело, глаза и ланипы; успа мои не могли опорваться отъ розовыхъ успъ волшебницы — вдругъ суровый голосъ грубымъ басомъ ревнулъ въ дилижансъ: «добро пожаловать!» Двѣ спрашныя собаки залаяли, пакъ что опозвалось въ Графскомъ замкѣ.

Графиня въ испугѣ вырвалась изъ моихъ объятий, но скоро оправилась и сказала ласково: «здравствуй, Мавръ!» —

Я почти не вѣрилъ глазамъ своимъ. То былъ превысокій, здоровый дѣшина, въ одноколкѣ, везомой одною большею лошадейю.

Графиня взяла свою корзинку, и со взоромъ, въ коемъ выражались всѣ мысли ея о мірскихъ предрасудкахъ, пожелала мнѣ счастливаго пути, вышла изъ дилижанса, сѣла въ свой фаэтонъ, и поѣхала домой.

Нѣсколько недѣль тому назадъ, случилось мнѣ опять поѣхать по тому же незабвенному для меня тракту.

На могильномъ холмикѣ племянницы цвѣли фіалки и амаранты. Повѣса, копораго она любила, обольспилъ и бросилъ её. Она чахла, чахла и кончила дни свой. Подруги украсили ея могилу цвѣтами.

Ближайшій городокъ, въ копорый я пріѣхалъ, кипѣлъ народомъ. Упромъ происходила казнь, копораая изъ всѣхъ окреспностей привлекла необъятныя толпы любопытныхъ. Всякій по своему разсказывалъ о казненномъ преспупникѣ, о его присупствіи духа, о холодноспи, съ какою встрѣтилъ онъ смерть на эшафотѣ. Я узналъ, что онъ женился на богатой женщинѣ единственно изъ корыспи; что имѣлъ любовную связь съ воспитанною, но легкомысленною дѣвицей, и что когда сія послѣдняя открыла ему послѣдствія сей связи, то онъ отправилъ её; что несчастная, терзаемая ужаснѣйшими муками, за нѣсколько мнупъ до кончины своей, назвала изверга, своего соблазпителя, копорый сегодня заплапидъ жизнью за свое злодѣспво.

По удивительному спеченію обстояпельспствъ, въ тотъ же вечеръ спранспвующая пруппа акперовъ давала трагедію: *Марія Стуртъ*. Отъ скуки и я пошелъ въ псапръ, успроенный въ балаганѣ. Предо мною сѣла молодая чета; жена, со вкусомъ одѣтая въ черномъ бархатномъ платьѣ и богато украшенная жемчугомъ, по голосу она казалась мнѣ знакомою, но большая шляпа скрывала отъ меня лице ея; черпы мужа имѣли что-то спрашное. Въ антрактѣ онъ замѣтилъ жену своей, что сегодня совсѣмъ не жспати дадутъ.

трагедію; что веселая комедія была бы для него гораздо пріятнѣе; ибо эшафотъ все еще представляется его глазамъ, и вообще онъ чувствуетъ себя до того разспроеннымъ, что не въ состояніи будетъ смотрѣть на сцену казни; но нѣжная супруга его, которая вѣроятно въ столицѣ познакомилась съ содержаніемъ пьесы, успокоивала его, говоря, что эшаго не будетъ, что на сценѣ только слышно паденіе сѣкиры на плаху.

При сихъ словахъ, мужъ закрылъ глаза рукою, вздрогнулъ и пляжко вздохнулъ. Черезъ нѣсколько времени бархатная щеголиха попросила его освѣжиться апельсиномъ, но онъ не хотѣлъ. При семъ случаѣ незнакомка сняла перчатку; на всѣхъ пальцахъ засверкали драгоценные камни, и лилейная бѣлизна маленькой ручки явно показывала званіе и нѣжное воспитаніе красавицы. Въ эпу минулу—это было въ послѣднемъ антрактѣ—явился хозяинъ гостиницы, въ которой я остановился, и сѣлъ подлѣ меня. Лишь только онъ увидѣлъ впереди меня спящаго мужчину, по дружески вскричалъ: «здравствуйте, Графъ! поздравляю, поздравляю!»—

— Графъ?—спросилъ я шхонько, горя желаніемъ узнать фамилію эпихъ молодыхъ супруговъ: какой эпо Графъ?—

«Нѣтъ, эпо его фамилія;» отвѣчалъ хозяинъ гостиницы: «эпо нашъ палачъ, господинъ Графъ, который сегодня, для новичка, славно сдѣлалъ свое дѣло! Въ одинъ мигъ слетѣла голова съ преступника! Прежде онъ былъ только Вазенмейстеромъ (живодѣромъ). «Здравствуйте, сударыня!» продолжалъ онъ, когда жена палача-вирпуоза обернулась къ намъ: «Ну, что вы скажете о нашемъ муженькѣ? Вѣдь онъ дѣло свое сдѣлалъ не хуже старого!»—

Я содрогнулся, ибо въ миловидной дамѣ узналъ бронежку, съ которою имѣлъ я случай путешествовать. И она меня пошчасъ узнала, предсказавла меня исполнителю уголовнаго Суда, своему мужу, за котораго, по словамъ ея, она недавно вышла, и въ продолженіе разговора сообщила мнѣ, что эта дѣвушка, за отправленіе коей казненъ преступникъ, была наша блондинка.

Спранное спеченіе обспояпельствѣ! Плянницу взялъ къ себѣ Богъ; бронежка доспалась палачу; блондинка не человѣку, — чюдизицу; а я—я по сію пору холоспѣ.

Съ Нѣмецкаго Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА СМЕРТЬ

Барона А. А. Дельвига.

Милый, младый нашъ пѣвецъ! На могилѣ, уже мнѣ грозившей,
Ты обѣщался воспѣть дружбы прощальную пѣснь (*):
Такъ не исполнилось! Я надъ швоею могилою ранней
Слышу надгробный плачь дружбы и музъ и любви!
Бросилъ ты смертные пѣсни, оставилъ ты брвенную землю,
Мрачное царство вражды, грустное свѣшлой душѣ!
Въ мѣръ неземной ты унесся, небесно-прекраснаго алчный;
И, какъ надъ прахомъ швоимъ слезы мы лземъ на землѣ,
Ты, во врапахъ уже неба, съ зіаломъ безсмертія въ длани,
Пѣснь несловесную шамъ съ звѣздами упряпоешь!
Н. Гьдигъ.

ЗАЙЦЕВСКОМУ.

Товарищъ, братъ мой! мы на долго
Разспались, кажешся, съ побой!
Передо мной синѣетъ Волга; —
Она пюремный спорожъ мой!
Смотрю на зеркальные воды:
На нихъ суда; — они плывутъ,
И пѣсни звонкія поютъ
Пипомцы сѣверной природы —
Но мнѣ оспрады и свободы
Не напоютъ, не принесутъ!
Смотрю на Волгу: какъ широко,
Какъ плавно капишся она;

(*). Спокойный Дельвигъ, во время опасной болѣзци Австро-ра, въ дружескихъ съ нимъ разговорахъ, обѣщался написать стихи въ случаѣ смерти его. — Изд.

Но не люблю её; — далёко
 Моя душа увлечена.....
 Пиши ко мнѣ: про берегъ Крыма,
 Про аромашный виноградъ,
 И про себя; какъ другъ любимый
 Подъ тѣнью миршовъ и гранашъ
 Пьешь нектаръ пламеннаго юга,
 Съ Ташаркой, съ Музою рѣзвась...
 Пиши ко мнѣ: въ свободный часъ,
 Ты, милый, вспомнилъ ли хоть разъ
 Тебя всё помнящаго друга? —

А. Шишковъ 2.

Э Л Е Г И Я.

Я помню день, когда она
 Въ минушку бѣдспивенной разлуки,
 Какъ привидѣніе блѣдна,
 Мнѣ жала пламенные руки!
 Когда предавъ себя мечпашъ,
 Склонясь на грудь мою, рыдалъ,
 Меня въ безпамятствѣ къ успашъ
 Прижала дѣва молодая!
 Когда взглянувъ въ послѣдній разъ
 На очи спраждающаго друга,
 Взыдала милая подруга,
 Какъ мать семейства въ смерпный часъ!
 Когда полна благоговѣнья,
 Оспраду вѣры сохраняя,
 Она иконою спасенья
 Прикрыла въ дальній пущъ меня! —
 Правдивый Богъ! я, изумленный,
 Обрелъ залогъ любви священной,
 Какъ даръ хранящій насъ отъ бѣдъ,
 И злой судьбы, и скорбныхъ лѣтъ
 Въ пучинѣ свѣша разъяренной!.....
 — Я помню много..... но почпо
 Тревожишь миръ воспоминанья,
 Когда всё благо отпашпо
 И нѣтъ свѣшаго упованья!
 Когда я въ чуждую спрану
 Завезъ изъ родины — одну
 Слезу изслкшую прощанья!!....

Суходолский.

Д В А Ч А С А.

Есть часъ блаженства для поэта,
 Когда мгновеннаго мечпой
 Душа внезапно въ немъ согрѣша,
 Какъ будто огненной спруей.
 Сверкаютъ слезы вдохновенья,
 Чудесной силы грудь полна
 И льюшся спройно пѣсокѣнья,
 Какъ сладковзвучная волна.
 Но есть поэпу часъ спраданья:
 Когда возпанепъ во пѣмъ ночной
 Вся роскошь дивная созданья
 Передъ задумчивой душой;
 Когда въ груди его сберепся
 Миръ цѣлый образовъ и сновъ,
 И новый миръ сей къ жизни рвепся,
 Спремипся къ звукамъ, просипъ словъ.
 Но звуковъ нѣтъ въ успашъ поэта,
 Молчипъ окованный языкъ,
 И лучъ божеспвеннаго свѣша
 Въ его видѣнья не проникъ.
 Вопще онъ спонепъ изспупленный;
 Ему не внемлетъ Фебъ скупой:
 И гибнепъ миръ новорожденный
 Въ груди безсильной и пѣмой.

А. Хомяковъ.

LOGOGRIPHE.

Sur une quille je repose;
 J'ai pour lit celui de la mer,
 Ce qui n'est point un lit de rose;
 Rarement on me voit en l'air.
 Plus court du chef, j'offre autre chose;
 Alors je suis ce lien, pour les jeux glorieux,
 Où l'on recherche une couronne.
 Encor plus court d'un pied, dans les champs de Bel-
 lone,
 Ou dans d'autres non moins poudreux,
 Je modère l'ardeur de tout coursier fougeux.

Въ № 27, помѣщающій ономимъ значить: *Кисть.*

M O D E S.

Coiffures. — On voit beaucoup de coiffures de bal qui n'ont pour ornement qu'une seule longue plume tournée en spirale, posée au sommet de la tête. Une très-jolie coiffure grecque avait le *chou* traversé par trois flèches à têtes en perles. Une rangée de perles sur le front.

On fait des coiffures grecques, dont les ornemens ne sont que de petits rubans tressés avec les cheveux; trois rangs de ces mêmes rubans passent sur le devant.

De jeunes personnes sont coiffées avec les cheveux entièrement relevés sur le front; deux grosses coques au sommet de la tête, une flèche traversant ces coques et une rose sur le côté.

Chapeaux. — Pour toilettes de visite on voit de bien jolis chapeaux en satin cerise, ornés de bouquets de plumes cerises.

Sur les chapeaux en velours noir on met beaucoup de plumes nuancées de deux couleurs différentes.

Des petits chapeaux *bibis* en satin blanc ornés d'une seule plume, sont de très-bon ton le matin. Toujours force voiles de blonde autour des chapeaux.

Robes. — Aux bals on voit de charmantes robes en gaze blanche brodée en soie de couleur. Une de ces robes, semée de pensées, était d'un effet charmant, ainsi qu'une autre semée de petites branches de clochettes bleues.

Dans les soirées on voit un grand nombre de robes en popeline; il y en a de moirées. Elles ont presque toutes des mantilles en blonde.

Des robes en étoffes sont très-jolies avec des manches courtes blanches. Ces manches sont pincées et relevées un peu au milieu par un ruban terminé par un nœud, dont les bouts sont tournés de manière à retomber en serpentant beaucoup plus bas que les coudes.

Les manches qui forment un double bouffant sont séparées au milieu par un ruban noué au milieu et à longs bouts.

M O Д Ы.

Уборка волосъ. — Видно много бальных причесокъ, убранныхъ однимъ длиннымъ перомъ, завернутымъ винтомъ, прищипленнымъ на маковкѣ. Весьма красивая Греческая прическа, у которой сквозь репеекъ пропущены при спрѣлы съ голловками изъ бусъ; по лбу положена шпика бусъ.

У нѣкоторыхъ Греческихъ причесокъ всё украшеніе состоитъ въ томъ, что узенькія ленточки сплетены вмѣстѣ съ волосами; въ при ряда шакія же ленточки положены спереди.

Молодыя дѣвицы зачесываютъ всё передніе волосы къ верху; на маковкѣ дѣлаютъ двѣ большія пещли; сквозь пещли пропущена спрѣла и на спонѣ роза.

Шляпки. — Для упренныхъ визитовъ дѣлаютъ красивыя шляпки изъ алаго апласа, съ букетами алыхъ перьевъ.

На черныя бархатныя шляпки накалываютъ двух-цвѣтныя перья въ шпѣнь.

Маленькія бѣлыя апласныя шляпки *bibis* съ однимъ перомъ, считаются отличными для упры. Всё видно много блондовыхъ вуалей около шляпокъ.

Платья. — На балахъ видны прелестныя бѣлыя газовыя платья, вышитыя цвѣтными шелкомъ. Одно изъ шакіихъ платьевъ съ разбросанными Анюпшиными глазками, а другое съ небольшими вѣточками голубыхъ колокольчиковъ, были отлично красивы.

На вечерахъ видно много поплиновыхъ платьевъ, есть и волнистыя. Онѣ всё почти съ блондовыми маншильями.

Платья изъ матерій весьма красивы съ короткими бѣлыми рукавами. Рукава сіи въ срединѣ немного схвачены и приподняты лентою, окачивающеюся бантомъ; концы банта упадаютъ, извиваясь гораздо ниже локтей.

Рукава, сдѣланные двойными буфами, въ срединѣ перехватываются лентою съ длинными концами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 29 и 30.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 9 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,

Поля! я предаю вамъ душой.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленный Николаемъ Полевымъ, съ портретомъ Автора. Москва, — въ Тип. Степанова. 1832 года, — въ 12 д. л.

Московский книгопродавецъ, любитель печатныхъ рѣдкостей, издаватель сочиненій А. Орлова, извѣстный В. Логиновъ, дѣятельно распространяя литературную Кунсткамеру, приобрѣлъ наконецъ сочиненія Н. А. Полеваго. Онъ собралъ уже напечатанныя въ Телеграфѣ статьи *Новаго Живописца*, и издалъ со всею роскошью Московскихъ Типографій.

Новаго въ эпюмъ *Новаго Живописца* ровно ничего нѣтъ: за то предисловіе презабѣливое, и достойно пера историка народа Русскаго. Оно начинается такъ: *«Нижеподписавшійся (Н. Полевой) гостъ имѣетъ свидѣтельствовать Публикѣ свое глубокое погтеніе.»* Послѣ того, начинается исторія авпорства *Николая Алексѣевича* (въ родѣ современныхъ записокъ, или исповѣди). Послушайте! *«Болше семи лѣтъ прошло, когда уединенно гуляя по окрестностямъ Москвы, въ прекраснѣйшій вечеръ, рѣшился я издать Журналь.»* Не правдали, какъ это мило? Читаешь, какъ будто начало сказочки изъ

Журнала для милыхъ на 1804 годъ! Уединенно гуляя—прекрасный лѣпнѣйшій вечеръ—окрестности Москвы. . . . — Тупъ не разнѣжился только юноша, перекаленный въ прошлое двадцатипятилѣтіе! Николай Ал. продолжаетъ—слушайте! *«Когда нибудь на досугѣ расскажу я читателямъ, какъ обыкновенно начинаютъ, составляются и издаются на святой Руси Журналы. Дѣло презабавное и пресмѣшное! У меня это дѣло шло весьма просто. Во первыхъ, сотрудниковъ у меня не было никого, кромѣ двухъ рукъ моихъ; во вторыхъ, сдѣлавшись Издателемъ Журнала, я ни сколько не перемѣнилъ ни образа жизни, ни отношеній моихъ: жилъ по прежнему, занимался по прежнему.»*

На современные записки (что извѣстно и Издателю Телеграфа) всегда есть и современные комментапоры. И такъ, да не оскорбился нашъ современникъ, что мы, люди новѣйшаго поколѣнія, пропешуемъ прошивъ вышесаннанныхъ словъ Н. Алексѣевича! Да! Согласны, что на святой Руси, для Н. А. всё забавно и смѣшно: издавать Журналь, составлять Исторію, выдѣлывать Романы. . . . но забавно ли это для подписчиковъ на его Телеграфъ и Исторію? А тому, что надъ Журналомъ прудились только двѣ руки его, что онъ занимается и живетъ по прежнему — не вѣримъ,

не хопимъ вѣришь. Въ доказательство скажемъ, что знаемъ.

Въ 1824 году, въ Москвѣ, на проспорѣ, издавался *Вѣстникъ Европы*. Редакторъ его, развлеченный важнѣйшими занятіями, соспавлялъ свои книжки коѣ-какъ, наполнял коѣ-чѣмъ, а большею частію такими спавьями, которыхъ никто не хопѣлъ чипать; еслибы въ то время Издатели Мнемозины, предприняли изданіе Журнала, у нихъ въ первый годъ было бы 2,000 подписчиковъ.—Въ 1825 году прекратили они Мнемозину, и сдѣлались сотрудниками Московскаго Телеграфа. И пакъ — вопъ уже два отличные сотрудника! И претій нашелся, родной братъ Издатели (подписывающійся К. С.), и хопя эпомъ претій и плохивкой, но и доднесъ замѣняетъ руки Николая Алексѣевича, когда Николай Алексѣевичъ изволилъ оплучаться изъ Москвы. — Еще не всё! Книгопродавецъ *Ширлевъ* взялся печатать Телеграфъ на свой счетъ—сѣдовательно, Журналъ начался не весьма просто. Книгопродавецъ беретъ на себя всѣ издержки; два отличные сотрудника, уже извѣстные своими липературными трудами, даютъ спавьи; — претій сотрудникъ дома — и двумя руками Издатели оспаеется только манить подписчиковъ. И явились подписчики! Измученные, испоменные спомворнымъ Вѣстникомъ, бросились они къ Телеграфу; все изданіе Телеграфа раскуплено. На сѣдующій годъ тоже; потомъ явился въ числѣ сотрудниковъ Кн. *Вяземскій*, и его дѣльные, осприя спавьи, его связи со всеми липературами, привлекли къ Телеграфу почти всю чипающую Публику. Тогда Николай Алексѣевичъ перемѣнилъ свои отношенія къ сотрудникамъ своимъ и успановилемъ Телеграфа *Ширлевымъ*: открылъ свою лавку, провозгласилъ еѣ конпорю и успранилъ *Ширлева*. Потомъ, мало по малу, во избѣжаніе лишннихъ расходовъ, Телеграфъ перессорился со своими благодѣтельными сотрудниками,—и окружился молодыми людьми, которые для него работали со всеусердіемъ изъ одной безкорыстной любви къ славѣ. — Сѣдовательно — всѣ отношенія Издатели перемѣнились. Замѣтимъ, мимоходомъ, не для ради чего другаго, прочаго, что онъ переселился въ домъ, гдѣ нѣкогда квартировалъ Исто-

риграфъ *Карамзинъ*. Все это, мы пишемъ въ родѣ коментарій къ Предисловію Живописца единственно для потомства, которое, вѣроятно, съ жадностію будетъ чипать все, касающееся до Историка народа Русскаго.

Оспальная частъ Предисловія доказываетъ только, что Н. А. говоритъ одно, а дѣлаетъ другое. Вопъ доказательство: Н. А. говоритъ пакъ: «явился Французъ Жуи, ввелъ въ моду свои систематическія статьи о нравахъ, написалъ нѣсколько томовъ и утомился. Отъ чего? лишь кажется, отъ того ииенно, что ему хотѣлось философствовать, методически преслѣдовать пороки и глупости, и пр. Онъ надѣвалъ маску пустытника; умиралъ, оживалъ,.... къ чему все это? Мы не будемъ списывать Жуи — мы будемъ невидимы и безъмянны.»

И чтожь? къ концу Предисловія, чипатель видптъ, что Живописецъ *Полевого*, точно пакже, какъ Пустынникъ Жуи, скрывался, оспался незвѣстенъ, умеръ, сдѣлалъ духовное завѣщаніе!!! Вопъ что значптъ зачипаться!

Петръ Шибаконъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГРАФЪ ГУГО.

Сволочь, наглецы, кричалъ Графъ *Фалкентейнъ*, хлеща подданныхъ своихъ плетью; Французы зовупъ вашу братью проспачками (*Jaques Bonhomme*). У насъ вы были и оспанепесь навсегда скребками (*Hans Karot*), народомъ, рожденнымъ для прудовъ, безпокойствъ и мученій. Я знаю васъ очень хорошо: мужикъ не боится креста, а боится пестра.—«Взмилуйтесь надъ нами!» вопили подданные: «подумайте, милоспивый Графъ! ваши псари выпоппали наши нивы, поббили хлѣбъ; ваши Цыгане извели колдовствомъ нашъ скопъ; мы въ конецъ раззорились; ни одинъ изъ насъ не въ соспояніи плапить податей; кровопійцы дерупъ съ насъ послѣднее.» — — Удары плетп снова раздаются, не смотря на вопль и спомны сихъ нещаспныхъ. На пу пору, случайно, проходилъ мимо почпенный Капелланъ: «опецъ

нашъ, помогите намъ, выпросите для насъ пощаду;» вскричали въ одинъ голосъ крестьяне, покрытые кровавыми рубцами. «Что это, Г. Рыцарь, сказалъ подходя Капелланъ; къ чему такая бесполезная жестокость? Ради Бога, будьте снисходительны къ ихъ просупкамъ; они и безъ того достойны сожалѣнiя. Спрашитесь симъ безчеловѣчiемъ навлечь на себя гнѣвъ Спасителя нашего и Пресвятой Дѣвы! Послѣдуйте примѣру Графа *Гуго*, и вы, подобно ему, получите отпущенiе грѣховъ, обременяющихъ совѣсть вашу и мнѣ вами повѣданныхъ.» При видѣ Капеллана, Графъ почувствовалъ невольное къ нему уваженiе, не изъ благочестiя или привязанности къ служителямъ алтаря, но потому, что Капелланъ изгналъ привидѣнiе, которое каждую ночь являлось въ замкѣ; а Графъ сколько же спрашивался духовъ, сколько крестьяне боялись его самаго. «Почтенный отецъ, сказалъ онъ, въ угодность вамъ я прощаю эту сволочь, которая заслуживаетъ двойное наказанiе; за то расскажите мнѣ исторiю Графа *Гуго*; въ длинные зимние вечера вы намъ никогда не упоминали о немъ; теперь мнѣ дѣлать нечего, и я охотно её выслушаю.»

«Хорошо, отвѣчалъ Капелланъ, я исполню ваше желанiе, сядемъ подъ это дерево и я начну свою повѣсть. Вамъ извѣстно, что въ Пфальцъ-Графствѣ Рейнскомъ былъ некогда Графъ, по имени *Гуго*, человекъ необузданнаго характера, который позволялъ себѣ дѣлать всякiя насилiя и грабилъ не только своихъ вассаловъ, но и путешественниковъ, проезжавшихъ Рейнскою дорогою. Съ вершины замка своего, онъ налеталъ, какъ коршунъ, на препенущiя жертвы свои, обиралъ церкви, не щадилъ служителей алтаря и оскорблялъ успавы нашей святой Вѣры. Но, вы знаете, Небесное милосердiе неспощимо и пупи Его неисповѣдны. Однажды *Гуго*, возвращаясь съ добычи (онъ взялъ дань съ одного Карпезiанскаго монастыря), заспигнувшись ночью прежде, нежели успѣлъ достигнуть до своего замка. Дождь ливилъ лиль; гроза поднялась со всѣхъ сторонъ; онъ сбился съ дороги. Вдругъ примѣпилъ онъ вдали огонекъ; тогда въ ближнемъ монастырѣ пробило одиннадцать. Онъ направляетъ шаги на огонь; подходитъ къ

кладбищу и видитъ идущаго къ нему съ фонаремъ опшельника. Послѣднiй знакомъ зоветъ его, и *Гуго*, немного подумавъ, послѣдовалъ за нимъ. Они очутились въ склѣпѣ. Едва вошелъ пуда *Гуго*, какъ опшельникъ исчезъ, свѣтъ погасъ, и онъ одинъ оспался въ темнотѣ. Въ ту же минуту послышался ему спукъ мерпвыхъ головъ и коспей, подобный преску молнiи, раздрающей дубъ на часпи. Едва прекрапился спукъ сей, какъ раздался жалобный голосъ: «*Гуго*, что ты сдѣлалъ съ моею дочерью? Уже ли до сихъ поръ ты держишь её въ своей башнѣ, за то, что она отвергла пвоп гнусныя предложенiя?» *Гуго*, у котораго волосы спановились дыбомъ, не отвѣчалъ ни слова; такъ онъ испугался! Когда сей голосъ умолкъ, тогда послышался другой: «ты ли это, *Гуго*, убiйца моего опца и родныхъ? Подожди, дай посмопрѣшь на себя вблизи.» — При сихъ словахъ, мерпвая голова подкапилась къ ногамъ его; синее пламя горѣло во впадинахъ глазъ ея; зубы ея скрежесали, какъ бы хотѣли пожрать его. При семъ зрѣлищѣ, *Гуго* хотѣлъ убѣжать; но онъ не нашелъ выхода; въ глубокой темнотѣ ничего нельзя было различить. Припомъ опшельникъ, уходя, заперъ двери. Голова поднимается опъ земли и вдругъ превращается въ опврапипельный осповъ. «*Гуго*,» продолжаетъ она: «долго ли ты будешь мучить людей, оскорблять свяпипню и, не спрашась Небснаго гнѣва, перзая своихъ подваспныхъ? Смотри, узнай меня: ты злодѣйски умерпвилъ моихъ кровныхъ; ненависть моя въ тебѣ утасла въ гробѣ. Я знаю, что ты можешь еще примѣрною жизньiю изгладить свои пресупленiя; знаю, что ужась, который ты чувствуешь въ сiю минуту, доспапочень къ обращенiю тебѣ на путь добродѣтели: тебѣ оспается еще надежда быть рыцаремъ безъ укорины, опоркою вдовъ и спропъ, защиною добрыхъ и ужасомъ злыхъ, которыхъ ты превзошелъ своею люпостiю. Дай мнѣ руку, что ты впредь исправишься!» *Гуго* протянулъ руку и мерпвецъ пожалъ её коспными пальцами. «Теперь, продолжало привидѣнiе, все забыло; ты возвращишься въ замкъ своихъ предковъ, и ппамъ снова обрѣпешь спокойспвiе души, котораго ты былъ лишенъ.» При сихъ словахъ приви-

дѣніе повело *Гуго* къ двери, отперло ихъ, вывело Графа на знакомую прощину и сказала ему: «спулай съ Богомъ, пы не собьешься съ пупи.» Призракъ исчезъ. *Гуго* продолжалъ пупъ до разсвѣта, и когда спало свѣтло, онъ замѣнилъ у себя кровавое пятно на рукъ, которую пожалъ мертвецъ. Недалеко отъ него протекалъ ручей; онъ идетъ туда и спараетъ смывъ кровавое пятно. Напрасный прудъ! Чѣмъ болѣе онъ претъ руку, тѣмъ болѣе пятно увеличивается. Тайное чувство говоритъ ему: «эпо залогъ условія пвоего съ привидѣніемъ, чпто пы не забылъ даннаго ему слова. Помни, чпто эпa кровь жерпвъ пвоихъ можетъ изгладиться только счастлиемъ пвоихъ подданныхъ.» *Гуго* твердо сохранилъ обѣтъ свой; вскорѣ его владѣнія сдѣлались пріюпомъ безпріюпныхъ, убѣжищемъ гонимыхъ; замокъ его спалъ обипелью спранниковъ, служипелей алпаря, ограбленныхъ разбойниками; однимъ словомъ, и спаръ и младъ, Рыцари и просполодины, благородныя дамы и дѣвицы, прославляли благодѣтельность Графа *Гуго*, и когда онъ кончилъ земное свое поприще: то сподобился вѣчныхъ радостей, какъ увѣрили меня многіе опшелъники, переносившіеся на небо въ блаженныхъ видѣніяхъ. Не по было съ *Карломъ Мартеломъ*, нашпмъ соопечеспвенникомъ, родившемся, также какъ и пы, на берегахъ Рейна. *Карлъ Мартель*, какъ извѣспно тебѣ, грабилъ монастыри для содержанія своихъ рапниковъ; оскорблялъ Епископовъ, Наспоятелей и Свщениковъ. Послѣ смерти своей, онъ попчасъ свергнутъ былъ въ Адъ, на вѣчныя муки.»

Разсказъ сей сильно подѣйствоваль на Графа *Фалькенштейна*: «свяпой опець, сказалъ онъ Капеллану, я спану подражалъ Графу *Гуго* и, подобно ему, надѣюсь успоковпъ свою совѣспъ. Но вы забыли объяснипъ мнѣ самое важное обспоятельство: скажипте мнѣ, оспалось ли навсегда кровавое пятно на рукъ *Гуго*?»—Нѣптъ, опвѣчалъ Капелланъ; годъ спуспя, въ томъ самый часъ, когда являлось ему привидѣніе въ первый разъ, онъ опяпъ увидѣлъ его. Привидѣніе взяло его за руку, пожало еѣ, сказавъ: я побоку доволенъ. Пяпно изгладилось, и призракъ исчезъ.

Пер. В. Соколовъ.

ПѢШЕХОДЪ НА ЛОНДОНСКИХЪ УЛИЦАХЪ.

Ходипъ по Лондонскимъ улицамъ еспъ испуство, или лучше сказапъ, наука. Провинціалъ плохо понимаепъ еѣ; онъ успѣваепъ въ ней послѣ продолжипельныхъ и горькихъ опытовъ, а пногда и совсѣмъ не доспигаепъ той степени совершенства, какимъ опличаетъ природный Лондонскій жипель. Изъ сотни пѣшеходовъ, мошенникъ попчасъ узнаепъ провинціала. Его не прудно узнать. Вы видпте человека, споящаго передъ лавкою; съ него слетѣла шляпа, которую сбилъ локтемъ сосѣдъ его; вы узнаете его по робкимъ взглядамъ. Напрошпвъ, природный жипель Лондона идетъ по пропуару, какъ спануя *Донъ-Жуана* по сценѣ; эпо мраморный человекъ, котораго ничпю не поражаетъ, ничпю не удивляетъ, ничпю не занимаепъ. О жипеляхъ Лондонскихъ можно сказапъ, чпто эпо движущіяся опвлеченности, замыслы, цыфры. Всякой мысленно успрошваепъ свои дѣла, сводиптъ счетъ, доканчиваепъ умноженіе, выводиптъ заключенія; глаза его неподвижны и пусклы, руки какъ будто привѣшены, лице безъ всякаго выраженія, шляпа надвинута на глаза. Иногда одинъ чппаепъ идучи пшьяма, другой пвориптъ молищву, если онъ набоженъ. Англичанипъ не ходиптъ, а движепся своею пияеспью, и какъ въ Лондонѣ каждый думаепъ только о себѣ, какъ сія обширная процессія вгосптовъ совершаепся очень спокійно: то не бываетъ никакихъ приключеній. Если кто упадепъ въ сей полпъ, его не поднимаютъ; оспановился ли кто, или повернулся, по его сшибаютъ съ ногъ—и идуптъ далѣе. Я зналъ одного бѣднаго провинціала, который, по незнанію, какъ веспи себя на Лондонскихъ пропуарахъ, такъ жестоко *отпотгивалъ билъ толкками*, по выраженію черни, чпто сдѣлался болѣнъ. Другой, по причинѣ одышки, не могши слѣдовапъ за полпою въ церковь св. Павла, оспановился на паперни, чптобы «выждапъ,» — по словамъ его: «пока всѣ выйдуптъ изъ церкви.» Какъ полпа сія не уменьшилась: то нашъ провинціалъ прждапъ до вечера.

Вы, которые расхаживаете, или должны по неволь ходипъ по Лондонскимъ улицамъ, ходипте ли, чптобы пупешеспвіе ваше соверша-

дось безъ помѣхи? Держитесь слѣдующихъ правилъ; одно только строгое соблюденіе оныхъ можетъ спасти васъ. Вотъ вамъ девятичисловіе:

1. Если вправѣ у васъ спѣна, то своропитесь ближе къ домамъ, если влѣвъ, то держитесь къ краю пропугара. Слѣпо идите за полною гуляющихъ, не забываясь о приключеніяхъ, случающихся на другой споронѣ улицы, не оглядываясь по споронамъ, и слѣдуйте въ одномъ направленіи съ потокомъ, несущимся подобно пулю изъ пистолета, или пущенной изъ лука стрѣлы, къ своей цѣли.

2. Никогда не останавливайтесь, услыша пѣвцовъ балладъ, органистовъ, арфистовъ, бродящихъ музыкантовъ. Если какой нибудь услужливый сосѣдъ попроситъ васъ взглянуть на вышину колокольни, или полюбоваться пышною вывѣскою, берегитесь слѣдовать его совѣту и держите крѣпче свои карманы.

3. Запоздали-ль вы? не медлите, не сворачивайте съ прямой дороги, ведущей васъ къ дому. Пускай спорожъ прещипъ въ свою прещетку, пусть кричатъ вамъ вовсе горло. Не слушайте ничего, какъ будто бы природа создала васъ глухимъ, нѣмымъ, неумолимымъ.

4. Никогда не должно разговаривать на улицахъ. Не слушайте нищаго, который къ вамъ приспугаетъ, особливо если встрѣтитесь съ нимъ вечеромъ и въ глухой улицѣ.

5. Если извозчикъ забрызгалъ ваше платье, или хлопаньемъ бича оглушилъ васъ, посоветуйтесь съ своими силами и вспомните о своемъ кошелькѣ. Когда карманъ вашъ пустъ и вы сплѣтѣ извозчика: то бейтесь съ нимъ на кулакахъ; если нѣтъ, то спугайте своей дорогой.

6. Когда разнощикъ зацѣпитъ васъ, и разбивъ ваши очки, неучтиво напомнитъ вамъ о своемъ присупствіи, то поступите съ нимъ также, какъ сказано въ предыдущей главѣ. Больше всего опасайтесь, чпобъ не составился кругъ зрителей около васъ и вашего пропивника, и если въ кошелькѣ вашемъ есть нѣсколько золотыхъ монетъ, то скорѣе прочь убирайтесь.

7. Предлагаютъ ли вамъ на дорогѣ купить часы, ворожникъ, карманную книжку, за какую бы ни было дешевую цѣну,—не сморщите ни на что. Можно держать спо прошивъ одного, чпо если вы двѣ минуты

займетесь съ поргашемъ: то у васъ выпадутъ плапокъ изъ кармана.

8. Встрѣчаетесь ли съ дамами на одномъ пропугарѣ, не думайте опскакивать въ спорону; двадцать полчковъ увѣрятъ васъ, сколько опасна сія вѣжливость. Вы можете пустить даму впередъ не выходя, изъ своей вереницы; но Боже сохрани останавливать другихъ!

9. Наконецъ, если вамъ наскучало идти такимъ образомъ по прямой линіи, въ густой колоннѣ пѣшеходовъ справа и слѣва, то слѣдуйте тихо своею дорогою, наблюдая проходящихъ и опгадывая по лицу ремесло каждаго.

Самый опасный и непроходимый лѣсъ въ сравненіи съ Лондономъ можетъ почесться надежнѣйшимъ убѣжищемъ.

О Я И Ц Ъ.

Спатья о семъ предметѣ, въ настоящее время, не будетъ лишнею; вотъ чпо сообщилъ намъ о семъ одинъ Профессоръ гастрономіи.

«Къ вамъ обращаюсь, безчисленные охотники до яицъ, которые любите ихъ, какъ насадка; каждый день по утрамъ, въ печеніи цѣлаго года, омокаете тонкіе ломтики хлѣба въ опверстіе снятой ножемъ скорлупы, и съ пренебреженіемъ кидаете бесполезную оболочку сего произведенія пернатыхъ! Вы, вѣрно, не подозреваете всего, чпо заключаетъ въ себѣ важнаго и важнѣйшаго вещь, споль мало вами уважаемая. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ ли яйцо круглота земнаго шара, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію древнихъ; ибо въ нашъ непостоянный вѣкъ круглота его кажется болѣе оваломъ? Въ прежнія времена утверждали также, чпо оно содержитъ въ себѣ чепыре спихіи: скорлупа представляетъ землю, бѣлокъ воздухъ и воду, а желтокъ огонь. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы перевернули все, и какъ чепыре спихіи разложены на множество газовъ: водопворъ, кислотворъ, азотъ и пр., кажется яйцо должно было попереться, по крайней мѣрѣ, въ семъ отношеніи, свою значительность. Кпю бы могъ вообразить, чпо яйцо заключаетъ въ себѣ сполько вещей?

Такъ, яйцо было въ большемъ уваженіи у всѣхъ древнихъ народовъ. Римляне съ пор-

жестивомъ носили его во время Церериныхъ праздниковъ; Греки чтили его не менѣе. Сиріане и Индѣйцы, Логикѣ болѣе спрое, восходя опть дѣйствія къ причинѣ, воздавали даже Божескія почести пшцамъ, производящимъ сіе чудо природы.

Въ наши времена, хопя ящю не воздаютъ такой чести, какъ въ древности, но пѣмъ не менѣе оно составляетъ самое лакомое блюдо за завпракомъ. Кому неизвѣстно на святой Руси, что поселане, принимая прихотливыхъ горожанъ, а особливо своихъ Исправниковъ и другихъ чиновныхъ особъ, удостоивающихъ посѣщенія ихъ просныя хижины, ничѣмъ лучше не надѣются угостить ихъ, какъ *ячницей*? Но если ящю въ извѣстное время года, какъ то: въ продолженіе великаго поста, вмѣстѣ съ прочими произведеніями живописнаго царства бываетъ запрещеннымъ плодомъ, за то съ наступленіемъ Святой недѣли оно съ куличами всупааетъ во всѣ права свои старыя и новыя, и звонъ колоколовъ заспаваетъ забытъ царствовавшее во время поста безмолвіе. Такъ, просныя правы древнихъ у насъ не совсѣмъ еще испребились; съ какимъ воспоргомъ каждый изъ насъ, бывши еще ребенкомъ, видѣлъ появленіе красныхъ ящю, росписанныхъ разными узорами!

Изъ всѣхъ ящю лучшими почитаются куринныя и фазановыя; гусинныя и утинныя почти не употребляются. Римляне дорого цѣнили павинныя ящю, кои продавались по пяти динаріевъ (40 коп.) за штуку; но они все вышли изъ моды; фазановыя сдѣлались слишкомъ рѣдки и трудно доставать ихъ, почему мы довольствуемся куринными.

Природа, лелѣя насъ, какъ своихъ баловней, не опказывая намъ ни въ чемъ, что льститъ нашему вкусу, и приспособивъ къ нему куринныя ящю, въ тоже время сдѣлала куръ гораздо плодороднѣе всѣхъ прочихъ пшцъ. Есть куры, которыя кладутъ по ящю и даже по два каждый день, исключая самага холоднаго времени.

Египтяне изобрѣли средство выводить изъ ящю цыплятъ, посредствомъ сильнаго искусственнаго жара, какой только могутъ выносить ящю. Одинъ Англичанинъ замѣнилъ сіе искусство силою паровъ, симъ можемъ, и

всеобщимъ рычагомъ промышленности XIX столѣтія.

Предоставляемъ читателямъ разрѣшить важный вопросъ, о которомъ два мудреца древности имѣли противоположныя мнѣнія: выводятся ли пшцы изъ ячснаго желтка, или изъ бѣлка? Гиппократъ утверждаетъ одно; Аристотель другое. Пусть же всякой рѣшитъ по своему.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОГУЛКА ВЪ СТЕПИ.

(Посвящается Софіи Николаевнѣ Карамзиной.)

Мой добрый конь, мой вѣрный конь!

Люблю ноздрей пвоихъ огонь

И спашь пвою и гордый ростъ

И развѣвающійся хвостъ.

Люблю, красавецъ удалой,

Когда ты скачешь подо мной,

И мѣрный спукъ пвоихъ копытъ

Одинъ въ глухой степи звучитъ.

Въ забвеньи бурномъ бытія,

Не человекъ, не пшца я,

Не на землѣ, не въ облакахъ,

Нѣтъ нужды въ крыльяхъ мнѣ, въ ногахъ.

Придавъ мой пылъ къ его огню,

Я прикипѣлъ, приросъ къ коню;

Въ одно спаялись въ насъ пѣла:

Кентавра баснь въ насъ ожила.

Безъ напряженья, безъ пруда,

Куда глаза — и я пуда,

И разсѣкаю на лету

Зыбей воздушныхъ пуспоу.

Далекъ ли, близокъ, небосклонъ,

Но скоро мнѣ доступенъ онъ,

И что мелькало впереди,

Давно ужъ понетъ позади.

Синѣетъ степь надъ головой

И степь сѣрѣетъ подо мной:

Гдѣ, кое-гдѣ взовьется пылъ,

Иль заколышется ковыль.

Ишь, гдѣ бы взору опдохнуть,
Гдѣ-бъ мысли якорь свой волкнушь:
Въ безбрежной безднѣ пустошы
Теряюся глаза, мечты.

Какъ безглаголень въпра шумъ,
Таковъ и гулъ невнятныхъ думъ.
Кто ихъ нагналъ? Куда онъ?
Имъ нѣтъ слѣда, какъ въ дикомъ снѣ.

Спросишь меня, я не скажу,
Что на умъ, на что гляжу.
Однимъ я чувствомъ полонъ весь:
Впередъ! впередъ! и памъ—будь здѣсь!

Но для чего? Гдѣ пристань? цѣль?
Спроси пошокъ, спроси мяшель:
Зачѣмъ кипишь? у пучъ: куда
Бѣгутъ ихъ бурныя спада?

Когда, какъ небо, степь горитъ,
Спроси: куда пожаръ валитъ,
У лавы быспраго огня,
А памъ допрашивай меня.

Но упомялся рѣзвый конь,
Но проспываетъ чувствъ огонь;
Всѣ пише конь, всѣ пише умъ,
Спрыйтѣй, плавнѣй спремлене думъ.

И вопъ, свободный шагъ коня
Качаетъ сладосно меня,
Какъ легкой качкой челнока,
Когда чупъ зыблется рѣка;

Какъ мамъ заботливой рукой,
Чтобы младенцу дать покой,
Качаетъ люльку, въ коей онъ
Ей улыбаются сквозь сонъ.

Свѣжѣетъ вечеръ, мгла и пѣнь
Въ степи смѣняюшь зной и день:
Ужъ степь небесъ заселена,
Возникли звѣзды и луна.

Какъ въ Свѣпмый праздникъ до утра,
Кругомъ ея, какъ вокругъ шапра,
Горятъ потѣшныя огни:
Какъ радосны въ степи они!

И у меня на пайномъ днѣ,
Въ сердечной, свѣпмой глубинѣ
Зажглися звѣзды чиспымъ думъ
И прояснился свѣжій умъ.

Взошла поэзи звѣзда!
Въ рукъ ослабили повода,
И конь знакомого пропой
Чупьемъ поворошилъ домой.

К. Вяземскій.

Ш А Р А Д А.

Два слога первые — сокровище для всѣхъ,
Ключъ опъ сердцецъ, опъ почестей, упѣхъ;
Слогъ третій, какъ вопросъ, упопреляемъ;
А цѣлое сидишь съ ключемъ при сундукъ,
Во фракъ, въ плафрокъ, въ мундирномъ серпукъ,
И даже въ чѣрномъ клобукъ.
Его мы очень уважаемъ,
Тогда, какъ не даемъ ему, а получаемъ.

Въ No 28, помѣщенный логогрифъ значить: *Carène*; ибо въ немъ находились слова: *arène* и *gène*.

М O D E S.

Les jeunes personnes portent beaucoup de robes en organdi uni, ayant autour du corsage un collet carré rabattu, et orné d'une triple rangée de tulle tuyauté formant mantille sur les épaules.

On voit beaucoup de robes en velours noir, à longues manches et pélerine ou corsage montant pour visite ou promenade.

Depuis quelques jours on a remarqué plusieurs douillettes en satin gris perle, portées avec des chapeaux en velours vert ou cerise, qui formaient de jolis négligés.

Les écharpes se mettent toujours avec un double-tour, formant collier autour du cou.

Les Sévignéс ou grosses agrafes en pierreries se portent toujours pour fixer au milieu de la poitrine les draperies d'une robe croisée. Le jais est de plus en plus à la mode.

Chaussure. — Au bal, quelques femmes dansent en souliers de satin noir. Plusieurs ont adopté des souliers en satin d'une couleur assortie à la garniture de la robe ou aux rubans.

Amazones.—On commence déjà à s'occuper de cet article. Il s'en fait quelques unes en drap noir d'une forme nouvelle.

On ne remarque presque rien de nouveau dans les habits; d'homme ceux que l'on disait être faits dans une forme nouvelle sont tout simplement des habits longs et étroits du bas des basques. On met sur les habits un nouveau genre de boutons en métal doré; le milieu est orné d'une espèce de couronne ducale, le tour du bouton est guilloché. On porte en ce moment beaucoup de gilets en cachemire: la plupart sont à petites palmes et brochés sur des fonds noirs ou bruns. Il se fait aussi des gilets en soie imitant le cachemire; les dessins sont faits sur des fonds moins sombres, tels que: ponceau, vert ou grenat.

On reprend les gilets en casimir clair: il s'en fait en couleur chamois, en jaune *donna Maria* et en blanc. Le genre des gilets est toujours le même; les plus demandés sont à cols droits et boutonnant jusqu'en haut.

Pl. No 11. Chapeau de gaze.—Робе de gaze en tablier garnie de rouleaux de satin et de nœuds.

М О Д Ы.

Молодые дѣвицы носятъ много платьевъ изъ одноцвѣтнаго органди; вокругъ лифа чепвероугольной опкидной воропничекъ, обшитый въ приряда шюлемъ, сложеннымъ въ шрубочки, соспавляющимъ на плечахъ манжилью.

Для визитовъ или прогулокъ видно много черныхъ бархатныхъ платьевъ, съ длинными рукавами и пелеринкою или высокимъ лифомъ.

Съ нѣкотораго времени замѣчено много апласныхъ дульетовъ перловаго цвѣта, къ нимъ надѣваютъ зеленыя или алыя бархатныя шляпки; это весьма красивое неглиже.

Шарфы всё продолжаютъ оберпывать въ два раза около шеи, въ видѣ галстука.

Севинье, или большія заспешки съ каменьями, продолжаютъ употреблять для схватыванія лифа въ срединѣ съ крестообразными складками. Агашы всё болѣе входятъ въ употребленіе.

Обувь.—На балахъ женщины танцуютъ въ черныхъ апласныхъ башмакахъ. Многія надѣваютъ ап-

ласныя башмаки подѣ цвѣтъ опдѣлки платья или ленпамъ.

Амазонки.—Этой спальею начинаютъ уже заниматься. Нѣкоторыя платья дѣлаются изъ чернаго сукна, новаго покроя.

Почти ничего не замѣтно новаго въ мужскихъ платьяхъ; фраки, о которыхъ говорили, что они новаго покроя, просто длинные фраки, съ длинными узкими фалдами снизу. На фраки нашиваютъ пуговицы новаго разбора изъ золоченаго мешала; въ срединѣ родъ Герцогской короны, а кругомъ пуговица вычеканена. Теперь носятъ много Кашемировыхъ жилетовъ, по большой части съ большими пальмами, запканными по темному или черному грунту. Дѣлаютъ также шелковые жилеты въ подражаніе Кашемировымъ; грунты ихъ свѣтлые: пунцовой, зеленой или гранатовый.

Начинаютъ опять носить каземировые жилеты свѣтлыхъ цвѣтовъ; дѣлаютъ верблюжьяго цвѣта, желтаго *Дона Марія* и бѣлые. Покрой жилетовъ всё попрежнему; болѣе употребляютъ съ прямыми воропниками, застегнутые до верху.

Карп. No 11. Газовая шляпка.—Газовое платье шарпукомъ (передникомъ, en tablier), опдѣланное апласными шрубочками и баншами.

С М Ъ С Ы.

Слово Budget, утверждаютъ, Французскаго происхожденія и первоначально заимствовано Англичанами отъ Французовъ. Производятся оно отъ слова roche, уменьшительное коего pochette, pouchette, bouchette, bougette, наконецъ измѣнилось, будто бы, въ budget.

При сихъ NNo 29 и 30-мъ Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду раздается *Ожогланіе Залитаній на III томъ Истории Русскаго Народа, соч. Н. Полевскаго.*—Слѣдующій за тѣмъ No 31-й Литер. Прибавленій выдѣтъ въ будущую Субботу, 16 Апрѣля.

При сихъ же нумерахъ прилагается *Оглавленіе первой части Литер. Прибавленій къ Русск. Инвалиду.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходишь по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 31.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сшавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 16 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Кокенки женщины? въ помѣхъ нѣтъ большой вины:

Онѣ намъ равнились на свѣтъ сотворены.

Дупинъ-Борковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НОВЫЙ, РѢДКІЙ ПОДАРОКЪ.

Еще новый подарокъ любителямъ липера-пурныхъ рѣдкостей! Соперникъ *Полеваго*, *А. А. Орловъ*, эпопѣя *новѣйшій живописецъ общества и Литературы*, издалъ, на дняхъ, старинную повѣсть: *Вологодскіе жители, или люди, желающіе перенести Югъ на Сѣверъ*, съ эпиграфомъ: *дуракамъ законъ не писанъ!* (1).

Съ глубокомысліемъ и остроуміемъ, достойными Испорика Русскаго Народа, *А. А. Орловъ*, бросаетъ *высшій взглядъ* на старинныя причуды *Святой Руси* (2), и не отставая отъ своего *быстро-грядущаго впередъ вѣка*, развиваетъ для насъ, *новѣйшаго поколѣнія* (3), *анализъ философскаго синтеза* (4). Поучительно и забавно представлено имъ стремленіе невѣжества къ приобрѣтенію чужаго, пно-

(1) Полный титулъ: *Вологодскіе жители, Толстосуловъ и Финягей Финягичъ Двигичъ-Слезы*, и смѣшная предпримчивость Владимірскихъ обитателей, или люди, желающіе перенести Югъ на Сѣверъ, старинная повѣсть, соч. *А. А. Орлова*. Москва, — въ Универс. Тип. 1852 года, — 96 страницъ.

(2) *Полевой*. Новый живописецъ. Предисловіе.

(3) Телеграфъ 1829 № 12, стр. 471.

(4) Телеграфъ 1829 № 12, стр. 476.

земнаго. *Толстосуловъ* разводилъ въ Вологдѣ ананасы, и для пого унавоживаеетъ поля землею, привезенною изъ Переславля-Залѣскаго; жипели Переславскіе хопяптъ Московскихъ саекъ, и для пого привозяптъ изъ Москвы воды Москворѣцкой, и выливаюптъ её въ свое озеро; а Москвичи... вздумали завести на *Бутыркахъ* какое-то чудное заведеніе; хопяптъ перевесптъ въ Москву слои Уральскихъ горъ, чпобъ на *Воробьевыхъ горахъ* родилось серебро и золото; за *Серпуховскими воротами* съпнптъ Американскій табакъ, а за *Пръсною* разводяптъ чай и сахарный проспникъ. Разумѣется, блажныя предположенія не удаюптся ни Вологжанамъ, ни Владимірцамъ, ни Москвичамъ, и *Александръ Анфиловичъ* заключаеетъ свой рассказъ обращеніемъ къ чипапелю: «*Благосклонный читатель! конечно человѣческому безразсудству не будетъ конца; всегда будутъ сумазброды; но мы должны благодарить Провидѣніе, что оно всякую страну надѣлило всѣмъ тѣмъ, что только нужно для челоуѣка: да и много ли нужно? кусокъ хлѣба, и стаканъ воды!*» (стр. 36).

«*Человѣческому безразсудству не будетъ конца!*» Святая истина! сомнѣвающимся указываемъ на Испорію Русскаго Народа! «*Всегда будутъ сумазброды!*» Доказательство въ каждой публикаціи нашихъ книгопродавцевъ! Но

сколько философии въ послѣднихъ словахъ *Александра Анфилова*! «*Много ли нужно чело-
«вѣку? кусокъ хлѣба, и стаканъ воды!*» И *Франклинъ* дружески пожалъ бы руку *Александра Анфилова*!

На приложенной карпикъ изображена рас-
простертая истина—вдали укусившая её со-
бака, а поближе, какой-то философъ, дую-
щій въ кулаки, вѣроятно, отъ холода и ужа-
са при видѣ распрепанной истины.

Петръ Шибиковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

УЖАСНАЯ ИСТОРИЯ.

(*Эпизодъ изъ Исторіи Испанской войны.*)

На башнѣ городка Менды пробило полночь. Въ это время, молодой Французскій Офицеръ, опершись на парапетъ длиннаго вала, окружавшаго сады Мендскаго замка, казалось, погруженъ былъ въ глубокое размышленіе, не соопвѣтствующее безпечной военной жизни; но надобно сказать, что мѣстоположеніе и ночь никогда еще не склоняли столько къ задумчивости. Прекрасное небо Испаніи проспиралось шатромъ надъ его головою. Сверкающія звѣзды и тихій свѣтъ луны осребряли пышную долину, копорая распилалась передъ нимъ. Облокотясь на цвѣтущее поморанцевое дерево, Маіоръ любовался лежащимъ ниже его фуповъ на сто городкомъ Мендою, заслоненнымъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ скалою, на которой построены замокъ. Въ споронъ передъ нимъ открывалось море, коего блестящія воды окружали эпортъ сельскій видъ, подобно широкой серебряной рамѣ. Замокъ былъ освѣщенъ. Бальный шумъ, звуки музыки, смѣхи нѣкоторыхъ Офицеровъ и дамъ доходили до него, сливаясь съ ропотомъ волнъ. Вечерняя прохлада овѣжала грудь его, послѣ дневнаго зноя. Наконецъ, деревья и цвѣтники окружныхъ садовъ наполняли воздухъ столь пріятнымъ запахомъ, что молодой человекъ какъ бы погруженъ былъ въ море бальзамическихъ испареній.

Мендскій замокъ принадлежалъ одному Испанскому Гранду, копорый въ это время жилъ

въ немъ со всею своею фамиліею. Во весь эпортъ вечеръ, спаршая дочь владѣтеля замка смолпала на Офицера съ такимъ прогательнымъ участіемъ, что онъ не могъ не предаться мечпательности. *Клара* была прекрасна, и хотя у ней было три брата и одна сестра, однако, судя по обширнымъ помѣстьямъ Маркиза *Легане*, Викторъ *Маршанъ* могъ думать, что она въ состояніи принести жениху своему богатое приданое. Но какъ вообразить себя, чтобы гордый Испанецъ, зараженный предразсудками знатности, рѣшился отдать дочь свою за сына Парижскаго продавца пряныхъ кореньевъ!

Испанцы не терпѣли Французовъ. Маркизь возбудилъ подозрѣніе начальника провинціи Генерала Ж. . . , въ намѣреніи составить вооруженіе въ пользу *Фердинанда VII*: для сего-то расположенъ былъ въ городкѣ Мендѣ баталіонъ, подъ командою Виктора *Маршана*, коему велѣно было удерживать въ страхѣ жителей сосѣднихъ деревень, подвластныхъ Маркизу *Легане*. Сверхъ того изъ послѣдней депешы, полученной отъ Маршала *Нея*, видно было, что Англичане намѣреы сдѣлать скорую высадку на берегъ Испаніи, и что Маркизь имѣетъ тайныя сношенія съ Лондонскимъ Кабинетомъ. Посему, не смотря на хорошій приемъ, сдѣланный симъ Испанцемъ Виктору *Маршану* и его командѣ, молодой Офицеръ велъ себя весьма оспорожно.

Всходя на валъ, съ копораго онъ осматривалъ состояніе города и деревень, вѣренныхъ его наблюденію, онъ спрашивалъ самъ себя: какъ изъяснить дружеское расположеніе къ себѣ Маркиза и согласіе наружное спокойствіе жителей съ опасеніями своего Генерала? Но скоро всѣ сіи мысли молодого Маіора разсѣяны были благоразуміемъ.

Онъ замѣтилъ въ городѣ довольно большое число огней. Не смотря на бывший тогда праздникъ св. *Іакова*, еще съ утра приказано было имъ гасить огни въ назначенный часъ. На одинъ только замокъ не проспиралось сіе приказаніе. Хотя онъ видѣлъ на извѣстныхъ припинахъ сверкающіе шпыки своихъ солдатъ, но тишина была столь торжественна, и ничто не показывало, чтобы Испанцы занимались праздникомъ.

Теряясь въ догадкахъ, какимъ образомъ жители могли нарушить данный имъ приказъ, онъ находилъ въ семь поступкѣ шайну, пѣмъ болѣе для него непостижимую, что оному могли воспрепятствовать Офицеры, коимъ вѣренъ ночной дозоръ. Чрезвычайно встревоженный, онъ кинулся чрезъ проломъ и поспѣшилъ сойти съ горы, направивъ путь къ ближайшему припину у городской заставы, близъ замка, какъ вдругъ услышалъ легкій шумъ. Онъ подумалъ, что это шаги женщины, идущей по аллеѣ, оглянулся, ничего небыло; но взоры его поражены были необыкновеннымъ блескомъ Океана. Въ ту же минуту представилось ему такое зрѣлище, которое оковало его. При лунномъ свѣтѣ онъ усмотрѣлъ корабли въ довольно большомъ разстояніи. Онъ запрепечалъ, и старался увѣрить себя, что это ничто иное, какъ оптический обманъ, происшедшій отъ сліянія лучей мѣсяца съ блескомъ волнъ.

Вдругъ кто-то охриплымъ голосомъ произнесъ его имя. Офицеръ обернулся къ пролomu и увидѣлъ голову солдата, сопровождавшаго его въ замокъ.

« Это вы, Г. Командиръ? »

— Я. Ну что? — отвѣчалъ ему тихо молодой человекъ, предостерегаемый какимъ-то предчувствіемъ близкой опасности.

« Посмотрите, эти нищіе кшатъ, какъ черви!... Если позволите, сударь, я расскажу вамъ все, что я замѣнилъ. »

— Говори; — отвѣчалъ Викторъ *Маршанъ*.

« Я присматривалъ за однимъ служителемъ замка, прошедшимъ мимо меня съ фонаремъ. Это показалось мнѣ очень подозрительнымъ; ужъ вѣрно Испанецъ не для зажиганія свѣчъ имѣлъ при себѣ фонарь. — Они хотѣли насъ сожрать! подумалъ я. Иду въ слѣдъ за нимъ — и что же? шагахъ въ трехъ отсюда я вижу кучу «ашинь». »

Ужасный вопль раздался въ городѣ и перервалъ рассказъ солдата. Внезапный блескъ ослѣпилъ Маіора. Бѣдный гренадеръ въ ту же минуту, пораженный пулею въ голову, упалъ мертвъ. Куча соломы и сухаго хвороста, подобно пожару, запылала шагахъ въ десяти отъ Офицера. Мгновенно музыка и смѣхи умолкли въ замкѣ. Мертвое молчаніе, прерывае-

мое одними спонами, смѣнило пиршество. Громъ пушечнаго выстрѣла прокапился по свѣплымъ зыбямъ Океана. Холодный потъ проступилъ на лицѣ молодого Офицера. Онъ былъ безъ шпаги. Ему представилось, что вся команда его побита и что Англичане сдѣлали высадку на берегъ. Безчестная жизнь или преданіе военному суду, вопъ что его ожидало. Онъ измѣрлялъ глазами глубину долины. Онъ уже готовъ былъ кинуться, но рука *Клары* удержала его.

« Бѣгите, сказала она, мои братья отсюда близко. У подошвы этого утеса вы найдете Андалузскаго коня Жуанипо. Не теряйте времени! »

Она толкнула его. Молодой человекъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Но слѣдуя врожденной склонности къ сохраненію собственной жизни, которая не оставляетъ самаго твердаго человека, онъ устремился паркомъ къ назначенному мѣсту, перескакивая съ утеса на утесъ, гдѣ прежде могли ходить однѣ только серны. Онъ услышалъ голосъ *Клары*, побуждающей братьевъ преслѣдовать его; слышалъ шаги своихъ убійцъ; слышалъ, какъ пули свистали мимо его ушей; но онъ успѣлъ достигнуть долины, нашелъ коня, вскочилъ на него и исчезъ, какъ молнія.

Черезъ нѣсколько часовъ молодой Офицеръ очутился въ главной квартирѣ Генерала Ж... Сей послѣдній обѣдалъ съ своимъ Шпабомъ.

« Являюсь къ вамъ съ повинною головою! » вскричалъ Маіоръ, блѣдный и изнуренный успалостью.

Онъ съелъ и донесъ объ ужасномъ происшествіи. Грозное молчаніе сопровождало рассказъ его.

— Я почишаю васъ болѣе несчастнымъ, нежели пресупнымъ, отвѣчалъ ужасный Генералъ. Вы не раздѣляли съ Испанцами коварныхъ замысловъ; по крайней мѣрѣ я прощаю васъ, если Маршалъ не рѣшилъ иначе. —

Слова сіи доставили мало утѣшенія несчастному Офицеру.

« Если узнаете о семъ Императоръ! » — вскричалъ онъ.

— Онъ велитъ васъ разспрѣлять; — сказалъ Генералъ: но мы посмотримъ. Съ этой минуты ни слова о томъ, что случилось; развѣ

для того, чтобы дать пищу меспи, внушающей спасательный ужас сей предательной земли.—

Черезъ часъ выступилъ цѣлый полкъ съ опрядомъ конницы и частью артиллеріи. Генералъ и *Викторъ* находились въ головѣ сей колонны. Солдаты, узнавъ о поражении своихъ товарищей, кипѣли безпримѣрною яростию. Переходъ, отъ главной квартіры до Менды, сдѣланъ съ невѣроятною быстротою. На пути жигели всѣхъ селеній были вооружены. Каждая изъ сихъ бѣдныхъ деревень была окружена и десятый изъ жигелей казненъ.

По чудному спеченію обстоятельствъ, Англическіе корабли лежали въ дрейфѣ, не двигаясь впередъ, такъ, что городокъ Менда обложенъ былъ Французскими войсками безъ всякаго сопротивленія. Жигели его, пораженные ужасомъ, и видя себя лишеными помощи, на которую заставляло ихъ надѣяться появленіе Англійскаго флага, предложили безусловную сдачу. Изъ самоотверженія, коего примѣры не рѣдки были на полуостровѣ, убійцы Французовъ, предвидя, по извѣстной жестокости Генерала, что городъ будетъ сожженъ и все населеніе онаго предается мечу, предложили сами себя выдать Генералу. Онъ принялъ сіе предложеніе, съ тѣмъ, чтобы всѣ жигели замка, отъ послѣдняго слуги до самаго Маркиза, были ему выданы. Условіе сіе подписано. Генералъ обѣщалъ оспальнымъ жигелямъ прощеніе, и что городъ пощажень будетъ отъ грабежа и огня. Наложена непомѣрная контрибуція, и богатѣйшіе жигели представили себя аманатами въ обезпеченіе платежа оной, для чего положень былъ сурочный срокъ.

Генералъ, употребивъ всѣ нужныя мѣры для безопасности своихъ войскъ, и успроивъ средства обороны, отказался размѣстить солдатъ по квартірамъ. Расположивъ ихъ въ лагерь, онъ занялъ замокъ. Все семейство *Легане* и служители замка содержались подъ строгимъ карауломъ, связанные. Генералъ приказалъ запереть сихъ плѣнниковъ въ залу, гдѣ данъ былъ прежде балъ. Изъ оконъ ея открывался весь валъ, повелѣвающій городомъ. Главный Штабъ расположился въ ближней галлерей, гдѣ Генералъ собралъ Совѣтъ для опре-

дѣленія мѣръ къ воспрепятствованію Англичанамъ сдѣлать высадку.

Отправивъ Адъютанта къ Маршалу *Нею* и приказавъ поспроить береговья бапарен, Генералъ вмѣстѣ съ Штабомъ своимъ занялся плѣнными. Двѣсти человекъ Испанцевъ, выданныхъ жигелями Менды, поспѣшь разстрѣляны на валу. Потомъ Генералъ приказалъ поспавить висѣльщицы, по числу находящихся въ залѣ зѣмка людей и привесити палача изъ города.

Пользуясь временемъ, пока приготавлился для Штаба обѣдъ въ галлерей зѣмка, Викторъ *Маршанъ* поспѣшилъ плѣнниковъ. Онъ скоро возвратился оттуда къ Генералу.

«Я пришелъ просить у васъ милости;»—сказалъ онъ прогательнымъ голосомъ.

— Вы! — подхватилъ Генералъ съ колкою усмѣшкою.

«Увы, отвѣчалъ *Викторъ*, это печальная милость. Маркизь, видя приготавлиемыя висѣльщицы, надѣется, что вы опмѣните сей родъ казни для его семейства. Онъ проситъ казнить благородныхъ отсѣченіемъ головы.»

— Согласенъ! — сказалъ Генералъ.

«Еще одна просьба: они желаютъ принять последнее утѣшеніе Вѣры и просятъ развязать ихъ. Они даютъ слово, оставивъ всякое покушеніе къ бѣгству.»

— Согласенъ; — сказалъ Генералъ; но вы за нихъ отвѣчаете. —

«Старикъ уступаетъ вамъ все имѣніе свое, если вы пощадите младшаго его сына.»

— Право? отвѣчалъ Генералъ; но его имѣніе принадлежитъ уже Королю *Иосифу*. Онъ остановился. Лице его выражало презрѣніе. Онъ примолвилъ: я превзойду его желанія. Знаю, какъ важна его послѣдняя просьба. Я доставлю ему случай обезсмертить свое имя: пусть Испанія навсегда сохранитъ воспоминаніе о его измѣнѣ и о его казни! Имѣніе его останется при немъ; я дарю жизнь тому изъ сыновей его, который приметъ на себя должность палача. Спупайте и ни слова болѣе!—

Викторъ оцѣпенѣлъ.

Сполъ былъ накрытъ. Всѣ Офицеры ѣли съ большимъ аппетитомъ, подспирѣваемымъ усмалостию. Одною недоставало на семь пиршесствъ: *Виктора Маршана*. Послѣ продол-

жительной борьбы съ самимъ собою, онъ пошелъ наконецъ въ залу, гдѣ помѣлось гордое семейство *Легане*. При входѣ онъ бросилъ печальный взглядъ на картину, которую представляла тогда сія зала, гдѣ за два дни предъ тѣмъ кружились въ вихрѣ вальса прелестныя дочери и пріе сыновей Маркиза. Сердце его сжалось при мысли, что ихъ головы должны пасть отъ сѣкиры палача. Отецъ съ матерью, пріе сыновей и двѣ дочери, привязанныя къ позолоченнымъ кресламъ, оспавались въ совершенномъ безчувствіи. Восемь человекъ слугъ стояли въ сторонѣ съ связанными назадъ руками. Эти пятнадцать человекъ смотрѣли сурово, скрывая съ прудомъ свои чувства. Глубокое самоотверженіе и досада на неудачу своего предпріятія, ясно выражались на ихъ лицахъ. Воины смотрѣли на нихъ неподвижно, уважая печаль жестокихъ своихъ враговъ. Любопытство оживило всѣ лица при появленіи *Виктора*. Онъ приказалъ развязать плѣнниковъ и самъ поспѣшилъ развязать *Клару*. Она горестно улыбнулась. Офицеръ не могъ удержаться, чтобъ не прикоснуться къ прелестнымъ рукамъ молодой дѣвицы. Онъ удивлялся ея чернымъ локонамъ, гибкости спана: *Клара* была насмѣщая Испанка; она имѣла Испанскій, нѣсколько смуглый цвѣтъ лица, Испанскіе глаза съ длинными рѣсницами, черными, какъ вороново крыло.

— Успѣли-ль вы?—спросила она съ улыбкою умирающей красавицы.

Викторъ испустилъ невольный стонъ. Онъ попеременно смотрѣлъ то на прехъ братьевъ, то на *Клару*. Спаршему изъ нихъ было 30 лѣтъ; онъ былъ небольшого роста, не красивъ собою, имѣлъ гордый и презрительный видъ, но при всемъ томъ въ осанкѣ его видно было что-то благородное, и онъ не чуждъ былъ той упорченности нравовъ, которую нѣкогда славились Испанцы. Имя его *Жуанито*. Второй, *Филиппъ*, имѣлъ не болѣе 20 лѣтъ. Онъ ходилъ на *Клару*. Последний былъ 8 лѣтъ. Живописецъ нашелъ бы въ чертахъ *Рафаэля* ту Римскую твердость характера, которую такъ удачно выражалъ *Давидъ*. Голова стараго Маркиза, украшенная сѣдинами, напоминала о картинахъ *Мурилло*.

При семъ видѣ молодой Офицеръ покачалъ головою, не надѣясь найти изъ сихъ чепырехъ особъ ни одного, способнаго принять предложеніе Генерала. Впрочемъ, онъ рѣшился открыть его *Кларѣ*. Она запрепала, но скоро принявъ спокойный видъ, пала передъ опцемъ на колѣна.

«Папашка, прошу васъ, возьмите кляпву съ *Жуанито*, что онъ въ почности исполнитъ ваше приказаніе; мы будемъ довольны.»

Надежда блеснула въ глазахъ старой матери; но когда она, склонясь къ супругу, узнала страшную тайну *Клары*: то упала въ обморокъ.

Жуанито понялъ все, и кпѣлъ подобно льву, заключенному въ кляпкъ.

Викторъ взялъ на себя выслать вонъ солдатъ, получивъ напередъ отъ Маркиза увѣреніе въ совершенной покорности. Слуги переданы палачу и тотчасъ повѣшены.

Когда семейство *Легане* оспавалось подъ надзоромъ одного *Виктора*, спарикъ вспалъ: — *Жуанито?*—сказалъ онъ.

Жуанито на повелительный голосъ опца отвѣчалъ однимъ наклоненіемъ головы, похожимъ на опказъ. Онъ упалъ въ кресла и смотрѣлъ на своихъ родшелей неподвижными, спрашными глазами.

Клара съѣла къ нему на колѣни и съ пылающимъ видомъ обнявъ его, сказала:

«Милый *Жуанито*, если бы ты зналъ, какъ пріятно мнѣ умереть отъ руки пвоей! Для меня ужасно ненавистное прикосновеніе палача. Ты избавишь меня отъ всѣхъ бѣдствій, которыхъ я должна спрашиться; добрый *Жуанито*, ты вѣрно не захочешь никому предать свою сепру, не правдали?»

Она бросила пламенный взоръ на *Виктора*, какъ бы для того, чтобы пробудить въ сердцѣ *Жуанито* ненависть къ Французамъ.

— Призови свою рѣшимость! сказалъ ему братъ его *Филиппъ*; иначе пресѣчется нашъ родъ. —

Вдругъ *Клара* вспала; сославившійся около *Жуанито* кругъ разорванъ, и онъ увидѣлъ спбщаго передъ собою спараго опца, который вскричалъ поржественнымъ голосомъ:

— *Жуанито*, я приказываю тебѣ! —

Молодой Маркизь оспавался неподвижнымъ; отецъ его спалъ на колъна. *Клара*, *Рафаэль* и *Филиппъ* невольно послѣдовали его примѣру, и всѣ проспирая руки къ одному, копорый назначенъ былъ испоргнувъ имя ихъ изъ забвенія, казалось, повпоряли опцовскіе слова.

— Сынъ мой, не уже ли недоспаетъ въ шебъ пвердоспи Испанца и испинной чувспившпельности? — Долго ли мнѣ спояпъ на колънахъ, и можешь ли ты думашъ о своей жизни, о своихъ спраданіяхъ? —

— Сынъ ли эпо мой, сударыня? — примолвилъ спарикъ, обратяшъ къ Маркизѣ.

— Онъ рѣшилсѣ! — вскричала мапъ въ опчаяніи; она угадала по движенію бровей *Жуанито*, ей одной попяпному.

Вшорая дочь, *Марикитта*, споя на колънахъ, спжимала мапъ слабыми руками, и какъ она проливала слезы, по маленькой *Рафаэль* упрекаль еѣ.

Въ эпо время вошелъ духовникъ зѣмка. Все семейство его обспуило. Его подвели къ *Жуанито*. *Викторъ*, не въ сплахъ былъ долѣ сносипъ сей сцены, подалъ знакъ *Кларѣ*, и поспѣшилъ къ Генералу, чшобы упопробипъ послѣднія усилія и спячипъ его. Онъ заспалъ его въ хорошемъ расположеніи, среди пиршеспва; за спаканомъ прекраснаго вина, онъ шушилъ съ своими Офицерами.

Черезъ часъ, болѣ спа человекъ почешныхъ жипелей Менды собраны были на валу; по приказанію Генерала, казнъ фамилии *Легане* долженспвовала совершпшпъся въ ихъ глазахъ. Опрядъ солдапъ поспавленъ для удержанія Испанцевъ, выпспроенныхъ въ рядъ подъ висѣлицами Маркизовыхъ дѣпей, такъ, чшо зрители почии прикасалпсъ головами къ ногамъ спхъ спрадалцевъ. Въ прищипши шагахъ опъ нпхъ возвышалсѣ эшафопъ и на немъ сверкаль попоръ.

Палачъ находилсѣ шупъ, на случай опказа *Жуанито*.

Скоро Испанцы, посреди глубокаго молчанія, услышали шаги нѣсколькихъ людей, мѣрный звукъ маршируюпшихъ солдапъ и легкое бряканье ихъ ружей. Спз разныя звуки смѣ-

шпвалпсъ съ веселыми кликами ппруюпшихъ Офицеровъ, подобно тому, какъ за нѣсколькo дней предъ пѣмъ, шумный балъ скрывалъ пригопovenія кровавой пзмѣны. Всѣ взоры обрапшлпсъ на замокъ, опкуда шло благородное семейспво. На лицѣ каждаго изъ членовъ онаго пзображалосъ спкопйспвіе. Одинъ только человекъ, блѣдный какъ полотно, шелъ опираясь на плечо священника, который спаралсѣ подкрѣпляетъ его упѣшеніями Вѣры, и эпому человеку суждено было оспаватъся въ живыхъ. Палачъ и всѣ зрители опгадап, чшо *Жуанито* рѣшилсѣ на эпопъ день взять на себя его должпостъ. Старый Маркизь съ женою, *Клара*, *Марикитта* и двое брапшевъ ихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ опъ роковаго мѣспа, спали на колъна. *Жуанито* подведенъ былъ священникомъ. Когда онъ подошелъ къ эшафопу, палачъ дернувъ его за рукавъ, опшелъ въ спорону и, вѣрояпно, далъ ему нѣкопорыя наспавленія.

Духовникъ поспавилъ жерпвы такъ, чшобъ они не видали казни; но эпо были испинные Испанцы; они спояли спкопно, не показывал ни малѣйшей слабоспи.

Клара прежде всѣхъ кпнуласъ къ своему брапу. — *Жуанито*, сказала она, спжалсѣ надъ моею слабоспио! Начни съ меня! —

Въ эпо мпщупу послышалсѣ скорые шаги человека. *Викторъ* подошелъ въ пору. *Клара*, споя на колънахъ, обнажила уже бѣлую шею свою для приняпня удара. Офицеръ поблѣнелъ; но собравъ всю свою пвердоспъ, пропзнесъ:

«Генераль дарипъ шебъ жизнь, если ты хочешь быть моею спругою.»

Испанка кпнула презрпшельный взглядъ на Офицера.

— Скорѣе, *Жуанито*! — пропзнесла она рѣшпшельнымъ пономъ.

Голова еѣ скапшласъ къ ногамъ *Виктора*, и Маркиза *Легане* содрогнуласъ, услышавъ ппжкій звукъ попора; болѣ никакихъ прищпковъ печали въ ней не обнаружплось.

— Теперь моя очередь, добрый *Жуанито*! — сказалъ маленькій *Рафаэль* своему брапу.

— Ты плачешь, *Марикитта*? —

— Плачу! — подхватила дѣвушка, — ибо думаю о тебѣ, бѣдный *Жуанито*. — Ахъ, что съ побою будетъ безъ насъ! —

Скоро появился Маркизь. Онъ взглянулъ на кровь дѣшей своихъ, попомъ, обратясь къ безмолвнымъ и неподвижнымъ зрителямъ, и проспирая руки къ *Жуанито*, сказалъ съ пвердоспю:

— Испанцы! я даю своему сыну опцовское благословеніе! Да сопутствуетъ оно ему навсегда! — Теперь, Маркизь, руби смѣло: ты чпспь опъ укоризны. —

Но когда *Жуанито* увидѣлъ свою мапъ, подерживаемую духовникомъ, тогда невольно вскричалъ:

— Она меня пипала грудью! — Голосъ его испоргъ вопль ужаса у всѣхъ зрителей. При семъ спрашномъ крикѣ зачихъ шумъ прше-спва и смѣхи Офицеровъ замолкли.

Маркиза видя, что *Жуанито* лишился бодрости, кинулась съ высоты въ пропасть и раздробила себѣ голову объ оспрые камни. Раздалсь крики удивленія. *Жуанито* безъ чувствъ грянулся на землю.

«Генераль, сказалъ одинъ Офицеръ, бывший навеселъ, я кое-что слышалъ опъ *Маршана* объ этой казни... — Бьюсь объ закладъ, что это сдѣлано не по вашему приказу.»

— Развѣ вы забыли, Господа, вскричалъ Генераль Ж..., что черезъ мѣсяць, ппшъ сопъ Французскихъ семействъ будутъ проливашъ слезы, и что мы въ Испаніи? Развѣ хопшпе оставипъ здѣсь свои кости? —

Послѣ сей рѣчи, никто изъ Офицеровъ не смѣлъ допронуться до своего покала.

Не смотря на общее уваженіе, коимъ пользовался Маркизь *Легане* и на пипуль: *d'el Verdugo*, приданное Королемъ къ его фамиліи, онъ перзался горестію, вель уединенную жизнь и рѣдко показывался въ свѣтѣ. Подавляемый ппжествю невольнаго злодѣянія, онъ, казалось, съ неперпнѣемъ ожидалъ минувшы, пока родится второй сынъ его, и даспъ ему право соединиться съ любезными ему пѣнлями.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОГИЛѢ БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

Спи, другъ благородный! подъ грудью земли
Твой сонъ непробудный покоенъ:
Горячія слезы сердечныхъ друзей
Холодный одръ смерпши согрѣли!

Недолго почешнѣйшимъ гостемъ ты былъ
На радостномъ праздникѣ жизни:
Прекрасный, возвышенный духъ пвой не могъ
Удѣломъ земли оставаться!

И жипели неба, ревнуя землѣ,
О смерпши пвоей умолили
Того, Кпо для счастья земнаго облекъ
Одеждою плѣнїя духъ пвой.

О, если бы слезы собратій пвоихъ,
Съ упратой ихъ собственной жизни,
Могли оживипъ пвой безчувственный прахъ
На радость и славу отчизны!

Какимъ бы пококомъ пѣхъ жизненныхъ слезъ
Твой прупъ оросилъ пвой пппомецъ.....
А нынѣ, какъ камень ппжельпый, опъ
Лежашъ на больномъ его сердцѣ!

И мїръ навсегда опускалъ для него,
И грустенъ, какъ холодъ могилы.....
Одно упѣшенъе въ надеждѣ свяпшой
На сладкое вмѣстѣ за гробомъ.

Съ любовію встрѣпшпъ онъ день роковой
Свяпаго свиданья — и въ небѣ,
Какъ Ангелы понушъ въ сіяньи Творца,
Въ объяпїяхъ друга попомешъ! —

М. Деларю.

ОСЕЛЬ И КРОЛИКЪ.

(Басня.)

«Осель, Осель! ты всё не спалъ умнѣ!»
Такъ Кроликъ говорилъ, увидя, что Осель
Лбомъ гордый дубъ разбишъ хопѣлъ.
— «А что? гляди — сломлю!» И сколько могъ силнѣе
Ударился объ дубъ онъ лбомъ! —
Бѣдняжка, пупъ же распянулся;
А дубъ спопшъ, не пошашнулся.

Сухановъ.

CH A R A D E.

Mon premier n'a jamais connu la résistance;
Sur la peau mon second nous plaît par sa blancheur;
Mon tout marche très-vite, et jamais il n'avance:
C'est un mauvais voisin, toujours bruyant, grondeur,
Mais toujours occupé de notre subsistance.

Въ No 29 и 30, помѣщенная шарада значить: *Казна-гей.*

M O D E S.

Coiffures. — L'époque des bals est passée; mais comment renoncer si promptement au plaisir! aussi plusieurs réunions dansantes, moins nombreuses il est vrai que celles de carnaval, ont encore eu lieu pendant les derniers jours de cette semaine.

Les couronnes composées d'un simple cordon de fleurs traversant le front, et d'une touffe qui cache le peigne, étaient en majorité dans plusieurs de ces réunions; nous ne doutons pas que nous ne les revoyions sous peu dans les soirées et aux spectacles, car cette disposition sied généralement à toutes les physionomies.

Une plume placée perpendiculairement sur la tête, et dont le bout se recourbe sur le devant, s'appelle coiffure à la *Robin des Bois* (*Freyschütz*). Celle dont le bout se recourbe derrière, se nomme coiffure de *Page*.

— Une dame avait dernièrement, pour sortir du Théâtre-Italien, une pointe en pluche rose, ornée, par derrière, d'un grand nœud de ruban, posée sur une coiffure en cheveux; un ruban servait à la fixer sous le menton. Cette nouveauté sera sans doute adoptée comme plus élégante que les *fanchettes* en laine, à mailles de filets, et qu'elle vaut bien pour se garantir du contact subit d'un air froid ou humide.

Chapeaux. — Les chapeaux pour la promenade sont toujours ornés de grosses fleurs, posées en retombant sur la passe.

Les nœuds de ruban sous la passe, sont presque tous posés obliquement.

Aux chapeaux plus habillés, une seule plume, mais très-longue et retombant en saule. — Quelquefois on en pose deux moins grandes, dont l'une s'élève à droite et l'autre retombe à gauche; ces plumes sont posées pied à pied.

La moire, le gros de Naples et encore le satin sont de saison; mais bientôt le velours et la pluche seront déplacés.

On fait toujours beaucoup de bonnets en blondes, et presque tous sont garnis de fleurs.

M O Д Ы.

Прически. — Эпоха баловъ прошла; но какъ опкзаться такъ скоро опъ удовольствій! Поэтому, на послѣднихъ дняхъ этой недѣли было много панцовальныхъ собраній, хопя не споль многочисленныхъ, какъ на масленицѣ.

Всего болѣе видно было въ сихъ собраніяхъ вѣнковъ, сдѣланныхъ просто изъ снурка изъ цвѣтовъ, положеннаго по лбу и кустика, прикрывающаго гребень. Мы безъ сомнѣнія увидимъ скоро ихъ на вечерахъ и въ спектакляхъ, потому что сія уборка вообще украшаетъ всѣ лица.

Перо, прищипленное впрямь на головѣ, у котораго конецъ нагнутъ напередъ, называется прическа à la *Robin des bois* (Фрейшюцъ); у котораго конецъ загнутъ назадъ, называется Пажеская прическа.

У одной дамы, при выходѣ изъ Испанскаго театра, сверхъ прически была плюшевая розовая косыночка, опдѣланная сзади большимъ банпомъ изъ лентъ, на подбородкѣ завязана лентою. Косыночки сіи безъ сомнѣнія войдутъ въ употребленіе, предпочтительнѣе вилейнымъ персянымъ *фанисталь*; онѣ весьма щеголеваты и хорошо защищаютъ опъ вліянія холоднаго воздуха.

Шляпки. — Шляпки для прогулокъ продолжаютъ опдѣлываться крупными цвѣтами; прищипываютъ ихъ такъ, что они упадаютъ на поле.

Банпы изъ лентъ, подъ подемъ, всѣ почти кландутся вкось.

Къ наряднымъ шляпкамъ прикалываютъ одно перо, но весьма длинное и висящее какъ плавъ. Иногда прищипываютъ два пера не такъ велики: одно впрямь на правой сторонѣ, а другое упадаетъ слѣва.

Объяръ, гроденаплъ и апласъ еще приличны по времени года; но бархатъ и плюшъ скоро не будутъ годиться.

Чепчиковъ блондовыхъ много, и почти всѣ опдѣланы цвѣтами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 32.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №0.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 20 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Отъ скуки самое желанье отлепаетъ,
А горести слезу надежда отираетъ.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ 1489 ГОДУ.

Описаніе праздника *Trimalcion* и другихъ знаменитыхъ пиршествъ у древнихъ, доказываетъ намъ, что они любили украшать свои шры поэтическими цвѣтамъ, возвышая блескъ ихъ принаровленіями и иносказаніями: это были гаспрономическіе балеты. Сей вкусъ Римлянъ сохранился между ихъ потомками. Со времени возрожденія искусствъ, исторія обезсмертила подобный праздникъ, данный однимъ Италіанскимъ Дворомъ въ исходъ XV столѣтія.

Бергонзіо ди Ботта, Торпонскій уроженецъ, коего имя оспанется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ обжорства и танцовальнаго искусства, отличился особенно въ семь родѣ, давъ праздникъ *Галиасу*, Герцогу Миланскому, по случаю бракосочетанія его съ *Изабеллою* Аррагонскою. Сей Амѣпріонъ избралъ мѣстомъ для пиршества пышный залъ, окруженный галереєю, гдѣ помѣщено было нѣсколько оркестровъ. Посрединѣ возвышался пустой столъ. При появленіи Герцога съ Герцогинею, Язонъ съ Аргонавами заигралъ маршь и гордо выступалъ на сцену. Они несли золотое руно: она послужила скапертью; ею накрыли столъ, послѣ величественнаго панца, выража-

ющаго ихъ удивленіе при видѣ юной Принцессы и Государя, достойнаго обладать ея рукою.

Потомъ вышелъ Меркурій и разсказалъ, какъ искусно обманулъ онъ Аполлона, паспуха Царя Адмета, похитивъ у него жирнаго пельца, котораго предсавилъ молодымъ супругамъ, изгоповеннаго уже Комусомъ. Между тѣмъ, какъ онъ спавилъ его на споль, при кадрили танцовали вокругъ жирнаго пельца, подобно Евреямъ, плясавшимъ вокругъ золотого пельца.

За Меркуріемъ слѣдовала Діана съ Нимфами. Свила богини несла оленя на позолоченой раковинѣ. О приношеніи новобрачному оленя, украшеннаго рогами, можно было сказать что нибудь колкое: къ счастью, никому не пришло въ голову соспавить изъ пого неприянный гороскопъ.

Вдругъ переменялась музыка: люпни и свирѣли возвѣспили приходъ Орфея. «Я воспѣвалъ въ пустынь свою Эвридику, началъ онъ: множество пищъ слѣтѣлось слушать мою пѣснь. Я переловилъ сихъ неосторожныхъ слушателей и принесъ ихъ на жаркое прелестнѣйшей въ свѣтъ Принцессы, ибо нѣтъ уже Эвридики.»

Громъ музыки прервалъ сего поэта-пищелова. Апаланпа и Тезей, въ сопровожденіи бли-

спательной и легкой шрушпы, представили посредством быспрыхъ панцовъ звѣриную ловлю. Она кончилась убиіемъ Калидонскаго вепря, котораго они (разумеется изжаренаго) представили знаменитымъ госпямъ.

За симъ зрѣлищемъ слѣдовалъ большой балетъ Трипоновъ и рѣчныхъ Нимфъ, принесшихъ отличнѣйшую рыбу. Увѣчанные пепрушкою и салатомъ, сіи водяные божества, сложили съ себя свой головной уборъ, для составленія приправы форелямъ и щукамъ, положеннымъ ими на столъ.

Ирида въ колесницѣ, везомой павлинами, подала въ поже время знакъ слѣдовавшимъ за нею Нимфамъ, которыя поставили жаркое, приготовленное изъ сихъ птицъ. (Извѣстно, что тогда почиталось эпо лакомымъ блюдомъ.)

Между тѣмъ, Верпумнъ и Помона подносили госпямъ сливки, сыръ, яблоки, померанцы, виноградъ, а Силены и Вакханки дорогія вина. Праздникъ заключенъ большимъ аллегорическимъ балетомъ. Сіе драматико-гастрономическое представленіе произвело чудный эффектъ. Италія была имъ обворожена. Она разослала по всей Европѣ описаніе праздника *Бергонзіо ди Ботта*.

Все сіе конечно намъ покажется теперь смѣшнымъ, плоскимъ, невѣроятнымъ; но *Бергонзіо*, предугадывавшій большую оперу, не предвидѣлъ въ 1489 году, что Французскіе Романшики въ 1830 году осудятъ на изгнаніе баснословныя божества. Въ среднихъ вѣкахъ рабски подражали древнимъ, такъ какъ мы теперь удивляемся среднимъ вѣкамъ: еслибы явилось наше попомство, оно преклонило бы передъ нами колѣна. Наша поварня спѣшитъ того, чтобъ совершился ея апофеозъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ИСПАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Во время ужасной борьбы, которую Испанцы до 1814 года именовали пышнымъ названіемъ войны за независимость, небольшой отрядъ спрълковъ, посланный для развѣданія едоложенія непріятеля, остановился на ночъ

легъ въ селеніи Флгуэрасъ. «Эй!» вскричалъ Начальникъ сего отряда, остановивъ свою лошадь у воротъ монастыря, единственнаго зданія, въ которомъ надѣялась чѣмъ нибудь поживиться голодная и усная опъ труднаго похода дружина.

«Опонтрпе, пли, чортъ меня возьми, никакою молитвою опъ насъ не опдѣлаешься.» Сказавъ сіе, онъ ударилъ въ ворота нѣсколько разъ саблею, какъ будто желая показать, что въ случаѣ сопротивленія, онъ готовъ прозвествъ въ дѣйство свои угрозы. Нѣсколько мнунуть продолжалось молчаніе, въ продолженіе коего иноки разсуждали, что имъ дѣлать; потомъ, загремѣли запоры, ворота распворились и появился сѣдой спарець въ бѣлой одеждѣ Бенедиктинскаго Ордена. Онъ держалъ въ рукѣ факель, при свѣтѣ коего вартъ заблспало оружіе воиновъ, и опкрылся, хотя неясно, широкій дворъ монастыря, между главною связью зданій, гдѣ находились кельи съ оградю. «Добрый вечеръ, святой отецъ! сказалъ шупливымъ тономъ Французскій Полковникъ съ низкимъ поклономъ; я принесъ вашей монастырской братіи множество привѣтспвій опъ Императора *Наполеона* и опъ вашего Короля *Иосифа*, слѣдовательно могу надѣяться на хорошій пріемъ: въ вашихъ подвалахъ, безъ сомнѣнія, хранится порядочный запасъ.» — При сихъ послѣднихъ словахъ сей рѣчи, спарець-Наепояпель опвелъ факель въ спорону, чтобы на лицѣ его, всегда блѣдномъ, не замѣтили появившейся краски, и опвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Лавиль, такъ назывался Полковникъ, не замѣтилъ движенія монаха; онъ приказалъ солдатамъ своимъ спѣшиться и помѣстить своихъ лошадей на монастырскомъ дворѣ, а самъ пошелъ съ Офицерами въ прапезу. Звукъ шпоръ, раздавшійся подъ сводами длинныхъ монастырскихъ переходовъ, возвѣщалъ опшельникамъ о близости ихъ непріятелей — сихъ немилосердыхъ опспутниковъ опъ Христіанской вѣры, такъ думали о Французахъ въ Испаніи;—мнѣніе, спшкомъ ими заслуженное.

Когда Офицеры вошли въ прапезу, всѣ бывшіе тамъ монахи вспали съ своихъ мѣстъ и спокройно спопрѣли на новыхъ пришельцовъ. «Извините, честные опцы! вскричалъ *Лавиль*

смѣшавшись нѣсколько важностью и пвердо-
сстью сихъ спарцевъ, что мы обезпокоили
васъ нечаяннымъ посѣщеніемъ; но моимъ лю-
дямъ нуженъ покой, и въ это смутное время,
вы конечно не будете слишкомъ взыскапель-
ны за причиненную вамъ тревогу. Надобно
приготовить для моего отряда хорошей ужинъ
и ночлегъ, въ противномъ случаѣ....»—Онъ
приложилъ руку къ рукоятки сабли.—«Я на-
дѣюсь, продолжалъ онъ: что мы не будемъ
доведены до сей жестокой крайности. На на-
шей сторонѣ было бы слишкомъ много вы-
годъ.»—Милосливый Государь, возразилъ На-
стоятель, ваши желанія будутъ исполнены,
хотя бы они вовсе не согласовались съ на-
шими.—«Судя по вашему расположенію, намъ
нельзя надѣяться получить сегодня хоро-
шей ужинъ!»—Послѣдствія докажутъ, сколь-
ко несправедливо ваше предубѣжденіе, отвѣ-
чалъ спарець. Сказавъ сіе, онъ просилъ го-
спей садиться, и приказалъ служителямъ по-
давать на столъ все лучшее, что только
было въ монастырѣ.

Столъ былъ накрытъ и уставленъ вкуснѣй-
шими яствами. Скоро недовѣрчивость успу-
шила мѣсто откровенности. Настоятель на
короткое время оставилъ залу ширшества и
возвратился въ сопровожденіи двухъ иноковъ,
несшихъ огромныя серебряныя чаши, напол-
ненныя превосходнымъ виномъ. — «Святой
опецъ,» - примолвилъ онъ, наливъ свой покаль, —
«вы должны пить вмѣстѣ съ нами, позволяйте
васъ поподчивать.»—Правила нашего Ордена
запрещаютъ намъ пить вино, отвѣчалъ На-
стоятель, и такъ вы извините, если я и
братія мои, отъ сей чести откажемся!—*Лавиль*
взглянулъ на него съ насмѣшкою, какъ
будто хотѣлъ выразить ею, что это совер-
шенное лицемерство со стороны Настояте-
ля; онъ поднесъ къ губамъ покаль; но вдругъ
мелькнула мысль въ головѣ его, онъ поста-
вилъ покаль на столъ, не отвѣдавъ вина. Мо-
нахи въ молчаніи смотрѣли на него; они, ка-
залось, съ безпокойствомъ ожидали развязки
этого явленія.

«Друзья,» вскричалъ Полковникъ съ мрач-
нымъ видомъ, «не проньте вина, можетъ
быть оно оправлено; уже не въ первый разъ

Испанскіе монахи употребляютъ такое ко-
варство; если это правда, то совѣтую вамъ,
святые опцы, поручить ваши души Богу.»
Въ продолженіе сей рѣчи, взоры всѣхъ об-
ращены были на Настоятеля, коего спокой-
ное лице, казалось, уничижало подозрѣніе
Полковника. «Выпейте прежде вы и ваши бра-
тія это вино, продолжалъ *Лавиль*, попомъ
мы увидимъ.» Настоятель поднялъ глаза къ
небу и нѣсколько минулъ оставался въ раз-
мышленіи; попомъ, принявъ поднесенный ему
покаль, осушилъ его. Всѣ другіе иноки по-
слѣдовали его примѣру.

Довольны-ли вы теперь? сказалъ Насто-
ятель; разсѣялись-ли ваши сомнѣнія, споль для
насъ обидныя?—«Винавать! отвѣчалъ На-
чальникъ Французскаго отряда—и вопъ вамъ
доказательство!»—Онъ выпилъ свой покаль.
Всѣ Офицеры сдѣлали то же, и нѣсколько разъ
повторяемы были тосты. Настоятель поза-
ботился о томъ, чтобы цѣлая бочка спа-
раго вина была выкачена для солдатъ изъ
подвала. Солдаты черпали, пили и похвалива-
ли доброе вино.

Между тѣмъ собесѣдники разгорячились.
Подпоручикъ запѣвалъ было пѣнь неблаго-
приспойную пѣсню Генерала *Ласалля*, а по-
варищи его припѣвывая; но *Лавиль*, котораго
обхождение Настоятеля монастыря располо-
жило въ пользу монаховъ, хотѣлъ избавить
ихъ отъ сего соблазна. «Господа, сказалъ
онъ, здѣсь ни время, ни мѣсто не приличны
для пѣсней; выпьемъ по послѣдному покалу и
пойдемъ спать; но прежде всего отблагода-
римъ честныхъ опцевъ за ихъ госпенрим-
ство!» Тогда Настоятель вскочилъ съ своихъ
кресель, окинулъ спрашнымъ взглядомъ всѣхъ
Офицеровъ, и вскричалъ трознымъ голосомъ:
«оспановипесь, жалкія орудія хищной силы!
Напрасно вы ищете покоя, вы въ этомъ свѣ-
тѣ уже не будете наслаждаться имъ. Вы-
слушайте меня и воспрепещите. Пипное ва-
ми вино оправлено, и оправлено нами. Мы
также умремъ, но спокойно: ибо будемъ сви-
дѣтелями вашего смертнаго помленія.»

При сихъ словахъ, при семъ ужасномъ объ-
явленіи, которое скоро подтвердилось спра-
даніями незваныхъ гостей, Французы, какъ

бышеные кинулись на злодѣевъ.—Скоро глухіе споны, ужасные вопли, смѣшенные съ проклятіями, смутили пишинну ночи. На разсвѣтъ ни одинъ изъ Французовъ не вышелъ изъ монастыря, въ которій они накануне вступили.

Пер. В. Соколовъ.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ШЛЯПЪ.

Употребленіе шляпъ происходишь изъ глубокой древности. Онѣ служили для пользы и украшенія въ то время, когда *Драконъ* рукою палача, вооруженною мечемъ, принялся образоватъ людей. На играхъ, зрѣлищахъ, равно какъ и загородомъ жипели Фрины носили шляпы. Изъ Греціи сей головной уборъ перешель въ Италію, и жипель Рима, подобно Спартанцу, покрываль голову дурною шляпою. Для защиты отъ солнца или дождя, поля шляпы разглаживались. Кому угодно было идти съ открытою головою, тому сподополько спустивъ шляпу назадъ, гдѣ она держалась на лентяхъ, подвязанныхъ подъ бороду. Въ дорогъ и во время прогулки, въ мѣстахъ, гдѣ не было пѣни, женщины носили шляпки *à la Thessaliène*. Она дѣлалась почти вовсе безъ пульи, подобно соломеннымъ шляпкамъ молодыхъ Флорентинскихъ дѣвушекъ. При уходѣ *Исмены* изъ Оивъ, для соединенія съ опцемъ своимъ въ городъ Минервы, на ней была бѣлая шляпка, похожая на пѣ, какія пишутся на фигурахъ, служащихъ украшеніемъ многихъ древнихъ вазъ. Когда Французы, ослѣпленные своимъ духовенствомъ, сдѣлались подданными Англійскаго Короля, отвергнувъ *Карла VI*: тогда, лишняя почестей Королева носила деревенскую шляпку, не столько для прикрытія головы своей, сколько для введенія новой моды. Король не хотѣлъ слѣдовать сей модѣ, отъ чего подвергался солнечному зною, лишился разсудка. Вскорѣ потомъ, когда изувѣрство предало въ руки непріятелей героиню Франціи и она сожжена на кострѣ за мнимое волшебство, случилась гроза, въ которую Графы *Ригмондъ*, *Фоа* и *Арманьякъ* являлись въ городскихъ шляпахъ. Въ то время, какъ *Лудовикъ XI* воз-

велъ сыновей Герцога *Немурскаго* на эшафопъ опца ихъ, шляпы были въ большомъ употребленіи. *Лудовикъ XII*, не хотѣвшій ни въ чемъ подражатъ своему предшественнику, ввелъ круглую черную бархатную шапку, обложенную сверху широкимъ золотымъ галуномъ; но шляпы снова появились при *Францискѣ I*, его сынъ и преемникъ. При *Генрихѣ IV*, вельможи носили шляпы съ перьями и бахрамою; но просполудины долго еще удерживали свои шапки. Введеніе бобровой шляпы опносятся къ 1446 году. *Карль VII* имѣлъ на себѣ такую при вѣздѣ въ Руанъ. Шляпа сія, подблпая бархатомъ, была съ золотою кистью. Въ послѣдствіи приняты маленькіе шапочки; онѣ не подвязывались и были съ полями или круглые. Ихъ подблпал мѣхомъ, украшали золотою бахрамою, сурками и дорогими каменьями. Онѣ прикрѣплялись снуркомъ, подвязаннымъ подъ бороду.

Уже болѣе двухъ столѣтій, какъ Англійское духовенство, особенно монахи, носятъ шляпы; онѣ походили на фуражки. *Иннокентій IV*, присвоившій себѣ право раздавать короны посредствомъ буллъ, подобно древнему Риму, дѣйствовавшему въ такомъ же случаѣ силою оружія, удовлетворилъ суепность Кардиналовъ, дозволивъ имъ носить красныя шапки. Этого мало: въ 1300 году онѣ замѣнены на гербахъ миптрами. Употребленіе зеленыхъ шапокъ, которыя существуютъ нынѣ въ гербахъ Прелатовъ, заимствовано изъ Испаніи. Архіепископъ Санскій, *Тристанъ Салазаръ*, хопя родомъ Бискаецъ, первый ввелъ ихъ во Франціи, когда *Юанна Гашетъ*, предводительствуя женщинами города Бове, сражалась мужественно и принудила Герцога Бургонскаго снять осаду.

Офицеры въ парадѣ не снимали своей каски, такъ какъ кавалеры снимали оныя при входѣ въ церковь и въ какое либо благородное собраніе. Такимъ образомъ обыкновеніе снимать шишакъ было поводомъ ко введенію въ обычай являться съ открытою головою въ публичныхъ мѣстахъ и въ присутствіи особъ, коимъ мы обязаны уваженіемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ послѣдней главы Евгенія Онѣгина, романа въ стихахъ, сочиненнаго А. С. Пушкинымъ ().*

На снѣгахъ изстѣченныхъ льдахъ
Играешь солнце; грязно шаешь
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быспрыи бѣгъ

XL.

Спремить Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Ташьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идешь, на мерпвеца похожий.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу; дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Чпожь его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидишь, неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаешь
И тихо слезы льешь рѣкой,
Опершись на руку цекой.

XLI.

О, кпобъ нѣмыхъ ея спраданій
Въ сей быспрыи мигъ не прочишалъ!
Кпо прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Книгинь-бъ не узналъ!
Въ поскъ безумныхъ сожалній
Къ ея ногамъ упалъ Евгенийъ;
Она вздрогнула, и молчишь,
И на Онѣгина глядишь
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасиій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей вняшно всё. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опляшъ воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаешь,
И не сводя съ него очей
Опъ жадныхъ успъ не опымаешь
Безчувспенной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходишь долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
Довольно; вспаньше. Я должна

(*). Продается въ С. Петербургѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по пяти рублей экземпляръ. За пересылку въ другіе города прилагается 80 копѣекъ.

Вамъ объяснишься опкровенно.
Онѣгинъ, помнишь-ль пошь часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и пакъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и чпо-же?
Чпо въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче — Боже! — спынешъ кровь,
Какъ полько вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ пошь спрашный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

Тогда — не правда ли? — въ пуспынѣ,
Вдали опъ суешной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Чпожь нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не попомуль, чпо въ вышемъ свѣлтѣ
Теперь являясь я должна,
Чпо я богата и знашна,
Чпо мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Чпо милоспивъ за по къ намъ Дворъ?
Не попому-ль, чпо мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ общеспивъ принеспъ
Вамъ соблазнишельную честь?

XLV.

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, спрогий разговоръ,
Когда-бъ въ моей липъ было власпи,
Я предпочла-бъ обидной спраспи
И эшимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хопъ жалоспъ,
Хопъ уваженіе къ льшамъ...
А нынче! — чпо къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малоспъ!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Бышь чувспва мелкаго рабомъ?

XLVI.

А мнѣ, Онѣгинь, пышность эша
Поспѣмой жизни мишура;
Мои успѣхи въ вихрь свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сей часъ опадаетъ я рада
Всю эту вепошь маскарада,
Весь эпопѣй блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За пѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинь, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и пѣнь въшвей
Надъ бѣдной нянею моею...

XLVII.

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неоспорочно,
Бышь можешь, поспушила я:
Меня съ слезами заклинаний
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу меня оспавить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есшь
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавишь?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

XLVIII.

Она ушла. Стоишь Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!

Ш А Р А Д А.

Мое *начальное* на глазъ весьма похоже,
Глядишь и пучишься на васъ;
Однако же не глазъ;
Оно хозяйну алмазовъ всѣхъ дороже.
Мой слогъ *второй*
Считаюшъ смершныя всѣхъ бѣдъ своихъ виной,
Хоть онъ не виноватъ ни сколько:
Извольте слушаешь только.

Онъ невиновенъ, что *Глушцовъ*

Несчастливо играешь,

Въ томъ, что *Хлыстовъ*

Свои творенія пугоныко съ рукъ сбываетъ.

А *шлюе* мое въ шеренгѣ задней ходишь,

Качается въ прубѣ, попомъ на споль нисходишь,

И памъ своей гробъ и поржесство находишь.

Въ No 31, помѣщенная шарада значить: *Мои-ли*.

К Р И Т И К А.

Дочь купца Жолобова. Романъ, извлеченный изъ *Иркутскихъ преданій*. Соч. И. Калашикова. Четыре части. С. Петербургъ. 1831.

Сочинитель говоритъ въ предисловіи: «здавая сей романъ, я имѣлъ въ виду познакомить читателей съ краемъ, который оплачаясь богатствомъ произведеній и разнообразіемъ природы и жителей, до сего времени все еще составляетъ страну малоизвѣстную, почти баснословную.» Целью изобразить отдаленную, обширную Сибирь не въ сухихъ, обнаженныхъ статистическихъ описаніяхъ, но въ живой, привлекательной картинѣ романа, счастливо достигнута Г. Калашиковымъ, который за трудъ свой заслуживаетъ благодарности не только Русскихъ, но и другихъ Европейцевъ. Въ семъ отношеніи книга его стоитъ гораздо выше тѣхъ произведеній, въ которыхъ подъ формою такъ называемаго романа, не заключается никакой основной мысли, способной привлечь вниманіе читателя, болѣе другихъ наблюдательнаго. Если при извѣщеніи о новой книгѣ нужно находить ей параллель между извѣстными произведеніями словесности, то романъ Г. Калашикова, какъ справедливо было сказано въ одномъ періодическомъ изданіи, ближе всего подходитъ къ сочиненіямъ Американца Купера, у котораго изображеніе гражданственнаго состоянія его опечесства, нравовъ, домашняго быта его согражданъ, подчиняетъ себя происшествію, служащія ему только для украшенія картины. Такъ и у Русскаго Автора. *Дочь купца Жолобова*, хотя дѣвушка заниматель-

ная и любезная, дѣлится въ его книгѣ уча-
 спіемъ чипапелей, съ изображеніемъ Сибир-
 ской природы, нравовъ, обычаевъ Сибири и
 нѣкоторыхъ историческихъ ея событій. Впро-
 чемъ, кажется, умная *Наталья* ничего отъ
 эпого раздѣла не перелепъ. Напропивъ, увле-
 кая за собою взоры чипапелей по назначен-
 ному ей Авпоромъ поприщу, она одушевляетъ
 послѣднее весьма выгодно для себя; она
 нужна на немъ, какъ человѣческая фигура
 въ карпинѣ, представляющей виды физиче-
 ской природы. Другія лица, помѣщенные на
 заднемъ планѣ въ болшемъ, или мѣньшемъ
 отдаленіи отъ героини романа, также очень
 характерны и возбуждаютъ постоянное любо-
 пытство. Купецъ *Груздевъ* съ своею сожи-
 тельницею и дѣтьми *Григорьевъ* и *Маланью*,
 ревизоръ *Крыловъ*, прикащикъ *Лисицынъ*,
 подъячій *Запекалкинъ*, хотя представляю-
 щіе не лучшія стороны человѣчества, хо-
 тя взятые изъ низкой природы, имѣютъ не
 менѣ заслуживающіе совершенное одобрение
 мастерскою и оригинальною своею отдѣл-
 кою. Эти портреты списаны съ натуры,
 но не простымъ живописцемъ, а художни-
 комъ, который въ самомъ подражаніи природѣ
 изобрѣшаетъ и творитъ, и списаны кистью
 смѣлою и широкою. Безнравственный, зако-
 снѣлый въ порокъ, въ любостыженіи *Груз-
 девъ*, деспотъ въ своемъ семействѣ, которое
 его боится, но не любитъ; ловкій плутъ
 безсовѣстнаго его прикащика, самымъ мошеч-
 ничесствомъ заслужившаго выгодное мнѣніе сво-
 его хозяина; войны на дворѣ и въ огородѣ ме-
 жду братомъ и сестрою *Груздевыми*; тол-
 ская мать ихъ, забравшаяся въ горницу сво-
 его мужа, чтобы красить у него повары, и
 прячущаяся отъ него за большой образъ —
 рѣшительно доказываютъ въ Авпорѣ пла-
 лантѣ свѣжій и самобытный. Сибирь у него
 вся въ живыхъ образахъ. Послушайте глу-
 пую болловню эпихъ двухъ бабъ на берегу
 Ангары, запруженной льдинами во время *ръ-
 коставы*; посмотрийте, какъ онѣ заговорив-
 шись и не замѣпивъ, что опморозили себя од-
 на носъ, другая ухо, оппираютъ ихъ снѣ-
 гомъ. Это такія Теньеровскія карпинны, ко-
 торыя не испорчили бы лучшей галереи. Весь
 романъ разеказанъ языкомъ свободнымъ и ес-

пешвеннымъ, примѣненнымъ къ характерамъ
 и положеніямъ дѣйствующихъ лицъ. Описанія
 самой Сибири прекрасны. Землетрясеніе въ
 Иркутскѣ, буря на Хамарь-Дабанѣ, самой
 высокой изъ Саянскихъ горъ, замерзаніе Ан-
 гары, Байкаль съ своими окрестностями го-
 ворятъ воображенію чипапелей. Вводныя опи-
 санія нравовъ Бурятъ, торжествованія *осен-
 няго* ихъ праздника, рассказы Нерчинскихъ
 жипелей: спа двадцатиплѣтняго Ермѣя *Ха-
 барова* и осмидесятиплѣтняго сына его *Про-
 копя*, котораго отецъ называетъ молокосо-
 сомъ, о воинскихъ подвигахъ *Хабарова* (Ере-
 мѣева отца), казака *Дежнева* и Маіора *Пав-
 луцаго*, завоевателей разныхъ странъ Сиби-
 ри; подвигахъ, которые сохранились въ Сибир-
 скихъ преданіяхъ, но внѣ ея весьма мало
 извѣстны, имѣли бы большую цѣну и не въ
 романѣ. — Нельзя пещслать всего хорошаго
 въ книгѣ Г. *Калашикова*; но совѣтуемъ каж-
 дому любителю Опечествленной словесности
 прочесть её, и смѣло сказать ему спасибо,
 если не отъ лица всего человѣчества, какъ
 объявилъ благодарность Авпору небольшой
 описательной поэмы одинъ рѣшительный Жур-
 налистъ, то по крайней мѣрѣ, отъ лица Рос-
 сіи. Не смотря на указанныя опспупленія и
 описанія, они не прерываютъ нищи повѣ-
 ствованія, которое идетъ своимъ порядкомъ,
 и ни на мнуну не перелепъ занимапельно-
 сти. Подробности его нигдѣ не лишнія, но
 напропивъ дополняютъ изображеніе Сибир-
 скихъ обычаевъ и мѣстностей, какъ на при-
 мѣрѣ: рубка капусты въ сараѣ, сопровождае-
 мая разговорами дѣвушекъ и разговоромъ спа-
 рухи, и п. п. Лица, играющія въ немъ самыя
 неважныя роли, такъ сказать, спашпсты,
 фигуранты, имѣютъ свою физиогномію и слу-
 жатъ къ украшенію цѣлаго. Таковы: сваха
Лукерья Савишина, продавецъ казеннаго вина
 Московскій мѣщанинъ *Сибиркинъ*, купецъ *Не-
 удачинъ*, мспшпельная Шаманка, и пр. Эпи-
 зоды Г. *Калашикова* вообще счастливо из-
 браны. Проказы *Пирушкина* (вымышленное
 имя), Начальника Нерчинскихъ заводовъ, ко-
 торый раздаетъ чины, сыплетъ въ народъ
 казенныя деньги, даетъ ему пиры, празду-
 етъ *открытие новой благодати*, приказыва-
 етъ пѣть въ обѣднѣ Христосъ Воскресе го-

раздо послѣ Вознесенья, и всё это дѣлаеть въ сумасшесствіи, однѣ составили бы веселую повѣсть. Ужасная смерть Ревизора, сгорѣшаго внушренимъ огнемъ опъ пьянства, такъ же очень на своемъ мѣстѣ, и любопытна еще болѣе, какъ феноменъ весьма рѣдкій, но однако истинный. Намъ кажется только, что двое изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа *Алексѣй* и отецъ героини *Жолобовъ* не столько интересны, какъ другіе. Любовникъ могъ бы кажется бытъ избранъ изъ другаго сословія, а не изъ сословія опврашительныхъ *Запекалкиныхъ* и прочихъ спрадалцевъ *колочки*. При томъ же *Алексѣй* анахронизмъ въ этой книгѣ, опносящейся къ половинѣ прошедшаго столѣтія, и для мальчишки приказго того времени, учившагося грамотѣ въ тогдашнемъ Иркутскѣ, не кспати пускайся въ философію, какъ на примѣръ, когда онъ съпуетъ о заблужденіи Буряпа, наказывающаго своихъ боговъ, предается восторгамъ при величественныхъ явленіяхъ природы, и п. п. Напрасно Авторъ хопѣлъ сдѣлать изъ него какого-то Чильдъ-Гарольда; такой характеръ не ладитъ съ Сибирью. *Жолобовъ* же довольно безхарактеренъ. Всё его достоинство состоить въ добротѣ сердца, которая сама по себѣ не всегда благоприятствуетъ произведеніямъ искусства.

А. Г.

MODES.

Robes. Manteaux.—Les draperies à la Sévigné sont toujours en majorité. Plusieurs corsages à cœur sont garnis d'une ou deux rangées de tulle uni tuyauté. Les robes de bals ont occupé toutes nos célèbres couturières; mais elles vont maintenant créer des toilettes de promenade; et nous ferons savoir leur décision:

— Un des plus jolis manteaux qu'on puisse voir s'est offert à nos regards dernièrement à une sortie de spectacle. Il était en velours noir, à carreaux jaune d'or, et garni de franges de soie en torsade jaune et noir.

Costumes d'enfans.— On voit des petites filles très-joliment mises avec des jupons en chaly de couleur, pantalons pareils, spencers de velours noir, manchons de martre, et chapeaux de pluche blanche.

Les petits garçons portent beaucoup de blouses en mérinos avec des pantalons blancs, collerette plissée soutenue par une petite ctavate en soie de couleur, casquette.

Les enfans un peu plus grands portent les pantalons à sous-pieds; une petite veste ronde, quelquefois formant un peu la pointe derrière, ouverte sur le devant; chemisette plissée et cravate de soie noire; chapeau rond.

Pl. No 12. Redingote à brandebourgs.—Costumes d'enfant.

МОДЫ.

Платья. Плащи.— Личы всего болѣе дѣлають съ складками à la Sévigné. Многіе личы, сдѣланные сердцемъ, обшиты въ два ряда гладкимъ полемъ, сложеннымъ въ трубочки.— Всѣ наши извѣстные швеи занимались доселѣ бальными платьями; а теперь будутъ изобрѣщать наряды для прогулокъ; мы извѣстимъ нашихъ читателей о ихъ опредѣленіи.

Мы видѣли недавно три выходы изъ спектакля весьма красивый плащъ: черный бархатный, съ клепками золотого цвѣта, обшитъ шелковою вштою бахрамою, черною съ желтымъ.

Дѣтскіе костюмы.— Маленькихъ дѣвочекъ одеваютъ весьма красиво: юбочка изъ шалеовой цвѣтной матеріи, панталоны такіе же, черный бархатный спензеръ, муфта изъ куницы и бѣлая лапшавая шляпка.

Мальчики носятъ, по большой часпн, меринсовые блузы, съ бѣлыми панталонами, воротничекъ сложенный въ складочки, подхваченъ небольшимъ цвѣстнымъ шелковымъ галспучкомъ, на голову шапочка.

Дѣпи, которые поболье, носятъ панталоны съ застѣжками подъ ноги, небольшой круглой камзольчикъ, иногда сзади съ мыскомъ, спереди опкрытый, воротничекъ сложенъ въ складочки, черной шелковой галспучъ, круглая шляпа.

Карп. No 12. Рединготъ съ брандебурями.— Дѣтскій костюмъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 33.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ дошавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 23 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Невѣжда въ ослѣплень
Бранишь науки и ученья
И вся ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РОСТОВЩИКЪ.

Девять лѣтъ живу я на одной квартирѣ въ Моховой улицѣ, не далѣко отъ Гагаринской пристани; лѣспница ко мнѣ подъ зеленымъ свѣсомъ на дворѣ, въ лѣвомъ углу. Моя дверь прямо, а на лѣво къ моему сосѣду, который двадцать три года корпится здѣсь безвыѣздно и, кажется, присосъ къ своимъ двумъ комнатамъ, какъ улипка къ своему черепу. Мы съ нимъ познакомились потому, что онъ приходилъ иногда ко мнѣ за огнемъ, повѣрялъ по моимъ своимъ старинные деревянные часы съ кукушкою и берѣлъ у меня Адресъ - Календарь и Памятникъ Законовъ— для справокъ, а рѣчь Г. *Полева* о невественномъ капиталѣ и сочиненіе покойнаго Князя *Парентія Николаевича Енгальева* о физическомъ и нравственномъ воспитаніи, съ присовокупленіемъ словаря добродѣтелей и пороковъ— для услажденія души. Справедливость пребудетъ однакожь добавитъ, что у моего сосѣда есть и собственныя книги: древняя Россійская Вивлиоика, Ареасадъ, Кадмъ и Гармонія и нѣсколько рукописей. Сосѣдъ мой лѣтъ сорока пяти, высокъ, сушудоватъ, шучень,

широкоплечъ, волосы на головѣ рыжіе, слегка подѣрнутые красною краскою съ просѣдкою; они подсприжены у него въ кружокъ, какъ у Донскихъ казаковъ; лице круглобагровое, какъ полный мѣсяцъ; глаза бѣлые; почки какъ оловянные и почки безъ рѣсницъ. По буднямъ ходилъ онъ въ свѣтлокоричневомъ, опрятномъ, какъ фракъ Англичанина, серпукъ понкаго сукна, въ черномъ галстукъ, манишкѣ и плисовыхъ цвѣща Русскаго пабаку брюкахъ, въ аломъ казимировомъ жилетѣ съ большими розанами, вышитыми въ памбурѣ. По праздникамъ надѣваетъ онъ свѣтло-синій фракъ съ вызолоченными пуговицами, повязываетъ на шею пестрый платокъ, приколаный булавкою съ огромною эмалевою бабочкою, у которой вмѣсто глазъ вставлены разноцвѣтные спѣкляшки яркихъ цвѣтовъ на фольгѣ; по при такихъ же камешковъ, изъ спекла же, на манеръ изумудовъ, яхонтовъ и рубиновъ, посажены на каждомъ крылѣ ея.— Вдоль манишки пришиты шесть обдѣланныхъ въ серебро граненыхъ хрусталиковъ, въ видѣ пуговицъ. Табакерка у него серебряная съ чернью, Вологодской работы, а красные клѣпчатые носовые платки Аспраханской мануфактуры. Сосѣдъ мой достоинъ вашего зна-

комспва, мои чипапели и чипапельницы; шеспь дней мыкаепся онь по Госпшному двору, гдѣ собираепть долги; по аукціонамъ, гдѣ скупаепть за безцѣнокъ повары и перепродаепть на кредитъ въ при-дѣорога; изъ Управы Благочинія бѣжитъ въ Словесный или Надворный Судъ, опшуда къ Маклеру или въ Справочное мѣсто; только опть Совѣспнаго Суда имѣепть онь природное опвращеніе. Въ праздни-ки вспаепть въ 4 часа, опсправляетъ къ Семіону слушаепть заупренію и раннюю обѣдню, спа-виепть сорока-копѣечную свѣчу свѣпымъ безсребренникамъ Космѣ и Даміану и, по окончаніи Божеспвенной службы, проходя вонъ изъ церкви сквозь спрой нищихъ, важно раздаепть счѣпомъ десяепть грошей на право и на лѣво.

Онъ никогда не держипть у себя въ квар-тирѣ ни денегъ, ни закладныхъ вещей. Однажды обронилъ онъ въ сѣняхъ серебряный полшникъ, шедшая за нимъ прачка подняла и хопѣла опдаепъ ему, но онъ опть него опрѣкся, сказавши ей, что у него ни въ карманѣ, ни въ сундукѣ не бываетъ никогда денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ иногда присылаепть ко мнѣ свою кухарку заняепъ четвертакъ или гривенникъ; а у него миллионъ въ Банкѣ! Онъ вычипаепть съ своихъ запмодавцевъ и за то, что ѣздилъ на извожикъ, и за то, что бѣгалъ пѣшкомъ. Чрезвычайно рѣдко ссужаепть онъ въ займы деньгами безъ вѣрнаго заклада. Если же иногда рѣшается на такую, какъ онъ самъ объясняепть, непроспительную въ его лѣпа глупость: то непначе, какъ за при-процента на рубль въ недѣлю и не подѣ заемное письмо, а подѣ росписку особенной формы, избобрѣтенную въ 1819 году Г. Н. Н. — Всю прислугу его составляетъ старая кухарка, которой плашипть онъ 2 рубля въ мѣсяцъ и кормипть. Чай пѣепть онъ въ прикуску; обыкновенный споль его составляетъ студень, щи съ свининою или солонцою и гречневая крупная каша; въ Воскресные дни прибавляются вапрушки или пироги съ капустою и яйцами. Рѣчь у моего сосѣда пшкая, пропяжная, сладенькая; онъ никогда не горячипся. Трудно рѣшипть: состарѣлся ли онъ преждевременно, или сберегъ свою молодость на цѣлый вѣкъ.

Жизнь моего сосѣда печепть пшко и ровно, какъ маятникъ спѣнныхъ часовъ его съ кушкою. Онъ, можно сказаепть, лѣхонмспвуепть жизнию, и сосредоточиваепть весь человѣческія чувспвованія въ одномъ Я. Это человекъ—асспгнація. Кромѣ меня, никто не посѣщаепть его изъ приѣззи, а всѣ изъ нужды; со мною онъ иногда охотно разговариваепть. Сими знаками довѣременности обязаепъ я девяти-лѣпнему съ нимъ знакомспву. Есть ли у него родня и пріятели? Мнѣ неизвѣспно. Я долго дѣлалъ надъ нимъ наблюденія, анапомп-ровалъ въ немъ двоякаго человека (homo duplex), то еспть, нравспвеннаго. Я не охотникъ до системъ — и насъ не спану мучипть ими; представлю одни факты.

Вчера вечеромъ я зашелъ къ этому золотому испукану и заспалъ его неподвижно сидщимъ въ креслахъ. Глаза его прикованы были къ огромной раззолоченной фарфоровой чашкѣ: какъ будто бы онъ повѣрлял на ней свои счѣпы и расчѣпы. Нагорѣлая тонкая сальная свѣчка копшиплась передъ нимъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, кухарка въ лахмотьяхъ почшиппельно выглядывала изъ за-двери, пощип копъ, ходя вокругъ хозяина, мяукала голодную пѣспю. Трифонъ Яковлевичъ поднялъ на меня глаза и молчалъ; но подлѣ него сподля спуль, мнѣ приготовленный и ожидалъ меня. «Ужели это сущеспво мыслиепть?» — сказалъ я самъ себѣ: «знаепть ли оно, что такое Богъ, чувспвительность, прекрасный полъ, дружба, пожерпвованіе, счастье? . . .» Я пожалѣлъ о немъ, какъ обыкновенно сожалѣють о больномъ; но скоро почувспвовалъ, что пощъ, кто имѣепть миллионъ рублей въ Банкѣ, можетъ мысленно обладать цѣлою вселенною.

«Здравспвуйте, дорогій Трифонъ Яковлевичъ!» сказалъ я ему. Онъ повернулъ ко мнѣ голову, вскочилъ съ кресель, взялъ меня за руку и всенижайше просилъ садипсья. Красныя брови его разгладипсь. —

«Вы также невеселы, какъ въ прошъ день, когда получили извѣспіе о скороспспижной кончинѣ подрядчика *Скоробогитова*? Уже-ли и сегодня, кто вибудъ обанкротѣлъ?»

Въ первый разъ еще заговорилъ я съ нимъ о деньгахъ. Онъ долго глядѣлъ на меня и сказалъ сладкимъ голосомъ, похожимъ на фальш-

вые звуки флейты: *я забавляюсь!* — «Какъ! вы иногда забавляетесь?»

Онъ пожалъ плечами и взглянулъ на меня съ сожалѣніемъ. — «Нѣтъ завиднѣ моей жизни;» продолжалъ онъ. Оловянные глаза его оживились. — «Топъ, кто не имѣетъ денегъ — есть рабъ обспоятельствъ; человекъ богатый — царь своей участи! — — Послушайте, я расскажу вамъ свои сегодняшнія приключенія — и вы можете себѣ представить мои удовольствія.» Онъ вспалъ, заперъ дверь на крюкъ, опустилъ полинялыя шпоры, коихъ ржавыя кольца зазвенѣли на желѣзномъ прутѣ — и опять занялъ свое мѣсто. — «Нынѣшнимъ упрямъ слѣдовало мнѣ получить деньги только по премъ обязательствамъ. Уланскій Офицеръ, женихъ полумилліона рублей, въ придачу къ копмъ получаетъ онъ дебелую дѣву, дочь Коммерціи Совѣтника, взялъ у меня за при мѣслца передъ симъ подъ сохраненіе 5 п. рублей до перваго моего воспреобанія, и далъ мнѣ въ помъ на гербовой бумагѣ собственноручную росписку. Онъ нанимаетъ бель-этажъ на Липейной, въ домѣ иностраннаго карепника *Фрейштюгге*. Онъ принялъ меня въ большой залъ, гдѣ окружали его шорникъ съ новыми хомуцами, порпной съ новыми мундирами, карепникъ съ рисункомъ новой чепверомѣспной карепсы; на немъ былъ шлафрокъ изъ Турецкой шали, на шеѣ Турецкая шаль, на ногахъ красные сачьянные сапожки, на головѣ какая-то странная шапочка, въ зубахъ трубка. Увидя меня, онъ смѣшался, бросилъ все и всѣхъ, выпустилъ чубукъ изъ рта и, взявъ меня за руку, повелъ въ пышную гостиную.

Не успѣли мы войти, какъ онъ свиснулъ: пригоженькій казачекъ вбѣжалъ для принятія господскихъ приказаній. — «Кофе для нежданнаго дорогаго госпя *Трифона Яковлевича!* Мальчикъ исчезъ. Учпиво объявилъ я ему о наспупленіи условеннаго между нами срока; о помъ, что деньги, коими по знакомству ссудилъ я его, были чужія, что хозяинъ неопспупно ихъ требуетъ. Мой женихъ-Уланъ вспыхнулъ, осыпалъ меня бранью, угрозами, упомянулъ о незаконныхъ проценпахъ, о помъ, что онъ донесетъ на меня Полиціи, что не имѣетъ наличныхъ денегъ, что пред-

спавилъ въ обезпеченіе моего долга свободное свое имѣніе въ —ской губерніи, что меня для примѣра другихъ надобно проучить. Я выслушалъ хладнокровно — и, когда онъ кончилъ: по доложилъ ему, что онъ деньги у меня не занялъ, а взялъ на сохраненіе до перваго моего воспреобанія. «Я ихъ пребую;» — произнесъ я пвердымъ голосомъ — «вы обязаны мнѣ возвращить ихъ сію минуточку!» Мой должникъ призадумался; между пѣмъ принесли кофе, я взялъ чашку, выпилъ — и хотѣлъ было покрыть, но хозяинъ мой попросилъ меня выкупать другую; я повиновался. — «Что же вы спанете со мною дѣлать, почтеннѣйшій *Трифонъ Яковлевичъ!* У меня, клянусь вамъ всѣмъ, что есть свято, нѣтъ денегъ!» — Пойду на васъ жаловаться. — «Къ Полковому Командиру?» — Нѣтъ, къ будущему вашему песпю. — «Сохрани васъ Боже; вы Христанинъ, вы не захопите разстроить мою свадьбу, зарѣзать меня.» — Вспнъ вы начали войну: ругали меня, грозили . . . кричали на меня. . . . — «Виноватъ, простите, я вспылчивъ . . . это порокъ, который всегда вводилъ меня въ бѣду . . . простите меня, забудьте прошедшее.» Я готовъ, съ моей стороны, снисходя къ вашпмъ обспоятельствамъ, оказать вамъ всякую услупчивость. — Черезъ пять минутъ мы были самые лучшіе друзья, и пока облитый въ золото казачекъ бѣгалъ въ лавочку за гербовою бумагою, мой женихъ показалъ мнѣ всѣ свои комнаты, всѣ мѣбели, хрусталь, фарфоръ. Возвращаясь въ гостиную, я взялъ съ него добавочную росписку въ 1000 руб. и далъ слово ждать 3 мѣсяца. Мы распались.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

Ч И Ж И К Ъ.

(Истинный Анекдотъ.)

Я люблю видѣть прихотъ въ женщинѣ! — Это дѣлаетъ её любезною, живою, можно сказать, сущеспвомъ воздушнымъ! —

Во время прогулки нашей по упрямъ въ прекрасную погоду, или подъ арками Палероля, или на бульварахъ, сколько желаній воз-

буждается въ бѣдной моей *Анетт* при видѣ сей выспавки всѣхъ произведеній роскоши и моды! — То нравилась ей одно, по желала бы она имѣть другое! — Здѣсь привлекаетъ взоры ея шляпка, памъ шаль, еще далѣе алмазы! — И желанія сїи такъ мимолѣпны, какъ быспрый бѣгъ рѣзваго ребенка, который на минупу садится на цвѣписпомъ лугу, и бѣжитъ далѣе, не оставляя и слѣдовъ.

Но изъ всѣхъ сихъ лепучихъ прихотей, одна слишкомъ глубокое впечатлѣніе произвела въ душѣ *Анетты*; надобно было исполнить еѣ. Слушайте, что вамъ расскажу:

Прежде женитьбы моей, *Анета* (жена моя) часто сходила съ претъяго этажа внизъ, гдѣ жила приврапница; вы хотите знать, для чего? полюбовалась чижикомъ и послушала его пѣнія, какого она опъ роду не слыхивала.

Послѣ свапъбы нашей, *Анета* съ удовольспвіемъ переселилась въ мое ученое, укромное жилище въ улицѣ *des Beaux-Arts*; не проходило ни одного дня, чтобы она съ груспью не вспоминала объ улицѣ *de Tournois*, о милой шпичкѣ! —

Многіе мужья конечно мнѣ позавидуютъ; ибо ничего не спойтъ удовлетворить такое желаніе; но это было не такъ легко, какъ иные думаютъ: старая приврапница безъ ума любила своего чижика.

Въ одинъ день, это было въ Іюль 1830 года, по прозбѣ *Анетты*, я прихожу къ приврапницѣ; послѣ обыкновеннаго привѣтспвія, я начинаю дружески говорить съ нею, стараюсь поддѣлаться къ ней, какъ молодой кандидатъ къ своему избѣрапелю. Наконецъ дошло дѣло до чижика.

— Чижикъ пвой поѣтъ не дурно, Г-жа *Петти* (имя приврапницы). Мнѣ бы хотѣлось достать такого же — для *Анетты*. — Ну что за чижикъ! заглядѣнье! — Гдѣ бы мнѣ купить такого же? —

Приврапница совѣтовала мнѣ прогуляться къ шпичнику, торгующему въ улицѣ *Saint-Jacques*.

— Это очень далеко, Г-жа *Петти*. —

«Если угодно, я схожу за васъ, сударь;» подхватила приврапница, начиная подозрѣвать спрасп мою.

— Послушай, старушка, что если пожерпвовапъ 50-ью франками? —

«Ахъ, сударь, я за сто не отдамъ своего чижика;» отвѣчала приврапница, угадывая мыслъ мою.

— Не шупя, я заплачу вамъ 50 франковъ. —

«Что вы говорите, сударь?»

— Хочешь ли 50 франковъ? —

«Ахъ, сударь. . .»

— Ну, двѣспи франковъ? —

«Нѣтъ, нѣтъ. . .»

И въ эту минупу она напнула свой спарый платокъ на клѣпку, чтобы не спомрѣл на ея ппичку, подобно мужьямъ-ревнивцамъ, которые бояпся показывапъ женъ своихъ, чтобы въ нихъ не влюбилсь.

Я пересказалъ *Анетт* о маломъ успѣхѣ моего предпріятія; но это еще болѣе раздражило ея охоту. Что спуть дѣлать? Дипломатическія уловки не удалсь; *Анета* такъ нѣжно и помно спомрѣла на меня голубыми глазами; я рѣшилсь унести чижика!

Случай къ тому предспавился. Въ первыхъ числахъ Августа Маркизъ *N.* уѣхалъ въ свою деревню.

Прихожу къ приврапницѣ и нахожу еѣ въ слезахъ о разлукѣ съ своими господами, къ копорымъ она такъ много была привязана: довольно сказапъ, что чувспвительность переселилась изъ бель-этажа въ подвалъ.

Г-жа *Петти* говорила мнѣ, что на другой день въ два часа пополудни она опправилась къ Маркизу. Этого было мнѣ довольно.

На другой день въ 2 часа являюсь въ улицѣ *Tournois*. Я не заспалъ никого, кромѣ мужа Г-жи *Петти*. Услужливый спарикъ, по прозбѣ моей, пошелъ купить мнѣ сигарку (замѣтите, что я никогда не курю). Въ это время я успѣлъ подмѣнить чижика, и съ торгомъ спѣшу къ *Анетт* съ милою ея шпичкою. Можете судить, какова была ея радость!

Сдѣлавъ единспвенное похищеніе въ моей жизни, я долго въ томъ раскаявалсь.

На дняхъ поспшилъ я Г-жу *Петти*.

— Ты еще не распалась съ своимъ чижикомъ, добрая старушка, сказапъ я ей; въ прошломъ году я давалъ за него двѣспи франковъ; не успупишь ли его мнѣ пеперь за полу же цѣну? —

«Ни за что въ свѣтъ, сударь.— Повѣрите ли, примолвила она, съ прогасельнымъ видомъ, повѣрите ли, что съ пѣхъ поръ, какъ наши добрые господа увъхали, бѣдная ппичка еще ни разу не пѣла!»

Нѣтъ сомнѣнiя, что подмѣсенный мною чижижъ, была самка.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

НАПОМИНАНIЕ.

Ты лепи, лепи скорѣй

Опъ кровавыхъ сихъ полей

Жаворонокъ рѣзвый, пѣжный!

Съ пѣсню сладкою спремглавъ

Съ неба на поле упавъ,

Ты не цвѣтъ найдешь подснѣжный,

Не пушистую праву;.....

Здѣсь опорванныя руки,

Тамъ пробисную главу,

Или раченана жуки.....

*

Ты лепи, лепи скорѣй

Опъ кровавыхъ сихъ полей

Съ пѣсню сладоспной, унылой:

Здѣсь не пѣсни сельскихъ дѣвъ,

Не свирѣль въ шѣни деревъ

Пасхуха съ подругой милой

Заглушающъ голось пвой:

Только псовъ здѣсь завыванья,

Громъ орудiй, ядеръ вой,

Умирающихъ спенанья.....

*

Ты лепи, лепи скорѣй

Опъ кровавыхъ сихъ полей!

Тамъ, гдѣ съ милой въ роцъ шѣмной

Разспавался я весной,

Тамъ кружись надъ ней и пой:

Можепъ спашься, пѣсню помной

Ты напомнишь друга ей,

Счашья прошлаго мгновенья.....

О, лепи, лепи скорѣй, —

И спаси опъ преспуленья!.....

П. Манасеинъ.

8-го Марта 1831.

М. Карчевъ.

ПРОЗА И КУ.

Видалъ ли пы Вандиковой Мадонны
Прекрасныя, небесныя чершы?
Моцаршовы плѣншпельные поны
Слыхалъ ли пы?

Видалъ ли пы роскошный берегъ Крыма?
Слыхалъ ли пы, какъ о его границъ
Сѣдый хребетъ волны неукропимой
Дробясь, шумишь?

Видалъ ли пы младенца въ колыбели?
Всмопрѣлся ли въ невинныя черпы?
И что ему *невидимге* пѣдъ
Слыхалъ ли пы?

Нѣтъ? — Такъ иди-жь дорогою печальной,
Земли пуспынной безпрігопный сынъ,
И по скаламъ, къ пвоей опчизнѣ дальной
Бреди — одинъ.

Ты не видалъ Вандиковой Мадонны,
Ты не поспигъ небесной красопы;
Моцаршовы плѣншпельные поны
Не понялъ пы!

Ал. III — въ 2.

Тверь. — 1832.

НА СКАЛАХЪ ЕНИСЕЯ.

(1831 г.)

Тамъ, гдѣ дивныхъ скалъ громады,
Прелестъ грозная очей,
Руша каменны преграды,
Льется, блещетъ Енисей.....

Поэпическою душой
Я привѣспивую пвои,
Исполнивъ спраны утрюмой,
Горделивыя спруи! *

На скалахъ пвоихъ высоко
Съ незапамяпныхъ временъ
Видѣнь врѣзанный глубоко
Рядъ паниспвенныхъ пшьменъ.....

Дланъ вѣковъ ихъ начершала
Въ эпю мрачную скрижалъ,
Въ память пѣхъ, кого умчала
Неразгаданная даль. *

Чьи здѣсь были пепелица?
 Чьихъ кургановъ рядъ спойшь?
 Чьи безмолвныя кладбища
 Дикій беркутъ спорожишь?...
 Бури, вѣки и народы
 Измѣнили здѣсь свой видъ;
 Но, не чуя непогоды,
 Ты всё пошь же, какъ гранишь!

*

Лейся-жь, лейся величаво!
 Обшекай, какъ и всегда,
 Подъ прославленной Державой
 Руси сѣлы, города!
 Поэтическою думой
 Я привѣщспвую швою,
 Исполниъ спраны утргомой,
 Горделивыя спруи!

И. Петровъ.

Лчнискъ.

В А С И Л Ё К Ъ.

(Басня.)

Цвѣтъ въ полѣ Василёкъ прелестный, голубой;
 Людская рѣчь о нёмъ: «цвѣшокъ хороше собой;
 А пользы отъ него — такъ никакой.»
 Безъ добродѣтели — и умъ цвѣшокъ пусной.

М. Сухановъ.

E N I G M E.

Sans être poule j'ai mon coq;
 J'ai mon cordon sans être sous le froc;
 J'ai mon fuseau, j'ai mon aiguille
 Sans être ni femme, ni fille.
 Mais j'en dis trop pour un lecteur madré.
 Tu me connais déjà sans doute?
 Non, pas encor: eh bien! écoute!
 Sans être fou, j'ai le cerveau timbré,
 Et j'ai ma clef sans être voûte.

Въ № 32, помѣщенная шарада значить: *Оло-рожь.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

Спихотворенія Александра Пушкина.
 Часть третія. — С. Петербургъ, въ Типогр.
 Департ. Народн. Просвѣщенія, 1832. — 208
 стрн. въ 8 д. л. (*).

Сія 3-я часпъ поэпическихъ произведеній
 А. С. Пушкина оппичается, какъ и первыя
 двѣ часпи, разнообразіемъ пісь, показываю-
 щимъ многоспоронность таланта въ пхъ Ав-
 торѣ. Здѣсь еспъ превосходныя оппсатель-
 ныя спихотворенія: *Кавказъ, Обвалъ, Мона-
 стырь на Казбекѣ, Делибашъ* и нѣкоторыя
 другія; элегіи, спансы, эпиграммы, Анполо-
 гическія спихотворенія, посланія, сонеты,
 пісни, опыты драматическіе и пр. и пр.

Испинный Поэпъ, въ созданіяхъ своихъ,
 одушевляеть природу: онъ придаеть ей, мо-
 жно сказапъ, оппущительныя формы, согрѣ-
 ваеть её теплопою жизни, сообщаетъ ей двл-
 женіе и умную волю. Таковъ *Пушкинъ*. Въ до-
 казательспво, выпщемъ изъ спихотворенія
 его: *Кавказъ*, слѣдующее превосходное уподоб-
 леніе бурнаго Терека молодому звѣрю:

«Играеть и воеть, какъ звѣрь молодой,
 Завидѣвшій пищу изъ клѣпки желѣзной;
 И бѣтспся о берегъ въ враждѣ бесполезной
 И лижеть упесы голодной волной....
 Вопще! нѣтъ ни пиши ему, ни оппрады:
 Тѣспяпъ его грозно кѣмья громады.»

Сіе олицетвореніе природы еше явспвеннѣе
 выражается въ спихотвореніи: *Бльсы*. *Пуш-
 кинъ* прекрасно изобразилъ въ немъ мечпы
 Поэпа-пушника во время ночи, подъ зимнею
 вьюгой. Кружащіеся, вьющіеся въ воздухѣ
 мірададами клочья снѣгу, взмяпеннаго въспромъ,
 принпмають въ глазахъ его видъ чудный, не-
 опредѣленный.

«Безконечны, безобразны,
 Въ мушной мѣсяца игрѣ,
 Закружились бѣсы разны,
 Будто листьпя въ Ноябрьр....
 Сколько ихъ! куда ихъ гоняпъ?
 Чшо такъ жалобно поюпъ?»

(*) Продаеться во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 10 руб.
 съ пересылкою по 11 руб. за экземпляръ.

Домоваго ли хоронятъ?
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчались пучи, вьются пучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ лепуцій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ. . .»

Не такъ ли Поэтъ, котораго упрату оплакиваетъ теперь скорбная Германія, описывалъ впечатлѣніе шумныхъ волнъ на удивленнаго ихъ созерцателя? Не такъ ли Байронъ вопрошалъ развалины и прахъ минувшаго? Сіе воплощеніе мечты въ существованность, обаятельно дѣйствующее на душу читателя, есть вѣнецъ таланта и вѣрнѣйшій оппшскъ печати гения.

Но дарованіе Пушкина столь же разнообразно, столь же измѣнчиво, какъ мечта Поэта, какъ мысль человека. Оно легко перелетаетъ отъ романтическаго описанія къ классическому посланію, отъ вѣжной элегии къ громкому воззванію патристическому. Прочтемъ, на примѣръ, стихотвореніе его:

«На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла,»

и вслѣдъ за тѣмъ другое: къ *клетникаль Россіи*, чтобы убѣдиться, какъ свободно муза его мѣняетъ свои впечатлѣнія, и какъ богатъ запасъ сихъ впечатлѣній въ душѣ Поэта. Сравнимъ важное драматическое созданіе: *Моцартъ и Сальери*, съ милою, испинно Русскою сказкою о *Царѣ Салтанѣ*, о сынѣ его *славномъ и могучемъ богатырѣ Князѣ Гвидонтѣ Салтановичѣ* и о прекрасной *Царевнѣ Лебеди*, — и здѣсь увидимъ мы всю гибкость языка Русскаго, послушнаго слуги подъ перомъ Пушкина. Но чтобы предсавить, такъ сказать, въ одной панорамѣ всѣ удивительные переходы, къ которымъ способенъ талантъ нашего Поэта, довольно указать на одно изъ его произведеній, самое полное, самое богатое въ семъ отношеніи: на *Бориса Годунова*. Монологъ *Пилена*, сцена въ корчмѣ на Липовской границѣ, разговоръ *Ажедмитрія* съ *Мариной*, *Боярскій пиръ у Кн. Шуйскаго*, послѣднія

слова *Бориса* своему сыну, безсмысленная пѣсня юродиваго, согрѣтая чувствомъ любви къ опечесиву, лирическая выходка молодаго *Курбскаго*, жалобы *Ксеніи* объ упратѣ милаго жениха и простидушный рассказъ Паприарха о цѣленіяхъ, совершившихся отъ мощей мученика — Царевича *Димитрія*. — Вопъ мѣра дарованій нашего Поэта, мѣра, изъ которой каждая, отдѣльно взятая доля, могла бы служить камнемъ преткновенія для писателей, не чуждыхъ нашимъ вдохновеніямъ!

Въ 3-й частіи стихотвореній *А. С. Пушкина* помѣщено пятьдесятъ при пѣсы разныхъ годовъ. Изъ нихъ одна сказка о *Царѣ Салтанѣ*, нигдѣ еще не напечатанная, занимаетъ болѣе 3-хъ листовъ печатныхъ (50 страницъ). Кромѣ ея, есть и еще нѣсколько большихъ стихотвореній.

M O D E S.

Les étoffes d'été commencent à paraître dans les principaux magasins. Après des tissus d'hiver, se déploient maintenant les mousselines et jaconas à dessins nouveaux.

Toilettes de promenades. — Voici des journées superbes qui ont fait disparaître tout-à-coup pelisses et manteaux. Presque toutes les femmes sortent enveloppées d'un immense cachemire, un boa autour du cou, et très-souvent le manchon.

— On continue à voir beaucoup de robes en velours montantes, mais le satin et la moire vont avoir la majorité jusqu'aux robes d'été.

Étoffes. — On peut présager que les gros de Naples à petits carreaux seront beaucoup portés ce printemps, car il s'en voit en quantité dans tous les magasins. Ils ont des carreaux de toute dimension; les plus petits sont les plus nombreux.

— Le chaly aussi reparait avec de nouveaux dessins appropriés à la saison. Décidément cette étoffe a pris un règne indéfini dans nos modes.

— Il se fait aussi des gros de Naples, brochés en petites colonnes, qui sont très-élégans. Nous en avons remarqués ayant des guirlandes de feuillades verts sur fond gris tendre, qui étaient très-jolis.

Toilettes de bal. — En attendant tout cela, on s'occupe encore des robes de bal, parce qu'on danse encore beaucoup. Les fleurs ornent ces robes dans tous

les genres que nous avons indiqués. Le jupon relevé sur un côté par une seule rose. Des rubans tombant de la ceinture jusqu'aux genoux, où ils sont arrêtés par des bouquets; trois bouquets posés séparément et horizontalement depuis le genou jusqu'au bas de la robe, telles sont les dispositions les plus générales.

Coiffures. — Les coiffures se simplifient à mesure que l'hiver avance; celles que nous reproduirons, en attendant Longchamp, seront d'un genre à être adoptées dans toutes les fêtes de l'été.

— On porte toujours beaucoup les cheveux lisses sur le front. On les traverse par des rangs de perles, des chaînes d'or, qui viennent tourner autour de la tresse qui forme le chou par-derrière.

М О Д Ы.

Въ большихъ магазинахъ начинаютъ показывать-ся лѣтнія матеріи. Возлѣ зимнихъ пкканей видны кисей и жаконеты съ новыми узорами.

Наряды для прогулокъ. — Съ наступленіемъ хорошей погоды исчезли шубы и плащи. Почти всѣ женщины выходятъ въ большихъ шальяхъ, на шеѣ хвосты, и часно съ муфтами.

Бархатныхъ плащевъ съ высокими лифами видно еще много, но аплась и объяръ будутъ употреблять предпочтительнѣе до лѣтнихъ плащевъ.

Матеріи. — Можно предсказать, что нынѣшнею весною будутъ много носить гроденаплей съ мелкими клѣпками, потому что они видны во всѣхъ магазинахъ. Есть клѣпки всякаго размѣра, но болѣе всего съ мелкими.

Шалевая матерія опять показала съ новыми узорами, приспособленными къ времени года. Матерія сія исключительно господствуетъ въ нашихъ модахъ.

Дѣлаютъ также гроденапли съ зашканными узенькими сполбами; они весьма щеголеваты. Мы замѣтили весьма красивые съ гирландами изъ зеленыхъ лисьевъ, по свѣтло-дикому грунту.

Бальные наряды. — Въ ожиданіи всего эшаго, продолжаютъ занимать бальными плащами, по-

тому что еще много танцуютъ. Сія плащя отдѣлываютъ цвѣтами во всякомъ родѣ, какъ мы уже описывали; юбку приподнимаютъ съ боку одною розою; спускаютъ ленты опъ пояса до колѣнъ, гдѣ прихватываютъ ихъ букетами; кладутъ при отдѣльные букета прямо, опъ колѣнъ до низу плащя; вопъ самыя употребительныя отдѣлки.

Прически. — По мѣрѣ приближенія конца зпмы, прически дѣлаются простѣе; плѣ, которыя мы опишемъ до Лонгшанскаго гулянья, будутъ такого рода, что останутся въ употребленіи на все лѣто.

Спереди гладко-зачесанныхъ волосъ видно весьма много. Сверху кладутъ двѣ нипки бусъ, или золотыя цѣпи, которыми обертывается послѣ коса, составляющая сзади репейкъ.

С М Ъ С Ъ.

Парижскіе вепошники, многочисленное племя даже поэпическое сословіе: ибо не одинъ уже вепошникъ есть герой драмой, а вепошники, какъ иной Писатель, раждаютъ миллионы, весьма недовольны новыми Парижскими телегами для чищенія улицъ, которыя похищаютъ у нихъ всѣ вепошки, а газеты даже взводятъ на нихъ напраснину, будто бы они стоворились съечь сія повозки; потому что нѣтъ болѣе вепошекъ (Lumpen (*).

Помомки древнихъ Магіаровъ въ себя опъ радости: Венгерскій Сеймъ нынѣшняго года въ первый разъ открытъ Эрцгерцогомъ Палапиномъ не на Лапинскомъ, а на Венгерскомъ языкѣ. (Георгъ III былъ первый Король, который обрадовалъ Англичанъ Англійскою рѣчью съ престола: ибо всѣ его предшественники говорили рѣчи свои въ Парламенахъ на старинномъ Французскомъ языкѣ.)

(*) Нѣмецкій каламбуръ: ибо Lumpen значитъ не только вепошки, но и сволочь.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 34.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, АПРѢЛЯ 27 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Кто лгать привыкъ, тотъ лжетъ въ бездѣлицѣ и въ дѣлѣ.

Хелмицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РОСТОВЩИКЪ.

(Окончаніе.)

«Раздѣлавшись миролюбно съ молодымъ Офицеромъ, я пошелъ черезъ Семіоновскій мостъ въ Садовую. Недѣли за двѣ передъ симъ, купилъ я очень дешево заёмное письмо у щеголька, весьма пригожаго и весьма легкомысленнаго, служащаго Секретаремъ при Графѣ *Жи-ровъ* и живущаго, какъ всѣ прежніе Секретари его, также молоденькіе и хорошенькіе — у него въ домѣ. Оно дано ему Графиней, скрыпно отъ супруга ея, вѣроятно, за какія нибудь особенныя, большія услуги. Оно было въ 10 п. а я заплатилъ за него 3 п. рублей. Графиня чрезвычайно богата — и имѣетъ свои заводы и фабрики; но щедра, особливо къ молодымъ людямъ съ большимъ достоинствомъ, служащимъ подъ начальствомъ ея супруга; она любитъ выводить ихъ въ люди. Пред-послѣднему Секретарю подарила она заёмное письмо въ 100 п. рублей, и доставила три креса иностранныхъ. Она уже не молода и никогда не была хороша; но опмѣнно умна, любезна и немножко спѣсива. Другое заёмное письмо въ 1000 руб., хотя и не на знатную и не на богатую даму; однако вѣрное, продалъ мнѣ по нуждѣ опспавной Капитанъ *Афанасьевъ*;

у котораго вдова Типулярная Совѣтница *Воротынская* купила въ Семёновскомъ полку домъ. Сегодня былъ срокъ обоимъ заёмнымъ письмамъ. Еслибъ вы знали, съ какими веселыми мыслями вышелъ я сегодня со двора. Какая радость наполняла меня при одномъ воображеніи, что если дамы сіи не въ соспоиніи заплапипъ: по онѣ примупъ меня чрезвычайно ласково, что Графиня, знатная женщина, обладающая тысячами душъ, не удостоивающая въ другую пору нашего брапа и киваніемъ головы: пупъ будетъ меня усаживапъ, улещапъ, угацивапъ. Ей пуце всего, чпобы мепа-физическій супругъ ея, безпреспанно заняпый дѣлами высшей сферы, не свѣдалъ какъ нибудь о ея вѣпреномъ, хотя и великодушномъ поступкѣ. Она будетъ разсыпапъся въ учпивоспяхъ, въ просьбахъ, а я....

Тупъ спарикъ бросилъ на меня суровый взглядъ.

«А я останусь непреклоннымъ!» — подхвапилъ онъ: «я покажусь ей, какъ мспипель, какъ совѣспъ; но оставимъ предположенія; вопъ я вхожу въ великолѣпные палаты Ея Сіапельспва. — Графиня почиваетъ! сказалъ мнѣ Швейцаръ опривиспо. — «Когда можно её видѣпъ?» — Опъ часа по полудни до 6 вечера, п. е. до самаго обѣда! — «Не больна-ли Графиня?» — Нѣпъ, но она въ 3 часа возврапилась съ бала отъ Посланника. — «Я зайду

въ часъ!»—Вышедь въ переднюю, я просилъ слугъ указать мнѣ комнапы Г. домашняго Секретаря. Меня провели чрезъ длинный коридоръ къ нему. Онъ принялъ меня радушно, спрашивалъ: какими судьбами я попалъ къ нему? Разумѣется, что я скрылъ отъ него настоящую причину. Между разговорами объ Англичанахъ и Англійскихъ лошадяхъ, до которыхъ онъ смертельный охотникъ, онъ предложилъ мнѣ купить у него бриллиантовую булабочку, подаренную ему, какъ я послѣ узналъ, въ Новый годъ Графиней. Мы въ два слова спорговались. Я опсчиталъ ему 1,200 руб., а онъ вручилъ мнѣ драгоценную игрушку. Прошедъ въ Семёновскій полкъ, я потчасъ нашелъ веселенькій деревянный домикъ Типулярной Совѣтницы *Воротынской*, и позвонилъ въ колокольчикъ. Собака, у самой калитки прикованная, залаяла — и на этотъ шумъ выбѣжала опрятно одѣтая служанка, державшая за руку двухъ прелестныхъ малятокъ, которыя бѣгали по двору, но увидя новаго для нихъ человека, помчались въ маленькій садикъ, опмѣнно чистый, гдѣ увидѣлъ я множество цвѣтовъ, кусты сирени, акацій и два или три большія дерева. Садъ отдѣленъ зеленою рѣшеткою отъ двора, который выходилъ въ другой переулокъ. Тамъ замѣнилъ я новое строеніе съ мезониномъ, еще недокончанное.—«Барыни нѣтъ дома!» вѣжливо сказала мнѣ служанка: «но если вы пришли за деньгами: онѣ готовы и, если вамъ угодно поспрудиться займи въ 11 часовъ, то вы ихъ получите.»— Я приду опять, отвѣчалъ я. Узнавъ же, что деньги готовы, я не могъ преодолѣть любопытства увидѣть молодую вдову-домоспрошительницу: это рѣдкость, а исправная плапельщица чудо. Я по какому-то инстинкту представлялъ её себѣ молодою, и пѣть больше дивился, что она такъ обстоятельно ведѣтъ дѣла свои. Упрое провѣлъ я, осматривая новое зданіе Технологическаго Института, которое выросло изъ земли, какъ грибокъ. Только пробило 11 часовъ — и я уже держался за ручку колокольчика. Опсчитавъ девять ступенекъ по оплогой лѣстницѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ, я введенъ былъ въ комнапы, недавно убранныя. Вся утварь показывала въ нихъ необыкновенную чистоту;

не было пылинки ни на овальномъ столѣ красного дерева, стоявшемъ передъ софой въ гостиной, ни на двухъ рабочихъ столикахъ, въ двухъ углахъ оной, ни на зеркалѣ, между оконъ. Я угадалъ: моя должница была молода, съ голубыми глазами, прелестнымъ спаномъ, живописною головою, опфенною каштановыми волосами, которые были гладко причесаны, залепены косою и прикрѣплены старомоднымъ черепаховымъ гребнемъ. Не забудьте, Милостивый Государь, что я между прочимъ торгую картинами. Вдовушка моя была одѣта просто, въ бѣломъ каленкоровомъ платьѣ и черномъ Англійскомъ плапкѣ, небрежно на плеча накинупомъ. Бѣлые занавѣсы съ малиновою бахромою распроспраняли пихое сіяніе вокругъ моей смрепницы. — По всему видно было, что она шла бѣлье; множество разрѣзанныхъ кусковъ полотна показывало, что она занималась работою не для домашняго обихода, а по заказу, за деньги. Подавая ей заёмное письмо, я сказалъ, что упрое не засталъ её дома. Вы, сударыня, рано выходите изъ дому?

«О, я рѣдко выхожу, а занимаюсь работою. Мои родители имѣли 800 душъ; но насъ было у нихъ шестеро; опвѣчала мнѣ моя должница. Мужъ мой, будучи Адъютантомъ у одного Генерала, женился на мнѣ поспраши; родители мои дали мнѣ 50 душъ и на 10 п. рублей приданаго. Свадьба и обзаведеніе стоили мужу моему дорого; онъ вошелъ въ долги, плапшилъ по 12 процентовъ: мы рѣшились заложить въ Банкъ нашу деревеньку. Мужъ вышелъ въ опспавку. Мы переѣхали въ Петербургъ; ему дали мѣсто Сполоначальника, казенную квартиру и дрова. Мы жили скромно, и всѣ деревенскіе доходы, за уплатою въ Банкъ процентовъ, опкладывали на чёрный день. Ахъ, этотъ день былъ не такъ далѣкъ, какъ мы воображали!» Тутъ она на минупу оспановилась, опѣрла бѣлымъ плапкомъ двѣ крупныя слезы, выкапавшіяся изъ прекрасныхъ ея глазокъ, и потомъ продолжала: «1 Юля, въ праздникъ нашей доброй Императрицы, пошли мы съ нимъ на Елагинъ; день былъ жаркій; мужъ мой почувспивовалъ жажду, выпилъ спаканъ холоднаго мѣду, слегъ горячкой—и 8 Юля, въ день Казанскія Бого-

родицы, въ 11 часовъ и 7 минутъ упря скончался. Я похоронила его на Охтѣ, попомосквала, поплакала съ двумя своими сиротами, а потомъ начала думать и о своемъ житье-бытье. Съ казенной кватирры хопя меня и не ссылали, но мнѣ самой было совѣстно долго тамъ оставаться. Я переѣхала въ Басковъ переулокъ, спала брашь шитье бѣлье и платье, а между тѣмъ, исподволь приискала купить эпомъ домикъ. За него не хопѣли взять меньше семи тысячъ; я заплавила пять тысячъ Банковыми билетами; оспальныя двѣ рассрочили мнѣ на два года безъ процентовъ. Слава Создателю, первую тысячу я коѣ-какъ накопила.» — Сказавъ сіе, она подала мнѣ свертокъ ассигнацій, я ихъ перекинулъ, положилъ въ карманъ и росписался на заѣмномъ письмѣ въ полученіи сполна суммы. Хозяйка ожидала, что я съ нею раскланяюсь, но я не могъ вспать со спуга. Во всѣхъ чертахъ ея изображалась добродѣтель, скромность, природное благородство. Всѣ предметы, еѣ окружавшіе, соотвѣтствовали ея характеру. Казалось мнѣ, что я вступилъ въ обитель чистосердечія, непорочности. Я дышалъ невѣдомою мнѣ до тѣхъ поръ радостію. Увидѣвъ Распятіе, съ теплошеюся передъ нимъ лампадою и опряжные фаянсовые горшки съ цвѣтами на окнахъ, я до того распрогался, что готовъ былъ отдать ей назадъ ея деньги и подарить брилліантовую булавочку, по упру купленную мною у Графскаго Секретаря; но рассудилъ, что сей подарокъ можетъ быть для неѣ гибельнъ. Это меня удержало; особливо, когда я расчѣлъ, что за мой брилліантъ — актриса или танцовщица заплавила мнѣ 2,000 рублей. Да и кто мнѣ поручился, что у моей смиренницы нѣтъ какого нибудь двоюроднаго брата, который прикоплетъ себѣ на грудь блестящую булавочку и промолаетъ 1000 рублей съ какимъ нибудь *Пьяношкинымъ*, *Булановымъ* или *Перельгаловымъ* въ респорациі? — Когда вы вошли, я размышлялъ, что скромница - вдовушка могла бы быть хорошенькою женочкою; вспоминалъ объ ея уютномъ, свѣпленкомъ домикѣ, о малюпкахъ, о психой жизни, сравнивалъ съ разсыянною жизнію пожилой Графини, закоснѣлой въ пышности, разврапъ и злословіи. Кстапи! я и забылъ раз-

сказать вамъ о моей аудіенціи у Ея Сіятельства. Я пришелъ къ ней въ половинѣ втораго часа; упро еще у неѣ не начиналось. Обо мнѣ доложили, и черезъ пять минутъ ввели въ круглую комнату, освѣщенную сверху, успланную коврами и уставленную диванами и креслами двадцати разныхъ фасоновъ. Графиня—женщина сухая, лѣтъ пятидесяти. Подошедъ къ ней ближе, я нашелъ черты лица ея расспроенными, шею и грудь жѣлтыми; широкая тѣнь окружала глаза ея.—«Что вамъ угодно?»—сказала она мнѣ спѣсиво. Я молча подалъ ей заѣмное письмо. Она быстро схватила его, развернула, окинула взоромъ, вспыхнула и отдала мнѣ обратно.

«Не можете-ли вы мнѣ опсрочить на шесть мѣсяцевъ? Я заплачу вамъ проценты;» сказала Графиня, указывая мнѣ на кресла. Не могу! отвѣчалъ я рѣшительно, не садясь и держа въ рукахъ бумагу. Она выдвинула изъ столика ящикъ, вынула карандашъ и начала что-то расчипывать. А я, въ ожиданіи рѣшенія, говорилъ мысленно: плаши за свое безчестіе, за спарость, за безобразіе, за развращеніе молодыхъ людей. Для распутныхъ женщинъ низкаго званія есть смиренельные и рабочіе дома; для васъ, покоящихся на шелкѣ и подъ шелкомъ,—есть угрызеніе совѣсти, скрежетъ зубовъ, скрываеый подъ припворною улыбкою, подъ напянутыми шутками; есть фурія, перзающая сердце.

«На что же вы рѣшаетесь?» ласково спросила она у меня, переставъ писать.—Подать ваше обязательство ко взысканію!—Она испугалась, и только собралась было возражать, какъ доложили ей, что Графъ идетъ. Вѣрная супруга его имѣла только время сказать мнѣ: «спрячте вексель и явивесь въ Субботу къ управляющему домовою моею конторою!» Въ эту минуту послышался легкій шумъ шаговъ—и вошелъ ея мужъ. Графиня взглянула на меня. Я понялъ еѣ. Графъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Супруга его была вся не своя. Что до меня, я улыбался, нимало не измѣняясь въ лицѣ.—«Это коммисіонеръ Англійской конторы; онъ торгуетъ у меня разными издѣлія съ моихъ заводовъ; я адресовала его къ управителю.» Я поклонился—и вышелъ.

«Скажете же теперь,» — продолжалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія, въ которыхъ я наблюдалъ его: «скажете, развѣ это бездѣлка: проникать въ самые сокровенные изгибы сердца, видѣть чужой бытъ въ наготѣ? Сцены снѣ разнообразны до безконечности; по видѣнь ужасныя раны, мучительную скорбь, по любовныя явленія и карточные игры, опть коихъ часно псцѣляются только въ водахъ Невы; по моповсво богапаго шалуна, которое доводитъ его до нищенской сумы; слышшь вопль горестныхъ и хохотъ ширующихъ. Сегодня прагедія: опецъ удавленъ съ опчаянія, что не можетъ прокормить дѣтей своихъ; завпра комедія: сынъ подобралъ ключъ и обокралъ нѣжнаго родителя. Въ молодости моей я любилъ театр; *Шушеринъ* и *Померанцевъ* прогали меня до слезъ на сценѣ; но повѣрите мнѣ, что на сценѣ свѣта молодая влюбленная дѣвица, спарый купецъ, близкій къ банкротству, мапъ, спарающаяся скрыть проказы баловня сына — прогали меня сильнѣе своимъ красорѣчьемъ. Эпи великіе актеры играли только для меня. Но никому еще не удалось меня провесити. Взглядъ мой, какъ взоръ всевѣдщаго ока: онъ читаетъ въ сердцахъ. Опть нашей братаи ничто не скрыто. Что мнѣ надобно? я имѣю все: ни въ чемъ не отказываюпъ челоуку, который развязываетъ и завязываетъ мѣшокъ. Хопимъ ли власпи? мы подкупаемъ судей и самую совѣсть. Желаетъ ли удовольствій? женщины осыпаютъ насъ нѣжнѣйшими ласками; аршинныя сперляди варяпся въ Шампанскомъ винѣ и горы ананасовъ къ нашимъ услугамъ на именинахъ у опкупщика, на крестинахъ у подрядчика. Мы самовласпи, хопя и тайно, распоряжаемъ жизнью: ибо гдѣ деньги — тамъ и жизнь. Насладившись всѣмъ, я охладѣлъ ко всему. Насъ въ Петербургѣ челоукъ двадцать: два Жнда, Армянинъ, при Француза, пять или шесть Италіанцевъ, Полякъ; прочіе всѣ Русскіе. Мы живемъ согласно, другъ у друга барышей не перебиваемъ и по Чепвергамъ обѣдаемъ вмѣстѣ у одного честнаго Нѣмца, у котораго нѣтъ прапирной вывѣски. Тамъ опкрываемъ мы всѣ финансовыя таинства. Никакое богатство насъ не удивляетъ; мы знаемъ истинное состояніе всѣхъ

пзвѣспныхъ дворянскихъ и купеческихъ домовъ; у каждаго изъ насъ есть своя *черная книга*: въ ней записываемъ мы имена людей, по видному богатыхъ, а дѣйствительно должеспвующихъ скоро лопнуть.

«Здѣсь, продолжалъ онъ, указывая на свою комнату, самый вспльчивый Гусаръ является смиреннымъ агнцемъ; сюда вѣжливо вступаептъ надупый царедворецъ, убавляетъ спѣси купецъ 1 гильдіи, бросаюпъ мнѣ спраспные взгляды первыя красавицы столицы; военный челоукъ, осыпанный крестами, входптъ извиняясь, что осмѣлся обезпкоптъ меня своимъ посѣщеніемъ; знаменитый писатель заспѣнчиво просптъ въ займы денегъ на покупку бумаги для напечатанія безспртныхъ своихъ пвореній; мы, прибавилъ онъ, вѣрнѣ всякаго дипломата знаемъ, когда будетъ объявлена война или заключится миръ.

«Скажете ли вы теперь, что нѣтъ наслажденій для челоука, одѣпаго въ коричневый серпукъ, съ карпузомъ спраннаго покроя на головѣ, живущаго въ двухъ комнатахъ?» — сказалъ онъ, пропаянувъ ко мнѣ багровое, полное, какъ мѣсяцъ, лице свое.

Оспая его, я не скоро могъ придти въ себя опъ пзумленія. Мой сосѣдъ казался мнѣ существомъ необыкновеннымъ. — Онъ умепъ, съ основательными первоначальными познаніями людей и вещей, понокъ и хипръ опъ опытности. Я видѣлъ въ немъ одушевленное золото. Жизнь и люди мнѣ омерзѣли. Не уже ли онъ правъ? Не уже ли все рѣшаюпъ деньги?

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СОБАКА ДИКАРЯ.

На восточномъ берегу Мешасебе (Америки), между двумя зелеными холмами, омываемыми рѣкою, проспираептся глубокая долина, гдѣ пальмовыя рощи своимъ густыми сѣнями освѣжаютъ зной юга.

Въ семъ-то гостеприимномъ краю, одинъ пропеспантъ, послѣ опмѣны благодѣтельного Нанпскаго поставленія, принужденный оспавить опечество, нашѣлъ приоптъ опъ гоненія изувѣровъ.

Удалясь на край свѣта, забывъ людей и забытый людьми, онъ спокойно проводилъ дни свои среди милыхъ дѣтей, единственной для него опрады, единственного общества, въ которомъ заключался весь міръ его.

У него было одиннадцать сыновей, цвѣтущихъ здоровьемъ. Старшіе изъ нихъ раздѣляли пруды съ опцемъ своимъ, обрабатывая землю. Другіе занимались охотою въ обширныхъ лѣсахъ, окружающихъ жилище ихъ, и снабжали семью свою вкусною дичью.

Одинъ изъ сыновей, воспитанный въ благочестивыхъ правилахъ, избралъ для себя духовное званіе и былъ Пасторомъ въ ближнемъ селеніи.

Такъ, почтенный изгнанникъ, ежедневно находилъ новыя удовольствія, видя умноженіе своего потомства.

Живя въ уединеніи, онъ хотя разорвалъ почти всѣ связи съ людьми, но его добродушіе и простота нрава, привязывали къ нему всѣхъ сосѣдей; онъ умѣлъ даже снискавъ любовь опъ дикихъ народовъ, которые приходя изъ отдаленныхъ мѣстъ, посѣщали иногда сію долину.

Однажды, когда всё семейство занято было разными работами, младшій изъ сыновей оплучился изъ дома около 10 часовъ утра. Ему было не болѣе 4 лѣтъ опъ роду.

Весь домъ встревожился, вездѣ искали его, на лугу, по берегамъ рѣки, около лѣса, но напрасно; нигдѣ не могли найти его. Многіе голоса повторяли: *Павель! ... Павель! ...* и одно горное эхо отвѣчало на сей зовъ.

Успрашенные родители посылали осведомиться къ сосѣдамъ; сыновья прошли весь лѣсъ, осмотрѣли всѣ горныя тропинки, чтобы найти брата — напрасный трудъ! нельзя было открыть никакихъ слѣдовъ.

Кто изобразилъ печаль опца и слезы матери?

Они въ безмятежствѣ бѣгали туда и сюда, пррешущимъ голосомъ, съ безпокойными взорами спрашивали издали возвращающихся послѣ тщетныхъ поисковъ, и получая неудовлетворительные отвѣты, приходили въ опчаяніе.

Такъ прошелъ день.

Наступила ночь, а *Павель* не возвращался: казалось, вся надежда была потеряна.

Какъ продолжительна была ночь сія для горестныхъ родителей! Они съ неперпвнѣемъ считали каждую минуту, пока проглянетъ день и можно будетъ возобновить поиски. Они съ ужасомъ воображали, что дичя ихъ погибъ въ какой нибудь пропасти или расперзанъ дикими звѣрями.

Наконецъ появился день, каждый пустился снова искать, но также бесполезно, какъ и на канунѣ.

Въ это время, одинъ дикарь отпрапляясь съ ношею звѣриныхъ кожъ изъ селенія Анагаги, зашелъ въ домъ изгнанника, чтобы отдохнуть опъ трудностей дальняго пути. Онъ не заснулъ въ немъ никого, кромѣ спарой Негрянки, которая по болѣзни оставалась дома.

— Гдѣ братъ мой? спросилъ онъ, входя въ комнату.

— Увы! отвѣчала женщина, онъ лишился своего сына, маленькаго *Павла*; теперь всѣ ищутъ его въ лѣсу.

День склонялся уже къ вечеру; было при часа за полдень.

«Возьми охотничій рогъ, сказалъ дикарь, и позови своего хозяина: я найду сына его.»

Негрянка пропробила въ рогъ, и когда опецъ возвратился, то дикарь попросилъ у него башмаки и чулки, ношенные въ послѣдній разъ маленькимъ *Павломъ*; потомъ прикликалъ свою собаку и далъ обнюхать ей сіи вещи.

Послѣ сего онъ обошелъ вокругъ дома съ своею собакою, заспавляя сіе послушное живошное обнюхивать землю.

Онъ еще не успѣлъ сдѣлать кругъ, какъ собака начала лаять; потомъ по чупью и инстинкту напавъ на слѣдъ, кинулась бѣжать въ лѣсъ.

При семъ видѣ лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ несчастныхъ родителей; они со слезами благодарили небо, которое послало имъ столь неожиданную помощь.

Между тѣмъ собака продолжала бѣжать.

Она углублялась въ лѣсъ далѣе и далѣе; сначала спарались слѣдовать за нею, но скоро она исчезла въ густотѣ лѣса.

Одинъ только дай ея слышанъ былъ вдаль;
онъ спанился поминутно слабѣ.

Вдругъ всё утихло. —

Спустился полчаса, проведеннаго въ мучительномъ ожиданіи, вѣрное живописное описаніе появилось, прыгая опять радости и ласкаясь ко всѣмъ.

Не было сомнѣнія, что оно нашло ребенка; но въ какомъ состояніи? умеръ ли онъ, или еще живъ?

Дикарь послѣдовалъ въ слѣдъ за своею собакою, которая наконецъ привела его къ дикой смоковницѣ, гдѣ лежалъ мальчикъ, еще дышущій, но слабый, изнуренный усталостью, почти при смерти. Онъ взялъ его наруки и пустился назадъ, дабы вручить его печальнымъ родителемъ, которые не могли за нимъ слѣдовать.

Такъ, послѣ жестокой горести, семейство изгнанника вдругъ предалось упоенію радости. Мать схватила ребенка, заключила его въ свои объятія и оросила сладкими слезами.

Отецъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на сіе зрѣлище, и благодарилъ небо.

Счастіе ихъ распространилось на всѣхъ, окружавшихъ ихъ: каждый поздравлялъ друга друга съ неожиданною находкою, пожималъ руку одинъ другому. — Всё было въ восторгѣ! казалось, будто каждый нашелъ въ семъ мальчикѣ своего поперянаго сына.

Родители малюпки, послѣ первыхъ восторговъ, кинулись на шею дикаря; они не могли выразить словами своей благодарности.

Дикарь казался гораздо спокойнѣе; но сердце его, не привыкшее къ нѣжнымъ ощущеніямъ, наконецъ смягчилось, и слезы невольно навернулись на глазахъ его.

Вѣрная собака также осыпана была ласками; всѣ удивлялись чудному инстинкту ея, посрамившему умы столь многихъ людей; но сіе живописное, столь же скромное, какъ и хозяинъ его, казалось въ замѣшательствѣ, сдѣлавшись предметомъ общаго вниманія, и по видимому спаралось раздѣлить общую радость.

Малюнкѣ Павлу тотчасъ подана была нужная помощь: онъ скоро открылъ глаза. Нѣсколько цѣлительныхъ капель подкрѣпили его и онъ пропаянулъ ручѣнки къ матерямъ.

На другой день, прощаясь съ дикаремъ, отецъ мальчика хотѣлъ богато одарить его; но онъ ничего не хотѣлъ взять, и съ трудомъ уговорили его принять одно только охотничье ружье.

Кличка сей вѣрной собаки, имѣющей столь чудный инстинктъ, навсегда сохранилась въ памяти признательнаго семейства изгнанника: еѣ зовутъ *Уассу*.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИ ПОСЫЛКѢ

Кагарейки именинницѣ М....ъ Бо.....ъ Кр.....и.

Пѣвецъ красавицъ, благородный!
Ты милой воли не знавалъ,
И никогда ты, господинъ свободный,
Въ поляхъ цвѣтущихъ не порхалъ! —

Въ честь именинницы прекрасной,

Я радъ свободой подарить
Тебя, но это даръ опасной:

И какъ тебѣ еѣ цѣнить?

Не понимаешь ты свободы;

И въ буряхъ сѣверной природы
Погибнешь съ пѣснью своей.

Но я, принявъ въ тебѣ участіе,

Я для тебя *придумалъ* счастье:

Принадлежать ты будешь ей!

Ея блистательные очи

Тебѣ напомнятъ звѣзды ночи;

Улыбка на ея устахъ,

Какъ лучъ денницы на цвѣтахъ,

При пробужденіи природы:

Спупай же къ ней — въ ея рукахъ

Ты не захочешь и свободы!

Ө. Глинка.

Э П И Г Р А М М А.

Мнѣ люди старые всегда, со мной при встрѣчахъ;

Твердятъ пословицу: *что голова, то умъ;*

Да какъ же вѣришь ей, коль и Пахомъ, мой кумъ,

Имѣетъ голову на плечахъ?

Силновъ.

Варшава.
1 Сентября 1831.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ Трагедіи: Порпретъ, соч. Гувальда (*).

Двѣнадцатое III, Явленіе XI.

Камилла, Живописецъ.

Камилла (послѣ нѣкопорого молчанія).

Не вижу я, какъ солнце за-горы садится,
 Какъ наспаетъ ночная темнопа;
 Однако же мнѣ слышатъ мнился,
 Какъ опворяются врапа,
 Какъ всѣ спѣшатъ подѣ кровъ домашній,
 Иный къ дѣтямъ, другой къ подругѣ молодой,
 Но всякой радостно спѣшишь домой!

Я видѣла васъ, прекрасныя горы,
 Когда я еще глядѣла на свѣтъ;
 Мнѣ слышались съ Неба священные хоры,
 Когда я любви давала объѣтъ!
 Тогда мнѣ казалось, что Ангелы всѣ
 О нашей любви съ нимъ веселились:
 Какъ было легко и радостно мнѣ,
 Но щаспливы дни тѣ не долго продлились!

Любезный былъ долженъ, оставивъ меня,
 Иппи въ опдаленныя, чуждыя спраны;
 Съ нимъ удалилась и радость моя,
 Съ симъ получила я новыя раны!

Я видѣла, какъ земледѣлецъ успалый,
 Съ работы дневной домой поспѣшалъ,
 И лишь онъ усмапривалъ домикъ свой малый,
 То топчасъ шаги свои ускорялъ.
 Къ нему выходила на встрѣчу жена,
 И дѣти и сеспры и вся ихъ семья:
 И памо подѣ тѣнью сполѣпныхъ дубовъ,
 Молилися съ нимъ за умершихъ опцовъ!

Гдѣ ты теперъ Антонио мой милый,
 Къ кому-то ты спѣшишь домой,
 Или сидишь одинъ, улымый,
 Одинъ съ глубокою поскою?

Не представляется ли предѣ тебя
 Когда нибудь пвоя Камила,
 Но помнишь ли, мой другъ, меня,

(*) Сія Трагедія, равно какъ и *Король Лиръ*—Шекспира, *Рафиэль* и *Дочь Воздуха* — Эр. Раупаха, переведены уже вполнѣ Е. Н. Коведлевскимъ.

Которая тебя любила,
 Въ душѣ которой образъ пвой
 Написанъ рѣзкими черпами,
 Живетъ которая побой,
 И юности своей мечпами?

(Живописецъ становится на колѣни и простираетъ къ ней объятія).

И лишь однѣ мечпы о ней
 Ея опраду соспавляюшь,
 Хотя перзаконъ сердце ей,
 Но въ грустной жизни упѣшаюшь!

(Камилла падаетъ на колѣни и воздвѣваетъ руки къ Небу).

О Всемогущій! ниспошли ему
 Ты благодапъ свяпую, умоляю!
 Будь милосердъ, Творецъ, къ нему,
 Его Твоей десницѣ поручаю!

(Вдали показывается Юлія съ арфой, Занавѣсъ опускается).

Е. Коведлевъ.

15 Октябрия 1831.
 С. Петербургъ.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

До облаковъ челомъ едва не досягая,
 И пѣнь широкую въ долинахъ разспилая,
 Красуюся въ садахъ, въ лѣсахъ.
 Опрѣжь мнѣ голову — и я изъ исполна
 Свернуся карликомъ—не выше и аршина,
 И по взлелѣянный на вспаханыхъ браздахъ.

Въ No 33, помѣщенная загадка значить: *Montre à répétition.*

М О Д Е С.

Etoffes. — Les toilettes parées ont encore un règne de quelques semaines, puis nous arriverons aux indications des négligés que plusieurs de nos abonnées réclament déjà, mais qui ne peuvent réellement prendre le caractère de la mode, qu'après les jours de Longchamp. Ce que nous pouvons affirmer d'avance, c'est que les petites étoffes de laine ou de soie seront très en vogue, et que de nouveaux dessins charmans perpétueront encore l'enthousiasme, avec lequel le chaly a été accueilli.

Robes. — Les tissus de soie sont ce qui domine le plus pour robes. Leurs couleurs sont variées; mais

à travers cette variété, on distingue néanmoins que les nuances foncées commencent à être abandonnées.

Une couleur *violette de Parme* un peu vive, portée depuis peu, semble prendre faveur.

Pour soirées les tuniques en blonde ou en crêpe sont toujours une mode fort distinguée.

— La blonde sert également à faire des Canezous, mantilles, fichus et colliers de toutes formes, et qui sont d'un effet extrêmement gracieux.

Chapeaux. — Les *bibis* sont toujours de bon ton, surtout ornés d'une plume de la même couleur que l'étoffe du chapeau. Cette plume se pose de deux façons; de droite à gauche, ou presque droite, et se recourbant au-dessus de la forme, et alors elle est plus courte que celle transversale. Ces plumes sont très-belles, car leurs barbes doivent être longues et bien fournies sans que rien n'y soit ajouté.

Le velours, employé périodiquement tous les hivers pour chapeaux, se porte à peine actuellement; dans les soirées, et en chapeaux-berrets, on le voit un peu plus.

La forme des habits d'hommes ne varie pas. Quelques redingotes se portent avec deux rangs de brandebourgs sur la poitrine.

Pour pantalons, on a quelques cuirs de laine en noir et en couleurs diverses; des casimirs pour pantalons et gilets, de beaux piqués blancs.

Il vient de paraître une nouveauté remarquable pour pantalons: ce sont des draps à raies tissées dans l'étoffe. Cette fois on a employé les laines de première qualité à la confection de ces draps; la plupart sont en couleurs claires, et les raies formées dans le tissage sont peu voyantes.

М О Д Ы.

Матерія. — Наряды еще будут существовать несколько недель, но испеченіи которых мы будем описывать негмже, чего желают уже многие из наших подписчиков; но они действительно не могут принять насоящаго вида моды,

прежде Лонгшанскаго гулянья. Мы можем утверждать впередъ, что легкія шерстяныя и шелковыя матеріи будутъ въ большомъ употребленіи, и что новые красивые узоры поддержатъ воспоргъ, съ которыми принята была матерія *шали*.

Платья. — Шелковыя ткани употребляютъ предпочтительно для платьевъ. Цвѣта ихъ разнообразны; но сквозь это разнообразіе замѣтно однако, что темныя цвѣта начинаютъ оспавлять.

Цвѣтъ Пармской фиалки, немного яркой, носимый съ нѣкоторого времени, кажется, входитъ въ употребленіе.

Изъ блонды дѣлаютъ также весьма красивыя канзу, маншильи, косыночки и борочки всякаго разбора.

Шляпки. — *Bibis* все въ отличномъ употребленіи, особливо отдѣланныя перомъ подъ цвѣтъ матеріи. Перо сіе прикалывается двумя способами: справа на лѣво, или почти впрямь, и наклоненное надъ шудью, въ такомъ случаѣ оно короче того, что кладется поперекъ. Перья сіи чрезвычайно красивы; волокны ихъ должны быть очень длинны и густы, безъ всякой поддѣлки.

Бархатъ, употребляемый періодически по зимамъ для шляпокъ, едва теперь уже видѣнъ на вечерахъ, и на шляпкахъ-беретахъ замѣтно его еще немного болѣе.

Форма мужскихъ серпуковъ не измѣняется. Иные серпуки дѣлаютъ съ двумя рядами брандбуровъ на груди.

Для панталонъ есть нѣкоторыя *cuirs de laine* черныя и разныхъ цвѣтовъ; каземиры для панталонъ и жилетовъ, какъ и хорошее бѣлое шике.

Показалась весьма замѣчательная новостъ для панталонъ: это сукна съ полосками, выпканными въ матеріи. На сіи сукна употреблена шерсть самой лучшей доброты; большая часть изъ нихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ; полосы, сдѣланныя въ ткани, совсѣмъ почти не примѣтны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 35.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АПРѢЛЯ 30 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Зашьюшь вечера, театры, фанты;
А наши-та всё франты
Гурьбою къ нимъ—п вдругъ, глядишь, изъ подписка
Господь пошлѣтъ имъ женишка.

Загоскинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПОХВАЛУ

книгъ: Искусство одѣваться со вкусомъ, изящностью и приличіемъ, слѣдуй модѣ; и руководитель свѣтскихъ людей къ портнымъ, съ присовокупленіемъ историческихъ свѣдѣній о модахъ, уборѣ и роскоши въ одеждѣ, относительно къ гражданственности древнихъ и новыхъ народовъ; соч. портнаго И. А. Барда старшаго.

Если нѣкоторые оспроумцы донинѣ считали слишкомъ маловажнымъ предметъ, бывшій у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ общежитіи, одною изъ сильныхъ пружинъ гражданственности: то иѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе портнаго Барда скоро образумитъ ихъ. Оно укажетъ имъ на самыхъ умныхъ людей древности, которые не пренебрегали наружными украшеніями. Они увидятъ, что самые спрогіе философы не чуждались оныхъ. *Ксенофонтъ*, *Периклъ* и даже *Филостратъ* являлись передъ нами въ богатыхъ одеждахъ; словомъ, и самые Епископы Римско-Католической Церкви поставляли одежду въ большую важность. — *Г. Барда* принадлежатъ къ числу

артистовъ, которые выждавъ свою эпоху, пользуются ею; онъ умѣлъ возвысить свое искусство, имѣющее большое вліяніе на общежитіе. Такъ, все идетъ къ своему совершенству, и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ всякой талантъ имѣетъ право на почепное мѣсто.

Судя по прилагаемымъ нами выпискамъ, портной Барда представилъ намъ плодъ глубокихъ изысканій древнихъ авторовъ; онъ совѣщался съ лѣтописями среднихъ вѣковъ, перечислялъ всё: отъ сего-по книга его наполнена доводами и примѣрами; обогащена учеными замѣчаніями, оспрыми анекдотами, легкими стихами, и если позволено шутить, говоря о важномъ сочиненіи: то смѣемъ сказать, что мѣрка стиховъ *Г. Барда* споль же изящна, какъ и покрой ихъ удаченъ. Но поспѣшимъ оправдать похвалы наши дѣломъ и послушаемъ, что онъ говоритъ:

«Обозрѣвъ часть области моды между двумя древними народами, отличными по своей образованности, разсмотримъ моду, убранство и роскошь, въ томъ видѣ, въ какомъ представляются они у насъ, новыхъ народовъ, у насъ Французовъ, гордящихся соперничествомъ въ наукахъ и искусствахъ съ блистательнымъ народомъ Аѳинъ, симъ наро-

домъ, коего характеръ не безъ причины намъ приписываютъ: ибо Авторъ путешествія молодого Анахарсиса по Греціи

Въ Афиннахъ Французовъ описалъ.

«Но прежде, нежели займемся въ особенности модою, прежде, чѣмъ обнаружимъ выгоды, ею распочаемыя, въ отношеніи къ образованности, мы поспараемся дать вѣрное понятіе о сей милой Богинѣ.

«Её часто смѣшиваютъ съ нарядомъ и роскошью, коихъ значеніе совсѣмъ иное; иногда не довольно различаютъ её отъ простаго употребленія.

«Мода измѣняетъ предметы; нарядъ употребляетъ ихъ для украшенія; роскошь распостраняетъ употребленіе предметовъ. Прибавимъ, что излишняя роскошь употребляетъ ихъ во зло.

«Мода бываетъ во всемъ, какъ въ нравственныхъ вещахъ, такъ и въ физическихъ, но особенно въ одеждѣ обохъ половъ и принадлежностяхъ туалета. Находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ вкуса, мода располагаетъ предметами, болѣе или менѣе выгоднымъ образомъ, смотря по направленію, какое даютъ ей. Отъ сего-то она такъ непостоянна,

Что на песокъ, дыханіемъ Зефира

Начертанный законъ ея,

Не можешь долговѣчнымъ бытьъ.

«Но кромѣ непостоянства, попеременно бываетъ по спранию, по прелестною, по смѣшною, по изящною, по прихотливою; часто она подчиняется разсудку, а еще чаще безумствуетъ.

«Мода, хотя легка, но иногда бываетъ постоянна; тогда она уже перестаетъ быть модою, и становится обычаемъ; ибо такое обыкновеніе часто бываетъ слѣдствіемъ владычества моды, болѣе или менѣе продолжительнаго. На пр., въ концѣ XVII столѣтія мода ввела во Францію родъ куртки съ длинными полъми, родъ бабочкиныхъ крыльцевъ; ихъ спали называть *фракалии*. Парижъ сообщилъ сіе изобрѣтеніе Лондону; скоро мода распостранила употребленіе онаго у всѣхъ, такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ

Европы; но мода, увѣковѣчивъ фраки, предоставила себѣ право разнообразить ихъ до безконечности въ покроѣ, и въ пуговицахъ и въ цвѣтѣ сукна.

«Для появленія своего, мода не всегда заимствуетъ блѣскъ отъ нарядовъ; дама, одѣтая по модѣ, часто нравилась намъ простотою и небрежностью одежды, между тѣмъ, какъ разряженная (*ornata*) часто не нравилась людямъ со вкусомъ!

«Нарядъ пребууетъ болѣе стараній и искусства, нежели думаютъ: для него нужны вкусъ и смѣлка, которыми не всѣ мужчины одарены; но которые принадлежатъ другому полу, особенно владѣющему оными по причинѣ важности его органовъ и прелести, коими обсыпала его природа; для сего-то любезнаго пола:

Искусство все украсило: алмазы,

Прелестное чело обвивъ, блестятъ,

И спорящъ, кажется, съ огнемъ живыхъ очей.

«Моду можно почестъ вѣрною подругою наряда, когда имъ управляетъ тонкій и вѣрный вкусъ. Различіе ихъ болѣе состоитъ въ томъ, что одна нравилась новостію, а другой обольщаетъ блескомъ, который еще болѣе выказываетъ природныя совершенства.

«Во всѣхъ образованныхъ странахъ вошло въ пословицу и истина сія современна созданію міра, что нарядъ согласуется съ достоинствомъ рода человѣческаго. Истина сія столь глубоко запечатлѣлась въ сердцахъ, что ни одинъ законъ — не могъ испребишь её. И возможно ли это? Нарядъ есть удѣлъ красоты. Убранство есть одна изъ принадлежностей храмовъ. Оно возвышаетъ природные дары.

«Мудрецы не всѣ любили наряжаться; но мудрость не позволяла имъ отвергать украшенія въ своихъ жилищахъ. Въ домъ *Платона* всё представляло видъ роскоши; хотя *Платонъ* опозвался отъ вышешой золотомъ и надушенной благовоніями одежды, предложенной ему *Дионисіемъ*, пираномъ Сиракузскимъ; за то *Аристиппъ* принялъ её, сказавъ, что пышная одежда не совращаетъ съ пути мудраго. *Ксенофонтъ* любилъ украшаться вѣнками. *Периклъ* и *Филопеленъ* употребляли

пышную одежду, для произведенія энтузіазма въ своихъ войнахъ. *Димитрій Полиорцетъ* блисталъ планетами и созвздіями, изображенными на его эпанчѣ. Замѣтимъ при семъ, что у Грековъ самые отличные художники любили пышно одѣваться. *Зевксисъ* присутствовалъ на Олимпійскихъ играхъ въ багряницѣ, на которой золотыми буквами вышито было имя сего превосходнаго живописца. *Парразій* являлся въ обществѣ, украшенный дорогими камнями и въ пышной одеждѣ, коей живописныя складки свидѣтельствовали въ одно время о его талантѣ, изящномъ вкусѣ и достоинствѣ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРГРАФИНЯ БАРЕЙТСКАЯ.

Въ 1808 году, *Наполеонъ*, желая удостоить себя, что Сѣверные Дворы не будутъ препятствовать его намѣренію возвести на Испанскій престолъ брата его *Иосифа*, захотѣлъ имѣть свиданіе съ Императоромъ *Александромъ*. Свиданіе сіе, какъ извѣстно, воспослѣдовало въ Эрфуртѣ, куда съѣхались всѣ Государя Рейнскаго Союза, не столько для конгресса, сколько для украшенія торжественнаго приема, даннаго имъ знаменитому своему союзнику. Французскія войска сосредоточены были въ окрестностяхъ Эрфурта. Мы стояли во Франконіи, бывъ расположены въ деревняхъ, около красиваго городка Барейта; недалеко отъ косогора, на которомъ построены древній замокъ Марграфскій. Зданіе сіе, занимающее самое живописное мѣстоположеніе, совершенно оставлено съ тѣхъ поръ, какъ скончалась послѣдняя Марграфиня *Вильгельмина* Бранденбургская. Оно сдѣлалось даже предметомъ ужаса для жителей Кумбахскаго Марграфства; носились слухи, что Марграфиня каждую ночь являлась въ замкѣ и ходила по комнатамъ въ длинной бѣлой одеждѣ, съ факеломъ въ рукѣ.—Не одинъ чело-вѣкъ, а цѣлыя сотни людей еѣ видѣли.

Хозяинъ нашъ былъ честный человекъ, съ открытымъ характеромъ, но очень суевѣренъ. Въ одинъ вечеръ, пока мы ждали ужина, онъ пустился рассказывать намъ о

чудныхъ явленійхъ Марграфини, съ такимъ просподушіемъ и убѣдительносью, которыми, какъ казалось, спльно подѣйствовали на одного изъ нашихъ собесѣдниковъ, Поручика Арпиллеріи Г...—Онъ хранилъ глубокое молчаніе во все продолженіе разсказа, часто прерываемаго колкими замѣчаніями или громкимъ смѣхомъ Офицеровъ; эпо еще болѣе напутало нашего разсказчика.

«Любезный *Вольбургъ*, не согласишься ли ты завтра показать мнѣ дорогу въ замокъ; я намѣренъ провести въ немъ ночь и хочу доказать всѣмъ жителямъ здѣшняго Марграфства, что мнимое привидѣніе существуетъ только въ ихъ воображеніи.» Такъ говорилъ, улыбаясь, Поручикъ Г...

— О, сударь, не дѣлайте этого; вы можете навлечь на себя несчастіе. Петръ *Вонзидель* былъ старый солдатъ и не прусливаго деспика; но за то, что осмѣлился видѣть Марграфиню, онъ сошелъ съ ума.—

«Я уже рѣшился, возразилъ Поручикъ; запрешнюю ночь непременно проведу я въ замкѣ и познакомлюсь съ знаменитою сестрою *Фридриха Великаго*.»

На другой день Г... приготовилъ все нужное для ночлега въ необитаемомъ замкѣ. Онъ хорошо вооружился, взялъ съ собою бублику рому, сахаръ и все нужное для пунша. По просьбѣ Г... мы проводили его до самыхъ воротъ; начиная съ полудороги, вся окрестность крыши была дикою правою и кустарникомъ: ибо въ печеніи многихъ лѣтъ никто не подходилъ близко къ замку. У воротъ, по сторонамъ коихъ возвышались двѣ огромныя башни, Поручикъ Г... высклъ огонь, зажегъ бившій при немъ факель и распался съ нами; мы пожали ему руку, и онъ смѣло пошелъ подъ сводомъ, ведущимъ на большой дворъ. Мы скоро потеряли его изъ вида. Наступила ночь и мы спѣшили возвратиться въ свою квартиру, ни мало не беспокоясь о нашемъ товарищѣ, извѣстнымъ по своей отвагѣ; мы смѣялись даже, какъ молодые люди, его спраннымъ предпріятію. Опойдя отъ замка на довольное разстояніе, мы увидѣли свѣтъ факела въ верхнемъ ярусѣ восточной части замка; но свѣтъ сей скоро исчезъ.

Хозяинъ нашъ былъ въ ужасной превогѣ, когда увидѣлъ насъ однихъ, счипая погибшимъ нашего поварища. Чпо касается до насъ, по послѣ всѣхъ шупокъ, за ужиномъ мы сами начали безпокоиться и начали раскаяваться въ томъ, чпо не удержали поварища нашего опъ безразсуднаго предпріятія.

Ночь показала намъ очень длиною, и только чпо разсвѣтъ озарилъ верхи башенъ Марграфскаго замка, какъ мы уже располагались опыскивать своего Поручика. Мы только чпо хотѣли выйти изъ кварпиры, какъ увидѣли его въ дали. Лице его было спокойно, но чрезвычайно блѣдно; плащъ его было въ беспорядкѣ, и по всему видно было, чпо онъ занятъ былъ глубокими размысленіями.

Какъ скоро мы узнали его, по бросились къ нему на встрѣчу и кричали на перерывъ: «ну чпо, видѣлъ ли ты Марграфиню?»—Онъ ничего не отвѣчалъ. Онъ пошелъ къ хозяину, которій увидя его, заплакалъ опъ радости и кинулся къ нему на шею. Нашъ пріятель сбросивъ съ себя шинель, положивъ оружіе, сѣлъ у каминна не говоря ни слова.

— Расскажи же намъ, видѣлъ ли ты Марграфиню? — спросилъ опячь одинъ изъ нашихъ поварищей.

«Я её видѣлъ и говорилъ съ нею;» — отвѣчалъ онъ холодно. Тупъ раздался обцій хожеть, и шупки посыпались на духовидца.

Хозяинъ положилъ конецъ сей забавѣ, подавъ намъ завтракъ; послѣ онаго, мы снова приступили къ Поручику съ вопросами, и онъ началъ слѣдующее:

«Теперь, когда я не могу болѣе съ вами быть одного мнѣнія о семъ предметѣ, я прошу по крайней мѣрѣ вашего снисхожденія, если хотите слышать то, чпо я видѣлъ, какъ говорилъ, собственными глазами.»

Каждый изъ насъ съ трудомъ удержалъ свой смѣхъ, и Г... продолжалъ:

«Пройдя темные ворота, я очутился на обширномъ четвероугольномъ дворѣ, заросшемъ дикою правою и кустарникомъ. Шумъ шаговъ моихъ и свѣтъ факела сопровождали ночныхъ птицъ, коимъ высокіе зубцы спящихъ служили убѣжищемъ, и пресмыкающіеся гады скрылись въ кустарникѣ; со всѣхъ сторонъ раздавались спрашные крики и поражали

слухъ мой, подобно адской музыкѣ. Направивъ шаги ко входу праваго флигеля замка, я отворилъ дверь, которая заспонала на петляхъ, и тяжелый, протяжный звукъ опдался въ безконечныхъ, пустыхъ коридорахъ. За симъ послѣдовала глубокая тишина. Передо мною открылась широкая красная лѣспница, я поднялся по ней во вторую ярусъ и прошелъ длинный рядъ комнатъ, которыя по видимому около пятидесяти лѣтъ не были посѣщаемы. Наконецъ, я вступилъ въ обширный залъ, въ которомъ хотя изорваны были обои, но въ немъ находился каминъ и двери хорошо заперлись. Здѣсь-то я рѣшился провести ночь. Я положилъ свои пистолеты, саблю и провизію, и занялся осмотромъ новаго моего жилища. Трое изломанныхъ креселъ и нѣсколько старой мебели составляли все убранство. Я собралъ въ сосѣднихъ съ пріемнымъ заломъ моихъ комнатахъ обломки старыхъ панелей и скоро прескучій огонь запылалъ въ каминѣ. Дверь, ведущую въ мою комнату, я завалилъ старою мебелью, подвинулъ одни тяжелые кресла къ камину, сѣлалъ себѣ пуншъ, закурилъ трубку и спокойно расположился ожидать полуночи, когда Марграфиня начинаетъ обыкновенную свою прогулку. Ночь была тиха; тишиственное безмолвіе ея прерывалось только изрѣдка крикомъ совъ и легкимъ спугомъ спеколь, при порывахъ западнаго вѣтра. Я успѣлъ уже осушить спакана два пуншу, и взглянувъ на часы, увидѣлъ, чпо уже было нѣсколько минутъ за полночь. Я хотѣлъ было заснуть, занятый мыслями о легковѣрн людей и склонности ихъ ко всему чудесному; но вдругъ у меня потемнѣло въ глазахъ и въ догорающихъ угольяхъ мнѣ представлялись тысячи воздушныхъ, разнообразныхъ существъ.

Внезапно мнѣ послышался опдаленный шумъ мѣрныхъ шаговъ; онъ увеличивался; прикладываю ухо, и различаю, чпо кто-то идетъ къ моей комнатѣ. Я схватываю пистолеты, взвожу курки, и въ ту же минуту старая мебель, которою завалена была дверь, съ прескомъ обрушилась вмѣстѣ съ нею. — Передо мною явилось длинное блѣое привидѣніе, которое выступало медленно и важно. Оно оснановилось въ нѣсколькихъ шагахъ опъ

меня: тогда только я пришелъ въ себя, въ состояніи былъ рассмотретьъ его. Привидѣніе закупацо было въ длинное бѣлое покрывало съ головы до ногъ; въ рукѣ его было нѣчто похожее на фосфорную свѣчу, которая изливала багровый свѣтъ; по временамъ привидѣніе прикладывало руку къ сердцу, гдѣ на покрывалѣ видно было кровавое пятно. Казалось, оно чувствовало тупую нестерпимую боль. Лице незнакомки, хотя сухое и блѣдное, являло еще слѣды благородства и красоты; въ черныхъ глазахъ ея выражалась скорбь и добродушіе. Вообще, черты ея напоминали о сходствѣ съ порпретамн *Фридриха Великаго*.

«Вы Французъ и воинъ, можете ли вы спроситься женщины?» сказала она такимъ тономъ, въ которомъ ничего не было земнаго.

Говоря сіи слова она обратила глаза на писпелемы, которые я держалъ въ рукахъ.

— Признаюсь вамъ, сударыня, что при вашемъ явленіи, въ такую пору и въ такомъ видѣ, я не могъ избавишься опъ спраха. —

Изъ учтивости я положилъ свои писпелемы на карнизъ камина. Привидѣніе, казалось, довольно было симъ вниманіемъ.

«Я *Вильгельмина* Бранденбургская, послѣдняя Марграфиня Барейпская, сказала она; знаю, кто вы и что вы пришли сюда за тѣмъ, чтобы разсѣять пуспой спрахъ, возбуждаемый присупспвіемъ моимъ въ семъ замкѣ. Но насполицимъ посѣщеніемъ своимъ я желаю принести другую пользу, которая послужитъ къ вашему счастью, къ умноженію славы вашего Императора и къ возстановленію мира въ Европѣ. Выслушайте меня. . . .»

«Я не могу пересказать вамъ то, что она мнѣ говорила, примолвилъ Г... Тайна сія споль важна въ политическомъ отношеніи, что я могу вѣрить ея одному только человеку — и эпортъ человекъ еспь Императоръ *Наполеонъ*. — Когда Марграфиня переспала говорить, она сдѣлала легкое наклоненіе головы, обратилась къ попаенной двери, которой я прежде не замѣтилъ, повернула задвижку и скоро исчезла. Ея мѣрные, важные шаги еще нѣсколько минуть опзывались въ ухахъ моихъ; потомъ снова воцарилась тишина, коню-

рая ничѣмъ не прерывалась до разсвѣта, когда я оставилъ замокъ.»

Г... сопровождалъ разсказъ свой такимъ увѣрительнымъ видомъ, что мы не смѣли болѣе смѣяться. Мы неотспушно просили его опкрыть намъ важную пайну, сообщенную ему привидѣніемъ; но онъ былъ непоколебимъ. Между тѣмъ разнеслась молва о свиданіи Поручика Г... съ Марграфинею; это много позабавило нашихъ начальниковъ. Слухъ сей дошелъ даже до Дивизионнаго Командира нашего *Делонга*, командовавшего Арпиллеріею. Онъ немало удивился, что такой опличный Офицеръ, какъ Г..., распроспраляетъ подобныя басни, и велѣлъ позвать его къ себѣ; но Г... съ кляпвою подтвердилъ свой разсказъ и увѣрялъ Генерала, что онъ имѣетъ опкрыть Императору весьма важную пайну. Генераль *Делонга* сообщил о спраннымъ приключеніи Поручика Г... тогдашнему Французскому Канцлеру Принцу *Камбасере*, который захоптъль его видѣть. Онъ пригласилъ Поручика къ обѣду; но не болѣе узналъ опъ него о семъ приключеніи, сколько мы слышали.

Камбасере выбравъ время, когда Императоръ былъ въ веселомъ расположеніи, разсказалъ ему о посѣщеніи Поручикомъ Г... Барейпскаго замка. *Наполеонъ*, любившій все чудесное, казалось, выслушалъ его съ удовольствіемъ, и улыбался не говоря ни слова. Но черезъ два дни потомъ Поручику велѣно было явиться въ главную кварширу Императора.

«Правда ли, спросилъ Императоръ, когда вошелъ къ нему Г..., что вы видѣли славную Марграфиню.»

— Точно такъ, Государь! —

«Можете ли вы разсказать мнѣ подробности вашего съ нею свиданія?»

— Одному только вамъ, Государь, я могу опкрыть ихъ. —

По данному знаку Императоромъ, всѣ присупспвовавшие въ залѣ удалились, и Г... оставшись съ нимъ одинъ, началъ было свой разсказъ. Въ это время *Наполеонъ* принявъ суровый видъ, который приводилъ въ претепъ самыхъ Королей, сказалъ ему:

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. П. ЗУБОВОЙ.

«Вы, конечно, пришли сюда не за пѣмъ, что-бы увѣрять меня въ нелѣпыхъ и пуспыхъ сказкахъ.»

— Государь, отвѣчалъ Г... съ пвердоспю, Ваше Величеспво услышите отъ меня одну полько испину: я могу заблуждапся, но то, что расскажу вамъ, я самъ видѣлъ и слышалъ. —

«Говорите.»

Тупъ Поручикъ рассказалъ ему то, что намъ уже извѣспно, и потомъ продолжалъ слышанное имъ отъ Марграфини:

«Вы служите великому человѣку; ему открыто славное поприще. Если только честное любіе не завлечетъ его въ безразсудныя предпріятія, онъ можетъ превзойти въ законодательствѣ всѣхъ великихъ людей древности и новѣйшихъ временъ, столько же, сколько онъ превзошелъ ихъ успѣхами оружія. Скоро дочь Цесарей вступитъ съ нимъ въ брачный союзъ и украсится Императорскою Короною; наследникъ утвердитъ протъ его и династію. Но послѣ сихъ великихъ событій, онъ долженъ положить бранный мечъ, возвратитъ миръ Германіи и всему Сѣверу, утвердитъ свое могущество и составитъ счастье своихъ подданныхъ. На Сѣверѣ собираются грозныя тучи и пламенные вихри воздымаются до небесъ; да спрашитъ онъ новой Полпавы и что-бы не умереть ему гораздо бѣдспвеннѣе Карла XII.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ сей аудіенціи, коей подробности, спустя много лѣтъ, сдѣлались намъ извѣспными, Г... произведенъ въ Капитаны, съ оставленіемъ при главной квартирѣ, потомъ въ Маіоры, далѣе въ Полковники; теперь онъ принадлежитъ къ числу опличныхъ Генераловъ. —

Быспрое возвышеніе сего Офцера, которое впрочемъ заслуживалъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ, было, какъ говорятъ, слѣдспвіемъ сего свиданія. Люди дальновидные заключаютъ, что рассказъ сей, хотя Императоръ мало ему вѣрилъ, подалъ ему мысль искапъ руки Эрць-Герцогини Австрійской, и что онъ хотѣлъ вознаградитъ Поручика Г..., какъ человѣка, въ которомъ родилась эта мысль.

Пер. В. Соколовъ.

Съ пѣхъ поръ, какъ дни очарованій
Минули для души моей,
И разоспало путь спраданій
Предъ мной предательство людей,
Меня покинулъ пѣсней геній,
Исчезли съ нимъ мои мечпы,
И разучились перспы
Владѣть спрунами вдохновеній!

Прошла, прошла моя чреда
Спсихами оживлять спраницы!
Давно отвыкъ я отъ цѣвницы:
Поэта слава мнѣ чужда! —
Убитый горемъ и поскою,
Не жду отъ дѣвъ уже вѣнка;
Я занялъ славою мною;
Я жажду битвъ: моя рука
Меча булашнаго жалаетъ;
Она зоветъ меня пуда,
Гдѣ ясно небо подпираетъ
Челомъ Балканскихъ горъ гряда;
Гдѣ Варна, Шумля, Силиспрія,
Возсѣвъ на скалы вѣковыя
И обложивъ громами грудь,
Къ Спамбулу охраняющъ пущь.

Велѣнья мѣ слѣдуя судьбины,
Лечу я на кровавый бой —
Къ поварищамъ вптѣспился въ спрой
И спать въ ихъ храбрыя дружины,
Что-бы свистъ карпечъ, орудій вой,
Предспртный спонтъ, звукъ ратиой спали
Изъ сердца моего изгнали
Оспротѣвшую любовь.

Но если волею Боговъ,
Тамъ, подъ чужими небесами,
Средь неприятельскихъ рядовъ
Паду подъ оспрыми мечами,
И будетъ прахъ моихъ костей
Добычей неродныхъ полей, —
Тогда, уже-ль воспоминашь
На мысль вамъ не придетъ о томъ,
Кто милой женщины желанье —

Внеси себя въ ея альбомъ —
Исполнилъ съ радостной душою,
Въ надеждѣ пой, что будешь оны
Хотя улыбкою одною
За слабый прудъ свой награждёнъ?

Силловъ.

4-го Августа 1828.

С Т А Н С Ы.

Ни бѣлизна, ни розъ румянецъ
На свѣжихъ дѣвственныхъ щекахъ,
Ни жемчужовъ эмальный глянecъ
Въ пурпурныхъ маленькихъ устахъ;
Ни кудри въ кольца завившя,
Ни взоръ пылающій огнёмъ,
Ни перси полныя, младья,
Ни гибкій спанъ — краса во всёмъ —
Не обольспяпъ души холодной;
Приманка только новичкамъ!
И воли опыта свободной
Не прикуютъ къ своимъ слѣдамъ.
Но сердца искреннїя чувспва,
Нравъ добрый, сердца чистопва;
Но здравый умъ и безъ искуспва —
Вотъ женщины доблеспъ, красота!
Всё, всё пройдепъ: поблекнутъ розы,
И бѣлизна, какъ снѣгъ, сойдепъ,
Померкнепъ глянecъ, пламень слѣзы
Зальюпъ, какъ придепъ чернїй годъ.
На кудри, вьющїяся нынѣ,
Густой надѣрнешя чепецъ,
И вопъ, подобная богинѣ —
Преобразишя наконецъ,
Бышь можешъ, въ мумію-жилицу,
Увы! не дѣшнюю уже,
Похожую на смерти жрицу
Ногой на гроба рubeжъ!!....
Но красота души и сердца
Не подлежишъ ударамъ льпъ,
И въ нѣжныхъ чувспвахъ годовѣрца
Конца ея заслутамъ нѣпъ.

Такъ я, еще въ полуднѣ знойномъ
Сей жизни находясь, мой другъ,
Я съ безприсраспїемъ спокойнымъ
На всё спремлю и взоръ и слухъ.

Конспанція! хопъ я и молодъ,
Но чашу опыта испиль,
И ко всему пишая холодъ,
Къ тебѣ лишь сердце раскалилъ.

Я полюбилъ пвой нравъ и чувспва,
И душу добрую пвою:
Ты безъ припворспва, безъ искуспва —
И я судьбу благословлю!

Благодарю я Провидѣнье,
Что испослало мнѣ тебя!
Ты небо мнѣ! И въ упоенѣ,
Сойду я въ гробъ тебя любя!

Пускай злословье пѣчишъ жало, —
Тебя оно не уязвишъ:
Тебя мнѣ Небо даровало —
И я пвоя опора, щипъ!

В. Р.

К Р Е М Л Ъ.

Склони чело, Россїи вѣрнїй сынъ:
Безсмерпный Кремль споишъ передъ побоею;
Онъ въ буряхъ возмужалъ, — и, рока власпелинъ,
Собравъ вѣка надъ древнею главою,
Возвысился могучъ, неколебимъ,
Какъ генїй славы надъ Московю!
О чернъ, пади! — спрашися осквернпшъ
Твоею пылью эпи спѣны:
На нихъ горишъ безсмерпїя печашъ,
Онъ вѣками освященны!
Здѣсь гордый умъ смпренъ, окованы мечпы,
Но сердце Русское исполнено опрады;
Порой успремлены къ землѣ нѣмые взгляды:
Тамъ, въ прахѣ — искрпшя великїе слѣды.

Н. Сталевскїй.

LOGOGRIPIE.

A une dame agée de 40 ans.
 Placée en une main habile,
 Je guide un animal aussi fier qu'indocile.
 Mon chef à bas, fille du tems,
 Je mets en fuite les amans. . . .
 Mais n'en rédoutez rien, trop aimable Glicère,
 La dent cruelle de mon père
 Ne peut rien sur l'ésprit, las grâces, les talens;
 Vous tenez d'eux votre art de plaire;
 Et quand on plait, on est toujours dans son printems.
 Въ No 34, помѣщенный логогрифъ значитъ: *Клѣмъ и Лѣнь*.

M O D E S.

Depuis une semaine les nuances claires sont devenues entièrement en faveur pour robes et chapeaux, et les gros-de-Naples, moirés ou unis, sont les étoffes qui ont été le plus employées.

La majeure partie des robes choisies par les dames, dans les magasins de nouveautés, a été couleur vapeur, et presque toutes en moiré.

Pour chapeau c'est la couleur écrue, toujours en gros-de-Naples, et principalement la couleur paille qui semblent devoir jouir bientôt d'une vogue exclusive, à en juger par le grand emploi que nos premiers magasins de modes font de cette nuance pour les chapeaux destinés à paraître à Longchamp. Ces chapeaux conservent jusqu'à présent la forme des *bibis*, et sont ornés d'une plume *frimatée*, couleur paille; les plumes *frimatées* que nous avons fait connaître les premiers comme une nouveauté adoptée par la mode, reprennent une grande faveur.

Les brodequins se portent toujours aux promenades et dans les visites. Les souliers restent sans rosettes, comme depuis deux ans; les pantoufles se garnissent souvent d'une *faveur* pelissée à petits plis. Les bas se font d'une telle finesse, qu'il est impossible de les porter sans bas roses dessous. Ceux en soie sont aussi clairs que la blonde.

M O D Ы.

Вотъ уже съ недѣлю какъ шляпки и платья видны все почти свѣплыхъ цвѣтовъ, изъ матерій всего болѣе употребляютъ гроденапли, волнистые или гладкіе.

Большая часть платьевъ, выбираемыхъ дамами въ магазинахъ новостей, цвѣта *vapeur*, и почти все объяръ.

Для гроденаплевыхъ шляпокъ цвѣтъ небъленаго баписша, а особливо соломенный, кажется, будетъ въ оплчномъ употребленіи, судя по большому количеству шляпокъ сего цвѣта, прпшпвленныхъ въ лучшихъ нашихъ магазинахъ, для Лоншанскаго гулянья. Шляпки сии до сихъ поръ сохраняютъ форму *bibis*, и отдѣлываются перомъ *frimatée*, соломеннаго цвѣта; перья *frimatées*, о которыхъ мы первые говорили, какъ о новостп, принятой модою, входятъ опять въ большое употребленіе.

Сапожки продолжаютъ носить на прогулкахъ и дѣлая визиты. Башмаки все безъ розетокъ, какъ въ продолженіе двухъ лѣтъ; къ туфлямъ пришиваютъ часто банпикки, сложенные мелкими складочками. Чулки дѣлаютъ пакъ тонки, что ихъ невозможно надѣвать безъ розовыхъ чулокъ внизу. Шелковые также прозрачны, какъ блонда.

C M Ъ C Ы.

Восходъ и закатъ солнца въ тропическихъ странахъ.—Касательнао полагаемой скорости восхожденія и захожденія солнца въ тропическихъ странахъ, Епископъ Геберъ замѣчаетъ, что при его перездѣ черезъ линію, переходъ отъ свѣта къ темнотѣ совершался гораздо медленнѣе, нежели какъ доселѣ показывали физики и эвнграфы. Маіоръ Саквилъ также пишетъ, что онъ въ продолжительности цвѣповъ на горизонтѣ и сумерковъ не замѣтилъ большой разницы прѣшивъ Англій. Они оба утверждаютъ, что между разсвѣтомъ и восходомъ солнца проходилъ добрый часъ, а между закатомъ и совершенною темнотою нѣсколько менѣе времени.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 36.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доплаткою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Мая 4 дня, 1852 года.

Осель безъ разума, а дѣйствуешь какъ должно;
Мы имъ озарены, а вѣчно судимъ ложно;
Противу склонностей природныхъ возстаемъ
И потому успѣть не можемъ мы ни въ чемъ.
(Изъ 8-й сатиры Буало.)

Аксаковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

О ПРЕЖНИХЪ И НОВЫХЪ АКТЕРАХЪ.

Кто не читалъ забавнаго и оспроумнаго *Скарронова* описанія несчастныхъ приключеній походной шайки комедіанповъ? Кто не помиралъ со смѣху, представляя себѣ важную выпутку сихъ жалкихъ артистовъ въ лохмотьяхъ, ихъ величавую осанку, ихъ сонмъ, какъ сонмъ Олимпійскихъ боговъ, медленно шествующихъ въ огромной фурѣ, сѣдящихъ на громахъ, облакахъ, мѣсяцѣ и солнцѣ?

Всѣ положенія, всѣ подробности *Скарронъ* списалъ съ натуры. Такъ происходило сіе въ эпоху появленія сего комическаго романа. Они все еще, хотя съ нѣкоторыми оппѣнками, существовали до бурнаго переворота 1789 года. Въ это время, равно какъ въ предшествовавшее и послѣдовавшее за онымъ, комедіанты не могли похвалиться избыткомъ земныхъ благъ; но скудость была для нихъ малѣйшимъ изъ золъ. Оплученіе отъ хорошаго общества, предразсудки, насмѣшки почти безпрестанно ихъ преслѣдовали; самыя рукоплесканія не всегда вознаграждали ихъ за сіе униженіе. Отъ чего же ихъ цѣхъ всегда былъ

полонъ? Отъ чего записывались въ него молодые люди съ состояніемъ, благороднаго происхожденія и даже люди знатные? Для того, что поприще сценическое, есть поприще живое, одушевленное, очаровательное; отъ того, что нигдѣ жизнь не является столь живопрепешущею.

Актеровъ, мнѣ кажется, можно сравнить съ мореходцами, которые въ самомъ превозномъ быту своемъ находятъ вознагражденіе за пысачу лишеній. Въ самомъ дѣлѣ, актеры чувствуютъ по же самое и еще болѣе: не выходя изъ кулисной сцены, комедіантъ въ нѣсколько часовъ пропечетъ всѣ вѣка и всѣ страны. Онъ одѣвается во всѣ костюмы, проходитъ всѣ состоянія; онъ и воинъ, и правитель гражданскій, и поселянинъ, и Царь, и добродѣтельный, и злодѣй; онъ плачетъ, смѣется, приходитъ въ бѣшенство, успокоивается, ненавидитъ, обожаетъ; однимъ словомъ, онъ представляетъ собою сокращеніе всѣхъ положеній въ жизни. Мудрено ли, что всякой спѣшитъ кинуться въ вихрь столь разнообразной жизни?

Прибавимъ къ тому, что скудость была удѣломъ однихъ только провинціальныхъ ар-

писповъ, и что плясать ея, конечно не слишкомъ пріятная, облегчалась и украшалась надеждою для людей съ пылкимъ воображеніемъ. Молодая актриса, арписпы, занимающіе роли любовниковъ, благородныхъ опцевъ, субрепокъ, важныхъ министровъ, надзирапельницъ, и комическіе актёры—всѣ рвутся въ столицу, всѣ надѣются рано или поздно быть пуда вызваны, всѣ живутъ и умираютъ съ сею сладостною мыслию. Французская комедія была цѣлю кулиснаго честполубія, Эльдорадо, Елисейскими полями, обѣпованною землею! Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Французскаго комика было завидное, и смѣло можно было предпочесть его сословію вельмож.

Здѣсь всѣ забывали полшпику, судилища, засѣданія, въ которыхъ рѣшается участь Европы, гдѣ пребудетъ опъ Министровъ мнѣнія: объявитъ ли войну, или заключитъ миръ; гдѣ разсмаприваются важныя внутреннія и внѣшнія дѣла. Вниманіе всѣхъ обращено было только на театръ; театръ былъ соединеніемъ пріятнаго общества, былъ общимъ предметомъ разговоровъ. Посему-то любимый арписпъ былъ душею публики; онъ замѣнялъ собою *Мирабо*, *Фуа*, *Констана*, *Манюэля*, съ большою любезностію и съ меньшими причудами. Бросимъ взглядъ на его поприще и пробѣжимъ оное съ нимъ вмѣстѣ.

Актёръ съ дарованіемъ, съ пылкимъ воображеніемъ, совершенно переселяется въ свою роль и очаровываетъ зрителей. Онъ спановитъ своимъ лицомъ, которое представляетъ, присвоиваетъ себѣ его спраспи и потребности, и когда подражаніе удачно: тогда многочисленное собраніе осыпаетъ его рукоплесканіями. Онъ наслаждается тогда своимъ успѣхомъ, наслаждается вполнѣ: ему плапятъ на личною монетою, онъ пьетъ изъ полной чаши удовольствія. Прежде прагическая актриса, занимавшая роли Принцессы и Царицы, была настоящею Царицею и Принцессою. Она оплщчалась красою, богатствомъ, все льстило ей, жизнь ея была источникомъ удовольствій. По выходѣ изъ театра, гдѣ она украшалась царственнымъ вѣнцомъ, дома ожидали ея всѣ упонченности роскоши и изобилія. Обожаемая вельможами, воспѣваемая спи-

хотворцами, она видѣла у ногъ своихъ всѣ земныя величія.

Положеніе актёровъ было не споль блистательно въ сравненіи съ актрисами; но еще болѣе завидно. Осыпанные дарами счастья и почестями, они сближались съ знапными и проводили жизнь въ кругу первыхъ вельможъ.

Они замспвовали опъ Маркизовъ ловкость и любезность въ обращеніи, и передавали имъ сіи качества въ улучшенномъ видѣ. Въ то время муштры искали общества актёровъ, а женщины спарались имъ нравиться.

Домъ Французской комедіи (который не должно смѣшивать съ публичнымъ), нѣкогда былъ мѣстомъ лучшихъ собраній въ Парижѣ. Одно преимущество открывало пуда входъ, и сіе преимущество сопряжено было только съ славнымъ именемъ, или оплщнымъ паланпомъ. Любопытно было видѣть представляющимъ въ репертуарѣ покоршеля Магона—Маршала *Ришельё*! Стоило посмотреть на знаменитыхъ историческихъ мужей, въ золотыхъ и осыпанныхъ драгоценными камнями одеждахъ, сидѣвшихъ вокругъ въ огромныхъ креслахъ, которые и теперь еще споятъ подъ поршретами *Мольера*, *Корнелля*, *Расина* и другихъ славныхъ драматическихъ писателей! Надобно было видѣть актёровъ, во Французскихъ костюмахъ, съ горизонтальною шпагою, гордо выступающихъ посреди вельможъ, имъ равныхъ; на актрисъ, съ напудренною прическою, въ фижамахъ, въ блондовыхъ платьяхъ, важно расхаживающихъ въ семъ блистательномъ собраніи и величественно принимающихъ дань всеобщаго удивленія и ласкапельства! Упоенные сими почестями арписпы невольно присвоивали себѣ всѣ привычки знапи. Дѣвица *Клеронъ* говорила не иначе, какъ Царица, съ своею служанкою, а *Дюфрени* важнымъ и поржественнымъ пономъ спрашивалъ у своего парикмахера:

Который часъ? На что парикмахеръ отвѣчалъ ему съ досподолжнымъ благоговѣніемъ: *Я... не знаю, Государь.*

Изъ всего этого, теперь ничего не осталось, и, должно признаться, драматическое искусство много опъ того попершло. Трагедія особенно служила приманкою для пылкихъ головъ, увлекаемыхъ спраспію къ споль бли-

стателъному и прекрасному поприщу. Увы, теперь нѣтъ болѣе прагедіи! *Мельпомена* надолго и, даже можетъ быть, навсегда оставила сцену. Революція пронеслась съ своими ужасами—и сія благородная фантасмагорія разсыялась. Съ тѣхъ поръ, какъ законные Короли лишились дѣйствительныхъ проньевъ: прагедія потеряла свой пронъ мечпательный.

Этотъ порядокъ вещей переѣнился было при *Наполеонѣ*, однако не совсѣмъ. При немъ актрисы имѣли также знатныхъ обожателей и экипажи. Былъ театръ, такъ называемой *Французской комедіи*, оживопрворился было посвященіями пзвѣстныхъ людей. *Лоранжъ*, *Шоазель-Стензили*, *Сегюры*, *Ксильнесы*, вмѣстѣ съ императорами, сходились туда и занимались пріятною бесѣдою. Немного лѣтъ продолжалось сіе счастливое время! Прошвнный въпръ подулъ на театръ: экипажи и веселыя собранія исчезли.

Описавъ всѣ удовольствія, какія прежде были удѣломъ нашихъ Гг. артистовъ, надобно показатъ и другую сторону медали. Эпа, споль благосклонная публика, обнаруживала иногда несносныя приходы; эпи вельможи, споль снисходительные, вымѣщали за дружеское обхожденіе, испуленнымъ высокомеріемъ. Маршалъ *Ришелье* опослалъ Г-жу *Клеронъ* въ *Fort l'Évêque*; и когда *Баронъ* жаловался Герцогу, что его люди обижаютъ *Бароновыхъ* служителей, по сей отвѣчалъ: «такъ, мой бѣдный Баронъ, для чего-жъ ты имѣешь людей!» Отвѣтъ, въ то время очень еспивенный, но въ наше время показался бы слишкомъ дерзкимъ, когда скорѣе позволятъ имѣть *ливрею* просполюдину, которій за неѣ плащитъ пошлину, нежели Перу Франціи, которій ничего за то не плащитъ.

Другое, довольно любопытное обспояпельство, въ разсужденіи актрисъ, соспошъ въ томъ, что прежде всѣ онѣ, замужнія и не замужнія, назывались *дѣвицами*; а теперь напрошввъ, называютъ ихъ *Госпожами*. Не значитъ ли эпа помѣщатъ ихъ всегда въ особенную категорію?

Въ прошломъ году одна молодая, пригожая актриса позвана была къ суду присяжныхъ въ качествѣ свидѣтельницы. На вопросъ, дѣ-

вица ли она, или замужняя? Отвѣтъ ея былъ: *Господинъ Президентъ, я актриса.*

Уменьшеніе выгодъ, представляемыхъ соспояніемъ, о которомъ мы говоримъ, по необходимости должно было уменьшитъ число охотниковъ вспупатъ въ оное; отъ сего-то съ давняго времени пруппы артистовъ рѣдѣютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дарованія вспрѣчаются рѣже. Отъ сего неудобства происходитъ другое; уменьшеніе талантовъ уменьшило число зрителей, и обратво. Вопъ вамъ причина упадка театра. Въ самомъ дѣлѣ, весьма замѣчательно равнодушіе публики къ сценическому искусству, особенно ко всѣму тому, что имѣетъ отношеніе къ закулискому быту и къ личности артистовъ. За пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, когда *Моле* занемогъ, весь Парижъ пришелъ въ волненіе, и экипажи безпрестанно тѣсвились у воротъ его дома. Едва любители театра свѣдали, что ему спало лучше, и медикъ дозволилъ ему пить по нѣскольку капель Бордосскаго вина, какъ въ печеніи двухъ дней наслади ему со всѣхъ сторонъ болѣе 4,000 бутылокъ. Правду сказатъ, что отчаспи мы видѣли примѣръ сему, когда Франція лишилась *Тальмы*; но и эпа для насъ давнопрошедшее. Какая разница съ настоящимъ! Знаменитая актриса оставила сцену, и Парижъ ничего о томъ не знаетъ.

Послѣ сего можно ли удивляться упадку театра? Актёры пребууютъ уваженія публики. Состояніе сіе сдѣлается почтеннымъ по мѣрѣ уваженія къ нему публики.

Пер. В. Соколовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЙ СТАНЪ ПОДЪ НАРВОЮ.

Повѣсть Барона Унгернъ-Штернберга.

Осеннее ночное небо одѣло Шведскій городъ Нарву въ глубокій мракъ; холодная метель, смѣшанная съ градомъ, спремительно неслась по равнинѣ Компергольской, гдѣ, шаперъ за шапромъ, до самой Юлы, далеко тянулся Русскій лагерь, опдѣленный ровомъ отъ города. Надъ необозримымъ рядомъ шапровъ

дарспвовала мерпвая пишина, прерываемая только сигналами часовыхъ, которые въ широкихъ плащахъ своихъ, съ различныхъ пунктовъ, съ валовъ и бапарей, опъ времени до времени оглашали воздухъ пропяжными окликами. Тамъ и сямъ мелькавшій огонекъ возвѣщалъ обществу Офицеровъ или солдатъ, которые за карпами или за чашею разсѣвали скуку пустынной ночи. Съ возвышенія, на которомъ величалась главная кварпшра *Головина*, раздавались сладостные звуки флейпы съ успъ знаменитого *Дюпона*, который, послѣдовавъ въ спанъ за воинспвеннымъ другомъ, услаждал досугъ его своими прелестными фанпазіями. Въ разипельной пропивоположности съ флейпою нѣжнаго пѣвца, спорожевые огни кругомъ освѣщали двойные ряды гигантскихъ морпиръ и 24 фунповыхъ пушекъ, которые, какъ горделивая почепная спража, ограждали главный пунктъ спана.

По узанькой дорожкѣ нижней бапарей, между палисадами и рогатками, пробирался, съ часпными остановками опъ нѣснопы дороги и опъ бурной непогоды, порпшезъ въ сопровожденіи прехъ человекъ, которые, крѣпко окулавшись въ синіе плащи свои, и нахлобучивъ шляпы, шли впереди носильщиковъ, и только опъ времени до времени коропко и угрюмо отвѣчали на оклики часовыхъ.

Дорога труднымъ поворотомъ повела на крупоспъ второй бапарей; когда спранники добрѣли до оной, то увидѣли предъ собою одинокій огонекъ, свидѣтельспвовавшій о близкомъ жильѣ. Сіе явленіе, при безпрерывно возрастающей ярости погоды, было слшшкомъ приманчиво, чпобы не привлечь къ себѣ нашихъ путешеспвенниковъ. Одинъ изъ окупанныхъ приказалъ носильщикамъ порпшеза остановишься, и отворилъ дверцы. Послѣ нѣсколькихъ словъ, слышался въ немъ женскій голосъ: «если вамъ угодно, дяденька, по остановимся въ эпомъ домъ, хопя и мнѣ опдыхъ не нужень.»

Маленькій караванъ оняпъ двинулся впередъ, и подошелъ къ уединенному домику, сподвшему въ концѣ лагеря. Но лишь только раздался первый ударъ въ замкнутыя двери, какъ огонекъ, будто унесенный волшебспвомъ, мгно-

венно исчезъ, и на повпоренный спукъ никто не отвѣчалъ ни слова.

«Чортъ побери! Отвори же, спарая вѣдма!» вскричалъ громовымъ голосомъ другой окупанный, и сердиппо поспучалъ въ низенькое окошечко. Вскорѣ показалась голова, отворпилось окно, и послышался брюзгливый женскій голосъ: «маркипантская палатка отсюда правѣ; спупайте пуда; здѣсь не корчма!»

— Знаемъ, бабушка!—вскричалъ первый дикимъ голосомъ: но если хочешь заслужить себѣ звонкій цѣлковый, то впусти насъ скорѣ; мы сильно продрогли. —

Спаруха припворила окно, но черезъ нѣсколько минутъ возвратилась и объявила рѣшительно, чпо никого нельзя впустить, и въ то же время внутри слышался шопотъ многихъ голосовъ.

— Такъ я выломлю дверь!—вскричалъ Офицеръ, сбросивъ съ себя плащъ:—если не впустишь насъ, то мы весь домъ поставимъ вверхъ дномъ.—Онъ дѣйспвительно приступилъ къ исполненію своей угрозы, вопреки просьбѣ дамы въ порпшезѣ, которая, казалось, болѣе боялась пустынного домика и его таинспвенной жилищы, нежели возрастающей ярости непогоды. Между тѣмъ превога въ домъ увеличивалась; на полъ падалъ домашній скарбъ, забрянчала связка ключей, и наконецъ отворилась дверь. Горящимъ огаркомъ въ полуразбитомъ фонарѣ угрюмая спарушка поспѣшила въ бурную ночь, чпобы взглянуть на гостей, которые навязывались ей такъ несптапи и такъ повелительно.—«Царю небесный!» бормотала она про себя: «чпо это за погода? Сохрани Господи паскаться въ эпокую пору! Ужь не бѣглецы ли это или бродяги!»

— Молчи, бабушка! вскричалъ Офицеръ: развѣ ты меня не знаешь? Спупай, поспѣши намъ!—

При сихъ словахъ онъ помогъ дамѣ выйти изъ порпшеза, въ слѣдъ за ними вошли и другіе проводники, и скорѣ маленькое спранспвующее общество расположилось въ жилищѣ вокругъ небольшого столика. Изба сія, по обычаю незажиточныхъ Русскихъ крестьянъ, содержала въ себѣ все богатспво хозяйки въ домашнемъ скарбѣ и одеждѣ, которые, вмѣстѣ съ закупленными на зиму запасами, ле-

жали и висѣли часпю въ низенькихъ шкафахъ, часпю на пополкѣ, на стѣнахъ и на полу. Обыкновенная шпрокая, далеко въ избу вдающаяся Русская печь, всегдашнее пребываніе и ложе молодыхъ и спарыхъ, уступила мѣсто Нѣмецкой изразцовой печи, на которой самопрялка и фляга хозяйки жили въ дружескомъ союзѣ. Она сама погда только заблагоразсудила отдасть должное почтеніе неожиданнымъ госпямъ, когда вынула изъ шкафа и засвѣпила двѣ пощія свѣчки.— «Ахъ! это вы, господинъ Генераль? Добро пожаловать! — Царю небесный! И вы Свѣплѣйшій Герцогъ? Какими судьбами я дожшла до чеспи видѣть васъ въ своей убогой хижинѣ?» — Черты спарухи однакожь, вопреки ея припворной радости и пысячѣ покорнѣйшихъ извиненій, при семъ свиданіи выражали страхъ, безпокойство и досаду. Она суепливо бѣгала на цыпочкахъ взадъ и впередъ по комнапкѣ и робко заглядывала по въ пощъ, по въ другой уголокъ. Все сіе не ушло опъ госпей, въ особенноти опъ молодой дамы, которая опъ времени до времени оглядывалась съ выраженіемъ крайняго безпокойства.

«Помнишь ли, бабушка,» сказалъ Генераль, свѣвъ за скудный ужинъ: «сколько разъ я затжалъ къ тебѣ, когда ты еще имѣла свой домикъ на берегу Наровы, когда еще живъ былъ Андрей, пвой покойный муженѣкъ.»

— Помню, помню, сударь! — опвѣчала хозяйка.

«Что было, по сплыло!» продолжалъ Герцогъ: «при покойникѣ, кажешся, тебѣ было жипьѣ привольное!»

— Не могу сказать, — возразила спаруха — покойный мужъ мой, дай Богъ ему царство небесное, былъ человекъ добрый, но онъ погубилъ меня навѣки. Кпо велѣлъ ему жениться на Шведкѣ. Теперь, когда онъ умеръ, я никому не принадлежу; пбо мои земляки и знашь меня не хотятъ, а добра покойника едва доспало на попку эптой бѣдной лачуги. Кто могъ себѣ вообразить, что Рускіе такъ скоро будутъ сюда. —

— Ты Шведка? — спросилъ Герцогъ, приспально всмаприваясь въ спаруху: смопри, берегись лазупчиковъ; если хопя одинъ у

тебя найдется: по шея пволя познакомишься съ первымъ сучкомъ. —

— Упаси Господи! Я люблю Россію не хуже всякой православной Россіянки, и каждый день молю Бога, чпобы онъ даровалъ побѣду Русскому воинству. —

«Мнѣ кажешся, у тебя была и дочь?» спросилъ Генераль: «она ужъ вышла за мужъ чпо ли?»

— Нѣтъ еще, баринъ! Да и кому въ пакія смупныя времена вздумается жениться на бѣдной дѣвушкѣ? Къ тому же, она пеперь мнѣ нужна въ хозяйствѣ. —

«Ты навѣрно её прогнала ради лазупчиковъ другаго разбора?»

— Ради лазупчиковъ — повпорила спаруха съ сердцемъ: за кого меня принимаете? — Я ужъ говорила вамъ, чпо ни одинъ перемѣпчикъ не видалъ моего порога: чеспность спарой Марѣы вѣдома всякому, кпо хопя разъ выпилъ у неё кружку Шведскаго пива. —

«Ну хорошо, хорошо, вѣрю!» сказалъ Генераль съ улыбкою: «спунай же, приведи свою дочь.»

Спаруха опворила заднюю дверь, и вошла дочь. Красный сарафанъ пѣсно облегалъ высокій, спройный спанъ молодой дѣвушки. Кашпановые волосы, оспнявшіе миловидное, здоровьемъ цвѣпущее личико, въ которомъ свѣплѣли темныя, живые глаза, волосы упали за спину двумя длинными косами съ двумя же алыми лентами. Мать подвела робкую къ прѣзжимъ, и заботливо спряхивая снѣгъ съ ея головы и сарафана, приказала ей поклониться дорогимъ госпямъ.

«Что она дѣлала на дворѣ?» — спросила молодая дама.

— Она боится чужихъ, сударыня! возразила мать: охъ, ужъ эпи солдапы, эпи пушки и шпыки такъ её наспращали, чпо она пеперь пугаешся вспрѣчнаго и поперечнаго. Лишь только вы послучались въ ворота, эпа глупенькая не знала куда дѣваться опъ спраха. —

«Эпо довольно спранно!» — замѣпила дама. Генераль, погладивъ дрожащую по розовой щекѣ, увѣрлялъ её, чпо всѣ войны, пушки и шпыки въ свѣпъ ничего злаго не умбшляютъ пропивъ пакой красной дѣвушки.

— Не бойся, Маша! уговаривала старуха, съ особенною выразишельностью: эпи господа ничево пець не сдѣлаюпть. — Она повела дѣвушку къ самопрялкѣ, споявшей въ углу, и поропливо шепнула ей что-по на ухо; по-помъ обѣ сѣли на большой сундукъ, примыкавшій къ одной спѣнѣ избы, копорая по видному не имѣла другаго выхода, какъ на проселочную дорогу. Пупешественники между пѣмъ усѣлись пѣснѣ вокругъ сполы; служитель принесъ бутылку вина, и вскорѣ завязался между ними живой разговоръ. Мы воспользуемся имъ, чтобы покороче познакомить ся съ обществомъ.

Одинъ изъ нихъ, Генераль-Лейпенаптъ Баронъ *Аллартъ*, еще довольно молодой человекъ, цвѣтущей наружности; другой, Герцогъ *Карль Евгений дѣ ла Круа*, небольшого роста, среднихъ лѣтъ, съ выразишельнымъ лицомъ, копорое въ особенноти оплнчалось большимъ орлинымъ носомъ и живыми, пронцапельными глазами. Оба они служили въ осадномъ войскѣ *Петра Великаго* и провожали къ Царю молодую Графиню *Криспину Фонъ Эрбахъ*, племянницу *Алларта*. Ся несчастная была помолвлена за одного изъ близкихъ любимцевъ *Петра*; но молодой человекъ сей какимъ-по просупкомъ навсегда упралпль Царскую милость, и съ пѣхъ поръ помился во мракъ пемницы. Тщепно знаменитые родспвенники поскующей невѣспы упопробляли всѣ средства, чтобы освободить злополучнаго юношу: ни ходатайство, ни просьбы не могли смягчить разгнѣваннаго Монарха. Сладоспнѣйшая греза любви разрушилась. Никто ужъ при Дворѣ не смѣетъ произнести имя папшаго любимца; одна лишь сильная любовь въ груди его невѣспы на по опваживается— она сама рѣшается на колѣняхъ вымолиить прощение возлюбленному. Никакое увѣщаніе не можетъ опклонить её опъ сего намѣренія, никакое препяпствіе её не успрашаептъ; дядя наконецъ принужденъ уступитъ ея моленіямъ: онъ соглашается проводить её въ лагерь Царя. Но чѣмъ ближе наспупала рѣшительная минута, чѣмъ болѣе путь приближалъ её къ могущественному Монарху, онъ единого слова коего зависѣло всё блаженство ея жизни, пѣмъ болѣе грудь ея волновали

мрачные образы, такъ, что вожапымъ ея съ прудомъ удалось опяпть оживить опрадный лучъ надежды, копорая досель соупспствовала Графинѣ, а теперъ, казалось, совершенно её покинула при входѣ въ вепхую лачугу.

Она замѣпила шопопъ хозяйки съ дочерью, и ей казалось, будто опъ времени до времени скользила пѣнъ мимо окна. Съ прудомъ одолѣнное безпокойство снова овладѣло ею; она вспала, примѣпно вепревоженная.

«Не забудьте, что мы въ Русскомъ лагерѣ, въ полуверстѣ опъ Царева шатра;» уговаривалъ Герцогъ, замѣпя безпокойство молодой Графини: «вы нигдѣ не можете быть безопаснѣ, какъ пупъ.»

— Я и не безпокоюсь, — возразила она съ спѣсненнымъ сердцемъ: и какъ намъ ужъ недалеко до главной кварпширы, по не лучше ли сей часъ пущиться въ пупешествіе; буря упихла. —

Они подошли къ окну. Вьюга переспала. Луна сіяла на небѣ, опражаясь въ водѣ прашен, копорая плянулась мимо самага домпка.

— Моя дочка покажетъ вамъ дорогу, — сказала старуха поспѣшно, и Марія, вскочивъ, поропливо набросила плапокъ на голову.

«Нѣтъ, не нужно!» — возразилъ Генераль, шупя: «ты, прусиха, вѣрно хочешь поскорѣ насъ съ рукъ сбить; эпо пець не удастся; намъ не зачѣмъ порошиться; на эпу ночь мы сами будемъ пвоя почепная спража, а поупру, чѣмъ свѣптъ, ты за по угоспшишь насъ завпракомъ.»

— Вы хопите здѣсь ночевапъ, сударь? спросила дѣвушка жалобнымъ голосомъ, и едва могла воздержаться опъ слезъ. Генераль уже хопѣлъ было оппуспитъ военную рѣзкую оспропу, какъ и племянница возопила: «неужь-по, дяденька, вы дѣйспвительно хопите пупъ ночевапъ? Сдѣлайте милость, опшравимпесь къ шатру Царя! Говоряптъ, что онъ и поздно къ себѣ допускаептъ. На моихъ часахъ только половина одинацапаго.»

— Милая моя! возразилъ дядя: пвоя часы и пвоя сердце не совсѣмъ вѣрно ходяптъ, а ночь, копорая, совершенно пропивъ правила красныхъ дѣвушекъ, такъ долго плянется для спройной Маши, могуптъ намъ васьма неприяп-

но сократись въ Царскомъ шапрѣ. И такъ, лучше останемся шупъ; здѣсь мнѣ начинаеть нравиться. —

Племянница и Маша опустили головки, между тѣмъ какъ *Аллартъ* и Герцогъ, спокойно допивая свои спаканы, мѣнялись значительными взглядами. Послѣ нѣсколькихъ минутъ всеобщаго молчанія, первый замѣпилъ угрюмо-наморщенное чело горюющей невѣсты, и чпобы помириться съ своей родспвенницею, онъ подошелъ къ ней съ спаканомъ, говоря: «за здоровье пвоего Алексѣя, Крисиана!»

Графиня обернулась, локопъ ея задѣлъ за полный спаканъ, и вино брызнуло на ея шелковую робу. — Боже мой, это дурной знакъ! вскричала облипая. — «Вопъ еще, пуспакъ!» возразилъ дядя: «мы сей часъ обрапимъ его въ хорошій знакъ. Марфа, подай-ка поскорѣе полопенце!» — Марфа пошла. — «Или, знаешь ли чпо, Крисиана,» продолжалъ онъ пороппиво: «надѣнь Машинькино платье. Я весьма желалъ бы видѣть тебя въ этомъ костюмѣ; Герцогъ и я, мы оба вмѣнимъ себя въ чеспъ, оппправляя должностъ Камеръ-Пажа при пвоемъ шуалетѣ, и я увѣренъ, чпо сей новый нарядъ къ тебѣ безподобно приспанеть.»

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДОРОГА НАДЪ ПРОПАСТЬЮ ВЪ ЧУФУТЬ-КАЛЕ.

Мирза и Пилигримъ.

(15-й Крымскій сонетъ Мицкевича.)

Мирза.

Моливу солвори, брось поводъ, опвернись
И умъ свой ввѣрь коню; вопъ онъ остановился
И смѣрлялъ глубину; смонря спокойно внизъ,
Колѣна гнешь, за край копыномъ уцѣпился

*

И свисъ; ты не гляди: взоръ брошенный шуда
Не встрѣпишь дна тамъ — нѣтъ! напрасныя усилія!
И рукъ не проспирай шуда — онъ не крылья;
И мысли не сприми. — Какъ якорь мысль; — бѣда

Коль съ небольшой ладьи онъ брошенъ — ус-
премился
Онъ въ бездну какъ Перунъ; въ дно моря не вон-
зился,

Но обернувъ ладью, погибнетъ вмѣстѣ съ ней.

Пилигримъ.

Мирза! А я взглянулъ въ шу міра щель, — и
ясно

Тамъ видѣлъ. — Чпо? скажу за гробомъ; здѣсь на-
прасно

Не спрашивай, нѣтъ словъ на языкѣ людей.

Ю. Познанскій.

Кіевъ.
1831.

О Б Е З Ъ Я Н Ы.

(Басня.)

«Марпышечка дружокъ!

Зачѣмъ кривляешься намъ напрасно?

Да дѣлаешь за прыжкомъ прыжокъ.

Вопъ, я придумалъ какъ, прекрасно!

Чѣмъ время попусти перьяшъ —

Въ запѣнную игру начнемъ съ шобой играшъ,

На гору пуспимся бѣжапъ,

И если, на примѣръ: удастся

Тебѣ меня опередить,

Изволь погда со мной, какъ хочешь расчипанься,

Гопшь хопъ шерспи горспъ — тебѣ я запла-
пимъ!

Но коль останешь ты, погда не прогнѣвися,

Такой же данью подѣлися;

Играя такъ, доспанеться попомъ

Кому нибудъ изъ насъ запасься шюфякомъ.»

Такъ говорилъ Жоко Бразильской,

Двогородной сеспрѣ своей. —

Совѣтъ сей приняпъ къ сердцу близкой, —

Всѣ обезьяны спрахъ охочи до запѣй! —

Догорясь, проказницы сравнялись,

Попомъ, всѣ всю ужъ рысь —

Скачками понеслись;

Вопъ на гору взомчались;

Жоко опередилъ.

Не говоря шупъ рѣчи,

Онъ оципалъ сесприцѣ плечи,

Какъ будпо бришвою обрилъ.

Такъ снова подъ гору, да на гору скакали,
А сами изъ боковъ другъ другу шерсть щипали:
Не знаю, долго ли рѣзвухи здѣсь играли,
Да полько кончились всѣ ихъ запѣи шакъ: .

Шалуни обѣ — голы спали,

А вихрь да въпрѣ ихъ шерсть умчали,
Не кинувъ и клочка запѣйнымъ на шюфякъ.

*

Такъ съ игроками здѣсь бываетъ;

Одинъ другаго обыграетъ,

А прибыль Бахусъ распацишь.

Хоть каршы выгодны, — кшо чшо ни говоришь,

А полько ужъ изъ эпой школы —

Иль выдесть *плутъ*, иль выдушь *голы*.

Кр. *Егоръ Алипановъ*.

ШАРАДА-ОМОНИМЪ.

Ищипе первое въ предлогахъ вы, чипашель!

Послѣднее мое естъ Англійскій писапель;

А *цѣлое* въ числѣ сухихъ плодовъ

И между Русскихъ городовъ.

Швердинскій.

Въ № 35, помѣщенный логогрифъ естъ *Bride*, въ коемъ заключается *ride*.

MODES.

Les robes cachemire sont, pour soirées ou toilettes de visites, celles que préfèrent les élégantes; on en rémarque beaucoup à fond noir. On n'y met pas de garniture, mais l'ourlet est rempli d'une bordure de palmes extrêmement riches.

Les cannezous les plus nouveaux sont à dessins grecs, et les bonnets très-petits. Les pélerines à pans croisés sur la poitrine, se font en lingerie avec un goût infini, et seront fort à la mode ce printemps.

Une charmante robe en satin couleur paille était brochée en blanc; la coiffure et la parure en perles rendaient ce costume très-doux et très-gracieux.

On voit dans beaucoup de magasins des schalls en crêpe de Chine noir, brodé en soie de couleur. On portera aussi beaucoup d'écharpes noires, également

brodées en couleur. Il y a une variété infinie d'écharpes: celles en gaze sont toujours préférées pour soirées; mais déjà celles destinées aux toilettes d'été se déploient partout. On en voit en mousseline de laine très-souples et très-barriolées, qui sont charmantes pour se porter avec des toilettes de promenade.

On voit beaucoup de nuances lilas dans les robes que l'on vient de faire; le gris de lin est aussi généralement porté dans ce moment.

Sous les chapeaux toujours force mentonnières, même sous les plus petits *bibis*; de sorte qu'avec cette coiffure la figure est à moitié cachée par la blonde.

Pl. No 13. Nouveaux costumes Parisiens.

МОДЫ.

Для вечеровъ или визитовъ щеголихи предпочитаютъ Кашемировыя платья; видно очень много съ чернымъ грунпомъ; опдѣлки никакой, а во весь рубецъ богатой узоръ пальмами.

Новѣйшія канзу съ Греческими узорами, а чепчики чрезвычайно малы. Упреннія пелеринки съ концами, положенными крестообразно на груди, дѣлаюся съ опличнымъ вкусомъ, и будутъ въ большомъ употребленіи нынѣшней весною.

Мы видѣли прелестное апласное платье соломеннаго цвѣта, зашканное бѣлыми цвѣточками; уборъ и прически съ жемчугомъ придавали сему наряду нѣчто пріятное и весьма щеголеватое.

Въ магазинахъ видно много черныхъ шалей изъ Киптайскаго крепа, вышитыхъ цвѣтнымъ шелкомъ. Много носить будутъ черныхъ шарфовъ, также вышитыхъ цвѣтнымъ. Шарфы чрезвычайно разнообразны; газовые же всѣ предпочитаютъ для вечеровъ; но назначенные для лѣтнихъ нарядовъ уже вездѣ видны; естъ изъ шерстяной кисей чрезвычайно мягки и пестры; они прелестны для прогулокъ.

Изъ платьевъ, недавно сдѣланныхъ, видно много лиловыхъ цвѣтовъ; *gris de lin* также шеперь въ общемъ употребленіи.

Подъ шляпками продолжаютъ дѣлать чепчики на щекахъ, даже подъ самыми маленькими *bibis*; шакъ чшо въ эпомъ уборъ половина лица закрыта блондою.

Карп. No 13. Последней моды Парижскіе костюмы.

№ 56. Ann. Pub. k. P. A.

1852 год

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 37.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю каршинами модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАЯ 7 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Жаль, что въ сердца иногда
Слуховаго нѣтъ окошка,
И нельзя взглянуть немпожко,
Что пворншея въ немъ когда.

Князь Долгорукой.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ТАМОЖЕННЫЙ ЧИНОВНИКЪ И МУМІЯ.

Одинъ Анпикварій, возвращаясь изъ Каира, привезъ съ собою Мумію, коей, по предположенію его, было не менѣе прехъ тысячъ шестидесяти лѣтъ. Нашъ ученый, накучивъ издою на почтовыхъ: ибо онъ проскакалъ въ дилижансѣ изъ Марсея; нанялъ въ Фонпенебло лодку — и благополучно присталъ въ Сенъ-Бернарской пристани. Горя желаніемъ скорѣе увидѣться съ своею супругою, хопя она и не принадлежала къ собранію анпиковъ, онъ поспѣшно велѣлъ уложить свои вещи на возъ; а о драгоценной Муміи вовсе позабылъ. Таможенные служители, при осмотрѣ бота, нечаянно насунулись на ящикъ спранный фигуры; они заключили, что въ немъ находятся запрещенные повары. Его тотчасъ открыли, и что-жъ увидѣли? женщину, обвитую долопняными песьмами, крѣпко запынупыми. Нѣтъ сомнѣнія, что это несчастная жертва, погибшая отъ рукъ ревниваго любовника или корыстолобиваго родственника. — Является Полцейскій Комисаръ съ двумя Хирургами, споль же свѣдущими въ Археологіи, какъ и онъ. Преступленіе очевидно; состав-

ляютъ пропocolь, и пѣло опвозишся въ извѣстное мѣсто, гдѣ выславляются пѣла умершихъ, дабы признали ихъ родственники или знакомые. — Можно себѣ представитъ, что нипко не нашелся изъ близкихъ къ ней. Между пѣмъ ученый, разбирая на другой день свои рѣдкости, вспомнилъ о забытой имъ Муміи. Онъ спѣшилъ къ переводчику, гдѣ нашъ Комисаръ ожидалъ его: прое сыщиковъ хватаютъ Анпикварія и тотчасъ опводятъ въ судилище.

«А, это ты, негодяй!» вскричалъ онъ; «наконецъ ты мнѣ попался.»

— Г. Комисаръ, что всё это значитъ? —

«Не прикажешь ли объяснитъ тебѣ всѣ обстоятельства совершеннаго побою убійства?»

— Мною совершеннаго убійства, мною! —

«Въ какомъ, по крайней мѣрѣ, ты былъ участникомъ.»

— Чѣрпъ возьми, если вы, Г. Комисаръ, наяву не бредите. —

«Я брежу! послѣ пого, какъ у тебѣ нашли въ ящикѣ мерпвое пѣло, что внесено въ пропocolь, надлежащимъ порядкомъ учиненный!»

— Такъ только-то, — сказалъ смѣясь Антикварій, которій понялъ, въ чемъ sospoшпъ дѣло.

«Ты еще смѣешь шушпшь! Злодѣйство, которое приводитъ въ ужасъ... Съ побою не должно перяпть времени; начнемъ допросъ: кто положилъ эту молодую дѣвушку въ ящикъ, гдѣ она найдена?»

— Я, сударь. —

«Протоколиспть! пиши! Кто обернулъ еѣ половняными пѣсьмами съ головы до ногъ?»

— Я же, Г. Комисарь. —

«Протоколиспть, запиши, что онъ сознался въ преступленіи.»

— Этого ужъ слишкомъ много. —

«Не болѣе того, что сдѣлано. Какихъ лѣтъ была дѣвушка?»

— Лѣтъ девятнадцати. —

«Откуда уроженка?»

— Я думаю, изъ Меменса. —

«Вести такую даль, для того, чтобы умертвить злодѣйски бѣдную женщину!... Но прошу продолжать: когда она умерла?»

— Около трехъ тысячъ шести сотъ пятидесяти лѣтъ пому назадъ. —

«Ба! ты опять изволишь забавляться!»

— Совсѣмъ нѣтъ; могу вамъ доказать, что покойница жила при одномъ изъ Фараоновъ. —

«Я велю тебѣ, сударь, заковать въ кандалы.»

— Это дурная шутка, Г. Комисарь; теперь позволите сказать вамъ не шутя, что вы величайшій невѣжда... Какъ могли вы не различить мертваго тѣла отъ Египетской Муміи? —

«Муміи!»

— Конечно, Государь мой; и еслибъ вы не были такъ опрометчивы въ составленіи своихъ допросныхъ пунктовъ, то, по крайней мѣрѣ узнали бы, что вы говорите съ Графомъ Д**, Членомъ Академіи надписей и изящныхъ наукъ. —

«Ахъ, извините, Ваше Сіятельство; тысячу разъ прошу извиненія. — Забудьте мою неучтивость.»

— Всё забываю; возвращайте только мнѣ Мумію, и впередъ берите съ собой на свиданіе фельдшеровъ немного поумнѣе, чтобы

не ошибиться въ 4000 лѣтъ, при опредѣленіи времени убійства мертвыхъ тѣлъ. —

Нашъ ученый полагаеъ, что дѣло кончено; но съ правосудіемъ не такъ легко раздѣлаться. Надобно было сперва написать на черномъ, а потомъ переписать рапортъ Уголовному Суду о выпускѣ подданной Фараоновъ изъ дома, куда складываются мертвые тѣла. Наконецъ, въ силу приказа, написаннаго столь же непонятнымъ слогомъ, какъ гіероглифы на оболочкѣ муміи, Начальникъ Тюремной стражи выдалъ мертвое тѣло Антикварію, но не прежде, какъ по взносѣ имъ уснаноменной пошлины.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЙ СТАНЪ ПОДЪ НАРВОЮ.

Повѣсть Барона Унгернъ-Штернберга.

(Продолженіе.)

— Безъ всякаго сомнѣнія! — увѣрялъ Герцогъ съ учпвымъ поклономъ. — «Оставьте эту шутку; — воскликнула племянница: пятно ужъ высохло.» — Но Генераль, не слушая еѣ, бросился къ нишеобразному углубленію въ стѣнѣ и началъ рыться въ кучѣ пестрыхъ нарядовъ, тупъ втсѣвшихъ. Вдругъ онъ пріостановился.

«Кой чортъ!» вскричалъ онъ во все горло: «тупъ выглядываетъ мужская нога.» Графиня ахнула; Маша насупившимъ кошечьимъ прыжкомъ бросилась къ гардеробу; но прежде нежели слабыя руки ея успѣли воспрепятствовать открытію тайны, *Аллартъ* еще громче вскричалъ: «вопъ и голова къ этой ногѣ!» Онъ попянулъ изъ всѣхъ силъ, и появился молодой Шведскій солдатъ.

— Такъ всё же лазутчики? — вскричалъ Герцогъ съ гнѣвомъ. — Старушка Марса, дрожа всѣмъ тѣломъ, опустилась на колѣни, а Маша въ испугъ свалилась съ низенькой лѣстницы, которая вела къ ея гардеробу. Послѣдовало долгое молчаніе. Графиня пришла въ себя; молодой бѣлокурый Шведъ, оправаясь, неспрашпмо усремилъ большіе голубые глаза на своихъ неприятелией.

«Такъ-по пруспшь, пы солдатъ?» крикнулъ Генераль съ припворнымъ гнѣвомъ на дрожащую дѣвушку.—Молодой Шведъ покраснѣлъ, и выплывшисъ воинспвенно предъ Генераломъ, коропкими и скорыми словами унѣшалъ Марію, сидѣвшую на ипжней ступени лѣспницы.

—Пощадите, пощадите!—умоляла безупѣшная, онъ только провожалъ. . . . Шведъ бросилъ на неѣ сердпшій взглядъ.

«Кого провожалъ онъ?» спросилъ Генераль: «нѣтъ ли еще подобной ппщцы въ клепкѣ?»

—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—Не думайте—ахъ, умоляю васъ—они не виноваты!—одна только я. — —

«Кто?—Они? — Такъ всё же двое?»

—Нѣтъ, право нѣтъ,—я только шакъ говорю! — —

«Тупъ что-то кроется!» воскликнулъ Генераль: «караульте дверь, Герцогъ! Мнѣ кажется, судьба не понаспрасну завела насъ въ эту подозрительную нору. Сперва обойдемъ рундомъ;—эту лачужку не долго обыскашь.»

Онъ и Герцогъ пошли дозоромъ въ разныя спороны. Они скоро сошлись у большаго сундука, предъ которымъ взгроможденъ былъ настоящій бруспверъ изъ самопрядокъ и скамѣекъ.

—Не прогайте сундука!—вскричала дѣвушка, крѣпко ухватяся за ппжелую крышку: шупъ мое приданое, копорого никому не покажу.—Герцогъ, опспоропя красавицу, насильно поднялъ крышу, и первый предметъ, который ему бросился въ глаза, былъ синій мундиръ съ свѣплыми пуговщцами.—«Вопъ еще поймали спницу!» воскликнулъ Генераль поржеспвующимъ голосомъ; и выпашилъ другаго Шведа-молодчика.

—Клянусь честпью! воскликнулъ Герцогъ: это лице мнѣ знакомое. Ну, спаруха! Что предчувспвуетъ пвоя шея?—Эй, Егоръ, приведи солдатъ! Марѣа съ воплемъ упала ему въ ноги; дочь обняла колъна Генерала. Одна Графиня была праздною зрительницею сей не-обыкновенной сцены.

—Ты шопъ самый,—продолжалъ Герцогъ, обратяся къ черноглазому Шведу въ сундукъ: шопъ самый, копорый цѣпалъ въ меня, когда я ѣхалъ вчера мимо Юлы.

«Это была моя обязанность!» — возразилъ неустрашимый.

—Подлый лазупчикъ, ты еще говоришь про обязанность! —

«Не ругайпесь, сударь!» воскликнулъ Шведъ вспыхнувъ: «вамъ спощпть только приказашь,—и меня разспрѣляюшь; это въ вашей власти, если не хопите выслушать правду; но кто вздумаетъ поноспть имя честнаго Шведа, шопъ не избѣгнетъ моего шпыка, кто бы онъ ни былъ.»

—Ба, ба! Ты рвешься на висѣлицу, бездѣльникъ!—вскричалъ Генераль, пораженный дерзкимъ опвѣпомъ смуглолицаго.

Бѣлокурый подошедъ къ Герцогу, умолялъ его пощадить жизнь друга, предлагая свою собспвенную.—«Нѣтъ, не прогайте его, берите меня!»—воскликнулъ смуглый.

—Вы оба будете повѣшены!—вскричалъ разгнѣванный Герцогъ.—Спража вошла, и обспушила обоихъ юношей, которые съ умилениемъ смотрѣли другъ другу въ глаза; впрочемъ, твердо и безъ жалобы выслушали свой смерпный приговоръ. Спарушка Марѣа, заботяся о собспвенной шѣе, спряпалась за скамьи и корзины; Маша почти безъ чувспвъ лежала на полу. Уже связали Шведовъ; шупъ подошла Графиня, пронупая ихъ учаспью, и вспушила за юношей. «Мнѣ кажется, дяденька!» умоляла она сладоспнымъ голосомъ: «по ихъ великодушной другъ къ другу привязанности нельзя полагашь, чпобы они имѣли прощивъ насъ какой нпбудь преспупный умыселъ. По крайней мѣрѣ, не спѣшпте; узнайте, за чѣмъ они сюда пришли.» —

Генераль уважилъ ея просьбу; приказалъ спражѣ заняшь все выходы, и обыскавъ впрочно всю комнапу, принялся допрашпвать плѣнныхъ.

«Гуспавъ! воскликнулъ смуглый распроганымъ голосомъ: «не шакowo ли почно тебѣ сегодня, какъ помнишь ли въ Шонесгофѣ, когда я возвращплся и увидѣлъ тебя на колъняхъ, и солдаты въ тебя прицѣпывались! Ко мнѣ милый другъ!»

—И какъ ты бросился къ профосу,—съ живоспью подхвпшилъ бѣлокурый: прогремѣлъ ему въ ухо прощение, шобую выхлопопанное, шакимъ бѣшенымъ голосомъ чпто у него ноги

подкосились отъ испуга!—Но теперь, о Боже, теперь не по!—Маша!—и ты бѣдная, слѣпая маменька на родинѣ!—Онъ наклонился къ дѣвушкѣ, которая въ безмолвномъ, смертномъ оцѣпейтнн, съ судорожно сжатыми руками, сидѣла на скамейкѣ подлѣ печи.—«Умереть нынѣ или завтра, всё равно!»—вскричалъ смуглый: «завтра, можетъ спаться, пуля разможила бы мнѣ голову въ сраженіи!—Но умереть такъ позорно; о, это ужасно!»

— Разсказывай! воскликнула Графиня.—«Ты любишь эту дѣвушку?» присовокупилъ Генералъ.

— Мы оба её любимъ, сударь!—

«Какъ, оба? Какъ это возможно?»—спросила Графиня съ удивленіемъ.

— Да-съ, любимъ оба! Теперь откроемъ нашу тайну. Поздно опираться, когда смерть на носу.—Гуспавъ, разсказывай ты, я не могу.—Онъ съ участіемъ подсѣлъ къ плачущей красавицѣ, которую только что оспавилъ блондинъ. Сей послѣдній послѣшно оперъ наворачнувшіяся на глазахъ слѣзы и выпянувшись по прежнему, началъ свой разсказъ слѣдующими словами:

«Мое имя Гуспавъ *Шнарре*, а друга моего Адольфъ *Гольмъ*. Мы служимъ въ Зюдерманскомъ полку. Отецъ мой бѣдный школьный учитель въ Бергенѣ, и какъ онъ не умѣлъ учить по новой методѣ, введенной нѣкоплыми преобразованиями: по ученики отъ него убѣжали, и онъ чрезъ то еще хуже обѣднѣлъ. Однажды, подозвавъ меня къ себѣ, онъ сказалъ: Гуспавъ, ты спалъ ужъ рослый, дюжій парень; надѣнь мундиръ; онъ нынѣ уважается и, можетъ быть, выведетъ тебя въ люди. Машенька заплакала; но я, видя, что отецъ продалъ свой праздничный кафтанъ, дабы на вырученныя деньги купить хлѣба для моихъ малолѣтнихъ братьевъ, подумалъ про себя: не хочу быть родителемъ въ пятость, и пошелъ изъ села въ ближайшую корчму, гдѣ завербовывали охотниковъ, и гдѣ пиръ былъ горой. Меня приняли; сначала мнѣ нравилась эта разгульная жизнь; но когда за мною скрылась милая родина, когда въ послѣдній разъ взглянулъ на нашу церковную башню и на скорбное лице преспарълой маперы, которая, со слезами меня благосло-

вляя, снабдила меня на дорогу парюю новыхъ рубахъ и нѣсколькими грошами, тогда у меня очень грустно спало на сердцѣ. Въ шинкѣ на эту пору черезъ чуръ разгулялись; я шихонько выбрался вонъ, и при мѣсячномъ свѣтѣ заплакался до-сыпа. Тутъ вышелъ и Адольфъ; онъ сказалъ мнѣ, что ему грустно, что и онъ поспеетъ по милыхъ родителехъ. Я кинулся ему на шею; мы оба заплакали и душевно полюбили другъ друга.»

— Да, да, Гуспавъ! такъ оно было!—воскликнулъ Адольфъ, сидѣвшій на скамьѣ у печки.—«Какъ мы послѣ того сдружились, продолжалъ первый: не умѣю обстоятельно разсказать. Мы спали вмѣстѣ въ зной и холодъ, и дѣлились послѣднимъ кускомъ хлѣба, и безреспанно говорили про нашу родину. Когда другіе сидѣли за игральными косточками, за картами или вѣномъ, или волочились за крестьянскими дѣвками, мы оставались на квартирѣ. Это замѣнилъ фельдфебель, распушный негодяй, который возненавидѣлъ Адольфа въ особенности за то, что онъ раза два отвѣчалъ ему круто, когда поэтъ, пьяный, понапрасну къ нему придирался.»

— Мерзавецъ! раздалось со скамьи у печки: однажды, стоя на часахъ, я слышу вблизи себя шумъ. Я оборачиваюсь, и вижу въ караульнѣ солдата, привязаннаго къ позорному столбу; возлѣ спонитъ фельдфебель и прое дюжихъ гренадеръ бьютъ его полстыми палками. У меня занялось дыханіе, когда я увидѣлъ избитую, кровью облипую спину связаннаго. Тутъ несчастный оборачиваетъ лице, я всматриваюсь—о Небо! то былъ Гуспавъ! его кровь лилася. Я зналъ, что подъ смертною казнию запрещено оспавлять свой послѣ, видѣлъ, что все продолжали нещадно бить его, такъ, что бѣдный наконецъ безъ чувствъ грянулся на земь. Тутъ я вышелъ изъ себя, бросился какъ безумный на фельдфебеля, и двумя пощечинами сшибъ его съ ногъ, такъ что онъ черезъ барабанъ, какъ снаръ, покапился на полъ.—

Адольфъ громко захохоталъ; Графиня вздрогнула; *Аллартъ* и Герцогъ, улыбаясь, посмотрѣли другъ на друга.

«Это самоуправство натурально не оспавлось безнаказанно!»—продолжалъ блондинъ.

— Стой! стой! — подхватил смуглый; ты совсѣмъ забылъ, что я тогда въ горячихъ слезахъ кинулся тебѣ на шею, и всемогущимъ Богомъ поклялся оплакать тебѣ такимъ же поступкомъ. —

«Какъ сказано,» продолжалъ Гуспавъ: «мое дѣло было плохо; всѣ стояли за фельдфебеля; насъ не хотѣли выслушать. И такъ, дошло до того, что по сеншенціи военнаго Суда велѣно было меня расстрѣлять. Когда ужъ я спалъ на колѣна, и, спрыгнувъ съ себя всѣ земныя заботы, совсѣмъ приготовился къ смерти: тогда Адольфъ между тѣмъ сбѣгалъ къ Генералу, говорилъ много, говорилъ долго, и Генералъ выслушалъ его снисходительно; къ счастью случилось, что Генералу знакомы были Адольфовы родственники, и что онъ зналъ его самаго съ хорошей стороны. Онъ приказалъ отсрочить экзекуцію; слѣдствіе произвелъ снова; пиратство фельдфебеля обнаружилось, и какъ я по законамъ не могъ бытъ вовсе освобожденъ отъ наказанія, то шепнули мнѣ, чтобы я бѣжалъ перешелъ въ другой Корпусъ.»

— Чѣмъ была любовь? — напомнила Графиня.

«Да, да, любовь была!» — подшучивалъ дядя: «безъ того всѣ твои мученическія похождения все таки скучны; и такъ поскорѣе, поскорѣе!»

— Тупъ недолго рассказывать! — продолжалъ бѣлокурый: и благородное, цвѣтущее лице его вспыхнуло прелестнымъ румянцемъ; большіе, голубые глаза его засверкали живѣйшимъ огнемъ: я желалъ бы говорить, говорить о томъ безумолку, но кто пойметъ мое чувствіе? — Мы должны были расстаться. Долго полкъ нашъ переходилъ изъ мѣста въ мѣсто; наконецъ загорѣлась война, и мы оправились подъ Нарву.

Въ досужное время я много рыскалъ по дѣшнымъ окрестностямъ, и въ одинъ вечеръ, въ сопровожденіи немногихъ сослуживцевъ, забрелъ и къ старушкѣ Марѣ; въ нѣкоторыхъ изъ насъ она узнала старыхъ знакомцевъ, и потому мы повпоряли наши посѣщенія. Богъ вѣсть, какъ-то Маша часехонько поглядывала на меня изъ-подпашка, и я посматривалъ на неѣ, и у меня въ груди что-то зашевелилось;

я дышалъ легче; мнѣ было такъ весело; но при всемъ томъ чувствовалъ, что мнѣ чего-то недоставало. Сверстники мои насмѣхались надъ неопытнымъ, и сказали мнѣ, что это такое; я повѣрилъ имъ и пересказалъ это Машѣ. Она меня любила, это я очень замѣнилъ; но какъ спалъ говорилъ ей про любовь: то она горько заплакала. Я полагалъ, что она плачетъ о томъ, что я непріятель ея соотечественникамъ, но ошибся; старушка мнѣ это располковала, — Маша имѣла жениха; его она любила болѣе, нежели меня, а онъ любилъ еѣ болѣе, нежели я. Это меня оскорбило, и я возненавидѣлъ моего пайнаго соперника. Въ одинъ вечеръ я пошелъ отсюда, улымый: ибо слышалъ, что будетъ женихъ. Лишь только я завернулъ за уголъ домика, какъ увидѣлъ человека поспѣшно шагающаго; я посмотрѣлъ на него предо мною стоялъ — угадайте кто? — мой Адольфъ. Онъ, будучи въ опуску, жилъ у своихъ родственниковъ, и только подъ вечеръ крался изъ дому, потому что срокъ опуска давно уже кончился. Мы обнялись; но у насъ обихъ гора лежала на сердцѣ. Такимъ образомъ мы перзались нѣсколько недѣль; одинъ замѣчалъ за другимъ, когда крался къ Машѣ, а все молчалъ. Наконецъ, мнѣ спало такъ тяжело, что хоть въ пещлю. Вечеромъ мы нерѣдко, молча, смотрѣли другъ на друга, а ночью я всаивалъ и неупомимо чистилъ свое ружье, для того единственно, чтобы онъ не замѣнилъ моей бессонницы. Однакожь онъ замѣнилъ, и однажды подошелъ ко мнѣ блѣдный, угрюмый, какимъ никогда я его не видалъ; онъ горестно пропаянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: бери Машу, я пойду въ свой полкъ. — Я стоялъ, какъ вкопанный, не могъ вымолвить ни слова; потомъ со слезами кинулся ему на шею и умолялъ его отстаться, но тщетно. «Мы ужъ уговорились,» сказалъ онъ: «Маша согласна; завтра мы пихонько пуда прокрадемся; мать благословитъ васъ въ моему присупствіи, а послѣ я отправлюсь бродить по бѣлу свѣту.» — Вотъ мы всѣ и собрались сегодня, какъ вдругъ вы пришли, сударь. — Онъ умолкъ. — Адольфъ, который до сихъ поръ сидѣлъ безмолвный, задумчивый, быспро вскочилъ и бросился въ объятія друга.

На прекрасныхъ глазахъ Графини навернулись слёзы. Она вспомнила про свою собственную любовь и про опдаленнаго друга.— «Я прошу за нихъ; возвратите имъ свободу!» умоляла она, и нѣжная рука ея покоилась на плечъ Генерала. Марія съ воплемъ радости кинулась ей въ ноги.

«И ты не любишь того, который столь великодушно отъ тебя отказался?»—спросилъ Генераль съ умилениемъ.

— Да, ты должна любить его одного!— воскликнулъ Густавъ.

«Нѣтъ, его!» вскричалъ еще громче Адольфъ: «я тебя приказываю!»— Ахъ, прежде всего прости!— умоляла измученная дѣвушка.

— Согласенъ!— Кто можетъ наказывать переметчика въ область Амура, пропивъ оружія коего мы всѣ безсильны?— воскликнулъ Герцогъ, и поцѣловалъ у Графини руку.— Генераль кивнулъ головою. «Только смотри, чтобы *мы* черезъ то не потеряли головы;» ворчалъ онъ, улыбаясь, и поцѣловалъ невѣсту двухъ жениховъ въ румяную щеку. Юноши плакали отъ умиленія, а спарушка Марѳа, выбравшись изъ своего приписка, кончила прерванное благословеніе.

«Пейте роковое вино, которое сперва облыло платье, а потомъ залило пожаръ вашихъ сердецъ,» продолжалъ Генераль: «а пашь скорѣе вонъ отсюда, дабы васъ не увидѣли; вопъ вамъ наши плащи.»

Юноши выпили, и напечатлѣвъ на устахъ Маріи пламенный прощальный поцѣлуй, окутались въ Русскіе плащи, и благополучно пробрались мимо лагеря. Наши путешественники задумчиво смотрѣли имъ вслѣдъ.

«Только бы пушечныя ядра не положили слишкомъ скорого конца сему роману!» замѣнилъ Генераль.— Герцогъ сидѣлъ въ раздумьи. «Мы теперь такъ весело бесѣдуемъ,» сказалъ онъ: «кто знаетъ, какой жребій всѣхъ прехъ насъ ожидаетъ завтра или послѣ завтра; ибо каждый изъ насъ можетъ въ будущую минуту все получить или всего лишиться.»

— Это я вамъ скажу, сударь! воскликнула Марія съ порога, откуда она смотрѣла вслѣдъ

возлюбленному: повѣрите мнѣ! Дядя моего покойнаго родшпеля долго жилъ въ землѣ Богемской; онъ былъ ученъ искусству, по чуждымъ лпніямъ на рукъ и на лбу предсказывать людямъ будущую учаспъ. Онъ часто утверждалъ, что я имѣю сей даръ, потому что у меня такіе черные, цыганскіе глаза. И такъ, я нехотя принуждена была у него учиться сей таинственной наукѣ. Покажите лобъ! Я въ знакъ признапельности напроночу вамъ много радостнаго.—

Герцогъ, улыбаясь, обнажилъ чело.—«Вспомните *Тилли* подъ Магдебургомъ!»— сказалъ *Аллартъ*.

Дѣвушка между тѣмъ схватила Герцогову руку.— О, какое счастье!— Вы поднимаетесь высоко; вы будете первымъ въ Арміи. Тутъ это ясно написано.—

«Что ты мелешь, моя милая?» подхватилъ Генераль: «Главннкомандующій преспкойно почиваетъ въ своемъ шатрѣ.»

— Какое мнѣ до этого дѣло! продолжала дѣвушка: но вопъ тутъ несчастіе; лучше откажитесь отъ сего возвелчченія; ибо подлѣ него глубокое уничиженіе. Вы даже лишены будете постели, на которой человекъ отдышается отъ срочной работы.—

«Тутъ еще не вижу большой бѣды; это частехонько случается въ походахъ!»—шутилъ Герцогъ.— Вы вдовець, и вторично женшпесь, на богатой, знатной дѣвиць, — продолжала Марія, посмотрѣвъ *Алларту* на ладонь.

«Старая пѣсня!» воскликнулъ сей послѣдній, и отдернулъ руку. Юная пророщапельница подошла было и къ Графинѣ; но она, сильно спрадая отъ вновь открывшейся сердечной раны, отказалась.—«Дай Богъ, чтобы я могла воздать вамъ за ваше доброе дѣло!» воскликнула благодарная дѣвушка, и покрыла пропинушую руку горячими слезами. Обѣ, мать и дочь, проводили нашихъ путешениковъ изъ хижины, когда первые лучи восходящаго солнца, разсѣявъ мракъ ночной, зарумянили верхи гордскихъ высокихъ башенъ.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б У Р Я.

Зажглись небеса,
 Вокруг всё пылаешь:
И дубы валялся
И рѣки съ берегами равны.
 Какъ щепки, такъ крыши домовъ
 Въспрь мощный срываетъ
И зданія въ прахъ,
И пылью онъ ихъ замѣшаетъ.
 Перуны ярятся
И всё въ разрушеннѣ.
 О смертный кичливый!
 Гдѣ сила твоа?
 Себя ты съ богами равняешь,
И силнѣйся царства разрушишь;
 Вели-же спремешельной бурѣ
 Оставишь въ покоѣ природу.

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

П Р О С Ь Б А.

О, сжалясь надо мной! о дайте волю мнѣ!
 Изъ края дальняго волшебный зовъ несетъ,
И кровь моя кипитъ и сердце бурно рветъ
 Въ шопъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ.
 Вы видите, спремятся ополченя
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ:
 Туда; шуда, въ кровавыя сраженя
Я полечу за ними вслѣдъ.
 Пропивна мнѣ дремота нѣги праздноя
И мирныхъ дней безжизненный покой,
 Какъ путь въ степяхъ однообразной,
 Какъ гробъ холодной и нѣмой.
 Пропивны мнѣ безумное веселье,
 Неупоенныхъ душъ припворное похмѣлье
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
 Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ.
 О, сжалясь надо мной! опдайте мечъ блестящій,
 Опдайте бодрого и легкаго коня!
 Въ шопъ край, куда лепишь мечпы порывъ горящій,
 Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня.
 На мигъ одинъ судьбины злой оковы
 Рукой я смѣлою распоргъ:

И сердцу памянны сраженій блескъ суровый
И поржества воипспвенный воспоргъ...
 Въ часъ упренной зари румяной и росистой
 Услышаешь пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ,
 Глядѣшь, какъ солнца лучъ записный
Играя, блестятъ по шпыкамъ,
 Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
 На вспрѣшенѣ врагамъ ведетъ покорный спрдъ,
И движущся полки, какъ бурь осеннихъ волны,
И чувспиваешь шогда, что вѣреть мечъ спальной,
 Что длань сильна, что вихремъ конь несетъ
 Подъ свиспомъ пуль, средъ дыма и огня,
 Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
 Что эпошъ дольнѣй міръ не дорогъ для меня,
 Что я могу съ улыбкою презрѣнъя
 На жизнь, на смерть и на судьбу взирашь!
 О, эти сладкія мгновенья
 Опдайте мнѣ, опдайте ихъ опять!
Я не хочу въ степи земной скипашься
 Безъ воли и надеждъ, безвременный спарикъ;
 Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
 Главой послушной преклоняшьяся,
 Внимаешь, какъ каждый день, и скученъ и смѣшонъ,
 Все ты же сказки напѣваетъ
И шихо душу погружаетъ
 Въ какой-то слабоумный сонъ.
Я не рожденъ бытъ ушлою ладью,
 Забытой въ пристани, не знающей морей.
И праздноя исплѣваешь кормою,
 Добычей гнили и червей.
 Но я хочу лепашъ надъ бурными волнами
 Могуцимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
 Подъ солнцемъ пропика, межъ сѣверными льдами,
 Боролшья съ бездною и дикою грозой;
 Челомъ возвышеннымъ вспрѣчашъ ударъ судьбины,
 Бродишь по обласпи и смерти и чудесъ,
И жадно пишь воспоргъ, и изъ сѣдой пучины
 Крымомъ поэциъ возносишь до небесъ.
 Вопъ счастливыя удѣлъ, давно желанныя мною!
 Опдайте-жъ мнѣ коня, булашь опдайте мой!
 Въ шопъ дальній край я полечу спрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

А. Хомяковъ.

C H A R A D E.

Mon premier, répété peut produire un trésor,
 Et sous d'heureuses mains le cuivre devient or,
 Dit Regnard. . . Mais je vais devenir trop facile
 Et trop clair à tes yeux. Bornons donc mon essor,
 Parlons de mon dernier; un naturel docile
 L'a toujours à s'instruire, et le suit sans effort.
 Mon tout, souple, élastique, est pourtant assez fort
 Pour soutenir le poids d'une maison mobile,
 Mollement balancée; enfin c'est un ressort
 Au riche précieux, à ses plaisirs utile.

Въ № 36, помѣщенная шарада-омонимъ значить: *Из-юль*.

M O D E S.

Nous avons remarqué, au théâtre Italien et à l'Opéra, des toques roses surmontées d'une plume blanche: ces coiffures étaient portées par les personnes qui se font le plus constamment remarquer par leur élégance et leur bon goût: plus de *bousingots* depuis quelques jours, ou fort peu du moins.

Les flèches se mêlent souvent aux fleurs pour former une coiffure de bal ou de grande soirée. Les plus nouvelles sont les flèches égyptiennes et les flèches turques. La tête des premières a la forme d'une petite pyramide: celle des autres est une boule à jour, surmontée d'un petit croissant. Un grand nombre d'autres coiffures ont des fleurs; quelques-unes de ces fleurs se marient à des branches de lilas blanc. Voilà la première fois que cette nuance apparaît; c'est la nouveauté du moment.

La mise des hommes n'éprouve pas de changement notable: le gris argenté paraît être cependant la couleur qui sera adoptée à Lonchamps, pour pantalon. Il paraît aussi que les redingotes qui sortiront, à cette époque décisive, des ateliers de nos premiers tailleurs seront très-courtes. Point de variété dans la forme des chapeaux.

Un des plus jolis boudoirs de Paris vient d'être tendu en moire bleu-de-ciel, avec une colonnade formée par de gros câbles d'argent. Les rideaux en moire blanche diaphane sont bordés d'un très-large galon bleu brodé en argent. Le tapis bleu à rosace blanche; autour un divan en moire bleue, dont chaque coussin bordé d'un double galon d'argent; au mi-

lieu une petite table en marbre blanc, et la pendule ainsi que les vases en lapis, enrichis de reliefs d'argent. Une lampe en lapis soutenue par des chaînes d'argent, est suspendue au milieu du plafond, également tendu en moire bleue, et câbles d'argent réunis tous au milieu, et se séparant vers le bord.

M O Д Ы.

Мы замѣтили въ Импалианскомъ театръ и въ Оперѣ, пока, опдѣланные бѣлымъ перомъ; уборки сии были на особахъ, посполна оплывающихся своей щеголеватостію и хорошимъ вкусомъ. Нѣсколько дней уже *bousingots* совсѣмъ не видны, или видны весьма мало.

Въ прическахъ на балы и большіе вечера спрѣды перемѣшиваютъ съ цвѣтами. Самыя новѣйшія спрѣды Египетскія и Турецкія. У первыхъ головка имѣетъ форму маленькой пирамиды, а у вторыхъ прозрачный шарикъ и сверху маленькой полумѣсяцъ. Также много причесокъ съ цвѣтами; нныя изъ сихъ цвѣтовъ смѣшаны съ вѣтками бѣлой сирени. Эпопъ цвѣтъ показался еще въ первый разъ. Вошь новоспъ сего времени.

Въ одеждѣ мужинъ нѣтъ замѣчательной перемены: однако кажется, на Лоншанскомъ гуляньи панталоны будутъ по большой часпи сраго серебрянаго цвѣта. Кажется также, что въ эту рѣшительную эпоху, сертуки, дѣланные въ рабочихъ первыхъ нашихъ поршнихъ, будутъ чрезвычайно корочки. Въ формѣ шляпъ нѣтъ никакого измѣненія.

Одинъ изъ красивѣйшихъ Парижскихъ будуаровъ облянута обьярю небесно-голубаго цвѣта; колонада изъ шолсныхъ серебряныхъ канатовъ; занавѣски изъ прозрачной бѣлой обьяри, обшпы весьма широкимъ голубымъ галуномъ, вышпымъ серебромъ; коверъ голубой съ бѣлымъ кругомъ; вокругъ диванъ изъ голубой обьяри; каждая полуска обшипа двойнымъ серебрянымъ галуномъ; въ срединѣ комнаты, бѣлой мраморной сполникъ съ богатыми узорами, наклеенными изъ *lapis*; кампъ изъ бѣлаго мрамора, а часы и вазы изъ *lapis*, съ пышными накладными серебряными узорами; лампа изъ *lapis* съ серебряными цѣпочками, повѣшена въ срединѣ пошолка, также облянутаго голубой обьярю; серебряные канаты сходящя въ срединѣ и раздѣляющя къ краю.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 38.

Цена годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Мая 11 дня, 1852 года.

Люблю я бышеную младосиь,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманый нарядъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РУССКІЙ СТАНЪ ПОДЪ НАРВОЮ.

Повѣсть Барона Унгернъ-Штернберга.

(Окончаніе.)

Еще опзывался громъ морщиръ, изрыгавшихъ смерть и опусшошеніе въ осажденный городъ, какъ поданъ знакъ къ рѣшительному бою. Мрачныя тучи, клубясь на западъ, сливались съ густымъ желто-сѣрымъ дымомъ, который, заимѣвая предметы, съ бапарей воздымался къ небу тяжелыми облаками. Адыюпанпы скакали въ разныя спороны; легкая артиллерія, подъ командою *Шереметьева*, расположилась вкругъ нижней бапарей. Тѣсно сомкнутымъ строемъ, въ своихъ высокихъ оспроконечныхъ шапкахъ и алыхъ перевязяхъ, спрѣльцы обступили окопанный шаперъ *Трубецкаго*. Все было въ движеніи.

На главной бапарей, подлѣ морщиры, поставленной самимъ Царемъ, стоялъ Герцогъ *дѣ ла Кроа*, въ полномъ вооруженіи погдашняго времени: въ желѣзномъ панцырѣ подъ богато вышитымъ апласнымъ мундиромъ. Онъ, казалось, погруженъ былъ въ раздумье; взоръ его неподвижно покоился на простертомъ предъ нимъ ландшафтѣ; въ рукъ его колыха-

лась бумага. Среди повсемѣснаго браннаго шума, Нарова тихо и величественно капала мимо его свои воды, опражая въ ихъ чистомъ зеркалѣ и кровавое зарево упреннаго солнца и прибрежныя кусты и валы и спѣны, подобно душѣ великаго мужа, которая ясно и спокойно взпраешъ на смупныя, непріязненныя прѣвоги подлуннаго міра. Тамъ и сямъ огниспыя спрун скользили по синему хребту попока и сверкающими алмазами опражались на первомъ снѣгѣ. Важный и спокойный, смопрѣлся въ попокъ древній Шведскій городъ, и башни и спѣны его великолѣпно сіяли, не заботясь, кто черезъ часъ будетъ ихъ власпелиномъ.

Тупъ Генераль *Аллартъ*, угрюмый, впревоженный, поспѣшно подошелъ къ Герцогу.— «Плохія вѣспи!» вскричалъ онъ еще издали: «Царъ оставляетъ лагеръ; *Головинъ* ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ; мѣсто Главкомадующаго упразднено!»—

— Нѣтъ, не упразднено!—возразилъ угрюмо Герцогъ: я Фельдмаршалъ!— Онъ подалъ изумленному Царскую грамопу.— «Такъ вы согласилсь?» спросилъ Генераль.— Онъ самъ пріѣзжалъ ко мнѣ,—опвѣчалъ Герцогъ: просилъ меня неопспушно; всѣ мои возраженія были тщетны.—

«Что теперь вы скажете про нашу влюбленную ворожеечку? Вишь она правду говорила.» — Это-то меня и беспокоит! — *Аллартъ* громко засмѣялся. — Не смѣйсь, увѣщевалъ Герцогъ: когда счастье сбилось, то кто мнѣ порука, что не сбудется злосчастье? —

«Пустилки! Посмотрите-ка! Съ такимъ воинствомъ я пройду весь свѣтъ; можетъ ли пропивъ него устоятъ эта почая, голодомъ изнуренная крѣпость. — Поздравляю васъ! Опъ всего сердца желаю вамъ счастья.» — Герцогъ пожалъ плечами. — Войско меня не знаетъ, не имѣетъ ко мнѣ довѣренности. — Карлъ самъ командуетъ своею арміею. —

«Говорю вамъ, безразсудно сомнѣваться въ побѣдѣ; теперь совсѣмъ не кспати такая мншительность.»

— Что спалось съ вашей племянницею? Была-ли она допущена? —

«Нѣтъ!» отвѣчалъ *Аллартъ* уныло.

— Худо, очень худо! Теперь ужъ нѣтъ надежды. —

Тутъ конный отрядъ примчался во весь опоръ; Адьютантъ прискакалъ къ Генералу и шепнулъ ему что-то на ухо; послѣ чего сей послѣдній быспро обратился къ Герцогу: «правая колонна *Веллика* двинулась пропивъ лагеря *Трубецкаго* — конница отступаютъ.» —

— Спѣшите на вашъ постъ, Генераль-Лейтенантъ! сказалъ Герцогъ, и *Аллартъ* вскочилъ на своего арабскаго коня; онъ уже поскакалъ было, но возвратился, и сказалъ Герцогу тихонько: «Ваша Свѣпность! Вы ввѣрили сей постъ Поручику *Сельскому*; берегитесь его! Я случайно узналъ за достоверное, что онъ пропивъ васъ въ заговоръ. Не забудьте, что *Имгофъ* и *Борнбахъ* пали опъ Русскихъ пуль.»

— Не мѣшкайте! воскликнулъ Герцогъ съ тяжелымъ вздохомъ, и подалъ знакъ своему гайдуку, который немедленно подвелъ прекраснаго коня, подареннаго Царемъ. Благородное животное, всегда смирное и покорное подъ искуснымъ сѣдокомъ, заупрямилось, взбѣсилось. Лишь только Герцогъ сѣлъ на пурпуровое сѣдло, лошадь спала на дыбы и, не смопря на жесточайшіе удары шпорами, не прогалась съ мѣспа.

— Что это значитъ? Это не мой чепракъ! — закричалъ разгнѣванный Герцогъ на дрожащаго гайдука. Россійскій двуглавый Орелъ, золотомъ вышитый на чепракъ, былъ разорванъ пополамъ. Герцогъ въ ярости соскочилъ; бѣшеную лошадь увели, и на мѣспо ея пршеденъ былъ бѣлый пноходецъ. Поправляя свою одежду, онъ облокопился на ближайшее орудіе. Вдругъ слышитъ вблизи себя шумъ; въ эту самую минуту свѣпный штыкъ скользитъ мимо его правой руки. Прежде нежели Герцогъ успѣлъ оглянуться, онъ слышитъ поспѣшные шаги и паденіе пѣла. — Онъ видитъ Поручика *Сельскаго*, плавающего въ крови своей; видитъ въ рукѣ его штыкъ, подлѣ него знакомое лице молодаго смутлаго Шведа, обрызганнаго кровью убиитаго пзмѣнника.

Герцогъ, исполненный ужаса, смопрѣлъ безмолвно на окровавленный прупъ; но рѣшительная минута, опъ которой зависѣла участь цѣлаго воинства, пробудила его изъ смертнаго оцѣпенѣнія. Онъ пожалъ руку юному избавителю, и сказалъ поспѣшно: ты спасъ меня опъ великой бѣды, избавилъ опъ мрачнаго предчувствія; теперь смѣле пойду въ сраженіе; вотъ тебѣ въ знакъ благодарности все, что теперь имѣю при себѣ. — Тутъ Герцогъ протянулъ къ нему полный кошелѣкъ, но молодой Шведъ отвергъ его съ негодованіемъ. — «Освободите меня опъ сей шапки,» вскричалъ онъ: «если хотите спасти жизнь человеку, для котораго она впрочемъ не имѣетъ большой цѣны.» При сихъ словахъ онъ закрылъ лице обими руками, и теперь только Герцогъ замѣнилъ неисповую полпу, преслѣдовавшую молодаго Шведа. — «Несчастный! воскликнулъ онъ: какъ ты опважился?» —

— Господинъ Генераль! Опправляясь въ полкъ, я не могъ не проспѣться съ нею, — опвѣсповалъ Шведъ: но когда я хотѣлъ прокраситься, что пакъ часто мнѣ удавалось, то меня поймали. Я бросился къ вамъ, и Богъ привелъ меня во время: я предупредилъ пресупный умыселъ злодѣя. —

«Надѣнь поскорѣ мундиръ убиитаго,» сказалъ Герцогъ: «это единственное средство спасти тебя. Но скорѣ, не перли ни мшну.»

При сихъ словахъ онъ собственноручно содѣйствовалъ превращенію юноши, и немногими словами остановилъ солдатъ, которые его преслѣдовали. Шведъ съ горячностію пожалъ ему руку. «Прощайте!» воскликнулъ онъ: «если вы увѣнчаетесь побѣдою, и ядра пощадятъ друга: то поклонитесь ему отъ меня; меня онъ болѣе не увидитъ; я побреду въ самый отдаленнѣйшій уголокъ моего опечесства.»

Снова загрохоталъ громъ орудій. Герцогъ приказалъ юношѣ удалиться, и вскочилъ на коня. Прискакалъ Адьюпантъ. — Шпурмъ у Трубецкаго! Шведы во рвахъ. — «Да поможетъ мнѣ Пресвятая Богородица!» воскликнулъ онъ; и поскакалъ на встрѣчу клубившимся облакамъ дыма. Спрашно сверкали молніи въ волнующихся массахъ. Огненные жерла съ оглушительнымъ громомъ, извергали другъ на друга всю ярость. Медленно, тѣсно сомкнувшимся строемъ, неопразимые и холодные, какъ неизбежная смерть, сильно напирали Шведы. Распянумый строй спрѣльцовъ не могъ устоять противъ ихъ твердаго написка. Въ нѣсколько минутъ палисады и рогажки были опрокинуты; десять орудій на главной батарее отбиты и дружины Головина и Трубецкаго разсѣяны.

Герцогъ, блѣднѣя отъ ярости, безъ шляпы, въ развѣвающимся мундирѣ, во весь опоръ помчался въ пылъ бѣгущему воинству—пщепно! только Аллартъ и Вейде остановились. Но войска Рейншильда и Веллинка съ двухъ сторонъ ударили на Русскихъ и — правый флангъ ихъ также началъ опсступать. Ни громовый голосъ вождей, ни барабанный бой не могли остановить бѣгущихъ; объятые паническимъ страхомъ, разброшенные, на всѣхъ пунктахъ опрокинутые, они бросились къ рѣкѣ, не взирая ни на болопа, ни на вагенбургъ. Густая метель набросила непроницаемое покрывало на смятеніе бѣгущаго воинства и на успѣхи побѣдителей, между тѣмъ какъ пронзительные звуки трубъ, рѣзкій бой барабановъ, клики вождей, споны умирающихъ и громъ пушекъ сливались въ одинъ ужасный звукъ.

Участъ дня была рѣшена. Когда вечернее солнце наконецъ разорвало завѣсу облаковъ,

Герцогъ дѣла Кроа, Генераль-Лейтенантъ Аллартъ, Полковники Бломбергъ и Лефортъ, подѣхавъ къ Шведскому Полковнику Стенбоку, отдали ему свои шпаги. Съ развѣвающимися знаменами Шведы заняли высоты Россійскаго стана, и въ спѣнахъ города благодарственные молитвы вознеслись къ Небесамъ, опять безоблачнымъ и свѣплымъ.

Мрачный, задумчивый, на другое упрото Герцогъ еще сидѣлъ въ шапрѣ своемъ. Выгодная капитуляція, только что заключенная съ Полковникомъ Стенбоккомъ, сославляла послѣднее сокровище, спасенное имъ изъ гибельнаго кораблекрушенія; все, что побѣжденный военачальникъ могъ представить разгнѣванному Монарху въ замѣнъ испребленной арміи.

Вошелъ Аллартъ; — безмолвно протянулъ онъ руку къ несчастному другу. — «Намъ доспался горькій жребій изъ таинственной урны судьбы;» сказалъ онъ торжественно: «но намѣреніе наше было благое; намъ, гдѣ измѣнчивое счастье не бросаетъ даровъ своихъ на шапки вѣсы, намѣреніе спанетъ на ряду съ самымъ дѣломъ.»

— Ахъ! — воскликнулъ Герцогъ съ горестію: зачѣмъ я принялъ начальство надъ арміею! —

«Прорипательница сама жестоко наказана судьбою;» продолжалъ Аллартъ, желая отвлечь вниманіе несчастнаго на другой предметъ.

— Зачѣмъ я её не послушался! — воскликнулъ Герцогъ.

«Выслушайте эту трагическую исторію! Наша снисходительность къ молодымъ Шведамъ принесла имъ мало пользы. Одинъ изъ нихъ вчера перешелъ къ намъ въ Русскомъ мундирѣ. Другъ его былъ въ числѣ шпурмовавшихъ Русскіе окопы. Несчастливая звѣзда приводитъ его прямо на то мѣсто, гдѣ споялъ другъ его; въ пылу рукопашнаго боя не узнаетъ онъ друга и поражаетъ его шпыкомъ; онъ падаетъ, плавая въ крови, и шпуть только несчастный видитъ свою ужасную ошибку.»

— Боже мой! воскликнулъ Герцогъ: я самъ принудилъ молодаго Шведа надѣтъ Русскій мундиръ. Онъ не переметчикъ, не лазутчикъ! —

«И пакъ, вы нѣкопорымъ образомъ виною сему несчастію. Горестъ его почпи походила на безуміе, когда замѣшил онъ свою ошибку. Тщепно спража его удерживаетъ. Бросясь на прупъ возлюбленнаго друга, и покрывъ лице его пламенными поцѣлуями, онъ самъ поражаетъ себя въ грудь шпыкомъ, и кровь его смѣшивается съ кровью друга.»

Герцогъ безмолвствовалъ, до глубины души расшироганный сею повѣстью. По знаку *Алларта* солдаты внесли одръ, на которомъ лежали прупы обоихъ юношей. Отблескъ упренной зари разливался на блѣдныхъ, благородныхъ чертахъ, и подернулъ нѣжнымъ румянцемъ ланиты бѣлокураго, который, крѣпко обхвативъ своего друга, казалось, съ горячимъ примирительнымъ поцѣлуемъ испустилъ послѣднее дыханіе. Блѣдная, какъ смерть, стояла на колыняхъ у одра несчастная *Марія*, прижавъ лицомъ къ охладѣлой груди возлюбленныхъ. Душу раздрающія жалобы ея оглашали пустынный лагерь, и самые воины, въ битвахъ посѣдѣвшіе, не могли воздержаться отъ слѣзъ при семъ прогашельномъ зрѣлищѣ.

— Бѣдный, злополучный юноша!—воскликнулъ Герцогъ: пакъ я воздалъ тебѣ за мое спасеніе; я далъ тебѣ смерть, и смерть отъ руки друга!—Какъ часпо слѣпые челоуѣки, воображая наградишь насъ, насъ погубляють!—

Участъ обоихъ великодушныхъ друзей вскорѣ сдѣлалась извѣстна. Бѣдную *Марію* опыскали и щедро одарили; но глубокая, на безуміе похожая горестъ, содѣлала ея равнодушною къ самымъ блестящимъ земнымъ благамъ. Сердце ея дышало только двумя милыми образами. Молва о злополучной любви ея дошла до Двора, проникла даже въ сердце *Петра Великаго*. Тронутый плачевною повѣстью, онъ самъ посѣпилъ несчастную дѣвушку. Онъ предоставилъ ей одну просьбу, но она отказалась отъ всякой милости; ибо она, безнадежная, ничего ужъ не желала. Но когда дали ей время подумать, то въ душѣ ея ожила картина того вечера въ родипельскомъ домѣ—милый образъ Графини предспалъ ея воображенію. Зная участъ ея любви, она умоляла Монарха, возвратишь свободу несчастно-

му юношѣ. *Петръ* сдержалъ свое слово, и въ послѣдствіи въ томъ не раскаивался. Въ объятіяхъ молодой возлюбленной супруги Графъ нашель случай вполне обнаруживъ клевету, повергшую его въ темницу. Герцога *дѣ ла Кроа* же несчастіе преслѣдовало отъ самаго пораженія его подъ Нарвою до кончины въ Ревель. Измученный продолжительнымъ недугомъ, обремененный долгами, онъ наконецъ умеръ памъ въ безызвѣстности, никѣмъ не оплаканный, не оставя по себѣ даже сполько, чптобы купилъ послѣднюю пѣсную постелю, на которой и знаменитѣйшій герой, громко и блистательно протекшій море и сушу, и сложившій съ себя доспѣхи бранные, обрѣтаетъ долгій и безмятежный покой посѣдъ пѣжкихъ прудовъ и умспвенныхъ усилій (*).

Съ Нѣмецкаго, *Тило*.

В О З В Р А Т Ь.

(*Баллада Кернера.*)

Два года тому назадъ, какъ не спало прелестной дѣвы. Она была такъ молода, грудь ея только чпо распускалась, голубые глаза ея оживлялись нѣжною улыбкой! Она составляла упѣху своего опца, покрыпаго сѣднани спарца, тому назадъ два года; но они показали спарку десятиью годами.

Въ два года въ деревнѣ многое переѣнилось. Зелѣный плющъ не обвиваетъ уже спараго дуба; дубъ слшшкомъ для него высокъ; плющъ спелется по землѣ и скоро изсохшій плетни его смѣшаются съ нею; по же будетъ и съ опцемъ *Маріи*. Взглянише на виноградную лозу, ей 18 лѣтъ; *Маріи* было сполько же; въ одинъ день онъ увидѣл свѣтъ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ расцвѣтали. Нѣкогда *Марія* покоилась подъ пѣнью виноградной лозы; любуясь ею, она была счастлива: виноградная лоза склонялась на сеспру свою ровспницу. Онъ пакъ хорошо понимали другъ

(*). Онъ понышъ еще покоишея непогребенный въ боковой часовнѣ церкви св. Николая въ Ревель, гдѣ неистлѣвшее, изсохшее тѣло его показываютъ путешественникамъ, какъ одну изъ достопримѣчательностей города.

друга! Обѣ онѣ имѣли прямой, гибкой и спрѣй-ный роспѣ. Увы! въ одинъ лѣпній день юная дѣва скрылась, въ одинъ лѣпній день молнія опалила виноградную лозу. Какая печаль была въ хижинѣ! Какъ унылымъ всё казалось внѣ хижины!

Какъ пусто спало у свѣтлаго окна, надъ которымъ въ клѣпкѣ щербела пшпичка, у котораго спарый отецъ сживалъ съ *Марію*. Замолкли веселые разговоры, пѣсни, спукъ самопрялки, вечерніе рассказы у огня; не открываешь по ночамъ окно, дабы свѣтъ луны могъ проникать въ комнату; оно не задернуто бѣлою занавѣскою; прелестная рука не опускается уже въ сосудъ съ св. водою, осененный зелѣною вѣтвю: прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ не спало прелестной.

Внѣ хижины, лѣпомъ нѣтъ тѣни, осенью нѣтъ плодовъ, не видно листьевъ, пожелтѣвшихъ и изсохшихъ, которые разносятся вѣтромъ. Тамъ не слышно шума вѣтвей; солнышко не играетъ, отражаясь въ спѣломъ виноградѣ; каменная скамья ничѣмъ не украшена; всё оскудѣло и печально: виноградная лоза опалена молніей за два года тому назадъ.

Въ одинъ день злосчастіе постыгло хижину и ея окрестности. Обольститель влѣпѣлъ въ неѣ какъ молнія; громъ поразилъ надежду селянина подобно прусу, уязвляющему изъ подпшпка. Могло ли успоить бѣдное семейство противъ сихъ двухъ хищниковъ? Можно ли защититься одному отъ двухъ непріятелей? Нѣтъ, это сверхъ силъ; склони голову и плачь, спарець!

Оплакивай свою дочь и виноградную лозу; дочь, утѣху пвоей спарости; виноградную лозу, надежду прудовъ пвоихъ. Спарикъ! съ расперзаннымъ сердцемъ и душой, лишенный любви и радости, я сожалею о тебѣ, оплакиваю судьбу пвою, ты заслуживалъ лучшую участь въ преклонныхъ лѣпахъ своихъ.

Спарецъ священной Германіи, Членъ земскихъ дружинъ, одинъ изъ пайныхъ Судей, свободный судія надъ самимъ собою. Какъ ужасна была та ночь, когда въ подземельѣ раздался обвиняющій голосъ его противъ жесточайшаго губителя!

Не громъ поразилъ тебѣ, не громъ, посланникъ Небесъ, предупредяющій земное пра-

вусудіе: низкій лѣсонецъ погубилъ дочь пвою; коварною рукою игравъ свѣтлыми кудрями ея, лишилъ хижину тѣни, плодовъ, цвѣтввъ и изсохшихъ листьевъ осеннихъ, которые уносишь время и покрываешь имъ могилы предковъ.

«Сего-то злодѣя обвиняю я предъ вами, пайные Судіи! хищника, который всего лишилъ меня: моей дочери и моей виноградской лозы, въ одинъ день рожденныхъ; бѣдное растеніе не могло жить безъ моей дочери; оно служило мнѣ скрижалю, на которой начертанъ былъ день моего счастья, спраница земнаго моего блаженства, мой разрушенный, унесенный вѣтромъ покой, унесенный подобно моей дочери; но онъ ея счастливецъ! Судите теперь, пайные Судіи, и произнесите приговоръ, не достоинъ ли я кроваваго удовлетворенія!»

Такъ говорилъ спарикъ во тѣмѣ. Голосъ его опзывался въ подземельѣ, глаза горѣли, рука судорожно ударяла по груди. Такъ прогремѣлъ онъ предъ Судіями неподвижными, безмолвными, безчувственными, подобно Египетскому граниту, изсѣченному на гробницѣ.

Онъ оспановился, высказавъ всё. Глаза его подавили слѣзы, уста проглотили слава; онъ усмирилъ бурю сердца; кровь не волновалась болѣе въ его жилахъ, холодный потъ покрывалъ бѣдное лице его. О, для чего не прохладила его тѣнь виноградской лозы, или не усладилъ поцѣлуй дочери! Судъ произнесъ приговоръ.

Судъ предалъ спарикку всю кровь обольстителя. Кровь его тебѣ принадлежишь, спарикъ. Убей его: найдешь ли его на охотѣ, у одра умирающаго отца, при гробѣ матери, предъ судилищемъ, на канунѣ бѣтвы или послѣ побѣды—убей его чѣмъ хочешь: мечемъ, огнемъ, ядомъ и клеветкою. Онъ весь пвой, со всѣмъ, что имѣетъ; тебѣ отдается его сердце, пѣло, душа и кровь его; сокруши, произи его. О спарець, ты можешь постылить новый виноградъ и онъ скоро возрастетъ на землѣ, упитанной кровію!

Таковъ былъ приговоръ грознаго судилища, и чело спарца прояснилось. Древняя, священная Германія! когда не было правосудія на землѣ пвоей, тогда оно палось въ пвоихъ нѣд-

рахъ; моя Германія, ты правосудна, какъ вѣчный Судія, неумолчна, какъ Онъ. Священная опечеспвленная земля! Не думаете ли вы, что судъ несправедливо изрекъ свой приговоръ?

Въ поппъ же вечеръ и на другой день послѣ сего суда виновный предавался прескупной своей спраспи. Была ночь; ворота замка были заперты, ставни закрыты, огромные кампны заспавлены рѣшетками; своды зала рисовались на мраморномъ помоспѣ; спѣны увѣшены были доспѣхами и старыми карпинами; всё покоилось. Нечеспвенецъ помѣспилъ спаринную кровать въ моельницѣ, чтобы успокоить свою жерпву; онъ приказалъ завѣспить свяпые образа, зажечь благовонныя куренія, поставивъ свѣчи желпаго воска; всё блиспало въ ужасныхъ перемахъ и палапахъ спараго Барона Фопъ *Сандервелда*, происходящаго опѣ знаменипѣйшихъ предковъ.

Здѣсь-то молодой Баронъ предавался упоенію любви. Виновный падаепѣ въ объптія *Маріи*. Она въ безпампспивѣ, въ безпорядкѣ, шупя и бранясь (кропка *Марія*), обольщенная сладкими словами его, — *Марія*, забывшая и Бога, и людей, и опца своего, говорила ему: *люблю тебя, Оскаръ! Я твоя, Оскаръ!* Онъ, безмолвный, едва переводя духъ, смолпрѣлъ на неѣ въ испуспленіи: вдругъ падаепѣ свипокъ.

Свипокъ кровавый, весь исписанный большими спрашными буквами. Надобно быпѣ прескупникомъ, чтобы разобрать сии писмена. Невинный, какъ бы онъ ни былъ ученъ, почель бы ихъ каракульками ребенка, начинающаго учипѣся писать; такъ неясспвенны были сии буквы. Но *Оскаръ*, видя изображеніе двухъ сложенныхъ накреспѣ кинжаловъ, почувспвовалъ, что смерть его близка.

Онъ опгадалъ, что участь его рѣшена; что ни голова его, ни сердце, ни самая жерпва его, распроспертая на ложѣ, въ безпорядкѣ, съ обнаженною грудью, упоенная любовью, не принадлежатъ ему. *Оскаръ* воображалъ уже себя бездушнымъ прупомъ. Спраспѣ его угасла опѣ ужаса. Онъ не смолпрѣлъ уже на *Марію*; взоры его прикованы были къ двумъ, сложеннымъ накреспѣ кинжаламъ, —

печати грозпаго Суда, копорому всё повпновоалось.

Увы! онъ былъ молодой человекъ съ душею; хотя сердце его испорчено; но онъ уважалъ свяпость законовъ. Замѣспивъ блѣдность *Маріи*, при видѣ кроваваго свипка, онъ подпнялъ еѣ, и печальнымъ, но спвердымъ голосомъ произнесъ сии слова:

«*Марія*, мы совершили два прескупленія; обезчеспили хижину опца пвоего, осквернили свяплице моей матери; опѣ Тайпаго Судплица не скрылись наши прескупленія, и приговоръ нашъ произнесенъ.»

— Такъ скоро! — опвѣчала *Марія*, — и трудно было рѣспить лице ли ея сдѣалось блѣднѣе, или свипокъ краснѣе.

«Да, такъ скоро, *Марія!*» сказалъ *Оскаръ*.

Попомъ, не говоря ни слова, *Оскаръ* взялъ проспую сельскую одежду *Маріи*, копорую она никогда не думала носить, и снова надѣлъ на неѣ сию бѣдную и пзорванную въ спраспномъ испуспленіи одежду.

Она опяпѣ сдѣалась поселанкою, какою вспушла въ замокъ, въ шерспяномъ фарпукѣ, въ деревянныхъ башмакахъ.

Она плакала.

Оскаръ взялъ еѣ за руку и долго водилъ по обширнымъ заламъ замка; двери ихъ были заперты. Они прошли дворъ, пороспшій правую и доспгали подѣемпаго моста: онъ былъ подпнять.

Марія запрепепала; *Оскаръ* также.

Вышедъ въ поле, они долго бродили. Дойдя до перекрестка, гдѣ начинается лѣсъ матери *Оскара*, онъ остановился; хотѣлъ объптъ *Марію*, но не смѣлъ.

Онъ ождалъ кого-то. Черезъ часъ его неспало: невидимая рука совершила приговоръ Тайпаго Суда.

Не разъ бѣдная *Марія* съ ребепкомъ на рукахъ приходила къ кресту, въ надеждѣ, что кинжалъ грозныхъ Судей соединитъ еѣ съ *Оскаркомъ!* Но кинжалъ ихъ не для неѣ былъ озпценъ. Ей суждено было жить: перзппельное наказаніе, которое долго продолжалось. Преспарѣмый опецъ умеръ, хижина опустѣла, и виноградная лоза никогда уже не разцвѣпепѣ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЪ ПОЭМЫ: БАЙРОНОВА УРНА.

(Глава IV. Байронъ, обозрѣвъ развалины
Рима и прощальсь съ берегами Италіи,
вспомнилась о судьбѣ Тасса).

Пѣснь Байрона.

О Тассъ, божественный Пѣвецъ,
Миръ мвоему заросшему кургану!
Миръ праху мвоему!
Съ главы мвоей вѣнецъ
Не удалось сорватьъ
Презрѣнному пирату.
И памь, гдѣ звукъ гремишь цѣпей,
И памь пылалъ
Въ душѣ мвоей
Огонь небесный вдохновенья.
Безсмертныя лучь
Какъ Херувимъ
Блеснулъ изъ шучь, —
Врагу пѣвца
Позоръ презрѣнья!
Альфонсъ какъ червь
Въ землѣ исплѣлъ,
Его величье мшовало,
Вѣковъ проклятыя зазвучало,
И налегло
На топъ курганъ,
Гдѣ спитъ пиратъ.
И я далеко отъ отчизны!
О Тассъ, и я
Гонимъ судьбой!
И надо мной
Не совершатъ
Въ землѣ родной
Могильной призывъ.
Безъ слезъ, безъ слезъ
Исплѣнешъ ты,
Мой прахъ холодный!
И я, какъ Тассъ,
Бѣглець безродный,
Одинъ засну
Подъ пероднымъ
И дальнимъ небомъ.

До той поры
Шуми, бушуй
Сѣдое море!
Неси мой чѣлнъ
Надъ бездной волнѣ, —
Въ топъ край пустынной,
Гдѣ могъ бы я
Обрѣсти покой
Души невинной,
Въ топъ дальній край,
Гдѣ могъ бы я
Былые дни
Навѣкъ забыть:
И для надежды снова жипъ!

Трилуний.

КЪ СЕСТРѢ ВЪ ДЕНЬ СВѢТЛАГО ВОСКРЕСЕНІЯ.

Хриспосъ воскресъ! — и ны воскресни
Подруга кровная моя!
Воспой божественныя пѣсни
При звонкой прелди соловья!
Забудь печальное, земное,
Для прославленія Небесъ!
Ликуй, селеніе родное...
Хриспосъ воскресъ!
*
Я сижу какъ въ клѣткѣ пшпчка,
Только голову склоня;
Нѣтъ и краснаго яичка
Для торжественнаго дня;
Нѣтъ любезнѣйшей особы!
Нѣтъ товарища — кого-бы
Отъ души поцѣловашъ;
Всѣ лежатъ на чистомъ полѣ,
И я долженъ по неволѣ
Одинокій посковашъ. —
Трубка вѣрная дымишся,
И перо паденъ изъ рукъ —
И слеза моя капишся
На черешневый чубукъ...
*

Передъ эшимъ за два года
До начатія похода,
До разлуки за два дни,

Я съ побой, о другъ безъвиной!
Эпопъ день благословенной
Веселился у родни;
А шеперь въ краю далёкомъ,
Я въ уныніи глубокомъ;
Съ тяжкой думою въ душѣ,
Умираю въ шалашѣ. —
Трубка вѣрная дымится,
И перо падеть изъ рукъ —
И слеза моя капится
На черешневый чубукъ.

В. Домоитовичъ.

1829 года.
Лагерь подъ Варною.

Ш А Р А Д А.

Слодъ первый мы въ домахъ видаемъ.
Второй же любимъ волкъ давить.
А въ цѣломъ мы народъ встрѣчаемъ;
Россіи онъ любилъ вредить;
Онъ опъ Ташаръ имѣлъ происхожденье,
Губилъ гражданъ и грабилъ ихъ имѣнье,
Былъ люпъ, какъ дикій Печенѣгъ,
Любилъ войну и буйный свой набѣгъ.

М. Демидовъ.

Въ No 37, помѣщенная шарада значить: *Sou-pente*.

М О Д Е С.

Bonnets.—Les bonnets de lingerie sont d'une bien moindre dimension que ceux de la saison dernière. On les monte cependant toujours à peu près de même; l'ornement le plus nouveau est un *noeud-comète* ainsi disposé: sur le fond du bonnet, de côté, à droite, est posée une touffe de rubans découpés à dents et posés comme un éventail; à gauche, à partir du bas de cette touffe, descendent légèrement quelques longs bouts de rubans, qui figurent la queue de la comète.

Toilettes de bal.—Les bals continuent toujours et, par conséquent, les toilettes qui y sont appropriées. On a fait cette semaine beaucoup de robes en organdi

peint. On assortit la guirlande ou les fleurs qui composent la coiffure, aux dessins de la robe. Nous en citerons une très-jolie semée de fleurs de grenade. Une couronne de fleurs de grenade passait sur le front et remontait s'attacher sous les coques de cheveux.

Les étoffes les plus nouvelles sont les gazes et mousselines-sylphides; la mousseline-sylphide est un tissu mêlé de soie, on y imprime un dessin de moire de nuances diverses sur un fond blanc.

Pl. No 14. Turban de gaze orné d'un oiseau de paradis Robe de moire.

М О Д Ы.

Чепчики.—Упреніе чепчики дѣлають несравненно менѣе, нежели въ прошедшее время года. Опдѣлываютъ ихъ почти всё также; самая новѣйшая опдѣлка называется *noeud-comète*. Сдѣланный такимъ образомъ: на кройкѣ чепчика, съ правой стороны, пришьленъ кусочекъ изъ лешъ, вырѣзанныхъ зубцами и расположенныхъ опахаломъ; слѣва, начная снизу кусочка, висятъ нѣсколько длинныхъ концевъ лешъ; они сославляютъ хвостъ кометы.

Бальные наряды.—Балы всё еще продолжаются, и поному занимаются приличными къ нимъ нарядами. На этой недѣлѣ было много платьевъ изъ печатнаго органди. Гирланды или цвѣты въ прическахъ всегда приспособляютъ къ узорамъ платья. Мы видѣли весьма красивое платье съ разбросанными гранатовыми цвѣтами; при немъ вѣнокъ изъ гранатовыхъ цвѣтовъ, положенный по лбу, оканчивался сзади у пепель изъ волосъ.

Самыя новѣйшія матеріи газы и кисей сильфиды (*sylphides*); кисея сильфиды выпкана шедкомъ; по бѣлому грунту печатають узоръ обьяри разныхъ цвѣтовъ.

Карп. No 14. Газовый шюрбанъ, украшенный перомъ райской ппички. Платье изъ обьяри.

С М Ъ С Ъ.

Устье рѣки Нигера.—Въ Лондонскомъ ученомъ журналѣ: «Literary Gazette» пишутъ, что брагья Ландеръ (спутники Клаппертона) открыли устье рѣки Нигера.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 39.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАЯ 14 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Всѣ плзбы выгодны лишь Спящимъ, да Судьямъ.

А. Измайловъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОНЦА КОНХА.

Повѣсть.

Тудела, красивый городокъ въ Наваррѣ, Испанской провинціи. Въ немъ долго жилъ счастливый и всѣми уважаемый Донъ-Цезарь *де Лауседра*. Не подалеку отъ Туделы имѣлъ онъ на пріятномъ мѣстоположеніи очень красивый загородный домъ, но рѣдко жилъ въ немъ, для того, какъ сказывали, чптобы не видавъ замка *Мурведро*, который споялъ прямо передъ его окнами; или лучше сказать, изъ ненависти къ самому *Мурведро*, своему спарпному другу, который потомъ спалъ непримиримымъ врагомъ его. Когда случайно встрѣчались они, то взглядывали другъ на друга съ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія. Угрюмый *Мурведро* потчасъ, бывало, поблѣднѣеть, какъ только увидитъ брилліантовый перстень на пальцѣ веселаго Донъ-Цезаря, который нарочно игралъ имъ передъ его глазами. Всѣ говорили, что соперничество въ любви зажгло между двухъ друзей сію непримиримую вражду; а перстень сей данъ былъ счастливому любовнику.

Мы ничего не слыхали о семействѣ *Мурведра*. Что же касается до Донъ-Цезаря, то онъ имѣлъ любезную и нѣжную жену, и дочь, которой при крещеніи дано было имя *Santa*

María de la Conception, но обыкновенно звали её *Донна Конха*. Ей было только принадлецать лѣтъ, когда похищеніе Испанскаго престола *Фердинандомъ VII* взволновало всю Испанію. Происходя отъ древняго дворянства, съ молодыхъ лѣтъ сохранивъ преданность къ прону, превосходя умомъ и познаніями многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, Донъ-Цезарь рѣшился пребыть вѣрнымъ своему законному Государю; но не предпринимая ничего успушить на время необходимости.

Онъ удалился въ деревню, какъ для того, чптобы не вмѣшиваться въ дѣла политическія, такъ и для того, чптобы заняться воспитаніемъ дочери, которой красота была обворожительна, и которую родители обожали. Донъ-Цезарь спарался внушить ей смѣлость и духъ мущины. «Въ сіи несчастныя времена, говаривалъ онъ, и женщинамъ не должно быть женоподобными.»

Впрочемъ, въ замкѣ *Лауседра* царствовало тихое счастье, коимъ наслаждаемся мы полнѣе; предчувствуя, что оно должно скоро миноваться. Ночи пролепали въ танцахъ и музыкѣ, а дни проводились въ праздности, какъ будто бы въ Испаніи царствовало совершенное спокойствіе. Наступалъ день именинъ *Донны Конхи*; отецъ хотѣлъ оппраздновать его самымъ блистательнымъ образомъ,—какъ

вдругъ неожиданный случай погубилъ всё счастье сего семейства! —

Мурведедро шелъ совершенно пной дорогою. Вместо того, чтобы смиренно сидѣть въ своемъ замкѣ, какъ *Лауведра*, онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ вошелъ во всѣ заговоры пропшвъ новаго правленія. Пышкомъ пробѣгалъ онъ горы и повсюду вооружалъ гверильсовъ; вснушилъ въ перепску со всѣми недовольными провинціалами; имѣлъ большое вліяніе на Временную Юнту, которая по видимому благопріяпспивовала Французамъ, но въ самомъ дѣлѣ была имъ совершенно пропивною. — Онъ весьма часто появлялся съ своими полками въ окрестностяхъ столицы, и, хотя не занималъ никакой должности въ государствѣ, однако пріобрѣлъ большую силу въ народѣ.

Донъ-Цезарь часто былъ предостерегаемъ отъ его козней пайнымъ образомъ; особливо въ то время, какъ готовился поржеспивовать именины своей дочери; но родясь безпечнымъ, окруженный своими крестьянами и бѣдными ремесленниками, имъ облагодѣпспивованными, онъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ оборонѣ. Это и было причиною его гибели.

Въ то самое время, какъ онъ усановлялъ въ своей залѣ прозрачную картину, изображающую его дочь и ея свящую Покровипельницу въ лучезарномъ сіяніи, нѣсколько всадниковъ осановились передъ замкомъ. Донъ *Мурведедро* приказываетъ о себѣ доложитъ.

Донъ-Цезарь не успѣлъ еще опомнитъся отъ изумленія, какъ вошелъ *Мурведедро* и показалъ ему пспшменное повелѣніе слѣдовать за нимъ немедленно въ Тудельскую тюрьму. Донна *Конха* и ея мать, испуганныя внезапнымъ явленіемъ *Мурведедро*, спышати къ Донъ-Цезарю. Но Донна *Конха*, услышавъ слова *Мурведедро*, не потеряла присутствія духа, хотя была еще ребенокъ; она вдругъ исчезла изъ комнаты, и когда Донъ-Цезарь готовъ уже былъ повиноваться объявленному врагомъ его приговору, она возвратилась, и рукою подала знакъ опцу, что всѣ люди, находящіеся въ замкѣ, вооружены и собраны у дверей.

Лауведра ободрился. Онъ не хотѣлъ болѣе знать о несправедливомъ повелѣніи, и располагался уже дать оппоръ.

Мурведедро долго колебался, но вдругъ вынулъ пспшолетъ и выстрѣлилъ въ Донъ-Цезаря, который палъ на мѣстѣ безъ малѣйшаго крика. Донна *Лауведра* безъ чувствъ упала въ объятія своей дочери.

Прекрасная мѣсть! Наконецъ я доспалъ его! сказалъ *Мурведедро* наклонясь надъ бездушнымъ трупомъ Донъ-Цезаря и срывая съ руки его брилліантовый перстень.

Схватите злодѣя! Убейте его! взывала Донна *Конха*, держа мать въ объятіяхъ.

Я не злодѣй, гордо опвѣчалъ *Мурведедро*. — Этоптъ перстень всегда мнѣ принадлежалъ, но я заплачу тебѣ за него.

Сказавъ сіе, онъ бросилъ на колѣни Донны *Конхы* кошелѣкъ съ золотомъ и поспшшно удался съ своими поваршцами. Всё это происходило такъ скоро, что никому и въ умъ не пришло его задержать.

Сей первый примѣръ наслій, коими ознаменовался духъ партій, раздѣлявшихъ Испанію провинціи, произвелъ въ народѣ спльное впечатлѣніе; но вскорѣ за нимъ послѣдовали новыя злодѣйства, и объ немъ совсѣмъ забыли. Прошло два года, Донна *Лауведра* съ терпѣніемъ предалась судьбѣ своей, но Донна *Конха* не такъ легко ей покорилась. — Она сполько привязана была къ опцу, что юное, пылкое сердце ея не могло не пшпатъ мести. Палшнее солнце Испаніи преждевременно развило юныя прелести Донны *Конхи*, а претерпѣнный бѣдспвія быспро развернули умспвенныя ея способности. Черные пламенные глаза ея не утратили своей живости, но она, казалось, спотпрѣла на жизнь съ какою-то мрачноспью. Пронцапательные взоры молодой дѣвушки болѣе всего оспанавливались на выраженіи лица многочисленныхъ обожателей, пскавшихъ ея руки; она, казалось, хотѣла проникнуть въ глубину души ихъ и, не смотря на убѣжденія матери, чувспивовавшей, что въ сіи смутныя времена ей необходимо нужно имѣть защитника, она на опрѣзъ опказывала всѣмъ богатымъ искапелямъ. «Они спшкомъ напменны и глупы,» обыкновенно говорила она. Молодые Ошщеры казались ей спшкомъ передъ нею гордыми и спшкомъ униженными передъ пѣми, въ копорыхъ они чего либо искали; купцовъ она неспрѣла, какъ лю-

дей бездушныхъ, которые всѣмъ жертвуютъ гнусной корысти.

Донна *Конха* достигла уже пятнадцатилѣтняго возраста, и мать ежедневно настаивала на томъ, чтобы дочка не медлила выборомъ жениха.

«Маменька, позвольте мнѣ остаться при васъ; я въ два года многому научилась. Никогда я не выйду за человѣка, мнѣ ненавистнаго; укажите мнѣ хотя одного, изъ сихъ людей, который былъ бы достоинъ любви моей?»

— Вся молодежь нашей провинціи у ногъ твоихъ. —

«Но любима ли я? Кто въ состояніи понять меня, отгадывать мои мысли? — Быть можетъ, имъ нравятся мое имѣніе, моя наружность; все это скоро пройдетъ; чужья погда останется для любви? Къ кому же, примолвила она съ большою важностію и потупленными глазами, но не краснѣя, у меня есть женихъ, котораго я люблю.»

— Кто такой? — воскликнула удивленная мать.

Донна *Конха* покачала головою.

— Кто, милая дочь? повторила вдова. Напрасно я стараюсь проникнуть тайну, я никогда не замѣчала, чтобы ты кому нибудь искренно улыбалась. —

Дѣвушка хранила молчаніе.

— Милая дочь, развѣ я не сплю твоимъ доверенности! сказала Донна *Лауведра* съ слезами на глазахъ. Какъ мнѣ это больно! —

«Могу ли назвать его, тихо возразила Донна *Конха*, когда сама его не знаю?»

— Не ты ли мнѣ говорила, что его любишь. Я не знаю, что объ этомъ подумать. —

«Буду его любить. Ахъ, какъ вы мучите меня, маменька, съ жаромъ опивчала Донна *Конха*: пснеръ я открою вамъ все; но не смѣйтесь надо мной, не огорчайте меня и не старайтесь опровергнуть мои мысли, глубоко вкорѣнившейся въ мое сердце. Я буду любить того, кто опомнитъ за смерть моего родителя; обручальнымъ кольцомъ моимъ долженъ быть перстень, который онъ носилъ на рукѣ и который будетъ обрызганъ кровію его убійцы.»

Мать поблѣднѣла. Бѣдное дитя, сказала она, я боюсь, что ты не найдешь себѣ мужа.

Однако ты права. *Мурведедро* недостойно видѣть дневной свѣтъ, но онъ сдѣлался сильнѣйшимъ, грозою Французовъ и имѣетъ большое вліяніе. Не будешь ты имѣть жениха. —

«Если на землѣ не найду себѣ мужа, возвратилась въ важностию Донна *Конха*, то буду искать его на Небѣ. Что не совершится здѣсь, то исполнится тамъ. Мой выборъ сдѣланъ; я отдаю свою руку испителю моего отца, или черное покрывало упадетъ на мою голову.»

Донна *Лауведра* погрузилась въ глубокую задумчивость. — Когда ты такъ рѣшилась, то я могла бы тебѣ наименовать супруга. Какъ ты думаешь о своемъ двоюродномъ братѣ *Манзоресъ*? —

«Объ этомъ несчастномъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ тусклыми глазами? Онъ говоритъ, что любитъ. Онъ ближайшій наслѣдникъ моего отца и, когда я умру, то получитъ все наслѣдство.»

— Онъ тебѣ любитъ; будешь ли ты взаимно любить его? —

«Не знаю, маменька, не знаю, что вы называете любовью. Изъ всего, что я слыхала отъ другихъ или читала въ романахъ о любви, ничего подобнаго не закрадывалось въ мою грудь. Если онъ опважень, то, кажется, я буду любить его.»

Вечеру Донъ *Манзоресъ* пришелъ въ замокъ. По данному знаку Донною *Лауведрою* оставилъ онъ блестящее общество, окружающее Донну *Конху* и вышелъ съ матерью въ другую комнату.

— Наконецъ она открылась, сказала она съ жаромъ *Манзоресу*. *Конха* не проповившись нашимъ желаніямъ, но... — Тихо рассказала она ему другими словами условія, на которыхъ дочь ея рѣшилась отдать руку. *Манзоресъ*, казалось, испугался. — «Это ужъ мое дѣло, сказалъ онъ, стараясь ободриться. Прежде имѣлъ я свободный входъ въ домъ *Мурведедра*, и теперь могу имѣть его. Что будетъ, то будетъ — я знаю какъ взяться за это.»

Въ тотъ же вечеръ, передъ отъѣздомъ, нашелъ онъ случай переговорить наединѣ и съ Донною *Конхою*. Какъ ни оспорожно началъ онъ разговоръ, но Донна *Конха* тотчасъ догадалась, что мать ея открыла ему только

нѣкоторую часть ея тайны. *Манзоресъ* самъ ей признался, что она подала ему слабую надежду, но что онъ съ жаромъ берется за всё.— Убийца долженъ погибнуть, прибавилъ онъ, но нужно время; одною только измѣною мы можемъ достигнуть своей цѣли.—

«Измѣною?» возразила *Донна Конха*.

— Какъ же иначе? Онъ никогда не выходящъ безъ спражи. Надобно только пріобрѣсти его довѣріе и тѣмъ привести его въ оплошность; это необходимо для меня, какъ для полученія руки вашей, такъ и для избѣжанія мести друзей его, которые не дали бы мнѣ спокойно наслаждаться благомъ, доставшимся съ полкиемъ трудомъ.—

«Спыдись! воскликнула *Донна Конха*. Никогда не соглашусь я на гнусное предательство; я пребуду благородной мести; кровь его должна пролиться, отъ чего бы нибыло—отъ пули или отъ меча. Одни только прусы прибѣгають къ яду. Спуйай—не себя я избѣру.»

— Какъ, прекрасная кузина, убить его? Ахъ! ты хочешь моей смерти, а не счастья.—

«Я думала, что ты отваженъ. Смерть, которую ты ему назначаешь, могла бы быть заплачена только кошелемъ золота, который онъ намъ бросилъ; да кстапи, гдѣ онъ дѣвался? Оставь меня въ покоѣ; не убивай его, ибо я никогда не опдала бы тебѣ руки моей... Надобно; чтобы я уважала того, чье имя буду носить.»

Оставивъ его, она возвратилась въ залу. На лицѣ ея написано было самодовольствіе, которое обыкновенно ощущаемъ, избѣгнувъ опасности. Спустя нѣсколько минутъ, явился и *Донъ Манзоресъ*; онъ былъ печаленъ и вскорѣ ушелъ.

Разговоръ *Донны Маріи* съ *Манзоресомъ* произвелъ сильное впечатлѣніе на молодую дѣвушку. Она узнала, какъ мало былъ онъ способенъ раздѣлять ея образъ мыслей и отвѣтственность; узнала свѣтъ, въ которомъ жила и утрапила надежду наипи душу, которая бы сроднилась съ ея душою и дышала однимъ чувствомъ мести. Вижу, говорила она вздыхая, что меня ожидаетъ монастырь и высокія его стѣны. Такъ Небесный женихъ опомспипъ за меня. Однако всѣ пламенные впечатлѣнія

юности воспавали противъ сей мысли. Ея мать безпрестанно придумывала средства прохладить сей пылкій умъ. Сначала она рѣшилась ввести еѣ въ обществу. До сихъ поръ онъ вели тихую и спокойную жизнь; уединенныя прогулки и изрѣдка посѣщенія нѣсколькихъ друзей изъ города были для нихъ единственнымъ развлеченіемъ. Ужели въ *Тудель* и окрестностяхъ не нашелся бы ни одинъ юноша, котораго пріятная наружность и отвага произвели бы впечатлѣніе на душу *Донны Конхи*? Со смерти *Донъ-Цезаря*, мать очень рѣдко посѣщала загородный домъ, а *Донна Конха* не была въ немъ ни разу. Всѣ приготовления къ злополучному дню ея именинъ оспались память, какъ были; этогъ день наступалъ опять. *Донна Лауверра* хотѣла поржесествовать его по прежнему; она предложила своей дочери снова явиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ провела она младенческой возрастъ, и отпраздновать день ея Ангела, который прежде всегда былъ днемъ радости въ ихъ семействѣ. *Донна Конха* не смѣла проповишься желанію матерп.

Вечеромъ, на канунъ именинъ, мать съ дочерью прибыли въ замокъ. Только что переступили онѣ за порогъ, какъ промежуткомъ времени, отдѣлявшій ихъ отъ злополучнаго дня, исчезъ для *Донны Конхи*. Кровавое зрѣлище, которое она за нѣсколько лѣтъ видѣла передъ собою, оживилось теперь со всею свѣжестью красокъ. Кровь ея сильно взволновалась; ей казалось, что въ ушахъ ея раздаются тысячи голосовъ, слившихся въ одно слово: мщеніе!—Она столько была встревожена, что не скоро могла успокоиться. Но чрезвычайно уставъ отъ дороги, она спала хорошо. Когда же она открыла глаза, восходящее солнце, казалось, привѣтствовало еѣ, и она вспала въ веселомъ расположеніи. Она любовалась даже бѣлымъ апласнымъ плапьемъ, подареннымъ ей матерью; находила себя въ немъ прекрасною и радовалась своей красотѣ; но по ней пробѣжала легкая дрожь, когда одна изъ подругъ замѣтила, что ей недостаетъ только блага вѣнца, чтобы казаться невѣстою. Всѣ гости уже съѣхались, когда вѣждалъ *Манзоресъ*, болѣе обыкновеннаго блѣдный и распроеанный.

— Развѣ вы не знаете, что случилось въ эту ночь? —

Всѣ окружили его съ робкимъ любопытствомъ.

— Грозный *Горквето* съ своей шайкою печально напалъ на замокъ *Мурведедро* и ограбилъ его, хопя за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ самъ владѣлецъ возвратился въ оный. Кажется, что онъ менѣе спрашенъ былъ разбойникамъ, нежели честнымъ людямъ. — Говорить, что онъ адски защищался и, спасаясь бѣгствомъ, убитъ. Теперь вся окрестность въ тревогѣ: всѣ боятся подобной участи. —

«Посмѣлъ бы онъ сюда явиться, гдѣ сполько людей!» сказала *Донна Лауведра*, спараясь скрыть свое опасеніе.

— На что не отважился *Горквето*, отвѣчалъ *Манзоресъ*, пожимая плечами. Но я послалъ въ городъ, просить опрядъ Французскихъ солдатъ. —

Донна Конха молчала; сердце ея сильно билось. Замокъ *Мурведедра* разграбленъ; онъ самъ, быть можетъ, убитъ!

— Намъ нечего опасаться, сказалъ *Манзоресъ*, спараясь самъ успокоиться. Намъ такъ много, что *Горквето* не рѣшился напасть; къ тому же два нападенія, одно за другимъ, вещь неслыханная. —

«Кто здѣсь боится? воскликнула *Донна Конха* громкимъ голосомъ; что касается до меня, то думаю, что эти разбойники мнѣ бы ничего худого не сдѣлали. Они сожгли замокъ *Мурведедро*, убили самого его. — Viva Horqueto.»

— Senora! — воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ изъ гостей.

«Извините меня, сказала *Донна Конха* опомнясь. Я дочь *Донъ-Цезаря*; на этомъ самомъ мѣстѣ, въ моемъ присутствіи, пролила кровь его!»

Тупъ она полумертвая упала въ кресла. Всѣ окружили её; но вскорѣ она пришла въ себя и снова спала предводительствованъ забавами съ обыкновенною любезностію и прелестію. По ея приказанію всѣ поселяне оспались въ замкѣ и весь вечеръ проплясали у большихъ воровъ. Казалось, что сама *Донна*

Конха, которая уже два года какъ не танцевала, хотѣла вознаграждать потерянное время; эфирныя ножки ея безпрестанно носились по паркету при звукахъ громкой музыки. На дворѣ, въ паркѣ, въ залахъ, вездѣ царствовала веселость.

Вдругъ слуги вбѣгають въ замокъ, пронося имя *Горквето*.

Горквето! повпорило всё общество, основаясь внезапно. Гдѣ онъ?

— Идѣтъ черезъ садъ; отвѣчалъ дворецкій, весь дрожа отъ страха. Одинъ изъ его людей перепрыгнулъ чрезъ стѣну и опперъ дверь. —

«Къ ружью!» воскликнулъ *Манзоресъ*, поблѣднѣвъ, и вышелъ вонъ съ нѣсколькими другимъ. Всѣ кинулись къ дверямъ залы, куда въ поже почпи время вошли люди *Горквето* и вскорѣ явился онъ самъ.

Это былъ молодой человекъ, прекрасной наружности, пристойно одѣтый; небольшіе усики осыпали его верхнюю губу; значительное лице его омрачено было досадою. Впрочемъ, во всѣхъ чертахъ его выражалось истинное мужество. По сдѣланному ли имъ впечатлѣнію, или замѣпивъ на пальцѣ *Горквето* перстень, котораго *Донна Конха* искала глазами, она съ немногими изъ людей оспалась въ залѣ, и почувствовала въ своемъ сердцѣ необыкновенное, непреодолимое къ нему влеченіе. Она едва замѣтила, что мать ея съ распростертыми руками, полумертвая, упавъ къ ногамъ *Горквето*, обнимала его колѣна — она его только видѣла. *Горквето* кинулъ жадный взоръ на буфетъ, уставленный серебромъ, на подсвѣчники и богашее убранство стѣны, и даже на полъ, на которомъ испуганныя *Донны* убѣгая разбросали свои дорогія вещи; потомъ черные глаза его остановились на *Доннѣ Конхѣ*, спокойной и очаровательной; онъ всматривался въ неё болѣе и болѣе, не могли опорвать своего взора отъ ея Ангельскаго лица. Привыкну видѣть блѣдые, искаженные боязнію лица, посинѣвшія и дрожащія уста, онъ не могъ насытиться видомъ этой свѣжести, этой красоты, этихъ спокойныхъ очей и благородной осанки. Казалось, что *Донна Конха* такое

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА.

Что, мой другъ, опять ты скучаешь?
 Тихъ печальный пивой приношь.
 Иль злой духъ пивой неразлученъ
 Съ сердцемъ, жертвой скорбныхъ смуть?

«Скучно мнѣ. Моей судьбою
 Преданъ мрачной власпи думъ,
 Съ ними я, какъ самъ съ собою,
 Лишь дневной запахнешь шумъ.»

Полно, другъ! покинь заботы.
 У кого ихъ вовсе нѣтъ?
 Не для всѣхъ судьбы щедроты;
 Ты-жъ не зналъ и тяжкихъ бѣдъ.

«Такъ, мой другъ; но и безъ горя
 Можно счастливымъ не быть.
 Что за радость — вѣчно споря
 Со звездой своего, жить?»

«Длится дни въ борьбѣ упорной;
 То-жъ да по-жъ — какъ твердъ ни будь;
 Упомясь пререгой спорной,
 Всѣ не сдержишь вздоха грудь.»

«Гдѣ взять духу? гдѣ взять силы?.....
 Продолжу-ль неравный бой,
 Иль оружіе, унылый,
 Положу передъ собой?» —

А. Глббовъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ П—У.

Парнасскій богъ тебѣ открылъ
 Недаромъ пайны Музъ свящныя;
 Недаромъ онъ тебѣ вручилъ
 Поэша струны золотыя;
 Ты съ ними нашихъ чувствъ пворецъ
 И нашихъ думъ власпитель полный —
 Всѣ силы душъ, порывъ сердцецъ
 Тебѣ внимающихъ покорны,....
 Свящую-ль славишь ты любовь —
 И всѣ поэша вѣрятъ лиръ,
 Что безъ любви нѣтъ счастья въ міръ
 И что блаженъ лишь тотъ, чья кровь
 Волнуется отъ взоровъ спрашенныхъ —

же произвела на него впечатлѣніе, какое онъ на неѣ.

«Нѣтъ! воскликнулъ онъ наконецъ, не хочу ничего, ничего, кромѣ ея, одну еѣ только!» повторилъ онъ и палъ на колѣна предъ молодой дѣвицею, сложивъ руки на грудь, съ поникшею головою, въ такомъ положеніи, какъ бы предъ *Мадонною*.

«Надѣнь мнѣ на палецъ эпокъ перстень и я буду пвоею;» сказала она, едва переводя дыханіе.

— Эпокъ перстень! — воскликнулъ онъ съ радостію.

«Да, если ты сорвалъ его съ пальца, который уже не пошевелился болѣе.»

— Я убилъ *Мурведро*. Мошеникъ хорошо защищался. Эпи брилліанты меня почти ослѣпили, когда я съ нимъ боролся; но благодаря моей покровительницѣ, я одолѣлъ его. —

«Я пивоя! пойдѣмъ!»

— Дочь моя! — вскричала *Донна Лауведра* плачевнымъ голосомъ.

«Бѣдная маменька! печально отвѣчала сія послѣдняя. Вы знаете, что я поклялась.»

— Но, сказала мать, собравшись съ силами, что если онъ женатъ? —

Донна Конха поблѣднѣла. — «Тогда, сказала она слабымъ голосомъ, совершился мой впророй обѣтъ. Прежде, нежели зайдець солнце, я поспригусь въ монахини, и эту шелковую одежду, вами подаренную, промѣняю на власницу.»

— У меня нѣтъ жены! воскликнулъ *Горкетто*, — который отъ радости и удивленія, въ первый разъ отъ роду почти лишился ума.

«Пойдемъ же!» сказала дѣвушка; и румянецъ снова показался на ея лицѣ. «Не плачьте, маменька, прибавила она, цѣлуя съ жаромъ ея руки, ваша дочь не будетъ несчастною; она любитъ. Теперь только узнала я, что значить любовь. Но для чести нашего имени, сохраните это впайнѣ; — скажите, что онъ меня похитилъ.»

— Я это и дѣлаю! — сказала *Горкетто*, и поспѣшно уѣхалъ съ нею.

Пер. В. Романовичъ.

Кому улыбка успѣтъ прекрасныхъ
Дороже лавровъ и вѣнца —
И, увлеченные сердца
Твоею пѣснью сладкогласной,
Трепещущъ въ нѣгѣ сладоспращной.

*

Иль запоешь другой порой:
Что наша жизнь, друзья, скажише?
Съ бѣдой неравный, вѣчный бой —
Въ ней дни счастливые сочлише
И каждый мало ихъ начпѣшь:
Суровое, безъ сожалѣнья,
Путемъ терновымъ съ дня рожденья
Несчастье къ гробу насъ ведѣтъ —
И каждый шагъ на сей дорогѣ
Родишь огчальнѣ въ сердцахъ —
Проклятыя грозныя въ устахъ
И мысли чѣрныя о Богѣ.
Негодованья крапокъ мигъ:
И дружба пѣжная учаспемъ
Въ стихахъ плѣнительныхъ пвоцкхъ
Мирншь съ судьбой насъ и съ несчастьемъ,
И съ самой волей Божества. —

Ты, дружбы нѣжной похвалою,
Мирншь враговъ между собою! — —
Поешь ли шумныя поржества:
Спихи твои пакъ быспры, живы,
Очаровашельны, легки,
Какъ Полекъ взглядъ краспорѣчивый,
Какъ въ рѣзвыхъ панцахъ ихъ шаги;
Какъ ихъ небрежный и красивый
И вкусомъ данный имъ уборъ;
Острыя злословія безъ жала;
Какъ за обѣдомъ разговоръ
Послѣ задравнаго покала.

*

Иль загремшь гимнъ Славѣ ты:
О юноша съ душой высокой!
Бѣги опасной красопы,
Любви богини свѣсплоокой;
Не вѣрь улыбкѣ хипрыхъ жрицъ —
Ихъ рѣчи и лобзанья ложны,
Непоспоянны, ненадѣжны,
Какъ розы нѣжныя ихъ лицъ. — —
Забудь и нѣгу и забавы
Ихъ увлекательныхъ бесѣдъ,

Внемли вызваньямъ громкой Славы —
Спремись за ней путемъ побѣдъ:
Съ ней сынъ земли, какъ духъ небесной,
Промчплся черезъ шымы вѣковъ;
И, полько съ бышемъ мiровъ,
Окончипъ бѣгъ свой въ поднебесной....
И мы, какъ въ мракѣ ночи, пучъ,
Дорогу спранникъ поперявшій
Благословляешъ молнiй лучъ,
Ему путь вѣрнiй указавшій,
Такъ мы, о милый нашъ пѣвецъ!
Твоею пѣснью освященны
Клянемся пупъ избрать священный
И Славы заслужишь вѣнецъ.

*

Когда-жъ на лирѣ запоешь
О щаспiи благодѣянья —
Въ душахъ мгновенно ты зажешъ
Святое чувство соспранданья;
И, съ благопворною рукой
И съ словомъ нѣжнаго учаспя,
Добра прекрасною спезей
Идемъ въ обипель мы несчастья.

*

О, другъ мой! Фебъ тебѣ опкрылъ
Недаромъ шайны Музъ свящыя —
Недаромъ онъ тебѣ вручилъ
Поэтиа спруны золошыя. —
Когда коснешься къ нимъ рукой,
Твои всѣ чувства и всѣ думы,
Какъ вѣспрь лепящъ сквозь лѣсъ утрюмый;
Какъ свѣща лучъ сквозь мракъ ночной,
Онъ пакъ быспро обтекаюшь
Тебѣ внимаюцихъ сердца
И, ихъ плѣняя, увлекаюшь
Подъ власть чудеснаго пѣвца.

А. Гвоздевъ.

Могилевъ.
1826.

E N I G M E.

Admirez, cher lecteur, mon singulier destin,
Hier je n'existai pas, et ne suis plus demain.

Въ No 38, помѣщенная шарада значить: *Позавчера.*

M O D E S.

A la dernière représentation de l'Opéra-Italien on a remarqué que les toilettes avaient plus de recherche que dans le cours de la saison. Les grandes toilettes étaient plus brillantes; celles qu'on est convenu d'appeler *négligé* avaient plus de goût et d'élégance.

On y voyait beaucoup de coiffures en cheveux, qui, presque toutes, étaient ornées d'une fleur ou d'un bijou.

De grosses perles d'or soufflées entouraient les nattes de cheveux noirs d'une jeune femme, et passaient au milieu d'une touffe de papillottes légèrement coupées. Ces papillottes, appartenant aux cheveux de derrière, étaient placées de côté comme un nœud de ruban. Le front était dégagé, couvert seulement de bandeaux plats.

Il y avait peu de bonnets, peu ou point de bérêts. Pour les petits chapeaux, habillés, la forme était très-petite; les nœuds en cravate, une ou plusieurs plumes. S'il y avait des fleurs, c'était une branche à laquelle tenait une grosse rose, ou une fleur étrangère sur une longue tige flexible.

Les plus jolis chapeaux à signaler sont: un en velours rouge-foncé, avec une seule plume blanche, jetée de droite à gauche.

Une autre en velours gros-bleu, doublé à la passe de velours rose, avec une cravate de ruban de gaze rose passée à gauche; devant la cravate tombait une grosse rose avec le bouton; le pied de la branche était attaché à droite.

Plusieurs robes de châlis uni étaient montantes avec une ruche de tulle de soie autour du cou. Les manches n'ont presque pas changé de formes. Soit en étoffe, soit en tulle ou gaze, elles sont toujours larges du haut et demi-justes du bas: quelquefois aux manches blanches, on fait des changemens de goût qui varient.

M O Д Ы.

Въ послѣднемъ представленіи въ Италіанской Оперѣ замѣчено, что наряды были щеголеватѣе, нежели во все продолженіе времени года. Большіе наряды были блистательнѣе; называемые же *неглиже*, ловчѣе и щеголеватѣе.

Видно было много причесокъ изъ волосъ, которыя все почти убраны были цвѣткомъ, или какою нибудь вещью.

Косы черныхъ волосъ одной молодой женщины обернуты были крупными, душными золотыми бурами, которыя пропущены были въ срединѣ кустика локоновъ, слегка обрѣзанныхъ. Локоны сіи опдѣлялись отъ заднихъ волосъ; они положены были съ боку, какъ бантъ изъ ленпѣ. Лобъ прикрывъ былъ только плоскими повязками.

Чепчиковъ было мало, а беретовъ совсѣмъ почти не было. У маленькихъ нарядныхъ шляпокъ пульки весьма не велики; бантъ сдѣланъ галсукомъ, и одно или нѣсколько перьевъ, или вѣпка, на которой большая роза, или какой иностранной цвѣтокъ на шпонкомъ, гибкомъ стеблѣ.

Мы упоминаемъ о самыхъ красивѣйшихъ шляпкахъ: одна темно-краснаго цвѣта, съ однимъ бѣлымъ перомъ, брошеннымъ съ права на лѣво.

Другая, синія бархатная, поля подложены розовымъ бархатомъ, съ галсукомъ изъ розовыхъ газовыхъ ленпѣ, положеннымъ на лѣвой споронѣ; передъ галсукомъ висѣла большая роза съ распушкой; корешокъ вѣпки припшпленъ былъ съ правой спороны.

Много платьевъ изъ шалеовой матеріи съ высокими лифами, вокругъ шеи рюшъ изъ шелкового тюля. Въ формѣ рукавовъ нѣтъ почти никакой перемены. Изъ матеріи, тюля или газа, все дѣлаютъ вверху широко, а къ низу не совсѣмъ въ обтяжку: у бѣлыхъ рукавовъ дѣлаютъ иногда разныя перемены по произволу.

С М Ъ С Ъ.

Лондонская госпиталь на водѣ.—Такъ какъ все мапрсы имѣютъ непреодолимое отвращеніе отъ всѣхъ сухопутныхъ госпиталей, то въ Лондонѣ, для раненыхъ и больныхъ моряковъ, усроена больница на Грампѣ, корабль о 50 пушкахъ. Внутреннее устройство сей госпитали совершенно то же самое, какъ въ сухопутныхъ больницахъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 40.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 18 дня, 1852 года.

... души низкія, будь знаменъ, слышь ты,

Не смѣютъ на себя поднять они и взгляды;

Но упади лишь съ высоты:

Опъ первыхъ жди опъ нихъ обиды и досады.

Крыловъ.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

ШАРМАТАНЫ, ГАЭРЫ, ПАЯЦЫ, ГАДАЛЬЩИКИ,
ГАДАЛЬЩИЦЫ, БАЛАГАННЫЕ КОМЕДИАНТЫ,
ПРОДАВЦЫ:

*всеобщаго лекарства, воды живой и мёртвой,
порошковъ красоты, эссенціи молодости.*

Парижъ! столица шарлатанства! городъ шулеровъ! Сколько найдеть здѣсь пупешеспивенникъ лоперей, фортунокъ, опасныхъ игръ, гдѣ все зависить опъ ловкости и проворства! Сколько карманныхъ приборовъ для жёдепома! Взгляните, любезные соотечественники, все дѣло состоить въ томъ, чпобъ сбить кеглю, положишь одинъ палець на другой, разбишь эпо четвероугольное спѣклышко! Сколько усилій ума ежедневно употребляется для пого, чпобы изобрѣсть новое средство къ возбужденію любопытства публики! Чего не выдумаютъ? Какое соревнованіе! Сколько нужно имѣть для сего паланповъ! Какія новыя изобрѣшенія! Сколько усовершенствованныхъ отраслей промышленности! Подивитесь, вопъ ждкій составъ для сдѣланія въ бршпвѣ зазубринъ, для споспшествованія порѣзу во время бршпва, для испорченія самыхъ лучшихъ бршпвъ! Вопъ

камень, служащій для бршпва бороды, копорый оспавляетъ бороду и сводить кожу!

Знаете ли вы эпого маленькаго мудреца, окруженнаго полною на улицъ? Эпо скороспѣлка, настоящее чудо! Не говорите мнѣ о *Пикль де Мирандолль* или о комъ иномъ: маленькой мудрецъ превзошелъ и заимилъ всѣхъ. Онъ знаетъ, сколько въ Парижѣ камней, сколько на небѣ звѣздъ, сколько на берегу морскомъ песчпнокъ; нашъ мудрецъ расскажетъ вамъ, въ какой день случилось какое хопште происшествіе, или сдѣлано изобрѣшеніе опъ начала міра; у него необыкновенная память; онъ не менѣе обогащенъ основательными познаніями, какъ Энциклопедія, и сполько же безошибоченъ, какъ худой наборщикъ; маленькой мудрецъ былъ бы всевѣдущъ, еслибъ онъ зналъ свой природный языкъ.

Вопъ виртуозъ, копорый одинъ играеть цѣлый концертъ, съ гшпарою и сельскою свирѣлю въ рукахъ, съ колокольчиками и гремушками на шляпѣ и султанъ, съ большимъ барабаномъ за плечми, въ копорый онъ бьетъ локтями, и съ липаврами, привязанными къ ногамъ! Вопъ человекъ, копорый представляеть изъ себя куклу, копорый прошелъ весь курсъ о неподвижности, копорого нельзя раз-

личить съ машиною; его ворочають, кладуть, носятъ, какъ куклу; дайте ему, какое хопште, положеніе; вы можете употреблять его вмѣсто Телеграфа; пѣло его совсѣмъ окостенѣло, взоръ неподвиженъ; онъ даже не сморгнетъ глазами! Воптъ слѣпецъ-великанъ; съ своею собакою и гудкомъ; онъ реветъ, какъ волъ, напѣвая площадныя прибаутки; ничто не можетъ быть смѣшнѣе и чуднѣе его наужности!

Берегитесь встрѣпиться съ выводчкомъ пяпень, который, желая доказать дѣйствіе своего мыла или эссенціи, шаритъ глазами и издали усматриваетъ пяпна; завидя свою жертву, онъ безъ околичностей хватаетъ её за воротъ, уводитъ и начинаетъ хоить пропѣвъ воли! Горе вамъ, если плащъ ваше не такъ чисто, какъ крестильная сорочка! Дѣлайте, что хопште, вась схватяптъ, намылютъ, вымоютъ, выведутъ съ вась всѣ пяпна: вась невольно заспаваптъ бытъ опрятными! Но воптъ мнимый изобрѣтатель цѣлебной Кельнской воды; чпобы доказать силу и дѣйствіе ея, онъ самъ принимаетъ её разъ по пяпидесяти въ день передъ публикою, и каждому встрѣчному и поперечному предлагаетъ надушить сею вонючею смѣсью руки, носовой плапокъ, пабакерку!—Какое множество Парижскихъ и Нормандскихъ Турокъ, Арабовъ, Мамелюковъ, кои за дорогую цѣну продають Христіанамъ финики, взяпныя имъ изъ москопильныхъ лавокъ, розовую воду, пакъ называемыя Серальскія благовонныя лепешки, копоры при зажженіи издають запахъ погребальныхъ факеловъ, и довольно одной изъ нихъ, чпобы распространить угаръ въ цѣломъ Департаментѣ!—Какая полпа мошенниковъ и тонкихъ плутовъ, поргующихъ цѣпочками для сбереженія часовъ, которые вмѣсто того сами выпаскиваютъ изъ кармана часы у покупателей пакъ, что сіи послѣдніе при встрѣчѣ съ этими поргашами, имѣя при себѣ часы безъ цѣпочки, возвращаются домой съ одною цѣпочкою безъ часовъ!—Полюбуйтесъ молодыми Альзасскими поргочками деревянныхъ мелелокъ въ ихъ черныхъ шапочкахъ, съ толстыми икрами, въ голубыхъ чулкахъ, въ короуенькой юбкѣ, которая съ каждымъ днёмъ болѣе и болѣе открываетъ круглопу ногъ ихъ:

ибо дѣвушки сіи подрастають, а юбки не прибавляются въ длину. Скажу вамъ, не шутя, что эпоптъ нарядъ-наконецъ приведетъ ихъ въ большое замѣшательство; если Альзасскія поргочки не перестанутъ расти: то я ни за что не опивѣчаю.—Теперь прошу обратитъ вниманіе на скипающихся музыкантовъ и пѣцовъ; нельзя выйти за порогъ дома своего, чпобъ не очутиптся въ Академіи музыки; на смуглыхъ Италіанцевъ, бѣлокурыхъ Германцевъ, перекочевывающихъ изъ одного кофейнаго дома въ другой, съ своими скрипками, люпнями, мандолинами, аремаи, и обворожающихъ голосомъ сирень, для оболъженія въ одно время всѣхъ чувствъ нашихъ!—Хопште ли видѣтъ механическіе органы съ пляшущими куклами, послушать шарманокъ, чревоушчателей? Воптъ вѣсы, на копорыхъ можете свѣсптъ себя! Эпо Астрономъ съ подвижною обсерваторією, который каждый вечеръ наводитъ свой телескопъ на луну и звѣзды! Съ помощію этого микроскопа вамъ покажется блоха съ слона!—Теперь прошу перевеситъ духъ и приготовитъся увидѣтъ диво дивное: челоуѣкъ, просидѣвшій нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, съ помощію непонятнаго искусства и перпѣнія, неразлучнаго съ досугами колодниковъ, снарядилъ конницу изъ блохъ, не забывъ ничего: ни шишака, ни поручней, ни лапъ, ни щипца, ни копыя. Эпаго мало, онъ успѣлъ сформировать изъ тѣхъ же блохъ конную артиллерію, съ пушками соразмѣрной величины; чудный обозъ, лепучая артиллерія, почти невидимая, она съ орудіями и лошадыми можетъ помѣспитъся въ чашечкѣ перспня!—Хопште ли посмотрѣтъ на челоуѣка, пишущаго брюхомъ, на женщину, вышивающую по канвѣ кульпю, на восковой порпретѣ Г. Майо, копорой можно видѣтъ только въ лорнетѣ?—Здѣсь починають фарфоровую посуду; тамъ продають Висмутовья бѣлила и сурьму; у продавцовъ сихъ вещей вы найдете всегда на прилавкѣ совиную или сычевую чучелу, чисто оципанную, причесанную и напудренную!—Прошу взглянуть на ученыхъ живописныхъ! Воптъ лошадь, которая копытомъ бьетъ часы и мордою указываетъ на самаго влюбливаго мужчину или женщину

въ собраніи! Вотъ Бухарскій двугорбой верблюдь, который пихо спановится на кольна при звукъ волынки! Обезьяна, обучающаяся верховой ѣздѣ на собакъ и подставляющая шляпу свою для полученія копѣйки. Другая обезьяна брѣется огромною деревянною бршшвою и сама не понимая для чего заставляють её это дѣлать, морщится, кривляется и скалшитъ зубы! Наконецъ, вотъ заяць, который спрѣляется изъ пшшолопта и бѣетъ въ барабанъ!...

Въ Парижѣ можно на улицѣ пройти весь курсъ Естественной исторіи. Здѣсь найдете всѣхъ живописныхъ, вышедшихъ изъ Ноева ковчега. Змѣи, составляютъ принадлежность людей, торгующихъ ваксою; они дѣлають ихъ ручными, какъ пшшчекъ, которыми сверпывають шею. Продавецъ ваксы употребляетъ сихъ живописныхъ для приманки другихъ змѣй, по примѣру пшшцелововъ. Этоотъ цехъ вообще состоитъ изъ молодыхъ людей съ смѣлымъ видомъ, бойкихъ говоруновъ, готовыхъ всегда дать отвѣтъ, и привыкшихъ къ базарной суматохѣ.

Посмотримъ, что значить это спеченіе любопытныхъ? А! это глопатель сабель. Бѣднякъ! какое собачье ремесло! Вотъ до чего доводитъ людей гибельная необходимость ѣсть хлѣбъ! Мы видѣли людей, которые ѣдятъ крысъ, живыхъ пшшцъ: вотъ прожора, который опустошилъ цѣлую оружейную лавку.

Что это за дама, въ шляпкѣ съ перьями, сподшая въ кабриолетѣ, окруженная красивою свшшою пѣшихъ драбаншовъ въ красныхъ мундрахъ? Это врачъ, многоученый мужъ въ юбкѣ. Она владѣетъ чудесными пайнами; у неё есть снадобья отъ всѣхъ болѣзней; ей извѣстны всѣ цѣлебныя травы; она открыла всеобщее лекарство: ключъ живой воды. Купите у ней травы, заживляющей раны, дикаго бадьяна, исцѣляющаго отъ всѣхъ недуговъ; купите ея бальзама, ея ромашки, ея огуречной травы. Она спранспвуетъ по свѣту изъ челоуѣколюбія и въ Парижѣ случилась только профздомъ; она спасла отъ смерши Великаго Ламу, Великаго Могола, Великаго Ибрагима, Императора Марокскаго. Старушки, легковѣрныя поселанки и просподушныя мѣщане, увлеченные краснорѣчьемъ площадной лекарки,

опдають послѣдніе деньги свои за простую праву, при торжественномъ звукѣ прубъ красныхъ драбаншовъ.

Не угодно ли вамъ пшшши далѣе? Вотъ другой обманщикъ. Это зубной и мозольный врачъ. Посредствомъ своей зелѣной мази онъ совершенно выводитъ мозоли. У него есть красная помада, которая вылечиваетъ всякую ожогу и роспшитъ волосы; онъ подноситъ вамъ её подъ носъ на лопаточкѣ. Есть еще у него черныи камень, вѣрнѣйшее средство отъ зубной боли. Онъ выравниваетъ, прожигаетъ и выдерживаетъ зубы. Онъ составляетъ зубы искусственные, и прежде не возьметъ съ васъ денегъ, пока вы не въ состояніи будете жевать ими. Онъ имѣетъ одобрипельное свидѣтельство отъ Медицинской Академіи. Вы сомнѣваетесь въ его искусствѣ? У него готовы доказательства: онъ покажетъ вамъ нѣсколько чепокъ изъ глазныхъ и коренныхъ зубовъ, которыми онъ нѣсколько разъ можетъ опоясаться.

Забудемъ на минуту сіи ужасы, — смотря на легкихъ плясуновъ по канату, на искусныхъ прыгуновъ, проворныхъ наѣздниковъ, забавныхъ шуповъ, отличныхъ балансеровъ! Является спранспвующая труппа. За приготовлениями дѣло не спанетъ. На землѣ постылають лоскутъ спараго ковра. Мушшны сбрасываютъ съ себя рединготы, дамы плащи, и вы видите красные корсеты, шунки, бывшія когда-то бархатными и вышитыя ошмыганными блесками, надѣтое въ обпшяку исподнее платье, мшшуру и дыравыя чулки. Звуки кларнета и тамбурина скликають толпу; любопытные сбѣгаются и составляютъ ограду; но кругъ спановится слишкомъ тѣсенъ; палець беретъ палку и вершитъ ею подъ носами зрителей, находящихся въ первомъ ряду, и живой кругъ по неволѣ раздается. Начинають ломаться; женщины, дѣлци ходятъ на рукахъ, кувыркаются, сверпываются, разверпываются, дають себѣ разныя положенія, такъ что зрители думаютъ, что тѣло ихъ вовсе безъ костей. Ну, твоя очередь; палець. И палець, первый фокусникъ, одѣтый въ равендучное клетчатое платье съ Испанскимъ воронникомъ, съ припворною неловкостью, но владѣющей искусствомъ, не смотря на глу-

пую харю, выплываетъ на сцену, кувыркаетъ и падаетъ при общемъ смѣхѣ зритель. Вотъ человекъ, танцующій на пропнутой проволокъ; вотъ другой, который на зубахъ держитъ лѣспичу, на верху кося сплоситъ ребенокъ. Иной бросаетъ подъ руку и подъ ногу мѣдные шары, кинжалы, кольца, съ изумительною вѣрностію и быстротою, упоминающею зрѣніе: подражаніе довольно искусное, хотя не совершенное, Индѣйскимъ газрамъ, бывшимъ за нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, которые съ своими женоподобными формами, нѣжностью членовъ, гибкостью пальцевъ удивляли Европейскихъ проспаковъ искусствомъ, до того времени неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, есть вещь, которая доставляетъ удовольствіе, не возмущая души физическими спраданіями, коимъ подвергаются люди изъ одного желанія доставить забаву другимъ. Вы найдете это удовольствіе въ запачканомъ, пѣсномъ балаганѣ Полицинеля.

Народъ любитъ Полицинелей, какъ калачи. Хорошо и умно онъ дѣлаетъ. Еслибъ ему опрощивъ этотъ родъ попѣхи, чѣмъ бы замѣнили оный? Полицинель такъ любезенъ, забавенъ, оригиналенъ! Къ счастью, этого нельзя опасаться. Полицинель такъ молодъ, здоровъ, что онъ переживетъ всѣ перевороты.

Жокрисъ (недоросль) есть лице не столь важное, не столь историческое и Европейское, какъ Полицинель, однакожъ имѣетъ свои достоинства. Я говорю о настоящемъ національномъ Жокрисѣ, въ парикѣ изъ охлопковъ; съ пучкомъ порчающимъ вверхъ, въ преугольной шляпѣ, съ кривыми ногами, съ коропкими руками, обезьянскими ухватками, съ своимъ глупымъ болпаньемъ, своею неловкостью и дурацкою образію, говорю объ остаткѣ первобытной комедіи. Онъ играетъ днемъ и подъ открытымъ небомъ. Этотъ родъ представленій служитъ для привлеченія публики. Тутъ не ожидайте ничего новаго. Бѣдный *Пантелеймонъ*, возвращаясь въ свою деревню, рассказываетъ о своихъ неудачахъ, о приключеніяхъ въ пиратствѣ, о встрѣчѣ въ Парижѣ съ роднею, которую онъ видѣлъ первый разъ въ жизни, о томъ, какъ приспособился онъ къ мѣсту. Рассказъ его приправленъ глупыми прибаутками,

которые во время *Боало* смѣшил народъ, и которые дошли до насъ по преданію.

Между тѣмъ, какъ нашъ Жокрисъ забавляетъ чернь, подходитъ къ нему хозяинъ, который останавливаетъ потокъ его краснорѣчія, начинается свой разговоръ пинками и градомъ пощечинъ. Сии звучныя пощечины составляютъ удѣлъ Жокриса, такъ же, какъ палочные удары угощеніе Полицинелей. Жокрисъ, за сей ласковый пріемъ, спарается опмспитъ своему хозяину разными проказами и шалостями. Послѣ сего хозяинъ, какъ опытный фокусникъ, знающій всѣ таинства своего искусства, начинается въ свою очередь пѣшить публику.

Онъ сначала беретъ родъ шляпы съ пробиною тульею и дѣлаетъ изъ неѣ разныя превращенія. Подъ его искусными руками мягкой пухъ принимаетъ разные виды, по рогу луны, по полнолунію, по висячій воронникъ спранника и монашескій капшонъ, или брыжи *Герриха IV*, или головной уборъ поселенокъ, носильщиковъ Парижскихъ и Марсельскихъ, разбойниковъ Калабрскихъ, словомъ, тысячи разныхъ вещей, которыхъ мы не беремъ исчислить. Представленіе его всегда оканчивается головнымъ уборомъ Парижскихъ мѣщанъ, состоящимъ изъ двухъ оспрыхъ роговъ надъ лбомъ; это довершаетъ удовольствіе разгульной толпы.

Потомъ онъ опоясывается мѣшкомъ, гдѣ хранятся его препараты, беретъ волшебный пруть, знакъ его достоинства, почтенный скиптръ бѣлой магіи. Съ помощію горсти порошка мускатный орѣхъ превращается въ пушечное ядро и обратно; симъ же всемогущимъ средствомъ, орѣхи и ядра кружатся, исчезаютъ, снова появляются, плодятся, рассыпаются, соединяются по манію волшебнаго прутника.

Вдругъ объявляетъ онъ, что покажетъ гораздо важнѣйшій кунштукъ; проситъ, чтобы минулы на двѣ вѣрили ему свои часы; нельзя отказать ему. Въ виду зрителей, онъ кладетъ ихъ въ иголь, раздробляетъ ихъ на тысячу шпукъ, потомъ спавитъ иголь въ уголь.

Онъ приноситъ куколку, величиною въ палецъ, начинается командовать: на право! на лѣво! Онъ хвалитъ, когда кукла дѣлаетъ хо-

рошо, бранить за ошибки, а кукла не шевелилась. «Господа, говоритъ онъ, взявъ её въ руку: этого молодца я отсылаю въ Пондишери!» Шепчетъ куклѣ что-то на ухо, дѣлаетъ видъ, будто слушаетъ её опыты. Потомъ объявляетъ: «онъ говоритъ, что для споль дальняго путешествія у него нѣтъ денегъ»—и прибавляетъ къ тому разныя подобныя глупости. Между тѣмъ зритель, ввѣрившій свои часы фокуснику, начинаетъ явно превозмущаться, и вышедъ наконецъ изъ терпѣнія, пребываетъ ихъ назадъ. Штукаръ смѣтривъ на него съ удивленіемъ, приходитъ въ замѣшательство и распроество, чтобы услышь спрахъ хозяина часовъ; потомъ, когда онъ находитъ нужнымъ кончить комедію, тогда спокойно подходитъ къ игости, вынимаетъ совершенно цѣлые часы, и возвращаетъ ихъ хозяину къ удивленію публики.

Но самая забавная минута наступаетъ тогда, когда онъ объявляетъ публикѣ, что подъ колпакомъ его на споль найдется живая пшичка, которая оптуда вылетитъ и сядетъ на голову перваго рогоносца въ собраніи. При сихъ словахъ, изображаются на лицахъ зрителей, на однихъ ужасъ, на другихъ веселость. По спокойному виду однихъ и блѣдности другихъ, легко можно отличить холостыхъ отъ женатыхъ. Сіи послѣдніе не могутъ скрыть безпокойства, проклинаютъ свое любопытство, которое завело ихъ туда; всякой изъ нихъ воображаетъ себя спраждающимъ лицомъ, что пшичка сидитъ уже у него на головѣ; но никто не смѣетъ выпши, чтобы не обличить себя. Стыдъ и спрахъ носится надъ ихъ главами, и до тѣхъ поръ несчастные не успокоиваются, пока не увидятъ, что всё это было одна шушка, и пока штукаръ изъ состраданія не объявитъ: «не бойтесь, господа, за свои головы, пшичка вѣрно сядетъ ко мнѣ на голову.»

Все сіе ведетъ къ важнѣйшей цѣли, къ продажѣ билетиковъ, открывающихъ будущую участь каждаго; ибо фокусникъ имѣетъ не одно это искусство: онъ соединяетъ съ онымъ даръ прорицанія. Онъ предсказываетъ молодой дѣвушкѣ, когда она выдетъ замужъ; нищему, когда онъ обогатится: старый фокусъ, основанный на легковѣріи людей!

Вопъ вамъ довольно подробный обзоръ цѣха всѣхъ фокусовъ и шарлапанства. Однако-жь, я не все еще описалъ въ этомъ родѣ; въ заключеніе, припомню вамъ о прехъ, современныхъ намъ, лпцахъ.

Первое изъ сихъ историческихъ лицъ есть молодая дѣвушка, которая держа надъ самыми глазами длинныя иглы и занимаясь пѣніемъ, вертѣлась на одномъ мѣстѣ съ такою скоростью, что ничего нельзя было различить, подобно кубарю, пущенному руками школьника. Въ это время она не переспавала пѣть, и изъ груди ея вырывались зампрающіе звуки. Второе лице есть гримасникъ, извѣстный въ Парижѣ, который на перекресткахъ забавлялъ праздныхъ зѣвакъ чудною игрою своей хари, своимъ пѣніемъ, своими огромными очками безъ стеколъ, обвѣшенными бубенчиками и качающимися на носу. Послѣднее лице представлялъ толстый подагрикъ, который изъ черной бумаги вырѣзываетъ силуэты. Если вамъ случалось отдыхать во время прогулки сидя на скамьѣ, онъ тотчасъ останавливался въ нѣкоторомъ отъ васъ разстояніи, вынималъ изъ кармана бумагу съ ножницами и черезъ минушу подносилъ вамъ профиль вашъ. Вы могли утверждать, что онъ на васъ не похожъ, но не вправѣ были не принять его, если вы не хотѣли разсориться съ художникомъ. Въ такихъ случаяхъ, куда дѣвалась его подагра! Напрасно вы хотѣли бы убѣждать отъ него, онъ васъ хопя гдѣ доспанетъ. Этого бѣднякъ содержалъ въ Тиволи небольшой балаганъ, не ширѣ бупки, обтянутый бѣлою бумагою, на которой наклеены были вырѣзанныя изъ черной бумаги фигуры, похожія на Кипайскія тѣщи. По вечерамъ онъ освѣщалъ свой балаганъ, который походилъ тогда на фонарь. Однажды кто-то приходилъ къ нему, спучилъ въ балаганъ, опворлетъ дверь; свѣчи всѣ догорѣли; несчастный вырѣзываетель силуэтовъ найденъ мертвымъ. Вѣроятно онъ оставался уже нѣсколько дней въ семъ положеніи.

Печальная развязка; начало забавное: это картина жизни, которая всегда кончилась могилою, каково бы нибыло ея продолженіе.

Пер. В. Соловѣв.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЯТСКАЯ КАЛАЧНИЦА.

(Отрывокъ изъ записокъ *Ив. Вл. Лопухина*, книга 5-я.)

Въ 1800 году, *И. В. Лопухинъ*, вмѣстѣ съ *М. Г. Спиридовымъ*, отправлены были для осмотра Казанской, Вятской и Оренбургской Губерній. *Ив. Владиміровичъ*, записывалъ всё, что съ нимъ случалось, и вопль что разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ объ одной Вятской калачницѣ:

«Въ городъ Вяткѣ, который тогда (1800 году) по крайней мѣрѣ похожъ былъ больше на богатое село, нежели на Губернскій городъ, обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всё рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя памъ называются балаганами; и ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сонно. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ, часно я покупалъ у нихъ калачи или булки, давая имъ всегда по нѣсколку копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ осмнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣпивъ, изъ разговора съ нею, что она опмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разпоржку пятирублевую ассигнацію. Дѣвка очень обрадовалась; пять рублей, калачницѣ—кашпалъ!

На другой день, по утру, сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ; мужикъ въ слезахъ упалъ мнѣ вноги! «Помилуй, бапюшка! спаси дочь мою! ты погубилъ её! Она хочеть удавиться, или въ Вятку рѣку броситься! Вчерась, ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всё дѣвки, поварки ея, цѣлый день ей живья не давали: «ты была у Сенапора! да и только; за что-жь бы ему пожаловать пять рублей!» Дочь моя воептъ; не можемъ уговорить её; мать опъ неё не опходитъ!»

Смѣшно, правда, было мнѣ подозрѣніе меня, въ такомъ молодецествѣ; однако, тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. — «Неужели ты оптому въришь! говорилъ я ему. Да если-бъ дочь пвоя

«п была у' меня, такъ я бы ей 5 рублей пмъ «больше, даль у себя, а не въ балаганахъ, «при всѣхъ.» — Родимой, говорилъ мнѣ мужикъ: да кпо оптому повѣриптъ! Мы знаемъ, что неправда, да прокляпья-то зависпнцы её съ ума сводятъ! а она дѣвочка молада, глупая. Помилуй, бапюшка!—кричитъ мой мужикъ, валяясь въ ногахъ.

Даю ему деньги — не беретъ. Даю ему уже сполько, что по состоянію его дочери могло бы составить пзрядное ей приданое, мужикъ не беретъ, а только кричитъ: «помилуй! спаси дочь мою! Не бытъ ей живой: она удавился; не вѣкъ сидѣтъ надъ ней, а хопъ и сидѣтъ, такъ всё она сойдептъ съ ума опъ печали!»

—«Что-жь мнѣ дѣлать? я говорю ему— не жениптъся же на ней! Я ей подарилъ опъ доброй души—дай мнѣ подумать, авось какъ ншбудъ поправимъ. Приди ко мнѣ завтра!»—

Наслу уговорилъ его опойти опъ меня до завтра. Между пѣмъ, видя такое безприторное обращение, и находя себя хопя невиннымъ, однако причиною сему, былъ я очень неравнодушенъ, думалъ и не зналъ, чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много, да цѣломудренной калачницѣ съ опцемъ ея ничего было ненадобно.. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполнение всё дѣло исправило.

Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколко сотъ рублей размѣнять на пяти рублевыхъ ассигнацій, и пошедь прогуливатъся, всякой дѣвкѣ-торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на разпоржку же.

Опецъ опчаянной калачницы пришелъ ко мнѣ на другой день не съ пѣмъ уже, чтобъ полковать о томъ, какъ уладить наш хлопоты, а благодарилъ меня, что успокоилъ я дочь его. — «Богъ тебя надоумилъ, родимой! говорилъ онъ мнѣ, однакожь съ слезами радости; теперь уже её не дразнятъ—всѣ дѣвки веселы, и съ нею вопажупся, и никто ужъ на неё ничего не думаетъ, а всякъ говоритъ, что ты опто жалуешь изъ милоспн!»

Признаптъся, что и мнѣ весело спало; хопѣлъ я однако опдаптъ мужику то, что прежде

давалъ я ему на приданое дочери его, такой
честной дѣвушкѣ, но онъ никакъ не согла-
сился принять, кланяясь и говоря очень ис-
креннимъ голосомъ: «*помилуй, батюшко! уволь!
вѣдь опять то же बातъ стануть!*»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж Е С Т О К О Й.

Сведи, о дѣва красоты!
Сведи съ меня пвой взоръ холодный
И не плаши презрѣнемъ пы
За пламень сердца благородный!
Меня влечетъ къ тебѣ не буйный пылъ спраспей,—
Любовь невинная, свяпая:
Она горитъ въ груди моей
И день и ночь не угася!
Полна душа моя побой!
Въ ней врѣзанъ образъ милый пвой
Глубокими чертами,
Какъ вензель на спали!
Зажжется ли заря незрими перстами
Надъ радостнымъ лицомъ проснувшейся земли,
Разспелелся ли мракъ ночной подъ небесами,—
Ты, незабвенная! предспанешь предо мной
Съ улыбкой Ангела, въ лучахъ очарованья,
И сердце оживя о счастья мечпой,
Въ немъ безнадежности пробудишь всѣ спраданья!
Такъ узника мгновенный сонъ
Выводишь изъ пгорьмы на волю;
Но лишь глаза раскроетъ онъ —
Чугунной цѣпи дикій звонъ
Ему его напомнитъ долю.

Силновъ.

Варшава.

6 Декабря 1851.

14-е Я Н В А Р Я.

Вдохновень моей упраспой
Я люблю, почной порой,
Въ край надзвѣздный, въ край свяпой
Улепаль мечпой крылапой:
Въ безмятежномъ памъ краю
Я люблю игрой унылой
Въ сонмъ безплотный, огнекрылой

Проливать поску мою.
Среди Ангельскаго хора
Бодръ и свѣжъ мой скорбный духъ;
Средь ихъ свѣтлаго собора
Есть и мнѣ знакомый духъ.
Онъ не долго въ лонѣ міра
На пиру земномъ госпимъ:
Промелькнулъ, обворожилъ —
И исчезъ въ волнахъ зеира....
Но когда въ спрану чудесъ
Я помчусь: онъ надо мною
Лучезарною звѣздою
Улыбается съ небесъ.
Сномъ забудусь ли? съ мечпами
Дней минувшихъ онъ слепитъ
И горячими слезами
Щеки друга ороситъ.

М. Деларю.

1851.

П О Ц Ъ Л У Й.

Твой поцѣлуй — сей даръ любви —
Какъ сильно душу попрысаешь!
Желаній огонь въ моей крови
Какъ быспро онъ распроспраняешь!...
Когда, мой другъ, изъ успъ пвоихъ
Я пью горячее дыханье, —
О, какъ мнѣ дорогъ каждый мигъ
Неоцѣннаго лобзанья!
Какъ душу мнѣ оно палишь!...
Но одного лобзанья мало:
Еще, мой другъ, еще..... все мало!
Все кровь по прежнему кипитъ!

Павель Чижовъ.

Ш А Р А Д А - А Н А Г Р А М М А.

Въ предлогахъ первое ищипе;
Второе можете прогѣть, или сыграшь;
А цѣлое, хоша не кресло, не кровась,
Однако же на немъ удобно отдыхашъ.
Теперь порядокъ мой перелпните
И — спихопворицу лѣпъ древнихъ назовипе.
Несчастливая въ любви, счастливая въ спихахъ,
Она жизнь бурную окончила въ волнахъ.

Швердинскій.

Въ No 59, помѣщенный логотифъ значить: *Aujourd'hui.*

M O D E S.

Coiffures. Turbans. Bonnets. — Une grande solennité théâtrale, la représentation de retraite de Mme Lemonnier, a rempli, la semaine dernière, la belle et vaste salle de l'Opéra-Comique de toilettes très-brillantes.

Les coiffures en cheveux y étaient en majorité. Des diamans, dont la mode ne se passera pas facilement, beaucoup de perles et de fleurs, un assez grand nombre de plumes, voilà ce dont ces coiffures étaient ornées.

Plusieurs coiffures où le genre grec se trouvait reproduit dans toute sa pureté, ont paru à cette représentation, et leur nombre ferait croire qu'elles reprennent faveur.

Quelques coiffures avaient des rosés qui semblaient plantées dans le nœud et les deux coques qui s'élevaient derrière la tête, et d'autres roses placées dans les touffes légèrement bouclées au-dessus des tempes.

Les coiffures ornées de plumes étaient plus nombreuses qu'elles ne l'ont été jusqu'alors. Quelques-unes n'en avaient qu'une; des pierreries ou des chaînes d'or l'accompagnaient.

On remarquait, dans cette solennité, des turbans en gaze unie ou lamée, d'une forme particulière. Ces turbans, n'étant réellement qu'une espèce d'aurole d'une étoffe légère, formant le tour de la tête, laissaient passer les nœuds de cheveux et le peigne: quelques-unes étaient ornées d'aigrettes ou d'esprits montés en oiseau-de-paradis.

Les bonnets parés que l'on y voyait étaient, comme à l'ordinaire, ornés de fleurs, dont la plupart étaient des roses. Quelques-uns étaient à fond à jour, en velours, à passes en blonde noire, ornés de roses et rubans roses.

Quant aux berrets, il eût été facile de les compter: ce genre de coiffure paraît être tombé en défaveur. Il n'en est pas ainsi des plumes sur les chapeaux et les capotes: elles en formaient l'ornement presque exclusif.

M O D Ы.

Прически. Турбаны. Чепчики. — Большое театральное шожество, послѣднее представлени предъ удалениемъ Г-жи Лемонье, наполнило на прошедшей недѣль, прекрасную и обширную залу Комической Оперы, весьма блестящими нарядами.

Всего болѣе было причесокъ въ волосахъ. Бриллианты, которые не легко выдуть изъ употреблени, много жемчугу и цвѣтовъ, довольно количество перьевъ, вошь чшо украшало сии прически.

Въ самомъ представлени, показалось много причесокъ въ насюющемъ Греческомъ вкусѣ, и число ихъ заславляеть думашь, чшо они оянь вхояшь въ употреблени.

Нѣкоторыя прически убраны были розамп, которые казались посаженными въ баннѣ и двухъ пепляхъ, возвышавшихся сзади головы, другія розы прищиплены были въ кустикахъ волосъ, слегка зависшихъ надъ висками.

Причесокъ, убранныхъ перьями, было болѣе, нежели досель. Иныя были съ однимъ перомъ и камнями или золотыми цѣпями.

Замѣшны были также шюрбаны изъ гладкаго или волнистаго газа, особливой формы. Турбаны сии ни чшо иное, какъ родъ сяннн изъ легкой шкани вокругъ головы; пепли волосъ и гребень опкрыты; иные были опдѣланы кисточками или сулпанами, сдѣланными на подобие райскихъ шпичекъ.

Нарядные чепчики, какъ обыкновенно, опдѣланы были цвѣтами, по большой части розами; иные были съ опкрытымъ дномъ, бархатные съ полями изъ черной блонды, опдѣланныя розами и розовыми лентами.

Береты, легко бы было счестъ; эпошь родъ уборовъ кажеться совершенно вышель изъ употреблени.

С М Ъ С Ъ.

Нынѣ занимаются опкрытиемъ новаго сообщенн между Европою и Восточною Индеею, минуя Чермное море. Для сего хопяшь соединить каналомъ Тигръ и Евфратъ, по которымъ плаванне будеть производиться на пароходахъ. Паша Багдадскій одобрилъ сей планъ.— На помъ мѣстѣ, гдѣ сполья древннй Римскнй городъ Спора, намѣрены близъ Алжира основать Французскую колонию, и назвать её Спорою.— Конверсацонный Лексиконъ, изданный Брокгаузомъ, переводнсь на Италннскнй языкъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 41.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Мая 21 дня, 1832 года.

О Русь! Да нашъ языкъ прильпнеть
Иссохнувшій къ горшани!
Да кровость дрезняя спадетъ
Съ увядшей нашей длани,
Когда престанешь ты для насъ —
И въ часъ борьбы кровавой,
И въ ночь, и въ день, и въ смертный часъ —
Бышь радостью и славой!

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО КОМНАТЪ.

Я воспѣвалъ прыи лихіе
Кипучей младосии твоей.

Напрасно думаютъ, будто отъ дурныхъ привычекъ отспастъ невозможно. Мы сопроены такъ глбоко, что привыкаемъ ко всему, — лишь бы только въ перемѣнѣ нашего состоянія не было разипельной крайности: это насъ немножко пугаетъ. Но твердая воля приучитъ себя къ чему либо, терпѣніе и поспенность мѣръ, всегда торжествуютъ надъ такъ называемою впрою природою.

Многіе счищаютъ привычку курить табакъ *страстію*, неодолимою для силъ человѣка также, какъ любовь, какъ честолобіе. Однакожъ я могу насчитать до прѣхъ человѣкъ между своими знакомыми, которые оставили эту страсть, хопя не по доброй волѣ; а по недостатку злата; однакожъ всё таки оставили, и не сошли съ ума, не упоились, не удавились съ опчаянія. Я зналъ одного Липератора, у котораго, понюхавъ табакъ, можно

было узнать: при деньгахъ ли онъ, или безъ полушки. Если табакерка его наполнена была Французскимъ табакомъ: это значило, что и карманъ его наполненъ ассигнаціями. Если же, взявъ щепотку, испыпатель находилъ простой Россійскій: это показывало скудость Липератора въ бумагахъ кредитныхъ учрежденій и въ благородныхъ мешаллахъ.

Разипельнѣе всѣхъ доказалъ рѣшимость свою отвыкать отъ вредныхъ склонностей благопріятель мой Агапій Семёновичъ *Шерстобитовъ*. — Девять лѣтъ былъ онъ жаркимъ поклонникомъ *Бахуса*; девять лѣтъ придерживался чарочки... что я говорю? чарочки! Нѣтъ, онъ придерживался шпофа, ведра, сороковой бочки. И Богъ въспъ, чѣмъ бы кончилась эта страсть, невозспавляющая, а располагающая человѣка, еслибъ не провѣдала о ней богатая пѣпушка и не пригрозила лишеніемъ наслѣдства племянничку. Сіе обстоятельство, споль же неблагопріятное Агапію Семёновичу, какъ двадцати-градусный морозъ виноградной лозѣ, принудило его взять пропивъ пьянспвенности не идеальныя, а дѣйспвительныя мѣры.

Онъ началъ съ того, что пересталъ ходить объдашь въ расперяцію, гдѣ уже много расперялъ и ума и чеспи и денегъ; рѣдко посѣщаль тѣ дома

Куда, веселье, бывало
Вашаги вольницы удалой
Сходились дружнымъ торжествомъ;

Тѣ загородныя гульбища, гдѣ подѣ тѣмною свѣтлю сосень, на мягкой муравѣ и на цвѣпахъ

Кипѣли звуки пѣсни дикой,
Стекло шибалось со стекломъ,
Костёръ бурлялъ и разливался,
И лѣтъ угрюмый пробуждался
Хмельнымъ испуганнымъ огнёмъ.

Рѣже являлся въ разгульныя общесства молодѣжи роскошной, шумной и доброй, гдѣ

Вертелися пляски круговыя
Подобно лону гивныхъ водъ.
Пиръ волновался громогласной,
И любоньныхъ тѣсныхъ сходъ
Смотрѣлъ съ улыбкой сладоспратной
Какъ Бахуеъ подпывалъ прекрасной
Свой разыгравшійся народъ.

Еще рѣже показывался, и по на одинъ лепуцій мигъ, на одно свѣтлое мгновение — въ пѣхъ привольяхъ могучихъ воспорговъ, гдѣ шилъ онъ праздничныи некаръ жизни — искрокипящее вино.

И совсѣмъ покинулъ, и совсѣмъ позабылъ вапагу Цыганъ. . . .

Гдѣ онъ былъ принятъ какъ герой
Любви, рапиры и буылки.

Агапій Семёновичъ повелъ жизнь философскую, и въ тѣ часы, которые не проводилъ съ миленькою ворчуньей тѣпенькою, сидѣлъ дома, по большой чашки одинъ, занимаясь физикою, или производя химическія разложенія газовъ.

Весь городъ заговорилъ о щасливой перемишь, происшедшей съ Агапиемъ Семёповичемъ. Конечно, вездѣ еспь маловѣры, вольнодумцы, раскольники; они покачивали головами въ знакъ своего сомнѣнія, когда имъ рассказывали, что мой герой пересталъ употреблять даже церковное;

А если о винѣ хопь какъ пибудь услышишь,
Всегда паморщится и придетъ шопнопа.

Другіе въ такомъ случаѣ насвистывали пѣсенку: *Мальбрукъ въ походѣ поѣхалъ, ne sait quand réviendra.*

Но нѣтъ на свѣтѣ пайны, которая бы не сдѣлалась явною. Однажды, одинъ шалунъ-пріятель его зашелъ къ нему. Слуга доложилъ, что баринъ цѣлую недѣлю не выходитъ со двора, запирается по вечерамъ въ кабинетъ, и, прибавилъ онъ госпию на ухо, разговариваетъ памъ, а съ кѣмъ, неизвѣстно. Это заставило посѣпителя полюбопытствоваться; онъ услалъ слугу расплапиться съ извощникомъ, а самъ прокрался въ кабинетъ, спрятавшись за шпрмапи, прикрылся вѣсвѣшпмъ на нихъ халапомъ, и, припая дыханіе, дождался. . . .

И дождался! Агапій Семёновичъ дѣйствительнo, спустя съ полчаса, вошелъ въ свою пуспыньку, какъ копъ въ Голландскій сыръ, заперъ кабинетъ извнутри, и началъ размѣщать принесенныя съ собою въ покрыпой карзинѣ вещи. На споль, подѣ зеркаломъ, поставилъ онъ шпочъ съ водкою; на другой въ углу помѣспилъ двѣ буылки Порпвеина; длинный письменный споль, зелѣнымъ сафьяномъ обпаянущый, занялъ онъ буылкою Рома, графинномъ воды, спаканами, лимонами и сахаромъ. На каминѣ сверкала лнпаремъ дрей-Мадера; на широкой ручкѣ Вольперскихъ кресель переливались самоцвѣпнымъ изумрудомъ и яхонтомъ полубуылочки бѣлаго спекла — съ ликѣрами.

Агапій Семёновичъ, благоразумно распорядя войско, занялъ выгодную позицію въ креслахъ, прикрывавшись тарелками икры и сѣмги. Долго, глубокомысленно спопрѣлъ онъ на свою планировку. . . . любовался; вздремнулъ. . . . забылся. . . . тихій сонъ освѣнилъ крылами своимъ Агапія Семёновича. . . .

Пробужденіе его было спремительнo: онъ быспро вскочилъ, вынулъ часы и вскричалъ:

«Пора!» Съ симъ словомъ шляпа, дремавшая на окошкѣ, очупилась на головѣ у него. Скорая походка по комнатамъ показала, что онъ куда-то спѣшитъ. Минуть черезъ паяпъ онъ остановился передъ Порпведномъ, и спросилъ:

«Дома?»
— Дома —

«Ну, слава Богу!» (*самъ спросилъ и самъ себя отвѣтъ держалъ Агапій Семёновичъ.*) «Я тебя не думалъ заспать;» прибавилъ онъ, кланяясь, какъ прилично другу.—«Въ такую погоду ты рѣдко сидишь дома... Впрочемъ, умно поступаешь; жаръ несносный... велика дасть мнѣ спаканъ воды.»

— Выпей лучше вина.... —

И съ симъ приглашеніемъ Агапій Семёновичъ налилъ себѣ $\frac{1}{8}$ спакана.

«Поршвинъ недурень.»

— Мнѣ и самому такъ же кажется. —

«Гдѣ ты бралъ его? (*вертитъ бутылку.*) Безъ ярлычка? ведромъ купилъ? дѣло!»

Подобные вопросы, отвѣты, загадки и отгадки смѣнялись, какъ въ обыкновенной бесѣдѣ, своею чередою. Полчаса сидѣлъ Агапій Семёновичъ у этого закадычнаго друга; просилъ его заходить къ себѣ—и раскланялся.

Надѣтая сизнова шляпа представила его опять на улицѣ, идущаго, по всѣмъ примѣпамъ, не домой еще, а въ госпи.

«Зайду къ Тимоѳею Михайловичу. Онъ чловѣкъ чахоточной, но добрый и достойный сожалѣнія;» шепталъ путешественникъ, проходя на цыпочкахъ взадъ и впередъ по кабинету.

«Не обезпокоилъ ли я васъ, Тимоѳеи Михайловичъ?»

— Нѣтъ-съ! Милости просимъ-съ. Садитесь-съ. — (*Садится.*)

«Вы всё еще окружены банками и склянками?»

— Да, лечусь-съ; чпожь дѣлать-съ! —

«Пора-бы ихъ и оставилъ. Долгонько вы знакомы съ лекарскою кухнею. По мнѣ, Русскіе щи не только вкусны, да и лекарственны. Поѣзжайте-ка въ деревню; кушайте тамъ козье молоко, да свѣжіе яйца съ Мадерой; скачите верхомъ; ходите въ день верстъ по 20 пѣшкомъ, купайтесь въ рѣкѣ. Право, это душеспасительныя хины и сассапарели; а Мадера...»

— Кспаши-съ, заговорили вы-съ о Мадерѣ-съ; мнѣ прислалъ-съ сегодня-съ Англійскій Консуль-съ дюжину бутылочъ чудесной-съ. Какъ откупоришь-съ, такъ благовоніе поидеетъ-съ по всѣмъ комнапамъ-съ. Неудноли-съ откушавъ-съ? —

«Кто отказывается отъ хорошаго? Рюмочку выпить не пресупленіе; не охмѣленъ. (*Наливаетъ три рюмки, выпиваетъ залпомъ и продолжаетъ разговаривать.*) Живучи прѣпьяго года въ Туль, я проспудился. Началось кашлемъ и насморкомъ. Грудь болѣла у меня чрезвычайно. Я вздумалъ, по совѣту пріятелей, лечиться. Для эшаго пригласилъ одного врача, изъ прѣхъ вольнопрактикующихъ, который слылъ искуснѣйшимъ, и отдалъ ему себя съ рукъ на руки. Онъ началъ пѣмъ, чѣмъ начинаютъ и всѣ Медики: очищеніемъ желудка; предписалъ діету; не велѣлъ никуда выходить; запретилъ употреблять вино (*наливаетъ три рюмки Мадеры и одну за другого проглатываетъ.*) Я слушался, глопалъ пилюли, наливалъ желудокъ опварною водою; но не чувствовалъ себя лучше (*наливаетъ остальную Мадеру въ покаль и осушаетъ его.*) Карманъ моего Медика спановился полще, а пѣлесный сославъ мой худѣлъ. Черезъ шестъ недѣль, я отказалъ ему, пригласилъ другаго. Этопъ взялъ со мною пропивную меподу, велѣлъ пить....»

— Да выкушайте же-съ у меня-съ; вино-съ доброе-съ! Англійскій Консуль непришлетъ-съ худаго-съ. —

«Я и такъ ужъ выпилъ двѣ рюмки.»

— Чпо у васъ-съ за счоты-съ, лишь было бы-съ охоты-съ.—(*Пробуетъ, не осталось ли въ бутылкѣ вина, и видя, что нѣтъ ни капли, продолжаетъ:*)

«Покорнѣйше благодарю; ей Богу не спану! Да мнѣ же и пора. Надобно забѣжать къ одному благодѣтелю. Прощайте; душевно желаю вамъ выздоровѣть.»—Поклонъ—и вонъ! Шляпа на бекрень—и Агапій Семёновичъ началъ вспрлхивать рысью, приговаривая: «не опоздать бы!»—Пршѣлъ, п. е. подошѣлъ къ сполуку, на которомъ приготовлены были химическіе препараты для составленія пунша, снялъ шляпу, расшаркался и, усмѣхаясь и дѣлая сладкіе глазки (*les yeux doux*), рассыпался въ привѣтствія: «какъ я счасливъ, чпо получилъ Ваше Сіятельство дома. Каково драгоценное здоровье ваше, бапионка-Князь? Да нечего напрасно и упреждать Ваше Сіятельство вопросами; на личикъ вашемъ сіяетъ здоровье.»

— На здоровье не могу пожаловаться, да, чорпъ возьми, какъ скучно на этомъ свѣтѣ. Я объѣдалъ сегодня у Каперины Александровны Чернозубовой. Закурила; масперница угощала. Я объѣлся широго съ грибами; душоныхъ грибовъ по же убралъ парелочку; боюсь спазмовъ. Чёрный кофе не помогаетъ; рюмка Мадеры, да рюмка Малаги слабо дѣйствуютъ прошивъ такой сильной оправы; выпьемъ-ка пуншу, дорогой госпъ!— (*Дѣлаетъ стаканъ пуншу.*)

«Съ превеликимъ удовольствіемъ выпью съ Вашимъ Сіяпельствомъ. (*Дѣлаетъ другой стаканъ и выпивая первый, говоритъ:*) Вы уже выкушали? Я смаленьку не любилъ опспавать ни въ походахъ, ни въ апакахъ, ни въ попойкахъ. (*Выпиваетъ другой стаканъ.*) Пепербургскій сырой климатъ принуждаетъ пить пуншъ по неволѣ. Того и гляди, что схлѣбиешь нервическую, или гнилую горячку.»

— Пивалъ ли ты пуншъ съ апельсиновымъ сокомъ? спросилъ онъ поржественнымъ голосомъ, подражая Князю, и отвѣчалъ подобоспраспно: «не случилось.»— Отвѣдай же!— Съ симъ словомъ, опсперъ бюро, вынулъ пяпокъ апельсиновъ, канфорку, спиртъ, добавилъ изъ графина воды въ серебряный чайникъ, согрѣлъ её, развѣлъ сахаръ, выжалъ при апельсина и, добавивъ Ромомъ, поощрялъ Агапія Семёновича подражать ему. Онъ сдѣлалъ себѣ пуншъ, гораздо слабѣе Княжескаго.— Ты, братъ Агапій, плутуешь. Лей, не жалій!— И съ симъ словомъ ухнулъ въ стаканъ Рому такъ, что веселящая сердце человѣческое влага полилась черезъ край. Агапій Семёновичъ бросился опспивать—забылся—опорожнилъ стаканъ—и чуть не выворотилъ его на изнанку.— Люблю за обычай! завопилъ онъ зычнымъ голосомъ, передражнивая Князя, у коего въ госпахъ воображалъ себя.— Теперь опкушай же моего. Не правда ли, что я не положилъ охулки на руку. Зѣлье, а не пуншъ, и льспипъ, какъ Французская Актриса, когда хочеть выманить у Русскаго барина деньги. Кушайте же, полно жеманишься.— «Если такъ уже Вашему Сіяпельству угодно!» пропаяжно пропаянулъ Агапій Семёновичъ, и выпаянулъ до капли.— «Теперь пора Вашему Сіяпельству пожелать доброй ночи! Да и въ головѣ шумитъ не-

множко!»— Не хочешь ли, я велю запрячь коляску?— «Покорнѣйше благодарю. Добреду и пѣшкомъ. Хмѣль выдуешъ въпромъ.»—

И дѣйствительно, комнатный путешественникъ, въ качествѣ уже хозяйна, сбросилъ съ головы шляпу, вынулъ изъ бюро кусокъ пармезану и бѣлый хлѣбъ; выпилъ рюмку водки, закусилъ сѣмгою, выкушалъ другую—и закусилъ икрою; опорожнилъ претью и, походя впророчно по кабинету (съ небольшими уклоненіями по въ ту, по въ другую сторону, и не опверзая многоглаголивыхъ устъ своихъ), легъ на кушетку, освѣдпелспвовалъ кружку и—заснулъ.

Тогда знакомецъ-соглядатай выступилъ изъ засады, опсперъ дверь, всунулъ серебряный рубль въ десницу камердинера—и ушелъ. Къ чести его, надобно сказать, что онъ не опкрывалъ пайныхъ упражненій Агапія Семёновича въ папспвенной алхиміи до преселенія въ блаженную вѣчность грозной пѣтушки.

В—йй Вл—д—м—йй.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАМОКЪ РОБЕРТА.

Сообщаемъ преданіе о зломъ Робертъ и замкъ его, описанное однимъ любителемъ спарины, почно такъ, какъ онъ самъ слышалъ его отъ окреспныхъ жителей.

Въ чепырехъ мпяхъ отъ Руана, на возвышеніи, повелѣвающимъ всѣмъ проспранствомъ, какое только можетъ обнять взоръ, и излучинами Сены, несущей воды свои въ море, видны нѣкоторые ущѣлвшіе отъ времени опспакки грозныхъ пвердынь. Они заросли густымъ перновникомъ и правою; глубокий ровъ еще показывается слѣды проспранной окружности замка, отъ котораго сохранились однѣ развалны. Въспо воды, которая нѣкогда наполняла сей ровъ, возвышались пышныя деревья, коихъ сѣнистые верхи равняюся съ гребнемъ холма. Спустипесь съ него шаговъ на пятьдесятъ и вы найдете въ крупомъ скапѣ его узкое опсперспіе, ведущее въ мрачное подземелье, куда взоръ ищепно симпился проникнуть. Спра-

шптесь бытъ увлечены любопытствомъ въ сію пропасть; при малѣйшемъ движеніи на васъ упадутъ камни, которые едва держатся въ сводахъ; если же блескъ факела разсѣетъ сей мракъ, то милліоны непопырей, ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ, начнутъ порхать съ пронзительнымъ крикомъ и шумомъ крыльевъ своихъ погасятъ вашъ путеводный свѣтъ пыльникъ. Мѣсто сіе безлюдно. Дорога изъ Руана въ Каэнъ недалеко опшуда пролегаеть у подошвы холма; но вы не встрѣтите ни одного жилья на довольно большомъ разстояніи; одинъ только пасухъ по временамъ разсыпаетъ свое спадо; но и онъ не прпсаетъ на ночлегъ въ этомъ мѣстѣ: только что наступитъ вечеръ, онъ спѣшитъ прочь отъ уединенныхъ развалинъ и окрестностей ихъ; ибо край сей почитается опаснымъ, и старые люди не совѣтуютъ оставаться тамъ послѣ солнечнаго заката: въ эту пору хщный волкъ рыщетъ около развалинъ.

Нѣкогда (около 800 лѣтъ тому назадъ), на помъ мѣстѣ, гдѣ теперь видны остатки полуразрушенныхъ стѣнъ, возвышался замокъ съ своими зубчатыми пвердынями, спороживою башнею и бойницами. Путешественникъ сворачивалъ съ дороги, чптобы миновать сей вертепъ, и судовщики, плававшіе по Сенѣ, всякой разъ крестились при видѣ *Робертова* замка; ибо никто изъ смертныхъ не былъ въ такой пѣсной связи съ злымъ духомъ, какъ владѣтель сего замка, который по своимъ дѣламъ и наружности, если вѣрить преданію, справедливо заслужилъ страшное прозвание *Роберта-Дьявола*.

Сей Герцогъ Нормандскій (если вѣрить тому же преданію, которое, надобно признаваться, слишкомъ худо гласитъ объ опцѣ Вильгельма-завоевателѣ) былъ въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ величайшихъ злодѣевъ въ свѣтѣ: онъ былъ ужасомъ своей спраны. Подобно хищной пщцѣ онъ налепалъ изъ своего замка на мирныхъ купцевъ и путешественниковъ; если онъ оставлялъ имъ жизнь, по погода только, когда самъ былъ въ хорошемъ расположеніи. Онъ споль же мало совѣспился обдиравъ Христіанъ, какъ и Жидовъ. Сверхъ того онъ былъ опступникъ; безпреспанно изрыгалъ страшныя проклятія, и никогда не

ходилъ въ церковь. Въспо- того, чптобы сооружать монастыри, по обычаю всѣхъ благочестивыхъ Государей и Князей, въспо- того, чптобы надѣлять существующія обшпели и очищать сокровища, грабежемъ нажившя, удѣля чаштъ служителямъ алтаря, онъ почпи ежедневно дѣлалъ припѣсненія и обиды Настоятелю Жюмбежской обшпели, смѣжной съ его владѣніями, опнима у него послѣднее достояніе. Оспальное время, въ которое *Робертъ* не вызжалъ на грабежъ по большимъ дорогамъ, онъ проводилъ въ шумныхъ увеселеніяхъ и пирахъ, продолжавшихся во всю ночь.

Трудно исчислить всѣхъ пѣхъ, конхъ онъ заключалъ въ свои подземелья для вынужденія отъ нихъ огромнаго выкупа, и всѣхъ женщинъ, которыхъ мучилъ онъ до пѣхъ поръ, пока жестокое започеніе не ослабляло ихъ сопротивленія. Не было ни одного женскаго монастыря, который могъ бы служить безопаснымъ убѣжищемъ отъ хищныхъ котшей его. Онъ споль же мало имѣлъ уваженія къ священной одеждѣ инокинъ, какъ и къ убранству мірянъ. Сосѣдніе владѣтели спрашились его или связаны были съ нимъ одинакими выгодами; но Небесная кара, не смотря на несправедливость людей, всегда поспшгаеть преступленіе, и пословица не даромъ говоритъ, чпто злодѣй рано или поздно погибнетъ.

Въ Сенѣ - Жоржѣ, близъ того мѣста, гдѣ въ то время находилось пышное Аббатство, удивляющее насъ и теперь еще своими развалинами, жилъ одинъ опшельникъ, извѣспный своимъ благочестіемъ въ цѣломъ околдѣ. Многие увѣряли, чпто онъ изцѣляетъ недуги, имѣя особенный даръ пворить чудеса, и чпто онъ провелъ однажды припцапъ семь дней и сполько же ночей въ молиствѣ безъ пищи и пипція. Сей свяпый мужъ, желая сдѣлать доброе дѣло и ускорить вспущеніе свое въ небесныя селенія, рѣшилъ предпринять обращение *Роберта*. Взявъ съ собою однѣ чопки, онъ переправился чрезъ Сену въ маломъ челнокѣ, хопя оный былъ очень шапокъ; попомъ онъ направилъ шаги въ замокъ. Благословивъ спражу, которая не смѣла удерживать его, онъ вспушилъ въ чертоги закоренлаго грѣшника, который въ это время игралъ въ кощи съ своею наложницею. При видѣ оп-

шельника *Робертъ* воспыла въ ужаснымъ гнѣвомъ и поклялся наказати служителей, которые впустили его. Но благочестивый спарецъ спокойно приспустилъ къ дѣлу. Онъ началъ съ кропосицею увѣщавати его, подкрѣпляя поученіе свое мѣспамг изъ св. Писанія и многими примѣрами; но злобный Герцогъ съ своею наперсницею опвѣчали одними насмѣшками на слова спарца, и издѣваясь надъ нимъ, драли его за бороду.

«Берегись, Герцогъ, сказалъ ему наконецъ опшельникъ, берегись; ты волкъ среди спада Господня!» При сихъ словахъ *Робертъ* вспыхнулъ и своею рукою (ужасное пресупленіе) разбилъ лице св. мужу, велѣвъ его прогнати изъ зѣмка плѣтью, какъ будто онъ обходился съ одною изъ своихъ борзыхъ собакъ.

Не долго спустя потомъ Герцогъ пораженъ былъ ужаснымъ недугомъ. Всѣ тѣло его горѣло какъ въ огнѣ, для потушенія коего недоспало бы воды въ морѣ. Всѣ черты его исказились; онъ кидался въ безпамятствѣ и испускалъ, подобно дикому звѣрю, ревъ, который успрашалъ каждого. Ни врачїи, ни волшебники, ни аспрологи, ни палчсманы, ничто не помогало ему. Служители не смѣли къ нему приближаться, и каждый въ семь чудномъ недугѣ видѣлъ Небесную кару. Онъ умеръ на претїи день безъ исповѣди. Само собою разумѣется, что никто не жалѣлъ объ немъ; напропавъ того, многіе добрые люди девяти дней и девяти ночей молились о избавленіи своемъ опъ сего изверга. Тѣло *Роберта*, съ приличными сану его почестями, выставлено на капафалкѣ, пока не кончены были нужныя къ похоронамъ приготовленія: но какъ онъ умеръ не исполнивъ долга Христїанскаго, то никто изъ Священниковъ не хотѣлъ прочести молитву о успокоеніи души его; онъ не былъ даже окропленъ св. водою, и Пажъ, назначенный дежурнымъ при гробѣ, почувствовавъ таковой страхъ, что не замедлил скрыться.

Такимъ образомъ прупъ былъ всѣмъ оспавленъ. Когда пришли за гробомъ для несенія его на кладбище, тогда (о чудо!) его уже не было. Всѣ оспавалось на своемъ мѣспѣ; никакихъ слѣдовъ нельзя было замѣнить. Всѣ поиски были бесполезны. Одинъ полькъ спражъ, сподвижій у подъемнаго моста, объявилъ, что

онъ видѣлъ волка ужасной величны, соскочившаго со спѣнкъ, перепрыгнувшаго ровъ и скрывшагося въ лѣсу съ дикимъ воємъ, походящимъ на голосъ человѣческій.

Послѣ смерти *Роберта*, замокъ его опустѣлъ и мало по малу разрушился. Но каждый вечеръ около его появлялся большой волкъ и съ спрашнымъ воємъ до зари упрежней рыскалъ между развалинами. Еще недавно видѣли его, и въ цѣломъ околѣтѣ мѣсто сіе почипаается спрашнымъ. Многіе отважные охотники нѣсколько разъ собирались убить сего хищнаго звѣря; но при появленіи его, всѣ ихъ искусство исчезало; эпитъ волкъ ускользалъ всякой разъ какъ бы съ помощію волшебной силы.

Если вѣрить преданію, волкъ сей есть *Робертъ*, который будучи осужденъ на сіе превращеніе въ наказаніе за свои злодѣйства, долженъ скипаться въ прежнемъ жилищѣ своемъ до тѣхъ поръ, пока Небу угодно будетъ положить конецъ его мученіямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ РУССКОЙ ДѢВЫ.

Кормила я друга отборнымъ кусочкомъ,
И шипымы и бранымы дарила платочкомъ.
«Побудь со мной, милой!» я другу швердила:
«Надѣжника! радость! очей моихъ свѣтъ!»
Но другъ мой, понуро взглянувъ, мнѣ въ опвѣтъ:
«Ты слышала-ль, Польша Царю измѣнила;
«Копломъ закипѣли Волинь и Липва;
«На что-жъ у меня на плечахъ голова
«И Русское сердце? — Отецъ нашъ кручинень!
«Умремъ же, нашъ вѣкъ коропокъ или длинень.
«Прощай!» И пустился онъ вскачь на конѣ.
Теперь я считаю всѣ дни и всѣ числа;
Мой другъ писемце мнѣ прислалъ изъ за *Вислы*:
«Упрямя и сердитъ былъ *Полкъ* на войнѣ:
И наши дралися для славы — на славу!
И холодъ, и голодъ, и слякопъ съ дождемъ
Мы вдоволь пергѣли; но, съ славнымъ вождѣмъ
Мы вдругъ, какъ кольцемъ, обложили Варшаву!
Упѣшился нами нашъ Царь и Отецъ!» — — —
Когда-жъ эпитимъ ссорамъ и бипшвамъ конецъ?!.....
Я другу гоповлю отборный кусочекъ
И новинкїи шипыи и браный платочекъ!

Ө, Глинка.

КЪ ФАНИИ.

Помнишь, Фанни, какъ весною,
Вдоль смѣющихся луговъ,
Въ легкомъ челнѣ, я съ побою
Несся волею въспровъ?...

Помнишь, Фанни, какъ сердечно
Любовалась пы водой;
Какъ продлишь желала вѣчно
Ты прогулку, Ангелъ мой?...

Для чего же въ грустной жизни
Мнѣ боишься руку дать?...
До бреговъ своей отчизны
Лучше вмѣстѣ доплываешь....

Время, какъ ручей игривый,
Протекаетъ средь луговъ,
Мчишься, коль въ сердцахъ счастливыхъ
Дышишь свѣтлая любовь!...

Карлгофъ.

Ц В Ъ Т О К Ъ.

Со стебля сорванный случайно,
И въспромъ сдунушый цвѣпокъ,
Съ родной гряды, лежалъ печально,
И вянуть медленно и блѣкъ.

Увидѣлъ я цвѣпочикъ милый
И съ сосраданіемъ поднялъ,
Но поздно, онъ, лишенный силы,
Не цвѣлъ, какъ прежде; онъ увялъ.

Цвѣпокъ! цвѣпокъ! не пылъ эмблема
Непоспоянства нашихъ дней:
Мнѣ жизнь — счастливый садъ Эдема,
Но мигъ — и въ царствѣ я пѣней!

Безплодно дружество съ любовью
Свою мнѣ помощь подадушь,
Покорный вѣчному условию
И я умру, какъ всѣ умрушь.

Л. Якубовичъ.

Одесса.
1829.

С H A R A D E.

Mon premier, cher lecteur, est chinois d'origine;
Maint per dreau, mainte becassine,
Ont tourné devant mon dernier;
De mon entier, parfois, ne me souciant guère,
Avec mes amis je préfère,
Auprès de mon dernier, prendre de mon premier.

Въ No 40, помѣщенная шарада-анаграмма значитъ: *Со-фа*
и *Са-фо*.

M O D E S.

Robes. — Le blanc était la couleur dominante des robes. On voyait un grand nombre de corsages de robes, garnis d'une blonde en mantille, ou d'un tulle tuyauté, et presque pas de manches qui ne fussent ornées de rubans.

Quelques robes couleur ponceau, d'autres d'un rose vif, avaient leurs mancherons découpés, et des manches blanches.

Les robes de couleur qui nous ont paru les plus élégantes, étaient en foulard, ou en gros d'Orient à dessins imprimés. Parmi ces dernières nous en avons remarqué une fond blanc, à feuillage courant, vert, avec des petites fleurs violettes. Elle avait de larges jockeis (mancherons non fendus), qui recouvraient des manches courtes en blondes, garnies par le bas d'une autre blonde tombant jusqu'au coude.

La nouvelle saison nous ont fourni quelques nouveautés que nous empessons de faire connaître.

La forme des chapeaux a subi peu de changemens remarquables, et tout fait penser qu'elle se conservera pendant l'été. Toujours une forme anglaise, relevée à la passe, arrondie des coins; quelquefois les coins sont droits à partir de l'oreille, et s'arrondissent en approchant du visage.

Lorsque les plumes sont courtes, elles doivent être posées en bouquet, tout-à-fait sur le côté de la passe. Une grande plume, seule, se pose presque au milieu, et retombe en arrière. Ceci est plus nouveau que les bouquets de plumes, et de fort bon goût.

Les fleurs reparaisent en nombre. Une seule grosse fleur avait d'abord paru obtenir la préférence sur les autres; mais il paraît que maintenant le choix s'est prononcé en faveur des petites: elles doivent être de

la même couleur que l'étoffe du chapeau, principalement lorsqu'il n'est pas d'une étoffe de fantaisie, par exemple, s'il est en moire, ou en satin, qui se porte encore.

Le bleu-ciel est une des couleurs les plus généralement portées. On l'a remarqué dans une immense majorité aux femmes élégantes. Une couleur douce et très-distinguée est la moire écrue. On la double en toutes couleurs, mais plus généralement en vert-pomme, ou en bleu clair. On voit beaucoup de chapeaux cerise.

Les gros-de-Naples à carreaux sont devenus exesivement communs, nous ne devons plus en parler.— Les étoffes qui paraîtront aux promenades avec le plus d'avantages sont donc les chalys, soit unis, soit à dessins nouveaux, la moire. Parmi les nuances préférées pour robes de promenade, on remarque beaucoup de gris-perle, de l'écrue, de vert et de couleur bai. Le reps, de ces mêmes nuances.

Pl. No 15. Chapeau de soie habit croisé.—Rerिंगote de drap.—Gilet de casimir.—Pantalon de casimir.

М О Д Ы.

Платья.—Платья по большой части были бѣлыя. Видно было много лифовъ, ошдѣланныхъ блондовыми маншльями, или пюлемъ, сложеннымъ въ шрубочки, и почти всѣ рукава ошдѣланы были лешьями.

Нѣсколько платьевъ пунцоваго цвѣта, другія ярко розоваго, были съ разрѣзными рукавчиками и бѣлыми рукавами.

Цвѣтныя платья, показавшіяся намъ щеголеватѣе другихъ, были изъ фулара или gros d'Orient, съ печатными узорами. Изъ сихъ послѣднихъ мы замѣтили одно: по бѣлому грунту разводъ изъ зеленыхъ листьевъ, съ маленькими фиолетовыми цвѣточками; съ широкими эполемами (неразрѣзные рукавчики), прикрывавшими коропкіе блондовые рукава, ошдѣланные снизу блондою, висящею до локтя.

Новое время года доставило намъ нѣсколько новостей, о которыхъ мы поспѣшаемъ извѣстить.

Въ формѣ шляпокъ мало замѣтно переменъ, и всѣ заспавляетъ думать, что она сохранилась

на все лето. Шляпки продолжаютъ дѣлать на Англійскій манеръ, поля къ верху, съ боковъ округлены; иногда бока идутъ отъ уха прямо, и округляются приближаясь къ лицу.

Если перья коропкіе, то прикалываются букетомъ, совѣмъ на сторонѣ поля. Большое перо, одно, прищипливается почти въ срединѣ, и откидывается назадъ. Это новѣе букетовъ изъ перьевъ, и въ отличномъ употребленіи.

Цвѣтовъ показывается опять довольно много. Сперва предпочитали одинъ большой цвѣтокъ; но теперь кажется выборъ произнесенъ въ пользу мелкихъ: они должны быть подъ цвѣтъ матеріи, изъ какой шляпка, особливо если не изъ песстрой, а на примѣръ, изъ обьяри или апласа, которые еще употребляются.

Небесно-голубой цвѣтъ въ большомъ употребленіи. Онъ особенно видѣнъ на женщинахъ, одѣвающихся щеголеваю.

Пріятный цвѣтъ и отличный, обьяръ небленаго цвѣта. Её подкладываютъ всякимъ цвѣтомъ, но болѣе всего свѣтло-зеленымъ (vert-pomme) или свѣтло-голубымъ. Видно много шляпокъ алаго цвѣта.

Клепчатая гроденапли сдѣлались чрезвычайно обыкновенны, мы не будемъ о нихъ и говорить. Изъ матерій, которыя появляются на гуляньяхъ, шали, какъ гладкая, шакъ и съ новыми узорами и обьяръ, болѣе будетъ имѣть успѣха. Изъ предпочитаемыхъ цвѣтовъ на платья для прогулокъ, замѣтно много перловаго, небленаго, зеленого и темнаго цвѣтовъ. Также репсъ тѣхъ же цвѣтовъ.

Карп. No 15. Шелковая шляпа, habit croisé.—Суконный рединготъ.—Казимировые жилетъ и панталоны.

С М Ъ С Ы.

Берлинка и бой съ быками.—Одна молодая дама, уроженца Берлинская, счастіемъ и случаемъ завезенная въ Мадридъ, пишетъ оппуганная съ восхищеніемъ о бояхъ съ быками, и называетъ ихъ: «божественнымъ увеселеніемъ.»—Сіе письмо написано весною 1831 года!—

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 42.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №0.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Мая 25 дня, 1839 года.

Какое низкое коварство
Подлживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чернь возьметъ тебѣ!

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОПЫТЪ СЛОВАРЯ.

Балъ.

Собраніе людей, которые намѣрены повеселиться. Впрочемъ, гдѣ нѣтъ злоупотребленій? Когда ноги упомяся отъ прыганья, головы начинаютъ работать. Вотъ почему многія дѣвушки возвращаются съ балу гораздо умнѣе, нежели были за полчаса до него.

Библиотека.

Принадлежность роскоши. Въ большой Библиотецѣ вѣрно найдется нѣсколько книгъ умныхъ, слѣдственно, владѣтельница ея на счетъ ума покоенъ. И не все ли равно, въ шкафу ли онъ, въ головѣ ли?

Враги.

Глупцы враги людей умныхъ. — Женщины опцѣвшія враги молодыхъ женщинъ; онѣ ихъ ненавидятъ наравнѣ съ зеркаломъ, въ которомъ не могутъ уже видѣть себя въ быломъ блескѣ, и не хопятъ видѣть печальныхъ развалинъ прежней красоты своей.

Добрый человекъ.

Тотъ, кто не рѣжетъ прохожихъ на большой дорогѣ, не крадетъ, не поджигаетъ домовъ. Развѣ это бездѣлица? Дѣды наши называли добрымъ человекомъ того, кто соединялъ въ себѣ качества добраго сына, добраго мужа и опца семейства, добраго гражданина. Какъ не совѣстно быть такъ мелочно-взыскапельну?

Коканія.

Коканія есть нашъ земной шаръ, гдѣ всѣ такъ счастливы, что имъ нечего больше желать, какъ полько—вырваться изъ эпаго рая.

Кора.

Человекъ имѣетъ по преимуществу передъ деревомъ, что о немъ судятъ по его корѣ, между пѣмъ, какъ дерево цѣнится по добротѣ плодовъ. За то, сколько глушцовъ подъ корою ума!

Любовь.

Всѣ птвердятъ про любовь, и ни въ чемъ почши сердцѣ нѣтъ эпаго чувства. Мы узнаемъ любовь въ такомъ возрастѣ, когда не можемъ еще наслаждаться ею. Молодые люди любятъ однимъ воображеніемъ, а старики и

умѣли бы любить, да ужь не въ силахъ.—Горчица послѣ ужина!

Любовь супружеская.

Её можно сравнить съ однимъ лишь Фениксомъ. Прелестная птица, жаль только, что никто не видалъ её!

Милостыня.

Избытокъ, отдаваемый богатымъ бѣдному. Но человекъ, чѣмъ богаче, тѣмъ болѣе имѣетъ нужды и менѣе излишняго, а потому бѣдный рѣдко чтонибудь отъ него получаетъ. Богачи жалосливвы, но можно ли имъ отказать себѣ въ новой каретѣ, шали и проч. чѣмъ этими деньгами помочь бѣдняку, обремененному семействомъ, и кропящему горькими слезами кусокъ чорсваго хлѣба? Вольно-жъ было народить дѣтей! Вольно-жъ плакать!

Прилипчивость.

Всё прилипчиво, кромѣ ума, потому что съ умными людьми поступають какъ съ чумными.

Пряжки.

Блаженъ, умющій прыгать! Этимъ искусствомъ скорѣй можно сосланишь свое счастье, чѣмъ испинными дарованіями. Ноги предпочитаютъ головѣ потому, что поддерживають, а голова нерѣдко заставляеть падать.

Поверхностно.

Какая польза вникать въ предметы и изучать ихъ? Для кого? За чѣмъ? Можно и безъ того выдавать себя за ученаго, и даже прослыть имъ. Судите обо всемъ рѣзко; говорите, не пускаясь въ доказательства, что такая-то книга гадость, такая-то верхъ совершенства; ругайте творенія мужей, которыхъ и просвѣщенная Европа и благодарное отечество украсили вѣнцемъ безсмертія; кричите о самомъ себѣ; твердите ксшати и не ксшати о высшихъ взглядахъ, о Халдейскомъ и Санскрипскомъ языкахъ; безстыдно печатайте въ журналъ статьи, переведенныя вами съ Европейскихъ языковъ, которые знакомы вамъ не болѣе Санскрипскаго и Халдейскаго, и пр. и пр. и пр.

III.

(Продолженіе обѣщано.)

Тверь.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗЫСКАНІЯ О УПОТРЕБЛЕНІИ КРАСНАГО ЦВѢТА ВЪ ПРИРОДѢ И ИСКУСТВАХЪ.

Есть множество историческихъ фактовъ, коихъ причину надлежитъ искать въ непреложныхъ законахъ физики. Кто не размышлялъ о безчисленныхъ измѣненіяхъ, послѣдовавшихъ въ Архипектурѣ и военномъ искусствѣ со времени открытія дѣйствій, производимыхъ смѣсью сѣры съ селитрою? Почему красный цвѣтъ, предъ всеми другими, имѣетъ особенныя преимущества? Потому, что лучи его менѣе подвержены преломленію и онъ сильнѣе поражаетъ зрѣніе; слѣдовательно, съ большаго расстоянія можетъ быть видимъ.

На семь-то физическомъ началѣ основывается предпочтительный выборъ краснаго цвѣта для большаго оплчія нѣкоторыхъ предметовъ, какъ то: сухопутныхъ и морскихъ сигналовъ. Красный цвѣтъ можно видѣть впрое далье, нежели желтый и виптеро, чѣмъ синий.

Кажется, что первобытныя народы долгое время употребляли красную краску въ своихъ опытахъ живописи. Полагають, что Греки дѣлали то же до Марафонскаго сраженія, когда *Полигнетъ* ввелъ въ употребленіе при основныя краски: красную, желтую и синюю.

По сей-то причинѣ, можетъ быть, Греческіе художники, часть живописи, извѣстную у насъ подъ именемъ колорита, называли хромашикою, отъ слова *chroma* (красный).

Въ среднихъ вѣкахъ художники, занимавшие живописью, служащею къ украшенію рукописей, называли *rubricateurs*, отъ Латинскаго слова *rubar* (красный). Извѣстно также, что въ древнихъ книгахъ, подъ названіемъ *rubrique*; разумѣлась писанная или напечатанная часть красными чернилами, и заключающая въ себѣ обыкновенно важнѣйшій текстъ. Слово *brigue* (кирпичъ) имѣетъ то же происхожденіе, хотя кирпичъ не всегда бываетъ красный.

Можно доказать многими примѣрами, что названіе сего цвѣта есть общее наименованіе цвѣтовъ. У древнихъ народовъ подъ словомъ *purpura* (багрець), составленный изъ Греческаго слова *pur* (огонь), разумѣлись всѣ яркія краски. Впрочемъ, въ послѣдніе вѣка

Римской Имперіи, собственно такъ называемая *purpura*, значила только алый цвѣтъ, хотя и воспрѣчается у Латинскихъ классиковъ выраженіе: *ales purpureus*, значащее въ переводѣ: *лебедь осмыслительной близны*.

Въ печеніи среднихъ вѣковъ слово: *écarlate* (багряница), подверглось тому же измѣненію: подъ онымъ разумѣлась синяя, желтая и красная багряница. Въ шестомъ уже столѣтіи слово сіе удержало настоящее свое значеніе.

Куръ де Жобелень полагаютъ, что общему *riban* (лента), значило прежде *rouge bande* (красная повязка).

Особый родъ живописи, называемый нами миниатюрою, происходитъ отъ употребленія цурика (*minium*). Впрочемъ, принимая въ разсужденіе обще принятыя для сего рода живописи размѣры, гораздо естественнѣе надлежало бы производить слово сіе отъ Латинскаго уменьшительнаго *minus* (меньшій), или отъ Французскаго *ignon*, составленнаго изъ того же слова.

Дальнѣйшія изысканія о семъ предметѣ открываютъ намъ новыя доказательства предпочтенія краснаго цвѣта предъ прочими, отдаваемого оному всѣми народами.

Это ведетъ къ заключенію, что люди, желавшіе отличиться одеждою своею отъ толпы, должны были избрать для оной красный цвѣтъ. И въ семъ случаѣ человекъ раздражаетъ природѣ.

«Природа, говоритъ *Бернардень*, отличаетъ багрецомъ благороднѣйшія части лучшихъ цвѣтковь. Въ Индіи она украшаетъ яркими узорами многихъ птицъ, особливо во время года, благоприятное для любви. Однѣ изъ нихъ имѣютъ красные хохолки, какъ на пр: птицы, извѣстныя подъ названіемъ *пурпуровыхъ кардиналовъ*; другія такого же цвѣта перья на груди, шеѣ, головѣ, крыльяхъ.»

Красный цвѣтъ оказывается также на плодахъ. Доспойно замѣчанія, что шѣмъ ярче цвѣтъ ихъ, чѣмъ они мельче, какъ напр: вишни, земляника и смородина. Они блестятъ подобно гранату подъ листьями, болѣе или менѣе густыми. Пока плоды сіи не созрѣли, они бывають зеленоватыми и имѣютъ одинъ цвѣтъ съ листьями; тогда только привлека-

ютъ они наше вниманіе, когда могутъ удовлетворить вдругъ и зрѣніе и вкусъ и обоняніе.

Отъ сихъ плодовъ, скрывающихся въ своихъ листочкахъ, перейдемъ къ людямъ, правящимъ своими согражданами. Тотъ, на кого должны быть обращены взоры всѣхъ, привлекаетъ на себя вниманіе блестящею одеждою. Спартанскіе Эфоры и Консулы Римскіе носили красную одежду; багряница служила украшеніемъ всѣхъ Царей древности.

Въ Римской Имперіи одни только Императоры имѣли право облакаться въ багряницу, а употребленіе одежды сего цвѣта частными людьми считалось первымъ уголовнымъ преступленіемъ, или оскорбленіемъ Величества.

Императору *Юлиану* донесено было, что одинъ гражданинъ осмѣлился явиться въ публикѣ въ красной мантіи; сей Монархъ-Философъ удовольствовался приказаніемъ: дать ему безумцу красные пучки, что довершивъ, какъ онъ говорилъ, *костюмъ его*.

При взятіи Константинополя Турками, Императоръ Константинъ *Дракосесъ* узнавъ былъ между мертвыми тѣлами только по своимъ краснымъ сандалямъ.

Полководцы при торжественномъ вѣздѣ въ Римъ красили себѣ лице, а иногда и волосы цурикомъ. По свидѣтельству *Винкельмана*, изъ всѣхъ баснословныхъ боговъ, статуи одного Юпитера раскрашивались красною краскою; впрочемъ, это подвержено нѣкоторому сомнѣнію, если вспомнимъ, что одна изъ Сивиллъ называлась Эрипрею.

Предоставляемъ рѣшить *Г. Гитторфу*, не можетъ ли красный цвѣтъ служить къ различенію между разноцвѣтными памятниками (*polychromes*), имъ изслѣдованными, храмовъ божествъ перваго разряда.

Надобно замѣтить, что то же различіе въ отношеніи къ одеждѣ, воспрѣчается у дикихъ народовъ, и что предводители ихъ расписывають себѣ лица такою же краскою.

Въ среднихъ вѣкахъ красный цвѣтъ имѣлъ почти такія же преимущества, какъ и въ древности. Многіе Европейскіе Государя носили алая эпанчи. Можетъ быть они раздражали въ семъ случаѣ Римскимъ Императорамъ и Консуламъ.

Извѣстно, что сіе послѣднее достоинство опмѣнено было не прежде IX столѣтія Христіанской эры. Конспаннинопольскій Императоръ *Левъ Мудрый* прислалъ къ *Кловису* вмѣстѣ съ дипломомъ, на званіе Римскаго Консула, пышную мантію, присвоенную сему достоинству. Тогда еще существовало Консульство, и можетъ быть, это обстоятельство было однимъ изъ поводовъ къ употребленію одежды краснаго цвѣта въ среднихъ вѣкахъ Государями Западной Европы.

«Когда Король Французскій *Лудовикъ IX* принялъ изъ рукъ Кардинала *Одона* въ Сенъ-Дениской церкви знамя, сумку, посохъ и друга принадлежності страннической жизни, съ того времени, говоритъ *Жоанвиль*, онъ никогда не употреблялъ ни бѣличьихъ мѣховъ, ни багряницы, ни позолоченыхъ спремянъ и шпоръ. Платье носилъ онъ камлоповое или сипцевое; эпанча и прочая одежда его не имѣла другаго подбоя, какъ изъ самыхъ простиыхъ мѣховъ или изъ запчыхъ лапокъ. Примѣръ сей сполько подѣйствовалъ, что за моремъ я не видалъ ни одного вышшаго панцыря ни на Государяхъ, ни на простиыхъ Рыцаряхъ.» Это можетъ служить урокомъ для живописцевъ, изображающихъ св. *Лудовика* въ Африкѣ въ красной одеждѣ съ богатымъ шпьемъ.

Кажется, что духовенство Западной церкви неоднократно покушалось присвоить себѣ одежду краснаго цвѣта. Въ постановленіяхъ Парижскаго Собора, бывшаго въ 1432 году, упоминается о древнихъ правилахъ, воспреещающихъ Священникамъ лхвоимство, торговлю, *красныя* или зеленыя одежды, съ длинными хвостами, и разрѣзомъ спереди или сзади выше колѣнъ.

По правиламъ св. *Бернарда*, Рыцари храма приняли бѣлую одежду; но цвѣтъ сей, эмблема чистоты и невинности, показался не приличнымъ для монашесвующихъ воиновъ. Папа *Евгеній III* въ 1146 году сдѣлалъ измѣненіе въ семъ отношеніи, предписавъ Рыцарямъ сямъ носить красный крестъ на мантіяхъ.

Въ изданныхъ *Филиппомъ-Пригожимъ* 1294 года законахъ противъ распочипельности, оплечены разные разряды дворянства по мѣрѣ каймы ихъ эпанчей и качеству горноспаеваго или другаго мѣха, коимъ подбиты оныя,

по ширинѣ складокъ воровника, длинѣ хвоста одежды (въ по время одни только простолудины и слуги носили короткое платье). Герцоги, Графы, Бароны и Рыцари носили одежду краснаго или фиолетоваго цвѣта: сей послѣдній донныѣ сохранился въ парадныхъ мантіяхъ Перовъ Франціи.

Но красный цвѣтъ никогда не выказывался съ такимъ хвасповствомъ, какъ въ Кардинальской одеждѣ.

На Лионскомъ Соборѣ, бывшемъ въ 1245 году подѣ председательствомъ Папы *Иннокентія IV*, присвоено право Кардиналамъ носить одежду сего цвѣта: оплечіе, выдуманное какъ говорятъ для того, чтобы напоминать имъ, что они всегда должны быть готовы пролить кровь свою для пользы церкви.

Быть можетъ, сей гордый Первосвященникъ, попиравшій Европейскихъ Монарховъ, захотѣлъ присвоить сей цвѣтъ первымъ царедворцамъ своимъ, въ подражаніе Консуламъ древняго Рима.

Папа *Павель I*, желая вознаграждать Кардиналовъ за лишеніе нѣкоторыхъ преимуществъ, и возстановить блескъ сего достоинства, въ 1467 году позволилъ имъ выѣзжать на мулахъ, покрытыхъ алыми чепраками.

Что касается до красной Кардинальской шапки, то учрежденіе оной принадлежитъ Папѣ *Иннокентію IV*, который въ 1252 году установилъ носить Кардиналамъ сіи шапки, согласно заключенію Лионскаго Собора, бывшаго за 6 лѣтъ предѣ тѣмъ, въ 1246 году. Прежде сего одни только Кардиналы à latere имѣли сей знакъ оплечія.

Во время избранія преемника *Григорію XI* Римская чернь кричала: «смотриште, господа Кардиналы, выберите намъ Папу изъ Римскихъ уроженцевъ; иначе головы ваши закраснѣются болѣе шапокъ.»

Изъ сихъ свѣдѣній, можетъ быть въ первый разъ еще собранныхъ вмѣстѣ, видно, что многіе знаменитые живописцы и самъ *Рафаэль* въ своей картинѣ св. *Льва*, *останавливающаго Атиллу*, дѣлали анахронизмы въ разсужденіи костюма, представляя Кардиналовъ въ красной одеждѣ и шапкахъ того же цвѣта, гораздо прежде половины XIII столѣтія.

Красный цвѣтъ у Кардиналовъ сполько былъ замѣчательнѣе, что *Рабеле* употребляетъ слово *кардинализировать*, вмѣсто *красить*. Сообщаемъ здѣсь любопытный опрывокъ, гдѣ слово сіе, можетъ быть, въ первый разъ было употреблено: «нашъ Пріоръ большой охотникъ до блага каплуняго мяса.» — По этому, говоритъ *Гимназіархъ*, онъ не подходитъ на лисицу: ибо онъ никогда не ѣдятъ блага мяса каплуновъ, куръ и цыплятъ. — Опъ чего же? спрашиваетъ монахъ. — Опъ того, опвѣчаетъ *Гимназіархъ*, что у нихъ нѣтъ кухни для варенія пици; а если они не хорошо сварены: то остаются красными, но не бѣлыми. Краснота мяса естъ признакъ недоварки. Изъ сего исключаются нѣкоторыя животныя, какъ то: раки, которыя посредствомъ варенія *кардинализуются*.

На гербахъ Кардиналы имѣютъ красныя шапки, Архіепископы и Епископы зеленыя, Пропонотаріусы и другіе низшіе члены духовенства черныя (см. II. Менеспрье.)

Галлы опъ природы были бѣлокуры; но предпочитая рыжіе волосы свѣплорусымъ, они красили ихъ помадою изъ козьяго жиру съ буковою золою. Нѣкоторыя писатели утверждаютъ, что опъ сей помады они дѣлались совершенно рыжими, и что по мнѣнію сихъ народовъ, всклокоченные длинныя рыжіе волосы придавали имъ спрашный видъ во время сраженія. Члены высшаго судилища Галловъ въ торжественныя дни пудрили себѣ волосы и бороду золопыми опилками.

Эліанъ говоритъ, что Лакедемонцы, выступая въ походъ, должны были надѣваться на себя алую одежду: цвѣтъ сей почипался благороднѣйшимъ изъ всѣхъ, и болѣе способнымъ къ успрашенію непріятелей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ скрывать кровь, пекущую изъ ранъ воиновъ.

При *Карлѣ IX* и *Генрихѣ III*, когда спрасъ къ поединкамъ доходила до безумія, записныя забіяки, извѣстные подъ именемъ *raffinés*, являлись на мѣсто побойца не иначе, какъ въ красномъ холщевомъ нижнемъ плащѣ, съ тою же цѣлію, какъ Спарпанцы и Галлы.

Извѣстно, что видъ крови и красный цвѣтъ сильно раздражаютъ нѣкоторыя животныя; для сего-то Пикадоры и другіе бойцы вы-

ходятъ на варварскія Испанскія зрѣлища съ небольшими красными флагами.

Во время освобожденія Швейцаріи, красный цвѣтъ шапки Вильгельма *Телля* имѣлъ также нѣкоторое вліяніе на кровопролитный оппоръ, данный Императорскимъ войскамъ.

Въ среднихъ вѣкахъ каждый владѣтель провинціи, какъ извѣстно, имѣлъ прапоръ и ливрею особаго цвѣта. Фландрскіе Графы приняли темнозеленый цвѣтъ; Графы *Анжу*, свѣпозеленый; Графы *де Блоа* и Шампанскій, пурпуровый и синій; Герцоги Лотарингскіе, желтой, а Бретанскіе, черный и бѣлый, и наконецъ Бургонскіе, красный цвѣтъ.

Французскіе Короли не всегда имѣли одинаковый цвѣтъ. Опъ первой династіи сохранились свѣдѣнія о семъ предметѣ, весьма неудобовѣрительныя. Но съ 9-го столѣтія, красный цвѣтъ сдѣлался національнымъ; все заставляетъ думать, что прапоръ (*oriflamme*), замѣненный, по примѣру шпандарта въ нынѣшней арміи, капуцомъ св. Марпина де Туръ, былъ краснаго цвѣта, какъ видно изъ самаго названія онаго.

Можетъ быть цвѣтъ сей сдѣлался національнымъ въ Англіи съ того времени, какъ *Вильгельмъ*-завоеватель перенесъ туда Французскіе законы, нравы и языкъ. Можетъ быть Короли Англійскіе не прежде приняли сей цвѣтъ, какъ когда начали помышлять о объявленіи правъ своихъ на Французскую корону, то естъ, во время правленія *Филиппа де Валоа*.

Какъ бы то нибыло, во время войнъ *Эдуарда III*, красный цвѣтъ былъ національнымъ во Франціи; но Короли ея перемѣнили сей цвѣтъ, сдѣлавшійся непріязненнымъ, на бѣлый.

Начиная съ сей эпохи, Французскіе Короли присвоили себѣ преимущественно предъ всѣми другими Государями, право вѣзжаться въ свое Королевство и въ столицу на бѣломъ конѣ. Опъ сего обычая сдѣлано только опспуленіе въ пользу Императора Конспантинпольскаго Мануила *Палеолога*, Государя, спранспвовавшего по Европѣ для испрошенія помощи. Сей Монархъ не могъ возбудить зависти.

Прибавимъ къ тому, что въ печеніи нѣсколькихъ столѣтій, Короли претпей династіи дважды ежегодно раздавали красныя ман-

пшн, подбшпыа богапымы мѣхамн, Рыцарямъ, участвовавшымъ въ нхъ совѣтѣ или занимавшымся опшравленіемъ правосудія. Маншн сн называлнсь *форменными одеждами*. Обстоятельство сн по вшднмому доказыаеаь, что красный цвѣтъ служнль тогда оплчнемъ первыхъ Государственныхъ людей.

Иногда красный цвѣтъ употреблялся изъ одной прихотн. Такъ, при *Лудовнкъ IX*, прелсѣдуемые Евреи принуждены были носнть кружки изъ красной матеріи, одннъ на груди, а другой на спннѣ; такъ при дворѣ Екатерины *Меднцысь* однѣ Фрейлнны нмѣли право носнть плащи изъ алаго бархааа, а при *Лудовнкъ XV* красный каблукъ сѣался прешмущесствомъ важнѣйшнхъ особъ, напомяая нѣкоторымъ образомъ о красныхъ шуфляхъ Римскнхъ Императоровъ.

ПѢСНЯ О БОДУИНѢ-ЖЕЛѢЗНОЙ РУКѢ.

I.

«Къ оборонѣ, Фландрїа! Разступнсь передъ желѣзною рукою!» шакоеъ былъ военный кликъ Графа *Бодуина-желѣзной руки*.

II.

Когда послышнсь сей кликъ въ самомъ пылу сраженія, тогда вѣрно чрезъ мннупу опкроется шрокій пупъ сквозъ густые ряды: ибо одно только бѣгство можеаь спаснн опъ пшжелаго меча Графа *Бодуина-желѣзной руки*.

III.

Когда дружны, ночью, собравнсь вокругъ зажженнаго костра, разсказывалн о геройскнхъ подвнгахъ рыцаря; когда, ударяя въ щнпы, повпорялн: «небо да сохраннть его! Кто болѣе его заслужнль нмя храбраго?» тогда, вѣрно, онн говорили о Графѣ *Бодуинѣ-желѣзной руки*.

IV.

«Воины, вѣрные мои поварнщн, говорнль онъ, Фландрїа еспъ лучшее изъ всѣхъ Графствъ;» н вепераны въ одннъ голосъ опвѣчалн ему: «а храбрѣйшнй изъ всѣхъ Графовъ, Графъ *Бодуинѣ-желѣзная рука!*»

V.

«Сподвнжннкн мои, продолжалъ онъ, кого вы почитаеае достопнѣйшею быаь Графннею Фландрскою н раздѣляаь ложе съ вашнмъ повелнтелемъ, Графомъ *Бодуиноль-желѣзною рукою?*»

VI.

Ропотъ недоумѣнн слншанъ былъ между дружною; каждый, разсуждая съ свонмъ товарищемъ, говорнль: «клянусь жнзнню, нѣтъ нн одной женщины, которая была бы достопна раздѣляаь ложе съ Графомъ Фландрскмъ-желѣзною рукою.»

VII.

«Нѣтъ, друзья мои, еспъ одна! воскнкнуль *Бодуинѣ*. Она молода, прелеспна, плодородна; происхождение ея споль знаменнто, что нельзя желаяаь болѣе; она всѣму предпочншаеаь Царскнй вѣнецъ. Не довольно ли сего, чтоаь быаь супругою Графа *Бодуина-желѣзной руки?*»

VIII.

«Я говорю о дочерн *Карла* Короля Французскаго, о вдовѣ Англнйскаго Короля *Эдуарда*, *Юднотъ*, нзвѣспной подъ нменемъ прелеспной вдовы; она прнбыла изъ за моря, чтоаь повндааься съ опцемъ свонмъ. Чепыре пысячн копненосцевъ сопровождаютъ еѣ; за нею слѣдуютъ 18 воевъ золота. Она будепъ скоро проѣзжаяаь близъ Мона. Хотнте ли, чтоаь она была вашею Графннею, супругою *Бодуина-желѣзной руки?*»

IX.

«Мы хотнмъ, мы желаеаь еѣ!» раздалсь кликъ воновъ, подобно яроспному морю. «Пусть будепъ прелеспная вдова Графннею Фландрскою, супругою Графа *Бодуина-желѣзной руки.*»

X.

«Ну, поварнщн, сплннте ремнн лааь свонхъ, саднсь на свонхъ рапныхъ коней, н завоюйте Графнню Фландрскую, супругу *Бодуина-желѣзной руки.*»

XI.

«Къ оружню! къ оружню!...» Черезъ часъ попомъ не оспалось нн однна изъ 4 пысячъ

Англійскихъ копьеносцевъ. Всадникъ, покрытый кровью, открылъ носилки *Юдины*, прелестной вдовы Короля Англійскаго и сказалъ ей съ вѣжливостью: «Государыня, вы видите передъ собою своего супруга, Графа Фландрскаго *Бордуина*-жельзную руку.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧТО ЗНАЧИТЬ ЭТО?

Когда смотрю себя я встрѣчу,
Когда гляжу себя во слѣдъ, —
То каждый разъ себя замѣчу:
Ей равной, право, въ свѣтѣ нѣтъ!

*

Но говоришь ты — я скучаю,
Но ты смеешься — я грущу,
Замолкнешь — снова воскресаю,
Пойдешь — слѣды твои ищу...

*

Что значить это? — Чудно, странно! —
Иль голова моя шупа? —
Иль ты прекрасна безпрестанно,
И безпрестанно мы глупа?

Карлгофъ.

ПОСЛАНИЕ КЪ БРАТУ.

Любовью къ роднѣ пылая,
Лепишь ты радостно на бой,
И масу чувствъ своихъ внимая,
Готовъ ей жертвовалъ собой;
Готовъ и жизнью молодою
Тамъ честь свою запечатлѣшь,
И за Царя ты всей душою
Готовъ, о братъ мой! умереть.
Я знаю всё; но въ часъ разлуки
Хочу съ побой поговорить.
Не съ пѣмъ, чпобы предавшись скукъ,
Какъ малодушная, пужить;
Не съ пѣмъ, чпобъ горю услажденья
Въ слезахъ и жалобѣ искать;
Ты не увидишь сожалѣнья,
Я не хочу здѣсь горѣвать;
Я не хочу тебя съ поскою
На поле славы провожать;

Но буду съ пламенной душою
Творцу молитву возсылавъ
За твой удѣлъ благотворимый,
Гдѣ ясной смерть блеснишь звездой,
Гдѣ за Царя, за край родимый
Ты можешь жертвовать собой.
Слѣши, мой братъ, пылая месью,
Да врагъ препещетъ предъ побой!
Ты жертвуй жизнью, но не честью,
И Русской будь всегда душой.
Безславья Русскіе боялся,
Но смерть умѣюць презирая.
Ахъ, съ жизнью весело распашься,
Коль можешь ты её опдашь
Тому, Кпо благостью сія,
Собой намъ радость подарилъ,
Какъ Ангелъ, посланный изъ рая,
Миръ для несчастныхъ оживилъ;
Тому, Кого и видъ ужасный
Бользней, мукъ не успрашилъ;
Кпо, какъ надежды лучъ прекрасный
Москву въ часъ смерти озарилъ;
Тому, Копораго дѣянья
Не смѣю здѣсь я воспѣвать;
Одни лишь чувства и желанья
Тебѣ хочу я передать.
Едва знакома съ пѣснопѣньемъ,
Не мнѣ дѣла его хвалишь,
Однимъ души благоговѣньемъ
Хвалу осмѣлюсь замѣнить.
Хотя мнѣ суждено судьбою
Въ странѣ родной безвѣстной жить,
Хотя я не могу съ побой
Царю всей жизни посвятивъ;
Но съ благодарною душою
Могу Его всегда любить,
Могу Творцу о Немъ моленья
Вездѣ и вѣчно возсылавъ,
Ему и жизнь и наслажденье,
И славы радости желанья;
Желанъ, чпобъ жизнь его сіяла,
Какъ солнце лѣпшею порой,
Сердца надеждой согрѣвала,
Была-бъ намъ радостной звездой.

Княжна Шаховская.

О М О Н И М Ъ.

Межъ неба и земли пятадцать естъ планеть,

Округлоспью земль подобныхъ

И шакъ же, какъ земля, и пёмныхъ и огромныхъ;

Опъ солнца и на нихъ нисходипъ свѣпъ.

Мы въ пѣхъ мирахъ випаемъ,

(Спо придцать насъ числомъ,

Всѣ черные припомъ.)

И часто съ оными проспрансхва пропекаемъ.—

Одно изъ чувспвъ людскихъ спупѣпъ у кого,

Мы для услугъ пого. —

Когда-бъ поменьше годъ пашью былъ полько днями,

Числомъ онъ равенъ былъ бы съ нами.

Въ No 41, помѣщенная парада значипъ: *Théâtre*.

M O D E S.

Le froid qui continue ne permet pas encore aux robes d'été de paraître, et les formes d'hiver ne sont pas remplacées.

Les seules nouveautés sont les ornemens de chapeaux, qui, du reste, ont à peine varié; on met peu de rubans, d'ailleurs le nœud doit être peu volumineux. C'est de ce nœud posé à gauche, au bas de la forme, que doit sortir la branche de fleur qui retombe contre l'oreille.

Celles qui sont portées avec le plus de grâce nous ont été montrées chez *Nattier*, rue Richelieu. Ce sont des *pavias*. Le plus généralement, leur couleur est paille, cerise, blanc ou vert; puis une fleur, feuillée comme un oignon de lis, et qui se pose par deux, de deux couleurs, par exemple, sur un chapeau blanc doublé de vert-pomme, en blanc et en vert.

Les *pavias* sont frisés, et ont un joli feuillage pâle.

Les femmes portent à la promenade, de même que le soir, de grands éventails, appelés *éventails chinois*. Ils sont exactement faits d'après ceux qui nous viennent de la Chine. Ces éventails qu'Alphonse Giroux, rue du Coq-Saint-Honoré, a fait paraître le premier, ne se trouvent encore que chez lui dans la perfection qu'il a su atteindre. Dans ce moment ils sont très-recherchés.

Voici la saison des fleurs; les cache-pots en carton sont toujours une jolie simplicité; mais ils n'ont plus rien de nouveau à donner. Ceux qui sont les plus élégans sont faits comme des corbeilles à ouvrage, en cèdre ou en palissandre. Des branches unies sont jointes l'une à l'autre par une petite plaque dorée. Il y a un peu de jour entre chaque branche, ce qui donne au meuble beaucoup de légèreté.

M O Д Ы.

Продолжающийся холодъ не позволяетъ показываться лѣтнимъ плащамъ, и зимнiе покроя еще не замѣнены.

Теперь одни новостки, — отдѣлки шляпокъ, копорыя, впрочемъ, почти не измѣнились; лентъ на-кальвакопъ мало, по крайней мѣрѣ бапшъ долженъ быть не обширенъ. Изъ банта, припшпеннаго на лѣвой споронѣ, внизу шульи, выходипъ вѣпка цвѣшовъ, копорая упадаепъ къ уху.

Мы видѣли у Намье, въ улицѣ Рипельѣ, цвѣпты приличнѣ другихъ для сего упопробленiя. Это *pavias*. Они бывакопъ по большой частп соломеннаго, алаго, бѣлаго и зеленого цвѣшовъ; еще цвѣпокъ, отдѣланный зеленью, какъ Лилейная лувовица; ихъ прикальвакопъ по два разныхъ цвѣшовъ, на примѣръ: на бѣлую шляпку, подложенную свѣпмо-зеленымъ, бѣлый и зеленый.

Pavias дѣлакопся кудрявые, и имѣкопъ красивую блѣдную зелень.

Женщины носятъ на прогулкахъ, также и вечеромъ, большiя опахалы, называемые *Китайскими опахалами*. Они сдѣланы почно на подобiе привозимыхъ намъ изъ Кипая. Опахаль сихъ, показавшихся у перваго Альфонса Жыру, въ улицѣ Coq-Saint-Honoré, нигдѣ нельзя найпип въ шакомъ совершенствѣ, до копораго онъ доспшгнулъ. Теперь они въ большомъ упопробленiи.

Вопъ время года для цвѣшовъ; *cache-pots* изъ картона всегда будутъ красивы и просты; но въ эпому родъ нѣпъ ничего новаго. Щеголеватѣ прочихъ дѣлакопся, на подобiе корзинокъ для рабобы, изъ кедря или *palissandre*. Гладкiе прупшккi соединены между собою маленькими золотыми бляхами. Между прупшкками еспъ небольшое распоянiе, что придаепъ имъ болѣе легкости.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 43.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАЯ 28 ДНЯ, 1832 ГОДА.

..... мы ли

Перемѣнили жизнь свою,
Нль годы насъ перемѣнили?

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗАВѢЩАНІЕ ПОЛКОВНИКА ДЖОНА.

Знали-ль вы Полковника *Джона*?—Нѣтъ.— Я также не зналъ его. Это мнѣ досадно. Полковникъ *Джонъ* долженъ быть очень любезный человѣкъ. Я нимало не удивлялся бы, увидѣвъ его во весь ростъ въ *Пантеонъ Англьскихъ героевъ*.

Вы, можетъ быть, не знаете, что такое *Пантеонъ Англьскихъ героевъ*? Это книга, которою Лондонъ подарилъ себя. Вообразите себѣ, огромный фоліантъ, то есть, чудовище библиотеки, вышиною въ 24, а шириною въ 12 футовъ. Каждая буква въ ней вышиною въ полфута. Вотъ наспоящій колоссъ *Родосскій*, подъ ногами коего пройдутъ *Лордъ Кохренъ* со всею своею флотиліею, *Лордъ Веллингтонъ* съ цѣлою арміею, Англія со всѣми своими героями!

Мой любезный *Джонъ* достоинъ занять мѣсто въ семь изданій, *Джонъ*, который умеръ и оставилъ завѣщаніе въ тотъ самый день, когда висельники *Вилліамсъ* и *Биссонъ* проплясали въ послѣдній разъ на эшафотѣ *Ольде-Бейлейскомъ*. Увы! подумалъ добрый Полковникъ, гдѣ теперь взять шруповъ для знаменитой анапоміи Лондонскаго Университета, когда пославщики оныхъ повѣшены?

Эта мысль вспревожила его душу. Къ счастью, онъ только что началъ писать свое завѣщаніе.

Завѣщаніе сіе дышетъ пламенною любовію къ наукамъ и человѣчеству! Единственное завѣщаніе! Можетъ ли вы сравнить съ оными завѣщаніе *Петрарки*, назначившаго свой серебряный съ позолотою кубокъ *Ломбардусу Асприкусу*, для пипія воды? Завѣщаніе *Адвоката Кортузіуса*, отказавшаго все свое имѣніе тому изъ наслѣдниковъ, который громче всѣхъ будетъ хохотать при его похоронахъ? Завѣщаніе *Голландскаго живописца Мартина Гелскерка*, назначившаго приданое любовникамъ, которые согласятся проплясать на его могилѣ? Завѣщаніе *Графа Пелброка*, который далъ одно изъ послѣднихъ словъ своихъ *Кромвелю*, за то, что сей никогда не сдерживалъ своего слова?

Подлинно нѣтъ. Сколь ни мудры были всѣ сіи завѣщанія; но они не могутъ сравниться съ завѣщаніемъ честнаго *Джона*.

Мнѣ извѣстно одно только, которое еще можетъ нѣсколько выдержать сіе сравненіе. Я говорю о завѣщаніи *Богемца Жана Зиски*, который назначилъ шкуру свою на барабанъ для устрашенія непріятелей.

Полковникъ *Джонъ* созвалъ свою домоправительницу, собаку, вывезенную изъ Новой земли, и Нотариуса.

«Во имя св. человечества, я, *Джонъ*, Полковникъ побѣдоносныхъ войскъ *Вильгельма*, Короля Англійскаго, чувствуя свой близкій конецъ и желая, какъ должно, распорядить своимъ имуществомъ, опказываю:

Моей собакѣ. . . .»

А! а! вскрикнулъ Нотариусъ.

Завѣщатель продолжалъ: «моей собакѣ изъ Новой земли, все бѣлье, посуду, мебель, словомъ все, что найдется въ моемъ домѣ, и самый домъ.»

О! о! подхватила домоправительница.

Завѣщатель. «Опказываю старой *Молли*, моей домоправительницѣ, собаку мою изъ Новой земли, которую должна она беречь и ходить за нею до самой смерти.»

Гамъ! гамъ! пролаяла собака.

Завѣщатель. «Принимая въ уваженіе замѣшательство ученыхъ членовъ и хирурговъ Лондонскаго университета, будучи увѣренъ, что съ казнію *Бурка*, *Вилліамса* и *Бисгона*, опустѣетъ Анатомическій театръ, и желая по возможности облегчить анатомическія упражненія высокоименитыхъ ученыхъ выше-реченнаго Университета:

Опказываю навсегда пѣло мое первому Профессору Анатоміи Лондонскаго университета, пѣмъ паче, что желаю знать, отъ какой болѣзни послѣдуетъ моя смерть.

Въ удословленіе сего, я собственноручно подписалъ сіе завѣщаніе, которое признаю истиннымъ и непрѣмнымъ изъявленіемъ послѣдней воли моей.» —

Оспановившись на минуту, сударь, сказалъ онъ Нотариусу, я забылъ еще одно. . . Прибавьте въ послѣдствіи:

«Нотариуса моего опказываю Дьяволу!»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Исторія

БОЛЬНАГО-МЕЧТАТЕЛЯ.

(Сог. Сиръ Валтеръ-Скотта.)

Знаменитый Докторъ Н. былъ однажды позванъ къ полусумасшедшему юристу М***. При входѣ, Докторъ увидѣлъ, что больной

значительно оглядывалъ комнату, испускалъ тяжелые вздохи, — и посему, не имѣя возможности ничего узнать о болѣзни изъ опрысканныхъ отвѣтовъ его, рѣшился обратиться къ родственникамъ юриста, и узнать причину, которая приближала его ко гробу. Отвѣтъ родственниковъ былъ довольно неудовлетворителенъ. Они и сами не могли разгадать причины болѣзни его; ибо дѣла Г. юриста были всегда въ хорошемъ положеніи; онъ не испыталъ никакихъ семейственныхъ потерь, могущихъ помрачить разсудокъ, и даже самая жизнь его, характеръ, не дозволяли выводиться никакихъ заключеній. Наконецъ, Докторъ рѣшился на послѣднее средство. Онъ обратился къ самому больному, — и послѣ многихъ сильныхъ аргументовъ, далъ ему чувствовать, что нѣкоторые приписываютъ помѣшательство его ни чему другому, какъ слѣдствію какого нибудь безчестнаго поступка, или даже преступленія. Живо пронумый сими словами, больной рѣшился открыть Доктору свою тайну. Дверь комнаты была тщательно затворена, и несчастный юристъ началъ слѣдующее:

«Вы не можете себѣ представить, Милостивый Государь, сколь твердо убѣжденъ я въ неизлѣчимость моей болѣзни: вамъ невозможно сражаться съ природою и постигнуть, какой сильный ядъ во мнѣ свирѣпствуетъ. Всѣ желанія ваши помочь мнѣ — останутся тщетными.»

— Можете быть, — отвѣчалъ Докторъ: что средства мои для вашего излеченія останутся бесполезны; но медицинскія пособія иногда производятъ такія чудеса, о коихъ чловѣкъ, не знающій сей важной науки, не можетъ воображать. Между тѣмъ, покуда вы не откроете причину вашей болѣзни, ни я — ни кто другой не въ состояніи сказать вамъ: возможно или нѣтъ надѣяться на изцѣленіе. —

«Невозможно! за это я ручаюсь!» вскричалъ больной; «но впрочемъ, прибавилъ онъ, мое положеніе не особенное: эпоху болѣзни умеръ и Дюкъ *Оливарецъ*, о которомъ, я думаю, вы читали въ знаменитомъ романѣ *Лесажа*; это болѣзнь не физическая! . . .»

— Я читалъ, — отвѣчалъ Докторъ: что *Оливарецъ* вообразилъ, будпо онъ вездѣ бы-

расть преслѣдуемъ какимъ-то призракомъ, въ существованіе коего хотя онъ и не очень вѣрилъ, однакожь, умирая, онъ снова увидѣлъ ясно терзавшее его привидѣніе!—

«Исторія Дюка *Оливарца* совершенно сходна съ моею!» сказала больной печально. «Мнѣ такъ страшенъ призракъ, меня преслѣдующій, что помрачаетъ совершенно разумъ, и, въ бреду разброеннаго воображенія, я бы охотно желалъ умереть!»

Докторъ слушалъ рассказы внимательно, не думая проповорѣчить мечтателю; онъ представлялъ только сильные доводы о не существованіи на свѣтѣ призраковъ, и не понималъ, какимъ образомъ здравый разумъ, всегда отвергающій подобныя нелѣпцы, могъ оныя допустить. Юристъ увѣрялъ Доктора, что болѣзнь сія открывалась въ немъ по немногу, и что первыя привидѣнія не представлялись ему ни отвратительными, ни ужасными.

«Тому назадъ два года,» сказалъ больной, «какъ въ первый разъ призракъ началъ являться мнѣ въ видѣ большой кошки, и потомъ исчезалъ таинственно. Наконецъ я увѣрился, что эта кошка не была обыкновенное животное. Спусти нѣсколько мѣсяцовъ, призракъ измѣнился, и началъ представляться глазамъ моимъ въ видѣ человека, коего богатое платье схоже было съ платьемъ пажка какого нибудь Англійскаго Лорда. Это привидѣніе всегда носило придворное платье, вышпую рубашку, шпагу, въ рукахъ имѣло всегда шляпу и кошелекъ: оно мелькало въ комнатахъ подобно пѣни.... Призракъ былъ со мною неоплучно и дома и въ гостяхъ; даже въ самыхъ собраніяхъ. Только я одинъ всегда видѣлъ это таинственное существо, для прочихъ же людей оно было невидимо; но все это не такъ сильно дѣйствовало на мое воображеніе, не смотря, что родило въ душѣ какой-то непонятной страхъ.... Вдругъ!... новый призракъ разспроилъ совершенно мой разумъ!... Щеголеватый пажъ уснушилъ мѣсто свое другому существу сверхъ-естественному,.... ужасному!... Это былъ образъ самой смерти!... скелетъ! Ужасное видѣніе не покидало меня нигдѣ! Если я бывалъ одинъ или въ обществѣ, оно всегда стояло предо мною!... Тщетно было увѣреніе самаго себя, что это

не иное что, какъ слѣдствіе разброеннаго, больнаго воображенія! Роковой предвѣспникъ смерти стоялъ предъ глазами, и я чувствовалъ, что уже соединенъ съ нимъ неразрывными узами, что я, живой, принадлежу—могилѣ!... Науки, философія, самая религія—пщепны были противъ подобной болѣзни!»

Докторъ съ жалостію видя изъ сихъ рѣчей, сколь сильно пораженъ разумъ юриста фантастическимъ видѣніемъ, хотѣлъ снова увѣрять его о не существованіи подобныхъ нелѣпостей; хотѣлъ изслѣдовать причины, рождающія въ воображеніи—чудесное, и внушить ему, что самыя простыя доказательства могутъ вывести его изъ заблужденія и исцѣлить совершенно.

—И такъ!—началъ онъ, обращаясь къ больному: эпокъ скелетъ всегда предъ вашими глазами?—Юристъ отвѣчалъ утвердительно.—Въ какомъ же мѣстѣ комнаты, продолжалъ Докторъ, призракъ является вамъ по большой части?—

«Вопъ! вскричалъ юристъ, въ самыхъ ногахъ моей постели. Если я опдерну занавѣсь, то скелетъ всегда показывается между ими.»

—Вы сами сказали мнѣ,—возразилъ Докторъ: что это видѣніе принимаете за слѣдствіе разброеннаго воображенія, то теперь зависить отъ васъ изцѣлиться совершенно. Сядьте напротивъ того мѣста, въ которомъ показывается призракъ!—

Больной покачалъ головою.

—Что же!—вскричалъ Докторъ: мы същемъ другое средство, — и немедленно сѣлъ между таинственными занавѣсами постели.—Ну, что вы видите теперь?—спросилъ онъ его.

«Я, отвѣчалъ со стономъ больной, не могу совершенно различить призрака, ибо вы помѣстились между мной и имъ; однако, вскричалъ онъ, вопъ голова его показалась за плечемъ вашимъ!...»

Вся философія Доктора оставила. Онъ ужаснулся такого соседства.

Послѣ того онъ испытывалъ еще многія средства для изцѣленія — но всё тщетно.

Больной впадалъ болѣе и болѣе въ малодушіе — и скоро испустилъ духъ.

Пер. съ Фран. *Ө. Дьяковъ.*

ПЕЩЕРА ФИНГАЛОВА.

(Изъ путешествія по Гебридскимъ островамъ Панкука.)

Обогнувъ громаду колоннъ, подобно мысу, вдающуюся въ море и образующую собою обломки огромнаго линейнаго корабля, опрокинутаго и вписнутаго въ берегъ, мы избрали удобнѣйшее мѣсто для пристани, гдѣ колонны возвышаются уступами, по которымъ спутницы наши безъ труда могли выйти на твердую землю.

Я снялъ другой видъ острова, представляющій оный въ самой большой широтѣ его. Здѣсь видѣнъ полуостровъ Боо-ша; можно различать стѣны колонадъ; но взгроможденные вокругъ острова обломки представляютъ видъ большихъ массъ; по мѣрѣ приближенія къ нимъ, вы ничего не найдете, кромѣ кусковъ базальта, безпрестанно наносимыхъ къ подошвѣ острова морскимъ приливомъ.

Въ обществѣ нашемъ находились при Англичанки, которыя переносили всѣ трудности путешествія съ удивительною твердостью; ихъ любезность въ обхожденіи, образованность и веселый нравъ много способствовали къ развлеченію нашему во время плаванія по снѣмъ мрачнымъ водамъ. Хотя воображеніе, любопытство, воспоминанія подкрѣпляютъ бодрость въ такихъ случаяхъ; но легко можно себя представить скуку другихъ путешественниковъ при ненастной погодѣ; ибо малѣйшій туманъ скрываетъ всѣ острова: здѣсь дожди бываютъ очень часто и продолжаются нѣсколько дней; свирѣпое море съ своими опасностями, какъ бы полагаешь преграду смѣлымъ путешественникамъ, опваживающимся посѣщать сіи дикія страны.

Всѣ сіи бесплодные острова не прозращаютъ ничего, кромѣ кустарниковъ, коихъ зелень составляетъ противоположность съ темнымъ цвѣтомъ скалъ, большею частію образованныхъ лавою, и отъ дождя спаивающихся еще чернѣе. Здѣсь, Сѣверная природа является во всемъ своемъ величій: безпредѣльное море, бурные приливы его, мрачныя и тяжелыя тучи, яростные ураганы, зрѣлище унылое, разительное, дикое, сообщаютъ особенную силу душѣ, и поэтъ, избравшій

для себя образецъ Оссіана, здѣсь долженъ искать вдохновенія.

Привязавъ лодку свою къ одному столбу, мы вошли на сію груду камней, похожую на черную мраморную лѣспницу, полуразрушенную землетрясеніемъ. Длиныя плетеницы морскаго наноса висѣли вокругъ каменныхъ грядъ, образующихъ длинныя треугольнички; ихъ всего ближе можно сравнить съ уздою лошади. Однѣ раздѣляются на двое при концѣ, погружаются въ море, и такъ крѣпко пристають къ камнямъ, что самые сильные валы не могутъ опорвать ихъ.

Мы замѣтили нѣсколько звѣздапокъ, оставшихся на берегу послѣ морскаго оплива; багряный цвѣтъ ихъ составляетъ рѣзкую противоположность съ чернымъ цвѣтомъ столбчача. По всемъ признакамъ надлежало ожидать скорого прилива; морскіе валы ударили въ колонны, обломки камней и промежутки ихъ; отъ сего поднимался влажный туманъ; наши спутницы прикрывались отъ него легкими зоншиками.

Взявъ подъ руки своихъ дамъ, мы по поднимались, по спускались по грядамъ столбовъ, пока съ трудомъ достигли до подошвы самыхъ большихъ колоннъ, образующихъ длинную стѣну, посреди коей замѣтно таинственное убѣжище, похожее на мрачную исповѣдню въ глубинѣ Каплической церкви, въ то время, когда завѣса ночи покрываетъ внутренность храма.

Это странное углубленіе такъ суживается, что при концѣ имѣетъ не болѣе мѣста, какъ для одного кресла: отъ сего-то названо оно кресломъ Фингаловымъ.

Мы направили туда шагъ; и перейдя чрезъ нѣсколько разрушенныхъ столбовъ, отдыхали въ семь убѣжищъ, чтобы по примѣру путешественниковъ, можно было и намъ сказать, что мы сидѣли тамъ, гдѣ сживали Царя и Героя. Сверхъ сего, углубленіе состоитъ изъ разрушенныхъ колоннъ, совершенно образованныхъ готическій сводъ, такъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи можно назвать сіе мѣсто нишею церкви, построеной Готами.

Потомъ, сойдя вдоль разрушенныхъ столбчатыхъ камней, мы продолжали путь около

спѣны правильно расположенныхъ колоннъ, увѣчанныхъ мѣстами зеленью; миновавъ оную, мы поворотили вправо, и вдругъ очутились у входа въ пещеру: мы находились на верпикальныхъ грядкахъ сполбовъ, возвышающихся здѣсь почти на 20 футовъ. На семъ поворотѣ, владѣльцемъ сего мѣста прежде устроена была нѣкотораго рода желѣзная рѣшетка для закрѣпленія входа въ пещеру; но она большею частію разрушена яростію валовъ, и отъ неѣ оспался только длинный желѣзный поручень, служащій къ облегченію схода въ пещеру.

При видѣ сего великаго явленія, удивленіе поразило всѣхъ спутниковъ. На каждого производило оно особенное впечатлѣніе; мы сообщали другъ другу свои чувствованія, и взоры наши не могли насытиться снмъ чудомъ.

Болѣе всего мы должны были удивляться правильности при самомъ входѣ въ пещеру, какъ бы въ зданіе, сооруженное руками человѣческими. Эпопъ длинный сводъ изящной архитектуры, прямыя колонны, наугольники подножій, словомъ, всё показывало слѣды искуснаго зодчаго: ибо пещера сія, подобно прочимъ, не имѣетъ низкаго входа; вы не замѣтите въ ней ни одного камня, который бы не былъ изсѣченъ со всею правильностью.

Ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить сей глубокой пещеры, какъ съ огромною Голпическою церковью; средину ея представляютъ два ряда колоннъ, какъ бы перенесенныхъ прямо изъ каменоломки въ натуральномъ ихъ видѣ; но онѣ не равной величины по обѣимъ сторонамъ храма, почернѣвшаго отъ пламени.

По ту и другую сторону пещеры, тянутся прямыми линіями двѣ большія спѣны, состоящія изъ колоннъ, вышиною до 50 футовъ. Колонны сіи представляютъ между собою въ большихъ разстояніяхъ нѣсколько вѣдннъ, отъ 3-хъ до 4 футовъ, и проспируются такимъ образомъ на 140 футовъ до глубины пещеры: здѣсь находятся цѣлыя колонны меньшаго размѣра, которыя образуютъ какъ бы хоры церкви, гдѣ будто помѣщены почернѣвшіе отъ времени органы.

Мы вошли на призмы, имѣющія въ попереки отъ одного до трехъ футовъ; онѣ

были черныя, какъ агатъ; однѣ изъ нихъ были прех-угольныя, другія четвероугольныя, пятиугольныя, шестигугольныя, а нѣкоторыя семи и осмиугольныя, но каждая грань сама по себѣ и вмѣстѣ съ другими составляла правильную фигуру. Колонны, по которымъ мы ходили, были разной величины; впрочемъ, разность сія заключалась не болѣе, какъ въ двухъ, прехъ или чепырехъ фузахъ. Мы замѣтили шпугы, коп въ изломѣ представляли основанія мѣлкихъ призмъ, показывающихъ, что сполбчакъ имѣетъ свойство дѣлпться геометрически, подобно какъ минералы правильно кристаллизуются. Освободясь отъ перваго страха, причиненнаго удивленіемъ, мы смѣло подавались впередъ, другъ друга поддерживая, чпобы не упасть въ море: ибо поверхность призмъ всегда бываетъ скользка, по причинѣ постоянной сырости въ сихъ мѣстахъ.

Хотя приливъ былъ уже замѣтенъ, однако море тихо колыхалось, и легко можно было различать дно, представляющее красивый черпый паркетъ, состоящій изъ плитъ о чепырехъ, пяти, шести или семи граняхъ, число вышпфованныхъ. Еслибъ мы приспали ранѣе; то могли бы въѣхать въ пещеру на лодкѣ; за то мы не увидѣли бы тѣхъ красотъ, какія представлялись намъ съ вершины каменныхъ грядъ, возвышающихся до 15 футовъ надъ моремъ.

Спранно было видѣть насъ въ сихъ недоспунныхъ мѣстахъ, во Французскихъ кафтаняхъ и круглыхъ шляпахъ; дамъ въ цвѣпныхъ платьяхъ и съ зонпиками; одни изъ насъ спидя смопрѣли то на волны, то на тѣмный сводъ, а другіе стояли опершись на колонны; иные изъявляли удивленіе, другіе смѣлись, падая на скользкомъ пути. Одни наши важные Шотландцы въ своихъ красивыхъ костюмахъ, казалось, только гармонировали съ сею сценною.

Мы прошли вдоль сей родъ балкона: нѣкоторые изъ насъ исчезали за колоннами, причиняя немалое безпокойство своимъ спутникамъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей выспрѣмилъ изъ пистолета; выспрѣмъ раздался въ сводахъ, привыкшихъ впорипъ однимъ поль-

ко ударамъ волнъ, безпрестанно уносящихъ съ собою иверни разрушенныхъ сполбовъ.

Посреди пещеры, жена моя, можетъ быть единственная Парижанка, посѣщавшая пещеру Фингалову, и сохранившая всю свою веселость въ семь путешествій, согласилась пропѣть арію изъ *Россиниевой* оперы: всѣ умолкли, и сей новый концертный залъ огласился одушевленными звуками. Голосъ посреди колонады спанился полнѣе и сильнѣе; прелли казались живѣе; ровныя ноты выбирались съ большею силою; наконецъ, поржественное величіе сего мѣста придавало новую прелесть мелодическимъ пѣснямъ; рукоплесканія спутниковъ раздалась со всѣхъ сторонъ, и будто сами Геніи, хранители сихъ мѣстъ, впорили въ воздухъ симъ рукоплесканіямъ.

Дневный свѣтъ, поспепенно слабѣя, проникаетъ въ самую глубину пещеры. Какъ скоро глазъ привыкнетъ къ темнотѣ ея, то легко можно различать всѣ предметы.

Живописность сей пещеры еще болѣе возвышалась плесканіемъ морскихъ волнъ въ глубинѣ.

Много говорено было о чудной музыкѣ, коей звуки будто бы исходятъ изъ отдаленныхъ частей пещеры. При всемъ любопытствѣ нашемъ, мы не могли достигнуть дна, ибо базальтовые уступы, служащіе для схода, оканчиваются, разстояніемъ отъ онаго на 8 или на 10 футовъ, далѣе же нельзя идти, не подвергаясь опасности упасть въ волны.

Мы спустились тихо, наклонялись и прислушивались, чтобы лучше различить звуки. Шумъ, производимый волненіемъ моря, во время прилива, не воспрепятствовалъ бы намъ слышать сію необыкновенную музыку. Хотя описаніе подобнаго явленія придадо бы много занимательности нашему разсказу, однакожь должно признаться, что до насъ не доходилъ ни одинъ мелодическій звукъ. Г. *Фольс* спускался въ глубину пещеры при другихъ обстоятельствахъ: море довольно волновалось; онъ явственно услышалъ тогда шумъ, какъ будто производимый взаимными ударомъ двухъ твердыхъ огромныхъ тѣлъ.

Цельское названіе пещеры острова Спайфы, согласно многимъ извѣстіямъ, есть *Анъ-*

уа-винъ, или *финъ*. Первые два слова означаютъ пещеру, а послѣднее мелодическую; какъ слово сіе на Галльскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ родильному падежу имени: Фингалъ; по его также переводятъ пещерою Фингаловою.

На возвратномъ пути нашемъ сцена вдругъ перемѣнилась. Въмѣсто сихъ длинныхъ почернѣвшихъ органовъ, мы увидѣли карпину, на которой съ удовольствіемъ покоились наши взоры, упомленные симъ мрачнымъ зрѣлищемъ. Намъ казалось, будто передъ нами отворились двери храма, или поднялся театральнй занавѣсъ; хотя небо покрыто было тучами, но мы почти ослѣплены были свѣтомъ: столь разительна противоположность сихъ огромныхъ мрачныхъ стѣнъ съ видомъ неба и моря. На краю горизонта мы ясно увидѣли островъ Юны, на разстояніи почти двухъ миль, который по правую и лѣвую сторону простирается непримѣннымъ склономъ, такъ что можно видѣть бѣловатыя развалины Аббатства его, лежація на крупныхъ, черныхъ скалахъ, о которые разбиваются волны.

Выходъ изъ пещеры для насъ былъ не менѣе затруднителенъ: надлежало перебираться съ камня на камень, схватясь руками, скользипъ по сполбамъ: дамы причинили намъ много безпокойства; но ихъ хладнокровіе и отважность предохранили отъ всякаго несчастія.

(Наши путешественники подкрѣпивъ силы своею простою пицею въ хижинѣ гостеприимныхъ паспуховъ острова, сѣли опять въ лодку, и отправились на свой пароходъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

Друзья! я вѣсла опустилъ,

Плыву по скапу синей влаги:

Къ борьбѣ нѣтъ больше прежнихъ силъ,

И прежней нѣтъ уже отваги!

*

«Куда? За чѣмъ плывешь пловецъ?»

Плывѣшь въ который уголъ свѣта?

Гдѣ цѣль и гдѣ пути конецъ?»

«Не знаю!» — вмѣсто вамъ отвѣта.

*

Вдали племпо, я одинокъ,
Но я, доверьемъ сладкимъ полный,
Плыву — и слышу: мой челнокъ
Куда-то мчалъ, играя, волны.

Ф. Глинка.

КЪ ПРИВРАТНИКУ.

Привратникъ хижины моей,
Явившій опыты не разъ
Похвальной вѣрности своей,
Вотъ навсегда тебѣ приказъ:
Когда *Богатство* или *Знать*
Визитъ мнѣ вздумаютъ опдашь, —
Предъ ними двери на замокъ!
Не надо эгихъ мнѣ гостей —
Рабовъ порока и спрасней:
Въ нихъ сердце — олова кусокъ,
Ихъ совѣсть спитъ невзбуднымъ сномъ,
Имъ спонь несчастья незнакомъ! —
Коль *Мудрость*, философъ мащъ,
Захочешъ видѣться со мной, —
Проси её или обождать,
Иль посѣпшишь другой порой;
А лучше, чпобъ она впередъ
Не докучала мнѣ, — завѣрь
Её, чпо спалаъ я сумазбродъ.....
Но если поспучишься въ дверь
Дипша на радужныхъ крылахъ,
Съ злопой повязкой на глазахъ,
Съ колчаномъ легкимъ за спиной, —
Бѣги, лепи къ нему спрѣлой,
И двери насшежь передъ нимъ.
И днемъ и ночью я всегда
Душою радъ гостямъ пакимъ:
Любовь не въ пятоспъ никогда!

Съ Франц. *Сітловъ*.

Варшава.
1 Октября
1831.

ЛУЧШІЙ ЦВѢТОКЪ.

Прекрасно роза блещетъ въ полѣ,
Но лучше ландышь въ скромной долѣ,
Цвѣшокъ весны — онъ насъ живитъ,
Онъ намъ о лѣпѣ говоритъ.....
А развѣ на полянѣ дикой
Не веселился взоръ гвоздикой?
Иль упомненный, въ лѣпнѣй зной,
Цвѣшкомъ лазурнымъ надъ водой,
Цвѣшкомъ любви? или простою
Фіалкой, чпо въ пиши луговъ
Взросла пахучею звѣздой,
Для сельскихъ дѣвъ, для ихъ вѣнковъ?...
Какой же лучшій изъ цвѣшовъ?...
Одинъ избрать, другимъ обидать!
Но, знаю пышный я цвѣшокъ:
Онъ лучшій цвѣпъ пвой, пастушокъ...
Чпо-жь закрасѣлася пы, Лида? —

Карлгофъ.

РУЧЕЙ И ПРОХОЖІЙ.

(*Басня.*)

Бѣжитъ ручей. —
Въ немъ свѣпмая вода, какъ зеркало спруиися
И не колыхнется; подъ ней
Песокъ, какъ будшо жаръ горитъ и серебрился!
Крупныя берега, покрыныя правой
И ароматными цвѣпами,
Склонившися надъ зеркальной водой,
Какъ-бы любуются своими красотами.
Къ ручью случайно подошелъ
Одинъ прохожій. —
Не зная броду, онъ побрѣлъ, —
И упонулъ.....

*

Похожихъ
На топъ ручей
Довольно мы найдемъ людей;
Какъ пихо и пріапно
Для глазъ они прохожаго пекушъ!
Но, къ нимъ не суйся, увлекушъ!
Погибнешъ невозвратно.

Крестыльникъ Сухановъ.

E N I G M E.

Je suis une époque jolie,
 Tout chante à l'envie mes beautés;
 Mais dans ce siècle de folie
 Je perds mes dons les plus vantés:
 On préfère à mes jours la saison des nuages,
 Où des masques hideux couvrant bien des visages,
 Promenent le désordre au sein de nos cités.
 Le nombre trois, nombre plein de mystère,
 Forme mon être, cher lecteur.
 Le sage dans mon sein goûtte le vrai bonheur,
 Lorsque dans la nature il a l'art de se plaire.

Въ No 42, помещенный омонимъ значитъ: *Очки* въ игрѣ на билиардѣ; *Очки* для глазъ; *Очки* на игральныхъ картахъ.

M O D E S.

Une charmante couleur de chaly uni, qui vient de paraître avec le soleil du printemps est *althea*. Ce rose tout particulier est doux et peu éclatant. Nous avons vu une de ces robes sortant des magasins de madame Gagelin, rue Richelieu, de la façon de madame Alexandre, rue Saint-Honoré, n° 371. Le corsage lacé, à devants plats, le dos plat des épaules, et froncé dans le bas sous la ceinture; une pélerine à pans, de moyenne grandeur, était bordée tout autour de dents grecques ornées; ces grecques vont fort bien à des pélerines rondes ou des châles décoletés.

Les écharpes pour la promenade, demi-habillées, sont en mousseline Thibet, à petits dessins cachemires semés dans toute la longueur. Celles-ci, quoique plus simples, sont plus élégantes que d'autres en même étoffe, bordées de guirlandes tout autour.

Les châles négligés sont toujours sans rivalité; les châles de cachemires carrés sont légèrement travaillée dans le fond, soit imprimés à palmes ou à rosaces.

Les cravates, pour le matin, sont des pointes de gros-de-Naples à carreaux; les plus jolies sont à larges damiers unis, cerise et marron, violet et orange, blanc et vert; quelquefois ces damiers sont chinés sur les bords, ou formés de petites raies. De jolis foulards sont à fond écru uni, et bordure toute verte, rouge ou bleue.

On fait des tabliers de moire damassée, brodés tout autour en soie plate, de la couleur de la moire. La fleur doit rappeler en grand le dessin damassé qui couvre l'étoffe.

Les bijoux ne se portent pas du tout, d'aucun genre, en négligé. Les boucles de ceinture même se cachent sous un pli de ruban. On peut attacher la ceinture avec des épingles. La coque du milieu fixe les deux autres, et les écarte de côté.

M O D Ы.

Цвѣтъ *althea* появился съ весеннимъ солнцемъ; онъ прелестенъ для гладкой шали. Этотъ, совсѣмъ особенный розовый цвѣтъ, весьма неженъ и не очень блестящъ. Мы видѣли такое платье изъ магазина Г-жи Gagelin, въ улицѣ Ришельѣ, фасонъ Г-жи Александръ, въ улицѣ *Saint-Honoré*, No 371. Лишь зашнурованный съ гладкими полочками; спешка отъ плечъ гладкая, а книзу подъ поясъ собрана; пелеринка съ концами средней величины, обшита вокругъ опдѣланными Греческими зубцами; зубцы сии весьма приличны къ круглымъ пелеринкамъ.

Полу-нарядные шарфы для прогулокъ, дѣлаются изъ Тибетской киски, съ небольшими Турецкими узорами, разбросанными по всему шарфу. Сии шарфы, хотя простѣе, но щеголеватѣе другихъ изъ такой же материи, съ гирляндами вокругъ.

Простыя шали всё упиребляютъ преимущественно; Кашемировые платки слегка затканы въ среднѣ, съ печатными пальмами или кругами.

Упреніе галстучки дѣлаются изъ клетчатого гроденанля; всего красивѣе съ большими одноцвѣтными шахмапами, алыми и каштановыми, фиолетовыми и оранжевыми, бѣлыми и зелеными; иногда шахмапы сии по краю волнистые, или составлены изъ мелкихъ полосокъ. Красивые фулары, — середина гладкая небѣлаго цвѣта, а кайма вся зеленая, красная или голубая.

Передники дѣлаются изъ обьяри съ заткаными цвѣтами, вышиныя вокругъ несученымъ шелкомъ, подъ цвѣтъ обьяри. Цвѣты должны подражать въ большомъ видѣ узору материи.

За-просто вещей совсѣмъ не носятъ никакого рода. Поясныя пряжки даже прикрываются складкою изъ ленты. Можно также пояса прикалывать булавками. Средняя пепля прикрывалась двѣмъ рукавками, и отшпираниваете ихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ШВАЛІДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 44.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-справкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюня 1 дня, 1852 года.

Что слава? Яркая заплаха

На вѣхомъ рублищъ пѣвца.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПРОКЛЯТІЕ МОЕГО ДѢДУШКИ.

У меня былъ дѣдушка; у дѣдушки были большія кресла.

Вечеромъ, сидя въ эгихъ креслахъ, передъ пылающимъ каминомъ, онъ протягивалъ ноги, положивъ ихъ одну на другую, и началъ рассказывать о своихъ походахъ и любовныхъ приключеніяхъ.

Я замѣчалъ, что чѣмъ болѣе дѣдушка старѣлся, тѣмъ рассказы его становились разнообразнѣе, потому, что онъ смѣшивалъ въ своей памяти и то, что читывалъ, и то, что слышалъ, съ тѣмъ, что дѣйствительно случалось съ нимъ самимъ; такъ, что однажды онъ рассказалъ мнѣ, что его любовница *Клеопатра* умерла отъ уязвленія василиска.

Зимою, я терпѣливо слушалъ его исторіи; онъ обыкновенно приправлялись хорошиимъ старымъ виномъ, или жареными кашпанами, или кускомъ пирога съ дичиною.

Собранія предъ каминомъ моего дѣдушки происходили раза три или четыре въ недѣлю, и я видалъ въ нихъ маленькую *Марію*, отъ которой былъ безума.

Но весной, когда гвоздики раздвѣпали въ саду, а присы распускались на берегу пруда, общество дѣдушки мало по малу уменьшалось,

и наконецъ, я долженъ былъ оставаться съ нимъ по вечерамъ съ глазу на глазъ. Слушалъ его рассказы, я думалъ только о *Маріи*, и когда окно бывало открыто, то вѣтерокъ навѣвалъ на меня благовонный запахъ молодой зелени и доносилъ ко мнѣ отдаленные звуки скрипки, подъ которую плясали на лугу въ весенніе вечера.

Случилось однажды, что я встрѣтился съ *Марією*, которая сказала мнѣ:

«Бѣдный мальчикъ, ты никакъ не вырвешься отъ своего дѣдушки?»

Это подстрекнуло мою мужескую гордость и засадило меня надушь отъ досады, тѣмъ болѣе, что на канунъ я замѣнилъ, что у меня на верхней губѣ пробивается легкой пушокъ, который я переважно величалъ усамъ.

— Со всѣмъ нѣтъ! отвѣчалъ я; я свободенъ, и въ доказательство буду сегодня вечеромъ плясать съ тобою. —

«До вечера;» сказала *Марія*, и убѣжала.

Я возвратился къ дѣдушкѣ; но чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что исполненіе моего плана было совершенно невозможно; оставивъ его одного не было никакого средства; разумѣется, что онъ не могъ рассказывать своихъ исторій самому себѣ, а упустивъ случай рассказать повѣсть, имъ на

поишь разъ припасенную, было бы для него очень тяжело.

Къ счастью, явился поселанинъ, отецъ *Марин*, который привезъ намъ масла и свѣжихъ яицъ.—Г-нъ *Жанъ*, сказалъ онъ мнѣ, какъ бы я желалъ бытъ на вашемъ мѣстѣ, чпобы каждый вечеръ слушати такіа прекрасныа повѣстцн.—И, какъ будто по вдохновенію свыше, отвѣчалъ ему: другъ мой, *Петръ*, опъ тебн зависптъ насладптъсн эппмъ удовольствіемъ нынче вечеромъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказати мнѣ услугу, попому, что я успалъ и лгу спать.—*Петръ* согласился.—Вопъ что надобно дѣлать, сказалъ я ему: у насъ не бываетъ огня; дѣдушка говоритъ, что онъ ему не нуженъ для разказовъ. Послѣ обѣда, я погашу лампу и выду, а ты займешь мое мѣсто, на лѣво опъ кампна; тебѣ нечего бояться какого нибудь вопроса, на который ты долженъ будешь отвѣчати, и тѣмъ дасть себя узнати по голосу; надобно только по временамъ наливати дѣдушкѣ пипъ, въ знакъ подтвержденія словъ его.

Дѣло слажено, и я побѣжалъ на мѣсто пляски.

Петръ замѣнилъ меня, и дѣдушка принялся разказывати.

Но я забылъ предупредптъ *Петра*, что я имѣлъ обыкновеніе произносиптъ, время опъ времени, одобришельное: гмъ! гмъ!

Дѣдушка, не слыша онаго на эпопъ разъ, очень удивился. *Жанъ*, сказалъ онъ мнѣ; я уже не въ первый разъ замѣчаю, что ты задумываешься; я знаю, что тебн тревожатъ; нравочпшельные разказы пвоего дѣдушки тебѣ наскучили; хотѣлось бы теперъ прыгати съ эпою шалуныєю *Марією*; я все знаю; сегодня упромъ видѣли, какъ вы гуляли вмѣстѣ по лугу.

Тутъ *Петръ* вскочплъ, какъ козелъ, зацѣпилсн ногою за столъ и опрокинулъ его, вмѣстѣ съ бупылкою дѣдушки; онъ бросился къ окну, которое было вышиною опъ земли только на чепыре фуза, и спрыгнулъ на бѣлый махровый гащпнптъ, котораго дѣдушка не опдалъ бы даже, если бы дѣло шло о жизни цѣлаго его семейства. Прибѣжавъ на мѣсто пляски, *Петръ* приблптъ *Марію*, и прогналъ меня, а на завтра упромъ, дѣдушка,

не узнавъ *Петра* и приписываи весь беспорядокъ, а особенно испребленіе бѣлаго гащпнпта, мнѣ, поржественно положилъ на меня свое проклятіе.

Въ послѣдствіи, онъ разрѣшилъ меня опъ онаго.

Пер. И. Г—въ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИВИДѢНІЕ.

Я купилъ на Фроменвильской границѣ, пощп за безцѣнокъ, небольшую дачку, чпобы иногда проводиптъ тамъ по нѣсколку дней, мечпая на свободу подъ свѣжею сѣнью Сень-Жерменскаго лѣса. Дачка сія состояла изъ вепхаго домика съ садомъ, окруженнымъ куспами бузины и смородины. Въ осеніе время мѣсто сіе вовсе необппаемо, по близости Сены, которал протекаетъ подъ самою оконницею и запопляетъ погреба, причпнлн всякой разъ значптельные издержки для исправленія прибрежныхъ дачъ, по сбытпш воды. Но въ теченіи шести мѣсяцовъ ничто не можетъ бытъ прелестнѣе сего края съ его островами на Сень и густыми сѣнями лѣсовъ. Матери моеи, жившей тогда для поправленія здоровья у одной пріятельницы въ Сень-Жермень, вздумалось провести лучшее время года на семь клочкѣ земли, который она шупля называла моимъ. На сей конецъ, мы запасились изъ окрестныхъ мѣстъ необходимою мебелью и снарядами, нужными для садоводства, ибо я тогда помѣшанъ былъ на сельскомъ хозяйствѣ. Въ назначенный день, одинъ Фроменвильскій поселанинъ, по имени *Перень*, съ которымъ я познакомился, когда осматривалъ въ первый разъ свое небольшое владѣніе, долженъ былъ возвратптъсн на своей парадикѣ изъ Поасси, куда онъ повезъ на продажу возъ дщплны. Мы подждали его. Онъ пріѣхалъ уже подъ вечеръ и уложилъ на возъ весь нашъ домашній скарбъ. Мать моя, женщина очень слабаго здоровья, не поберегла ногъ своихъ, обходивъ днемъ весь окрестности; мы сдѣлали ей родъ дивана на возу изъ папоротника и другихъ травъ, на который *Перень* совѣпвалъ ей сѣсть между ме-

белью и съспными припасами, а самъ располагался вести лошадь за уздау по дорогѣ, пролегающей по пескамъ, лужайкамъ и лѣсу.

Около двухъ часовъ мы весело подавались впередъ, проходили подъ колонадами и куполами тонкихъ буковъ и сполѣпныхъ вязовъ, черезъ которые едва проникали солнечные лучи. Это было лѣпомъ; надлежало имѣть большую твердость, чтобы сносить зной, и мы съ удовольствіемъ ощущали прохладу подъ влажною тѣнью разбросанныхъ на прогалинахъ деревьевъ. Не упомяну, при какомъ странномъ впечатлѣніи *Перень* на мои замѣчанія о садоводствѣ, въ которомъ мнѣ хотѣлось выказать свои познанія, упрямъ того же дня мною приобретенныя, я взглянулъ на него и прочелъ на лицѣ его безпокойство. *Перень* въ свою очередь устремивъ на меня глаза, какъ на вопрошателя, указалъ концемъ бича на проську въ западной сторонѣ, откуда собирались тучи на краю горизонта. Въ ту же минуту лѣсъ издалъ протяжный стонъ, раздались крики испуганныхъ птицъ и пыль закружилась вихремъ. Это было признакомъ близкой грозы. Высокія деревья, каштаны и буки, послѣ мгновеннаго порыва вѣтра выпрямились, и вдругъ не стало ни шума вѣтвей, ни свиста, производимаго полетомъ птицъ. Минутная тишина никогда не предвѣщаетъ добраго. *Перень* погонялъ лошадь, которая начала ржать. Я удвоилъ шагъ, и мы хранили молчаніе. Мать моя пугалась всякой разъ, когда молнія быстрымъ пламенемъ освѣщала мрачныя аллеи лѣса. Тучи непримѣнно скопились надъ нами; воздухъ станомъ душенъ; высокая трава, покрывая росой, склонялась къ землѣ. Потъ капалъ съ чела нашего. Наконецъ гнѣвное небо открыло свои хляби; яркій свѣтъ молніи поминутно озарялъ пемноту; перекапы грома, опзываясь въ неизмѣримой высотѣ тверди и въ преисподней земли, сильно потрясали окрестность, что казалось, твердины крѣпостей, взрываемихъ подкопами, разрушались одна за другою до основанія. Вдругъ дождь полился рѣкою изъ расперзанныхъ тучъ: надлежало искать приюта. Густые каштановые деревья составляли неприступный зонтикъ, подъ которымъ мы укрылись отъ проливнаго дождя; земля, упомя-

ная продолжительною засухой, испускала душистые испаренія. Мы не имѣли другаго развлеченія, кромѣ постепенно увеличивающагося или уменьшающагося шума дождя, который, казалось, переставалъ по мѣрѣ отдаленія громовыхъ ударовъ, и съ блескомъ молніи, снова усиливался. Около двухъ часовъ провели мы въ семь положеній, и деревья, прикрывавшія насъ, начали сообщать намъ частію влажной тяжести, которую они за насъ поддерживали. *Перень* ударилъ по лошади и выѣхалъ на широкую дорогу. Главнымъ спараніемъ нашимъ было сберечь здоровье моей матери. Я догадывался, что онъ выбралъ сію дорогу, чтобы крупныя капли дождя не падали на неѣ съ деревьевъ; но путь встрѣчилось другое неудобство: ночь была темная, и не смотря на присутствіе духа моей матери, я сомнѣвался, чтобы сія ночная поѣздка не напугала еѣ. Впрочемъ, я осперегался о томъ говорить ей. Ничто такъ не увеличиваетъ страха, какъ желаніе удалитъ его; отъ нашихъ совѣтовъ, которыми мы спараемся одобрить женщину, у нихъ леденѣетъ кровь въ жилахъ.

По всему видно было, что *Перень*, при всемъ своемъ знаніи дорогъ, совершенно сбился съ пути. Я догадывался по его увѣренности. Ничто такъ не изобличаетъ невѣжества, какъ принужденность. Я сообщилъ ему свои сомнѣнія, но онъ ни о чемъ не хотѣлъ слышать, выдавая себя за опытнаго ѣздока. Я упомянулъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ бы можно было остановиться до утра. Ответа не было: онъ совсѣмъ потерялъ дорогу.

Наконецъ, напкнувшись на нѣсколько ровнѣ, гдѣ я чуть не переломалъ себѣ ноги, и на груди камней, отъ которыхъ лошадь начала хромать, онъ испустилъ радостный крикъ, и опирая лобъ, сказалъ: «чѣртъ возьми! ужъ я ли не знаюкъ дорогъ!»

Потомъ повернулъ онъ бѣдную лошадь вправо по узкой тропинкѣ. Сначала шло хорошо; а послѣ того лошадь начала пугаться разбросаннаго по дорогѣ хвороста. Пока было довольно ясно на небѣ, мы различали еще предметы, но вдругъ наступила глубокая темнота. Ни одной звѣздочки не сіяло на небѣ, ни одного луча вдали; къ тому же, до-

рога усѣяна была оспрымъ хрящемъ, копорый хрустѣлъ подъ колесами, и покрывался лужами, въ копорыхъ мы вязнули по колѣно. *Перень* бѣсился; я внупренно осыпалъ его прокляціями; мапъ моя спаралась разсѣять досаду нашу смѣшными разсказами, робкнмъ и принужденнымъ пономъ. Наконецъ, парадайка наша наѣхала на кучу валежника, копорый заслонялъ дорогу съ лѣвой стороны, а справа мы замѣтили довольно глубокой оврагъ, гдѣ протекалъ ручей.

Мы остановились; начали придумывать, что намъ дѣлать. *Перень* признался въ своей ошибкѣ; положено отправить его впередъ опыскивать дорогу. Добрый *Перень* былъ въ опчаяннн, такъ, что мы принуждены были упѣшивать его. Онъ пустился въ путь, и по временамъ, унылымъ ауканьемъ давалъ намъ знать, съ какой ревностью онъ мѣрлялъ землю, въ надеждѣ какъ можно скорѣе соединиться съ нами.

Ничто не наводитъ такого унынія, какъ шумъ лѣса и страные очерки древесныхъ кущь, издающихъ дрожащія пѣни вокругъ пѣснаго горизонта. Глазь знакомился съ ихъ оппѣнками, болѣе или мене густыми, и пробѣгаешь по по вершинамъ деревьевъ, зыблющимся въ воздухѣ, по по самымъ деревьямъ, сквозь копорые проглядываютъ чуть видныя пропнки. Каждую минуту я воображалъ видѣть вепря, поднявшагося изъ своей берлоги и идущаго прямо на насъ. Мапъ моя принуждала меня състь подлѣ ней на возъ: по судорожному сжатію ея руки, я часно замѣчалъ, что не смотря на стараніе ея разговаривать меня, она спрашивала, чтообъ голосъ мой не навлекъ на насъ какого либо несчастія.

Такъ прошло болѣе двухъ часовъ. Невольная дрожь и холодъ, копорые мапъ моя спаралась преодолѣть, говорили мнѣ довольно ясно объ опасности, угрожающей намъ не опъ дикихъ звѣрей. Что до меня, я былъ холоденъ, какъ мраморъ.

Наконецъ, слабый свѣтъ показался между деревьями, и мапери моей въ по же время послышался крикъ. Я сошелъ съ парадайки, и употребивъ согнутые пальцы вмѣсто рупора, опвѣчалъ на голосъ. Свѣтъ исчезъ. Я побѣжалъ впередъ; мапъ звала меня. Я обѣщалъ

ей не опходишь далѣе 100 шаговъ, чтообы намъ можно слышать другъ друга; потомъ я хопѣлъ принасть къ землѣ, но она была такъ мокра и зыбка, что нельзя было приставить ухо. Я углубился въ чащу, какъ сумасшедшій, кинулся на дерево и взлѣпѣлъ на него какъ бѣлка. Напрасно! Ни шума, ни свѣта нигдѣ не слышно и невидно; одна только звѣзда сіяла между тучами и два или три коршуна свиспомъ крыльевъ своихъ нарушали тишину.

Я возвращался къ своей мапери. Не дойдя еще до парадайки, я насунулся на что-то лицомъ и ушибся. Ощупываю руками... Холодный потъ обидь меня съ головы до ногъ. Это были два огромныхъ башмака, наѣтые на ноги; по движенію ихъ, произведенному моимъ прикосновеніемъ, можно было заключить, что ноги сіи принадлежали къ прупу удавленника....

Чипатели могутъ представить себѣ, каково было у меня на сердцѣ, когда я подошелъ къ возу. Послѣ мапъ молъ сказывала, что я опвѣчалъ ей, когда она не говорила ни слова, а когда спрашивала, тогда я ничего не слыхалъ. Люди, гораздо равнодушнѣе меня, безъ сомнѣнія не могли бы зацппиться опъ подобнаго предубѣжденія.

Я началъ приходить въ себя, какъ вдругъ въ чащѣ лѣса появились огней до двадцати и сполько же сильныхъ голосовъ возвѣстили намъ о прибытіи *Переня* съ доспапочнымъ для поданія намъ помощи числомъ людей. Радость моей мапери и шумный хохотъ крестыльнн, издѣвавшихся надъ моимъ жоапамъ, казался мнѣ безбожными. Веселость ихъ оскорбляла меня.

Перень ничего не забылъ: онъ принесъ съ собою качалку, въ копорую уговорили мапъ мою състь, и жена *Перенева* съ фонаремъ въ рукѣ, пустился впередъ, побуждала скорѣе идти носильщиковъ. Между пѣмъ, нѣкопорые изъ крестыльнн занялись вмѣстѣ съ нами вытаскиваніемъ парадайки изъ грязи. Когда передовые опшли опъ насъ довольно далеко, я постѣшилъ разсказать чепыремъ поселянамъ о своемъ приключеніи. Мы пошли всѣ къ извѣстному мнѣ дереву, и въ самомъ дѣлѣ нашли удавленника, повѣсившагося на сучьяхъ онаго.

Любопытство заставило насъ прозвѣстять подробное изслѣдованіе: мы хотѣли узнать черты несчастнаго. Одинъ изъ поварихей *Переня* посадилъ его къ ближайшему полстому суку, на который онъ взобралъ оспорожно, спустилъ свой вертящійся фонарь подъ самое лицо давленника.

Зрѣнище сіе въ такомъ мѣстѣ и въ такую пору, было ужасно. Подъ сводомъ зеленыхъ испльевъ, влажныхъ и не ровно освѣщенныхъ препещущимъ сіяніемъ, намъ представился въ пяти футахъ отъ земли пруръ, коего бродячая пѣнь при блескѣ колеблющагося фонаря *Перенева*, рисовалась на пропикѣ, усяннкой бѣловатымъ хрящемъ. Мы хранили молчаніе, ибо картина самоубійства невольно заставляла измѣрять глубину опчаянія, и сей пруръ казался укоромъ человѣческому обществу. Налившіеся кровью глаза его выкатились; въпръ разбросалъ въ безпорядкѣ волосы; нижняя челюсть рта висѣла на груди, и окостѣвшія руки его какъ бы приросли къ холоднымъ бедрамъ. Нельзя было смотрѣть на сіе безъ содраганія. Впрочемъ, одежда его показывала бѣдность, также, какъ на лицѣ изображалось опчаянье; красные пятна на ногахъ сохраняли еще слѣды кандаловъ, въ которые обыкновенно заковываютъ преступниковъ. Я чувствовалъ, какъ тяжко тому челоуку, который добровольно предавшись заключенію, разрушилъ оковы свои для того, чтобы наложить на себя руки.

Не знаю, какъ долго оставались бы мы въ семъ положеніи, если бы ушедшіе впередъ товарищи наши крикомъ своимъ не привели насъ въ себя. Не объясняя другъ другу чувствъ своихъ, мы условились ничего не говорить женщинамъ, и одинъ изъ насъ прицѣлъ на себя донести о семъ правительству. Наконецъ, съ большими усилиями, обозъ нашъ, вывезенный на хорошую дорогу, допался до селенія, и послѣ ужина, въ которомъ я не участвовалъ, въ цѣломъ *Фроменвилѣ* воцарилась тишина. Не нужно сказывать, что физиогномія давленника вѣздалась въ мою память, и представлялась мнѣ въ лихорадочномъ бреду, къ которому безъ сомнѣнія много содѣйствовали дождливая погода и усталость.

На другой день до разсвѣта *Меръ* прислалъ за мною; *Перень* и нѣсколько *Жандармовъ* оправились со мною на мѣсто, гдѣ находился самоубійца.

Никогда я не чувствовалъ столь сильно ничтожество жизни и сколько чувствительность бываетъ играющимъ, какъ въ то время, когда прибывъ въ чащу лѣса, наканунѣ столь плачевную, увидѣлъ рѣзвыхъ пшичекъ, съ щебетаньемъ перепархивающихъ съ вѣтки на вѣтку, распускающихся на мху маргаритки, и яркіе лучи солнца, отражающіеся въ безчисленныхъ капляхъ росы между папоротникомъ.

Умолчу о судебныхъ okolичностяхъ, о простыхъ похоронахъ, при которыхъ мы присутствовали, большею частію съ равнодушіемъ, ибо иные спѣшили на полевые работы. Скажу только, что увѣкаемый любопытствомъ, я открылъ еще разъ гробовую крышку, подъ коей лежалъ трупъ безъ савана. Это багровое и распухшее тѣло, сіи глаза, концы зрачки отъ прилива крови посинѣли, поздри, изъ коихъ выходящая вонючая влага уже зазеленѣла, шоржество разрушенія, которое пожирало свою жертву, зрѣнище, которое громко говорило, сколь мы ничтожны, все сіе произвело въ душѣ моей мрачность, а въ устахъ какую-то горечь.

Не долго спустя послѣ сего непріятнаго приключенія, случился праздникъ въ деревушкѣ, на другомъ берегу лежащей. Мы съ матерью приглашены были на крестины къ брату *Переневу*, прозванному *большимъ Коласомъ*, старшинѣ Герблейскаго цеха шорниковъ. На сей разъ стеченіе народа было чрезвычайное: ибо всѣ жители *Сарпрувилльскіе*, *Лафрепскіе*, *Конфланскіе*, *Андрескіе* и *Ашерскіе* собрались туда на праздникъ *Розы* и для полученія награды за спрѣльбу въ цѣль. *Гаюнскіе* каменотесцы, разубранные лешами, принесли съ музыкою на лодкахъ, украшенныхъ вымпелами. Они забавлялись спрѣльбой изъ ружей близъ церкви и на пристани, набитой прѣзжими шоргашами и комедіантами. Для игръ и плясокъ избранъ былъ островокъ, увѣчанннй неполями, отражающимися въ спружѣ *Сены*. Мать моя охотно раздѣляла общую веселость: забавы продолжались до самой ночи. Какъ я показалъ въ спрѣльбѣ

довольное искусство, то одинъ изъ лучшихъ спрълковъ предложилъ мнѣ закладъ, на что я согласился. Поспавили мишень, который былъ освѣщенъ, и съ перваго раза я попалъ спрълою въ самую цѣль, при громкихъ восклицаніяхъ: *браво*; соперникъ мой призналъ себя побѣжденнымъ. Между тѣмъ, какъ онъ и товарищи его осыпали меня поздравленіями, кпото ударилъ меня по плечу, отдавая назадъ пущенную мною спрълоу. Я обернулся, и окаменѣлъ при видѣ физиогноміи, которая однажды представилась мнѣ ночью, въ 10 фупахъ надъ моей головою, при свѣтѣ *Перенева* фонаря, а въ другой разъ днемъ въ гробу у могильщика; всѣ прежнія впечатлѣнія снова отразились въ душѣ моей. Я долженъ былъ признаться, что передо мною споялъ съ улыбкою ни кто другой, какъ удавленникъ, Сень-Жерменскій самоубійца, оледенѣвшій трупъ, видѣнный мною въ лѣбу. Въ его морщинахъ, впалыхъ глазахъ, изсохшемъ лицѣ, нельзя было не открыть слѣдовъ голода и бѣдствія, которые прежде являлись мнѣ. Я былъ въ совершенной памяти; ибо я нарочно уронилъ спрълоу, и наклонившись, чтобы поднять её, не смогъ на грубую обувь спрашнаго незнакомца, замѣтивъ на ногахъ его слѣды оковъ. Это не были обманъ чувствъ, мечта. Надобно думать, что когда я поднялся, онъ вѣроятно нащелъ въ глазахъ моихъ что нибудь странное, ибо онъ также поблѣднѣлъ, какъ и я; мы оба не сводили глазъ одинъ съ другаго, и были окованы изумленіемъ: путь я не сомнѣвался болѣе, и онъ исчезъ въ толпѣ. Я спросилъ о немъ у одного Герблейскаго шкипера, который выдавалъ его за дровосѣка изъ Ашереса; но Ашерскій лѣсничій послѣ увѣрялъ меня, что это корзинщикъ изъ Сарпрувилля; наконецъ, работникъ съ одной изъ мощныхъ мѣльницъ клялся мнѣ, что онъ его коротко знаетъ, и что Герблейскій кровельщикъ. Я былъ увѣренъ, что онъ не принадлежалъ къ жипелямъ сихъ селеній, но былъ однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ существъ, которыхъ самые недоверчивые философы ни разгадать, ни опвергнувъ не могутъ. Послѣ сего праздникъ былъ для меня въ пятоспѣ. Мать моя оспалась ночевать въ Герблѣ. Я одинъ возвратился въ Фроменвилля на лодкѣ, при свѣтѣ

попѣшныхъ огней, которые виѣспѣ съ хоровами отражались въ волнахъ Сены. Пробирался съ своимъ челнокомъ сквозь проспникъ, я часто опускалъ весла, увлекаемый мечтами; мнѣ казалось, что это явленіе относилось ко мнѣ; что опъ сего привидѣнія (ибо что другое было, какъ не привидѣніе) зависѣла жизнь моя, и что оно хотѣло подшутить надъ моимъ невѣріемъ.

Въ сихъ спранныхъ мысляхъ я еще болѣе утвердился, когда въ десяти шагахъ опъ моей лодки мнѣ показалась тѣнь между деревьями и слышались грозныя слова, произнесенныя несповымъ или умирающимъ голосомъ: «ты меня знаешь, берегись меня!»

Признаюсь, что въ эту минуту голосъ разсудка заглушенъ былъ во мнѣ дѣпскими предразсудками и глупыми рассказами проспдушной, спарой моей няни, которая въ зимніе вечера, за недоспапкомъ конфектъ, спаралась заспрацать меня мерпвецами. Впрочемъ, ничто такъ не пипаетъ сихъ грезъ, какъ тихая ночь, уединеніе и пустоота, видъ лѣса, въ которомъ шепчетъ вѣперокъ, и невозможность опвергнувъ неизъяснимое и виѣспѣ грозное явленіе.

Успивъ весельные удары, я скоро приспалъ къ берегу и увидѣлъ свою изгороду; войдя въ свою комнату, я заперся въ ней съ какимъ-то спрахомъ, въ которомъ самъ себѣ не могъ дать опчета.

Я провелъ ночь, не смыкая глазъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л А Р И С Ъ.

Вы назвали меня своимъ Поэтомъ:

Мнѣ очень лестно въ привѣтъ!

Но знаете-ль, что милымъ симъ привѣтомъ

Вы можете мнѣ сдѣлать вредъ? —

Привяжуща къ нему журнальные нахалы,

И скажутъ, что пишу одни я мадригалы.

Сѣловъ.

ДВА ПУТИ ЖИЗНИ.

Пролетѣли, пролетѣли
 Незабвенные года;
 Какъ давнишній звукъ свирѣли
 Пронеслись — и нѣтъ слѣда;
 Какъ съ горы попокъ весною
 Скачешъ, бьешся и блестящъ:
 Такъ у жизни за игрою
 Время юности лепишь.

*

Но одинъ попокъ въ пустынь
 По каменьямъ между горъ
 Одинокъ журчишь въ кручинѣ,
 Исчезая средь озёръ;
 А другой — въ роскошномъ полѣ,
 Посреди цвѣтущихъ нивъ,
 Льется, вьется все по волю,
 Плавень, мирень, молчаливъ.

*

Такъ и въ жизни двѣ дороги!...
 Недоволенъ поплъ судьбой,
 Коль разгнѣванные боги
 По спезъ ведутъ не пой...
 Воть, усыпанный цвѣтами,
 И широкій, и прямой,
 Межъ зелеными дугами
 Протянулся нупъ другой.

*

Тамъ безпечное бездѣлье
 Замѣняетъ важный прудъ;
 Тамъ волшебное веселье
 И любовь пѣвцы покошь.
 Тамъ несущся дни злашыя
 Въ сладкой сердцу пишинѣ,
 Сновидѣнія живыя
 Шепчуть радости одинъ... .

*

Беззаботно я веселый
 Шель по райскому пупи;
 Вдругъ нежданно опышь зрѣлый
 Зарашилъ поску въ груди;
 Черной леншою сомнѣнья
 Опъ закрылъ надежды ликъ;
 Богъ прекрасный наслажденья
 Недвижимъ, главой поникъ.

*

Сердце сжалось и замѣло....
 Вдругъ мгновенье улови:
 Чувство быспро охладѣло
 Въ распалившейся крови.
 Оглянулся: гдѣ дорога?
 Гдѣ цвѣшы? гдѣ мурава?...
 Слышу дикій шумъ порога,
 Подъ ногой горишь права!...

*

Съ той поры, веселья чуждый,
 Лишь по зву моей души,
 Здѣсь безъ пользы, памъ безъ нужды,
 Одинокъ брожу въ глуши;
 Съ шемной памяшью былаго
 Ничего не сочешалъ,
 И со всемъ, чпо ешь живаго,
 Я все связи разорвалъ.

*

Но случаются мнѣ вспрѣчи:
 Сердцу близкій, милый
 Сосрадашельныя рѣчи;
 Тупъ мнѣ чувства говорятъ:
 Пролетѣли, пролетѣли
 Незабвенные года;
 Какъ давнишній звукъ свирѣли
 Пронеслись — и нѣтъ слѣда!...

Карлгофъ.

ТАЙНА НЕ СТАРѢТЬСЯ,

Кпо молодъ, а кпо спаръ; пы, Клишь, какъ замѣчаю,
 Давно въ одной порѣ; скажи мнѣ опъ чего?
 «Какъ опъ чего? — Я тайной обладаю:
 Ни дѣлашь, ни желашъ, ни думашь ничего!»

Л. Якубовичъ.

1850.

Ш А Р А Д А.

(Е... Г... К... н... й, въ день ея Ангела.)

Начало въ Букварѣ;

Конецъ — рѣка, въ спранѣ угрюмой и холодной,
 Не многолюдной, малопродукной;

А цѣлое въ Календарѣ.

Въ Но 43, помѣщенная загадка значить: *Май*.

M O D E S.

Pour les robes, la moire et le chali sont encore ce qu'il y a de mieux employé. Les chalis à palmes cachemires sont riches et distingués. Pour ces deux étoffes, les pélerines à longs pans sont généralement adoptées. Elles dispensent de porter un châle, et les canezous blancs n'ont encore paru qu'avec leurs formes de l'année passée; on ne leur en a pas demandé de nouvelles.

Le seul ornement des bas de manche est un double poignet, large comme le petit doigt, répété jusqu'à trois fois. La manche toujours juste du bas, et aussi large que possible du haut.

On voit peu de collerettes montantes. Les cols sont doubles, arrondis derrière, les devans droits à pointes arrondies. Une broderie tracée autour, terminée par une dent de points à jour; point d'ourlet; une dentelle un peu froncée. — La cravate de soie ou l'écharpe se posent en dehors du col.

Parmi les toilettes de promenade que nous avons remarquées, voici celles qui nous ont paru les plus élégantes.

Une femme portant une robe de moire écrue avec une pélerine à dents grecques, avait une capote de paille de riz doublée de crêpe vert-pomme, ornée de rubans blancs et de deux paviors, l'un vert-pomme, et l'autre blanc-rosé. Elle tenait à sa main un énorme éventail chinois qui lui servait à se garantir du soleil.

Une autre, dont la robe de mousseline à fond blanc et à colonnes de branches d'arbres de Judée était faite à châle décolleté, les dents bordées d'une petite dentelle, avait un fichu montant de mousseline brodée, garni au cou d'une ruche de mousseline également brodée. Son chapeau de paille d'Italie, des magasins de madame Corot, était orné de rubans blancs et d'une plume à la chevalière couleur judée.

Pl. No 16. Derniers costumes Parisiens.

M O D Ы.

Для платьевъ обьяръ и шали употребляютъ до сихъ поръ болѣе другихъ матерій. Шали съ Турецкими пальмами, богатая и отличная матерія; къ платьямъ изъ сихъ матерій вообще дѣлаютъ пелеринки съ длинными концами. Бѣлыя канзу по-

казались съ старыми тагонами, а новыхъ еще и не спрашиваютъ.

Рукава внизу отдѣлываютъ только двойными обшивками, шириною въ палецъ, въ при ряда. Ихъ продолжаютъ дѣлать внизу въ обьяжку, а сверху весьма широко.

Высокихъ борочковъ видно очень мало. Воронички дѣлаютъ двойные, сзади округленные, спереди прямые, а концы округленные; вокругъ шпилье оканчивается зубцами съ прозрачными мушками; безъ рубца, обшиты слегка собранными кружевомъ. — Шелковый галстучекъ или шарфъ надевается сверхъ воронника.

Изъ нарядовъ, замѣченныхъ нами на прогулкахъ, вотъ показавшіеся намъ щеголеватѣе другихъ:

На одной дамѣ было платье изъ обьяри небеленаго цвѣта, съ пелеринкою, вырезанного Греческими зубцами; капоть баспловый, подложенъ свѣтло-зеленымъ (vert-pomme) цвѣтомъ, ошдѣланъ бѣлыми леннами и двумя paviors: одинъ свѣтло-зеленый, а другой розовато-бѣлый. Въ рукѣ у неѣ было огромное Китайское опахало, которое служило ей также зашитого ошь солнца.

Другая дама была въ кисейномъ платьѣ, по бѣлому грунту колонны изъ вѣпокъ Иудейскихъ деревьевъ; оно сдѣлано было съ открытой шалью: вышпная кисейная косыночка обшита около шеи также вышитымъ кисейнымъ рюшемъ. Итальянская соломенная шляпка, изъ магазина Г-жи Коротъ, ошдѣлана бѣлыми леннами и перомъ à la chevalière, цвѣта judée.

Карп. No 16. Последніе Парижскіе костюмы.

С М Ъ С Ь.

Новая эпическая поэма. — Извѣстный подъ вымышленнымъ именемъ Германскій Поэтъ Артуръ фонъ Нордгитеръ (Конференцъ-Муниспръ, Графъ Ностлицъ) окончилъ эпическую поэму въ 14 пѣсняхъ: *Преддверіе стихотворства* (Die Vorhallen der Dichtkunst), плодъ многолѣтнихъ трудовъ. Сіе спихопвореніе имѣетъ большое достоинство по характеристикѣ всѣхъ знаменитѣйшихъ Поэтовъ древности, среднихъ вѣковъ и новѣйшихъ временъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 45.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюня 4 дня, 1852 года.

Я бичь, я ужасъ злыхъ, но добрыхъ защититель.

Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НАБЛЮДЕНІЯ ИЗЪ ОКНА.

Письмо къ другу.

Ma perché fare il peccar così dolce.

Я перешагалъ въ ** переулочъ, любезный Алексѣй! и окна моего кабинета выходятъ на небольшой, но опрятной дворъ съ красивымъ заборомъ. За нимъ садикъ, большую часть котораго занимаетъ бесѣдка; за садомъ ** улица и напропивъ моего кабинета двухъ-этажный о плини окошкахъ съ зеленою крышкою домъ. Тутъ ничего нѣтъ любопытнаго, скажешь ты, любезный Алексѣй, но вспомни поговорку, что у каждаго Барона своя фантазія, а я хопя и не Баронъ, да имѣю ихъ кучу. Между прочими причудами, люблю въ свободное отъ службы и общественныхъ занятій время, разумеется, когда я не въ клубъ и не играю въ узелки, сидѣть у окна, куришь трубку и просто глядѣть: это мое любимое *dolce far niente*. Когда найдешь на меня подобная лѣнивая минута, тогда располагаюсь хозяйственнымъ образомъ и, какъ старой солдатъ, запасуюсь и провіантомъ и зарядами, а именно: надѣваю халатъ, ермолку, спавлю на окнѣ, по лѣвую сторону дѣдовскихъ моихъ кресель, бутылку вина, графинъ съ водою, спавлю и полную сахарницу мѣлкаго сахара.

Около нихъ, въ пріятномъ безпорядкѣ рисуются болѣе дюжины набитыхъ Вакишафомъ Спамбулокъ; въ правой споронѣ у меня маленькой сполникъ: на немъ книги, журналы, газеты, и недѣли съ при уже послѣднее произведение молодого человека, который самъ про себя рассказываетъ, что пересталъ писать, *depuis qu'il a une place d'état* (*). Вопреки его увѣреніямъ, *штатное* мѣсто не помѣшало ему продолжать литературное свое поприще, чему спавейка, къ которой я до сихъ поръ еще не допрогивался, служилъ печатнымъ докуменпомъ. Ужъ не поспушаетъ ли онъ по словамъ пѣсни:

Ni jamais, ni toujours,

C'est la devise des amours!

Видь эти слова можно опнести и къ любви и къ словесности: спросить—всѣ спросить!—Обрисовавъ тебѣ предметы, меня окружающіе, беру кисть живописать собственную мою персону. Десная моя вооружена длиннымъ черешневымъ чубукомъ; самъ я распро-спираюсь въ дѣдовскихъ креслахъ и, глядя въ окно, иногда припѣваю:

(*). Онъ хотѣлъ сказать: съ пѣхъ поръ, какъ получилъ *штатное* мѣсто, а сказалъ: *Государственное*; на настоящемъ же человѣческомъ языкѣ, это значитъ, что онъ получилъ мѣсто помощника Стюлначальника. —

Rauch dein Pfeifchen mit Vergnügen,
Trinke dein Gläschen mit Männlichen Zügen,
Hast du ein Wübchen, so lieb es getreü
Dann fließen die Jahre, wie Stunden vorbeü.

Но пакъ, какъ на дворъ нашъ я наглядѣлся, а садика за высокимъ сплошнымъ заборомъ почти невидно: по взоръ мой проспирается далѣе и вспрѣчаешь вышесказанный домъ съ зелёною крышкою. Это очень еспественно: потому, что онъ фасадомъ своимъ заслоняетъ мои окна, хотя распояніе между имъ и моею квартирою большое. Ты знаешь, что я близорукъ, а потому, кромѣ спѣны, въ спѣнѣ оконъ, а надъ спѣной крышки, ничего не вижу—и, какъ мнѣ казалось, ничего не увижу. На повѣрку вышло совсѣмъ пропивное.... пелена спала съ глазъ моихъ, я прозрѣлъ, я увидѣлъ, сперва сквозь туманъ, потомъ, по немногу яснѣе, яснѣе.... приготоюсь услышать ужасное, сверхъ-естественное!.... Конечно, по совѣсти сказать тебѣ, моему испинному другу, я до тѣхъ поръ ничего не видалъ въ этомъ домѣ, пока...повѣришь ли ты мнѣ, любезный Алексѣй!... пока.... «Пока не спалъ лечишься гомеопатически?» домовавши ты съ коварною усмѣшкою.— Не совсѣмъ опгадалъ, хотя я съ тобою согласенъ, что гомеопатія есть самое сверхъ-естественное открытіе нашего вѣка; хотя меня никто не убѣдилъ въ томъ, что не получа облегченія въ болѣзни отъ двухъ чашекъ ромашки, выздоровлю отъ миллионной чапки капли той же ромашки. Не входя въ метафизическія понкопси, я увѣренъ, что гомеопатія произвела чудное и для иныхъ даже невыгодное вліяніе; а именно: она опнимаешь у Аптекарей естественное ихъ право составлять и продавать лекарства. Можетъ быть, мы доживемъ до того времени, когда поговорка: *Аптекарейскій сметъ* не будетъ имѣть никакого смысла, потому, что имъ нечего считать будетъ: гомеопатическіе врачи сами приготовляютъ медикаменты—и сами ихъ больнымъ предписываютъ. Да не однимъ Аптекарямъ, Провизорамъ и профанамъ-Лекарямъ, не посвященнымъ въ таинства гомеопатіи, но и винопорговцамъ предстоитъ разореніе. Скоро настанетъ блаженная эпоха, когда, выливъ бублику рому

въ Неву у Шлюссельбурга, мы спанемъ пить крѣпкій пуншъ, черпая изъ нее воду у Морскаго Кадетскаго Корпуса. Конечно, пному достанется $\frac{1}{10,000,000,000}$ часть капли, но тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе онъ сдѣлается напесель.— Однакожь, пвой вопросительный опвѣтъ ввѣлъ меня въ дураки, и я, разсуждая о безчисленныхъ выгодныхъ преобразованіяхъ, копъ *навѣрное* можно ожидать опъ распросстраненія системы Гамеопатиковъ, я опвлекся опъ своего предмета. Меня бы вспарину забрали за такой безпорядокъ педантны-классики; но, благодаря судьбу, благопріятспивующую въ нашъ вѣкъ всякой безтолковщинѣ, рецензенты-современники—причислятъ меня къ романшикамъ—и непроспипительное мое опспупленіе, и самое завираніе почпѣтся обдуманымъ и въ авторѣ письма блпспательный талантъ проявляющимъ.

«Не посредспвомъ ли магнетизма увидѣлъ ты то, что происходптъ въ домѣ съ зелёною крышкою?»—спросишь ты, любезный Алексѣй.—Такъ, да не пакъ!—скажу я въ опвѣтъ тебѣ. Я вѣрю еущеспвованію магнетизма; но не довѣряю магнетизёрамъ, магнетизёркамъ и ясновидящимъ, которые читаютъ запечатанныя письма, вѣдаютъ, что происходптъ за прпдевяты земель въ прпдесаптомъ царспствѣ, не учась говорить по Латынп споль же чисто, какъ Г. Полевой по Санскрипски. Я вѣрю слѣпо, безусловно вѣрю одному чуду магнетизма—и эпой вѣры ни старый, ни малый, ни глупый, ни умный у меня не оспоришь: этоптъ опытъ магнетизма производятъ очи дѣвицы-красы! Повторяю тебѣ, что я до тѣхъ поръ ничего не видалъ въ двухъ-этажномъ домѣ съ зелёною крышкою, пока... пока..... не завель телескопа.—Смпря чрезъ него, я сдѣлался дѣйствительпю, совершенно, во всей силѣ слова ясновидящимъ; по есть: я поспавилъ себя въ тапнспвенное, магнетическое сношеніе съ домомъ съ зелёною крышкою, а жптелей онаго довелъ пропивъ себя до самаго гомеопатического положенія; потому, что ни пеперь, ни тогда не имѣли они и не имѣютъ ни малѣйшаго поняпнія о моемъ еущеспвованіи. Такъ дѣйствуетъ въ гомеопатическомъ зѣрнышкѣ блпціонная

часть шнурки того лекарства, которое спра-
ждающего пщфлшпъ должно; пакъ, по неволѣ
вспомнишь

L'ombre d'un cocher qui avec l'ombre d'une brosse,
Brossait l'ombre d'une carosse.

И вотъ я, въ первый свободный часъ, за-
сѣлъ въ дѣдовскія кресла, переспавилъ бутыл-
ку, стаканъ и графинъ на столѣ, а книги,
журналы, газеты и между ими произведе-
нiе, du jeune homme à la place d'état, положилъ на
полку, для удобнѣйшей поставки моего теле-
скопа на окнѣ. Вотъ я навелъ его на двухъ-
этажный домъ съ зелёною крышкою; вотъ
вижу и цвѣтъ комнатны, и диванъ, обтяну-
тый волосяною тканью, и картину надъ ней
висящую, дурную копию *Вернета*. Вотъ под-
ходитъ къ окну дѣвушка — прелестная, очаро-
вательная, магнетизёрка душъ и сердецъ.
Я готовъ полюбить её *аллопатически*, но
до поры, до время спану восхищаюсь ею
гамеопатически, — т. е. смотрѣлъ на неё, какъ
на прелестное зёрнышко рода человѣческаго.
И вотъ я нацѣлилъ на неё мой телескопъ,
мои глаза, мое сердце пщепно! . . . она
опустила занавѣсъ — и я въ дуракахъ, и
я, какъ умирающій *Катонъ* въ Италiанской
оперѣ, чуть, чуть не пропѣлъ *eil senno tan
candomivà*. И пакъ, любезный Алексѣй, пер-
вое мое наблюдение было неудачно, столько
же неудачно, какъ наблюдение прохожденiя
планеты Меркурiя предъ солнцемъ сквозь коп-
ченые стекла и бумажныя, внутри вычернен-
ныя трубки досужими Московскими аспро-
номами. Съ гори я закурилъ трубку, и съ
полчаса наслаждался ароматическимъ дымомъ
Вахштафа *Байликовской-фабрики*, которую
и себѣ рекомендую, любезный *Лёле*. Сей ма-
газинъ находится въ Малой Миллионной, пово-
ропя съ Невского проспекта, на правой рукѣ,
не доходя арки. Ты найдешь тамъ лучшiе
Американскiе табаки всѣхъ родовъ и, что
всего лучше, услужливаго, вѣжливаго, распро-
пнаго, честнаго продавца. . . . Но она под-
няла занавѣсъ — и я опять, какъ хромоногий
бѣсъ, смотрю во внутренность дома съ зе-
лёною крышкою. Она, та же, которая без-
человѣчно опустила занавѣсъ, теперь подняла
его съ улыбкою благоволенiя и сѣла у окна

за пядьцы. Она вышиваетъ по кантѣ шерстью;
я наклонилъ телескопъ и вижу рисунокъ, ко-
порый она вышиваетъ: онъ представляетъ
прекрасную бѣлую Болонку, съ желтыми уша-
ми, съ желтымъ пятномъ на спинѣ; собачка
свернулась снѣжнымъ комкомъ на малиновой
бархатной подушкѣ съ золотыми кистями.
Какъ перцѣливый наблюдатель, я перемѣняю
направленiе телескопа, и разсматриваю пре-
лестную художницу. Пухленькiе розовые паль-
чики проворно бѣгаютъ по пядьцамъ. Болон-
ка и подушка кончены; голубой шахматный
fond дошипъ до половины; но вотъ она пере-
спала шить, оборотилась къ окну. Какiе
глаза, любезный другъ, voilà le véritable magné-
tisme; даже черезъ телескопъ, даже и на даль-
немъ разстоянiи — могущественные взгляды ея
жгутъ, усмиряютъ, покоряютъ. Она вспа-
ла, вышла въ другую комнату. Я направляю
телескопъ въ другое окно, открываю тамъ
круглый, накрытый чистою скапертью
столъ съ чайнымъ приборомъ и пламень вы-
брасывающимъ самоваромъ. . . . Вотъ она . . .
и не одна; ужъ не спутникъ ли Венеры? нѣтъ,
спутница! . . . Спаруха, такая же желтая,
широкорожая, какъ луна, холодная спутни-
ца земли. Спаруха въ очкахъ разливаешь чай,
долговязый лакей въ полинялой ливрѣ стойтъ
передъ нею съ подносомъ. Ничего больше не-
видно; жаль! по гипотезѣ, гадательно полагаю,
что всѣ сидятъ въ углу на лѣво; куда
телескопъ мой не достигаешь. Въ ожиданiи
прохожденiя ея по хордѣ, достигаемой моимъ
смотрительнымъ орудиемъ, я закурилъ трубку
и склонивъ голову на грудь такъ, что под-
бородокъ объ неё опирался, пустился въ раз-
сужденiя: собака есть эмблема вѣрности, бѣ-
лый цвѣтъ шерсти означаетъ невинность,
желтые пятна ревность, малиновый цвѣтъ
подушки — любовь, голубой fond — поспоян-
ство. И пакъ, прелестная незнакомка, она —
любитъ! — любима ли? — глупый вопросъ. Ко-
нечно! безъ сомнѣнiя! вѣрно! любима — спра-
сно. Она пребываетъ поспоянства, вѣрно-
сти. Полно рассуждать; всѣ вѣроятности,
предположенiя, метафизическiе выводы, *à la
Николай Алексѣевичъ*, на чистый свѣтъ насъ
не выведутъ, и вопросъ о состоянiи ея сер-
дца оспается столь же неразрѣшимъ, какъ

вопросъ: опъ чего носъ вдоль, а ротъ пеперёгъ? Оснуемъ свои рѣшенія на опытъ, на телескопическихъ наблюденіяхъ. Вопъ она опяпъ садптся за пальцы; въ ея комнапу изъ другой входптъ Офицеръ, подходптъ къ пальцамъ, всмаприваепся во всѣ спороны. Какой видной мущина, какой молодець! Какъ эпп глаза (копорые,—какъ свидѣтельспвуютъ креспы и медали,—безпрепепно вспрѣчали врага въ пылу сраженій), пеперь боязливо обращаюпся къ ней. Она уронила рисунокъ съ пальцевъ; онъ его поднимаетъ. . . . Воображаютъ ли онѣ оба, что поспоронній зритель видптъ, какъ онъ вмѣсптъ съ рисункомъ подаль ей записочку? Ахъ, какъ она покраснѣла! Онъ ушелъ въ чайную комнапу. Она прочла записочку, вся вспыхнула; въ какомъ она смипеніи, бѣдненькая! Вопъ онъ опяпъ входптъ, говоритъ ей что-то съ жаромъ. . . . Она опвѣчаетъ вѣрно: да! — Бьюсь объ закладъ, что да, а не нтъ; въ глазахъ ея выраженіе согласія. Они, кажепся, говорятъ—*У love my love because. У unowmy love loves me!* Онъ вынимаептъ часы, показываептъ ей спрѣлку. . . . Эпо похоже на rendez-vous; часъ назначень. . . . *C'est un enlèvement!* Я непременно около полуночи спану прохаживапсья по этой улицѣ. Онъ ушелъ. . . . Она поже. . . . Пора и мнѣ заняпсья дѣломъ; прощай, любезный Алексѣй; допишу и опправлю къ тебѣ это письмо не прежде, какъ узнавъ развязку подсмопрѣннаго мною любовнаго приключенія. Можетъ быпъ завтра, послѣ завтра, черезъ недѣлю. Пусть оно позабавптъ тебя въ деревнѣ.

На другой день. Я не ошибся, любезный другъ. Дождавшпсь сумерекъ, опправплся я въ ночную экспедицію, и уже разъ пяпъ прошель мимо дома съ зелёною крышкою, прозябъ и начиналъ скучапть, какъ изъ калшпки выпорхнула дама, окупанная въ салопъ, въ шляпкѣ подъ вуалемъ. При свѣптъ мѣсяца, по роспу и осанкѣ, я узналъ, что это она, а воптъ и Офицеръ, мой знакомый незнакомецъ. Они взяли рука за руку—и побѣжали по пропугуру. И я бѣжалъ за ними изъ далѣка; они поворопили на право въ переулочъ, я прибавилъ рыси—и завернулъ также въ переулочъ. Воптъ коляска въ четыре лошади рядомъ. Видно за-городъ! подумалъ я. Они садптся—

«прямо въ церковь!» scomандовалъ Офицеръ—и лпхая чепверка понеслась. Щаспливый путь! произнесъ я довольно громко; дай Богъ вамъ обѣимъ никогда не раскаявапсья! Я воропился домой, легъ спать, но спалъ худо; мои незнакомые знакомцы мерещелись мнѣ на яву и во снѣ. Я вспалъ сегодня рано—и прямо къ окну; навѣлъ телескопъ; все было ппхо въ домъ съ зелёною крышкою. . . . Но воптъ поднимаютъ шпоры: полусонный долговязый лакей убпраептъ комнапы; онъ опкрываептъ окно, глядптъ на улицу, опершипсь на половую щепку и зѣваептъ такъ, что я боюсь, чтобъ онъ не съѣлъ меня. По неволѣ ему подражаю. Воптъ вбѣгаептъ спаруха въ очкахъ; связка ключей въ рукахъ у неё; она что-то живо говоритъ съ лакеемъ. . . . размахиваептъ въ жару руками, кричптъ, приказываептъ ему что-то. . . . онъ убѣгаептъ, и щетка падаептъ на полъ. Спаруха бѣжптъ за нимъ вслѣдъ. . . . Мпнутъ пяпъ пшпшна. . . . Теперь хаосъ: разные лица мелькаютъ мимо оконъ. . . . Суцая суматоха въ домъ; знаптъ хвапился, да поздно; забылъ старую Русскую пѣсню: «гдѣ любовь, пуптъ власпи нѣптъ,—ай люли, ай люли. . . .» Воптъ выѣзжаептъ карепа: въ ней спарикъ, возлѣ него спаруха въ очкахъ, пропшвъ нпхъ какой-то рыжій мущина, съ рыжими бакенбардами, на запяпкахъ длинный верзпла въ поблѣкшей ливрѣ. Знаптъ пуспились въ погоню; и вамъ счаспливаго пупи желаю. А мой совѣптъ проспиптъ молодыхъ людей, попому, что наказатъ нельзя. Дѣло кончено. Въ домъ съ зелёною крышкою всё уппхло, да и мнѣ пора въ департаментъ; прощай, любезный другъ, до слѣдующаго раза.

Н. Б — шпъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИВИДѢНІЕ.

(*Опонтаніе.*)

На другой день вмѣсптъ съ разсвѣпомъ разсѣялись мои сомнѣнія. Я призвалъ въ помощь всю свою философію, и если не совершенно успокоился, по крайней мѣрѣ, сдѣлался досмѣлье. Я пошелъ въ лѣсъ, съѣлъ подъ дерево, разма-

прпалъ сукъ, на коемъ висълъ мой давленникъ, и испощался въ догадкахъ, пзъ копхъ, правду сказапъ, ни одна не была удовлетворительною. Однимъ словомъ, упомянутый разсужденіями, я добрёлъ лѣсомъ до рѣки, искупался въ ней, и попомъ держа плапье надъ головою, по примѣру школьникъ, перешелъ оную въ бродъ у Гайонскихъ каменоломней, желая посѣпипъ вчерашнихъ весельчаковъ, особливо своего спрѣлка-соперника, котораго я надѣялся застапъ за работою. Я тогда еще незналъ правила, котораго крѣпко держусь, сдѣлавшись самъ ремесленникомъ, что за веселыми праздниками всегда слѣдуетъ полосканье ртовъ, или такъ называемое узкое Воскресенье. Я нашелъ въ шпольнахъ однѣ мопыки, напарья, рычаги и фуры, но тамъ не было ни души. Однакожъ я оспался въ каменоломнѣ. Въ молодости моей я занимался горною наукою, и съ тѣхъ поръ особенно привязался къ теоріи постепеннаго возрастанія горъ опъ непрерывнаго приращенія морскихъ пловъ; мнѣ хотѣлось взглянуть на тысячи разноцвѣтныхъ слоевъ, коими рука въковъ вѣнчаепъ чело утесовъ. Я бродилъ въ глубинѣ пещеръ, изстѣченныхъ въ скаль, взявъ лампу, которая изливала яркій свѣпъ у подножія столпа сихъ подземныхъ ходовъ. Читая сіи спроки, не одинъ изъ друзей моихъ улыбнепся, вспомнивъ Университетскіе наши поѣздки въ счастливейшіе времена; наши вольные завпраки близъ гипсового слоя, взорваннаго порохомъ, и предлинныя разсужденія о звучныхъ выраженіяхъ Г. Бюффона. Времена сіи живо представляются моему воображенію, когда я брожу подъ сими неизмѣримыми сводами, поддерживающими равнины, фабрики и поля, покрытыя жапвою. При видѣ сихъ громадъ, образующихъ, на душномъ проспранствѣ нѣсколькихъ миль, ряды неправильныхъ столповъ и лабиринты переходовъ, я мысленно переносусь къ минувшему и годами пипнадапью или двадцапью спановлюсь моложе.

Пріятно окружапъ себя подобными воспомнаніями и съ такимъ малымъ прудомъ; не спорю, что инымъ покажется сіе мечпательностью: никто не въ состояніи лишипъ меня сего очарованія.

Такимъ образомъ, сопутствуемый любимыми мечпами, я смѣло углубляюсь въ нѣдра земли. То удивляюсь хранипъ, посреди коей обвалъ свода образовалъ широкое коническое возвышеніе; по кладбищу, служившему Христіанамъ вмѣсто храмовъ во времена гоненій, и когда еще готическія церкви ихъ не были устроены въ видѣ корабля съ округленными сводами, на подобіе Римскихъ капакомбъ; попомъ взбираюсь на рыхлую и зыбкую землю, желая видѣпъ пещеры, искусствомъ изрытыя и обдѣланныя. Вездѣ встрѣчаются здѣсь предметы для живописца; при свѣпѣ лампы моей, коей слабые лучи не могли освѣпипъ всего проспранства, по рисовались одни очерки угловъ огромныхъ колоннъ, по мелькали спруи соннаго ручья, прокрадывающагося между камнями; иногда яркій лучъ солнца длиною пламенною черпою прорѣзывалъ мракъ сквозь провалы или шахты. Я люблю также пробуждапъ эхо въ сей пустынѣ, которое на каждый звукъ отвѣчаепъ мнѣ подобно неустрашиму пропивнику.

Я спустился на самое дно каменоломни, и согнувшись, сѣлъ подъ одною изъ висящихъ скаль, которыя безчисленными слоями спянулись до самой поверхности земли, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою человека съ блѣднымъ лицомъ и раскаленными какъ уголь глазами. Не знаю, можно ли назвапъ его человекомъ? Онъ завизжалъ, какъ гіена, и бросился на меня. Еслибъ онъ наспигъ меня, я непременно потерялъ бы равновѣсіе, находясь на крупизнѣ, вышиною около 120 футовъ, и низвергся бы въ пропасть, загроможденную въ ужасномъ безпорядкѣ обломками камней, и разбился бы въ дребезги. Я обязанъ своимъ спасеніемъ инспинкпу. Однимъ почпи прыжкомъ я вскочилъ на другой бугоръ, вышиною до 10 футовъ. Онъ пуспился за мной, и казалось, увлекъ меня съ собою въ пропасть: паденіе его было ужасно; онъ измѣрилъ всю глубину пропасти; но не смотря на то, началъ опять взбираться ко мнѣ съ невѣроятнымъ проворспвомъ. Я съ своей стороны карабкался все выше и выше по скапу, поднимаемая облака пыли, и на полудорогѣ свернулъ на другую пропипку. Ослѣпленный близною гипса, я не зналъ куда пду; въ темнотѣ я

ушибался о столбы и камни, заслонявшие мнѣ дорогу, и чувствовалъ за собою дыханіе привидѣнія, меня преслѣдовавшаго. Оно было мнѣ очень знакомо; помня угрозы его, могъ ли я ожидать его безъ оружія? Я считалъ себя погибшимъ въ этомъ пустомъ мѣстѣ, и потому мнѣ оспалось искать спасенія въ одномъ бѣгствѣ. Къ счастью случилось, что на западномъ склонѣ Гайона, широкая просѣка открыла мнѣ его прямую линію. Ужасъ придавъ мнѣ новыя силы, я взбирался между утесистыми виноградниками, проспировавшимися почти опѣсно до самой вершины горы. Здѣсь я остановленъ былъ нѣсколькими камнями; но я не переставалъ бѣжать, и уже сдѣлавъ полмили, я успокоился: ибо за мною не было уже никакой погони.

Размысливъ хладнокровно о своемъ приключеніи, я такъ досадовалъ на свое малодушіе, что стыдился говорить о томъ. Фроменвилскіе крестьяне конечно не изысканы были отъ суевѣрія; но сколько они забавлялись бы надъ философомъ, который упрекая ихъ въ предразсудкахъ, самъ подверженъ былъ не меньшимъ слабостямъ. Я не хотѣлъ потерять ихъ уваженія. Они сказали бы, что Богъ наказалъ меня сямъ привидѣніемъ за то, что я спарался оправдать разныя измѣненія луны, коимъ поселяне приписывали непоходу. Нѣсколько дней я не выходилъ изъ своего сада.

Я хотѣлъ сорвать сердце надъ куропапками, которыя вили гнѣзда въ дятлинѣ на полянѣ, смѣжной съ моимъ садкомъ. На сей конецъ, однажды упрямъ я взялъ свое двуствольное ружье, подарокъ маспера *Лепажя*. Я поправилъ кремни, насыпалъ въ него пороху и приспособилъ къ забору, потомъ хотѣлъ положить дробь, какъ вдругъ между шиповникомъ и бузиною показалось загорѣлое лицо. Это былъ топъ же призракъ! Онъ протянулъ руку, схватилъ мое ружье и прицѣлился по мнѣ. Два выстрѣла вылетѣли прежде, нежели я успѣлъ сойти съ бугорка, къ которому я какъ бы приросъ; когда разсѣлся дымъ, ружье мое лежало на землѣ и привидѣніе исчезло.

Что бы не сдѣлался въ семъ случаѣ суевѣрнымъ? Это преслѣдованіе, частое явленіе, казавшееся сверхъестественнымъ, безпреспанные угрозы, до того вскружили мнѣ голову,

что я почтывалъ себя сумасшедшимъ. Я не могъ болѣе скрыватьсь, но боялся испугать мать мою; поселяне еще болѣе свели бы меня съ ума своими пошлыми догадками; открытъся Наперу еще было опасно, ибо я чуть не попалъ въ просакъ за разсужденіе о мертвацахъ. Онъ принялъ бы это за насмѣшку или вольнодумствіе, клонящееся къ тому, чтобы одурачить другихъ. Нѣсколько дней провелъ я въ сей нерѣшимости, и какъ привидѣніе болѣе не появлялось, то я пересталъ было о немъ думать.

Новое приключеніе перемѣнило мои намѣренія. Однажды въ сумерки я сидѣлъ на концѣ судна, опваливъ оный опъ берега. На мнѣ былъ пиковый камзолъ и панталоны, ибо день былъ жаркой и я собирался ловить рыбу. Мѣсто сіе весьма изобиловало рыбою. Это была бухта, окруженная сваями, къ которымъ привязывались на ночь разныя суда, принадлежащія къ каменоломнямъ и буччльнѣ. Вопреки законамъ о рыбной ловлѣ, я привязалъ къ краямъ бредня свинцовыя гири, чтобы можно закидывать его по произволу и пѣть больше наловить рыбы синца, которая водится въ пинѣ. Въ ту минуту, какъ я слишкомъ смѣло свѣсилъ, чтобы закинуть сѣть, лодка заколыхалась подъ тяжестью снаряда, который съ шумомъ погрузился въ воду. Я не успѣлъ еще оглянуться, какъ получивъ сильный ударъ по спинѣ, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ Сену. Счастіе мое, что я не попалъ въ бредень, а очутился на песчаномъ днѣ, и нырнулъ подъ другую лодку. Сей расчетъ инстинкта спасъ меня. Вынырнувъ изъ воды, я уцѣпился за перемычку свай, и благодаря нѣсколькимъ овчинамъ, сушившимся на веревкахъ, я могъ почувствовать и видѣть все, не бывъ замѣченнымъ. Мнѣ представился опять топъ же преступникъ, жалкой удавленникъ, оспервѣннвшійся, какъ вампиръ, на свою добычу. Но отъ чего происходилъ его бѣшенство? За что онъ мстилъ мнѣ? Признаюсь, я напрасно ломалъ себѣ голову. Что касается до него, то онъ, держа въ рукахъ весло и устремивъ глаза въ рѣку, смотрѣлъ съ невѣроятнымъ зѣвствомъ на круги, произведенныя на водѣ моимъ паденіемъ; онъ безъ сомнѣнія ожидалъ, пока я вынырну,

чтобы раздробить мнѣ голову весломъ. Въ семь положеніи онъ оставался до тѣхъ поръ, пока изгладилась крути и вода получила обыкновенное печеніе. Это продолжалось нѣскольکو минутъ. Мало по малу онъ опускалъ руки, весло упало на край лодки, пальцы его разогнулись; пулъ онъ захохоталъ во все горло, щелкнулъ пальцами, взъерошилъ себѣ волосы, и прыгалъ отъ радости, можетъ быть, считая меня упонувшимъ. Послѣ сего, съ быстротою пущенной изъ лука стрѣлы скрылся въ ближней каштановой рошѣ.

На сей разъ я не уперпѣлъ, и въ томъ же вечерѣ за ужиномъ объявилъ о семъ Меру, священнику, *Переню* и всѣмъ знакомымъ. Приключеніе мое показалось очень забавнымъ; меня при раза заставили повторить сію исторію, и всѣ убѣдились въ томъ, что я, какъ свѣтскій человекъ, при смѣшныхъ разсказахъ, умѣю сохранить большое хладнокровіе. Мать моя хотѣла слышать развязку. Я клялся ей всѣми богами, что болѣе ничего не знаю; всѣ старались убѣдить меня въ томъ, чему сами вѣрили. Я сердился, и кончилось тѣмъ, что всѣ разошлись по домамъ, чтобы на просторѣ посмѣяться надо мною. Такова-то участь философовъ, когда они начинаютъ быть легковѣрными.

Чинопатели ожидаютъ отъ меня объясненія сей загадки. Они правы. Однакожь я долженъ признаться имъ, что цѣлые два года вѣрилъ я существованію злыхъ духовъ.

Два года уже, какъ я оставилъ Фроменвилъ. Однажды находившись при отправленіи галерныхъ невольниковъ, зрѣлище среднихъ вѣковъ, приносящее стыдъ нашей гражданственности, безславной интермедіи между шюрьюю и ссылкой, я посѣтилъ съ главнымъ Директоромъ Бизепрской больницы, обширныя отдѣленія оной. Мы встрѣтили тамъ четырехъ врачей, которые занимались совѣщаніемъ объ одномъ сумасшедшемъ, запертомъ въ одной изъ особыхъ комнатъ. Необыкновенныя явленія болѣзни сего несчастнаго, о которыхъ я слышалъ отъ врачей, возбуждали во мнѣ любопытство видѣть его. Желаніе мое исполнено.

При первомъ взглядѣ я узналъ своего удавленника, преступника, привидѣніе. Я уже на-

дѣлся разрѣшить важную загадку моей жизни. Несчастный походилъ болѣе на остовъ человѣчскій; всѣ члены его были обнажены; онъ былъ обремененъ цѣпями и въ припадкѣ бѣшенства. Когда онъ увидѣлъ меня, съ нимъ сдѣлались ужасныя судороги; онъ потрясалъ цѣпями и силился разорвать ихъ, бился головою объ рѣшетку и изрыгалъ ужасныя проклятія. На вой его отвѣчали другіе ревомъ изъ ближнихъ отдѣловъ. Ужасно было смотрѣть. Первое впечатлѣніе такъ сильно поразило меня, что спрахъ невольно овладѣлъ мною.

Я не могъ долѣе вынести сіе зрѣлище; но выходя отсюда, я попросилъ разсказать мнѣ исторію сего несчастливца. Надзиратель больницы удовлетворилъ моему любопытству, но со всею сухостію и равнодушіемъ, свойственнымъ человеку, привыкшему къ симъ явленіямъ.

Вопъ въ чемъ заключалась повѣсть Надзирателя, исключая прикрасъ его:

Года при тому назадъ, въ селеніи Б. . въ Обскомъ Департаментѣ совершено преступленіе, сопровождаемое ужасными обстоятельствами. Многіе свидѣтели, коихъ показанія были однакожь довольно спранны, обвиняли Юліана *Гашета*, который не могъ ничѣмъ оправдаться, и былъ осужденъ на вѣчную галерную работу. Онъ много пролилъ слезъ; былъ выспавленъ къ позорному столбу, заклеменъ и сосланъ въ Брестъ. Невольникъ сей былъ пихаго и задумчиваго нрава; судя по обхожденію его нельзя, было почестъ его злодѣемъ. Онъ не былъ такъ испорченъ, какъ большая часть разбойниковъ, которые знаютъ, что жизнь ихъ должна кончиться подъ бичемъ и палкою галерной стражи.

Спустя полгода, въ сосѣдственномъ Департаментѣ *Côte-d'Or*, братъ Юліана *Гашета*, по имени *Фрелень*, обвиненный въ заглапельствѣ и уличенный въ воровствѣ, сосланъ былъ туда же.

Тутъ замѣтили удивительное сходство обоихъ братьевъ. *Фрелень* былъ нѣсколько выше ростомъ и гораздо крѣпче *Юліана*. О семъ обстоятельстве много было говорено; Парижскій судъ не могъ не обратитъ на то вниманія, чтобы объяснить недоумѣнія, воз-

никшія въ умахъ. Между тѣмъ, вѣрно наблю-
давъ за обоими преступниками, чптобы най-
ти поводъ къ оправданію *Юліана*.

Фремень по видимому имѣлъ большую власть
надъ братомъ. Послѣдній былъ всегда мраченъ
и молчаливъ. Лазутчики доносили, что млад-
шій братъ тайно упрекалъ старшаго, что
онъ запугалъ его въ свое дѣло. Нерѣдко пред-
метомъ разговоровъ ихъ была крестьянка изъ
окрестностей Троя, что въ Шампаньи, ко-
торую *Юліанъ* оставилъ беременною. Они
оба много о помъ беспокоились, не получая
никакихъ вѣстей. *Юліанъ* хотѣлъ лишиться се-
бя жизни; но *Фремень* нѣсколько разъ его
удерживалъ.

До дальнѣйшаго объясненія дѣла, Парижскій
судъ испросилъ у Короля повелѣніе пере-
менить наказаніе сихъ преступниковъ. Ихъ хо-
тели перевести въ Форсъ; но прежде, чѣмъ
дошли о помъ бумаги до Бреста, оба брата
убѣжали съ галеръ.

За ними послана погоня; но они не вообра-
жая, что ихъ ожидаетъ милость, успѣли
скрыться отъ поисковъ.

Кажется, что уроженка Шампанская, на
которой *Юліанъ* хотѣлъ жениться, успѣла
найти отца для своего ребенка; она остави-
ла селеніе Б... и вышла замужъ за пильщика
въ Андресъ, небольшомъ мѣстечкѣ въ Сенско-
Оазскомъ Департаментѣ.

Отчаянный *Юліанъ* лепилъ къ ней; она
отказалась видѣть его; отвергла всѣ его ис-
канія, и грозила донести о немъ правитель-
ству. Послѣ сего онъ повѣсилъ въ Сень-
Жерменскомъ лѣсу. И такъ, я напикнулъ на
его трупъ во время грозы.

Фремень, сошедшій съ ума, вѣроятно отъ
угрызений совѣсти, уединенія и страха по-
палъ опять на галеры, скипалъ по лѣсамъ
и каменоломнямъ, пинаясь полевыми корнями,
и оппустилъ себѣ бороду и ногти. Нена-
висть его ко мнѣ началась, какъ кажется, съ
первой встрѣчи на Герблейскомъ праздникѣ.
Мое изумленіе при видѣ его, и подозритель-

ныя наблюденія, которыми онъ счелъ за угро-
зы, заставили его принять меня за своего
сыщика. Вопль что было причиною покуше-
ній его на мою жизнь, и для чего онъ ски-
пался въ окрестностяхъ. Когда спража пре-
сѣдовала его въ лѣсу, или прохожіе подавали
ему милостыню, онъ рвалъ на себѣ волосы и
кричалъ, что его не пускаютъ къ бѣдному его
Юліану, который спитъ въ лѣсу на деревѣ.
Онъ помѣшался на этой мысли; и когда Жан-
дармы нашли его въ пещерѣ, онъ объявилъ
имъ, что ждетъ своего брата, чптобы съ
нимъ возвратиться на галеры.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ посѣщенія мо-
его Бисептрской больницы, *Фремень Гашетъ*
разорвалъ свои оковы и повѣсилъ въ своей
комнатѣ.

(Изъ *Révue de Paris*.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.

Обвѣявъ запахомъ Зефира ароматнымъ,
Мечты оправдныя въ свой тѣсный міръ смая,
Какъ я люблю смотрѣть, когда свѣшило дня
Злапннть верхи деревъ лучемъ своимъ закап-
нымъ,
Разливъ дары на всѣхъ прекраснымъ, свѣшлымъ
днемъ:
Не такъ-ли праведникъ, съ сіяющимъ челомъ,
Когда послѣдній огонь въ очахъ его сверкаетъ,
Міръ Божій оставляетъ?...

Карлоффъ.

1829.

CHARADE.

Mon premier, signalé du haut de la vigie,
Vient rendre aux matelots une nouvelle vie;
Par une avare main, placé dans un ragoût,
Mon second sait surtout en relever le goût;
Et mon tout, décoré de belles colonnades,
Des temples, des palais, embellit les façades.

Въ No 44, помѣщеная шарада значить: *Елена*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 46 и 47.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до- ставкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюня 8 дня, 1852 года.

Въ богатствѣ счастье, говорятъ:

Но если это справедливо,

То, отъ чего же, кто богатъ,

Не всякъ въ свой вѣкъ живетъ счастливо?

Всмотрись только въ модный Свѣтъ!

Въ немъ каждый день тому примѣры:

По кошелькамъ — миллионеры,

А на лицѣ — улыбки пьютъ!

Б. Фёдоровъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Издатель Телеграфа сдѣлалъ особое вспомо- жное *отдѣленіе* въ своемъ журналѣ, гдѣ оп- дѣлываетъ и—обзираетъ Русскіе журналы по *своему*, то есть, силясь бранить Издавателей, взводитъ на нихъ всякаго рода нелѣпости. Не увлекаясь симъ похвальнымъ примѣромъ добросовѣстнаго Телеграфиста, мы съ своей стороны намѣрены изрѣдка замѣчать липпе- ратурные его промахи.

На первый случай развертываемъ 3-й № Телеграфа, вышедшій въ концѣ *Апрѣля* за *первую* половину *Февраля*, и оспанавливаемся на спавъ: о романахъ *Виктора Гюго* и во- обще о *новѣйшихъ романахъ*.

Здѣсь *Г. Полевой* выходитъ на сцену въ роль *Адвоката*... и кого же защищаетъ онъ?— *Виктора Гюго!*...—Какъ бы то ни было, хопя это глумленіе и не вызоветъ на бой почтен- наго классика *Шове*; но вопъ вамъ нѣсколь- ко образчиковъ, какъ мыслитъ и пишетъ *Г. Полевой*:

«Мы (то есть *Г. Полевой*) не можемъ ска- зать, чпобы современный нашъ романпизмъ былъ Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Ис- панскій: онъ многообразенъ, всеміренъ, всеобъ- емлющъ; сообразуется *только* съ испиною каждой *формы*; *облекается же въ формы* по времени, духу, мѣспности народа, въ копо- ромъ явился попъ или другой романпикъ: *содержаніе его находится въ организаціи вре- мени общества (!)* и писателя. А попому, (А по чему?).....

«Романпикъ смѣшиваетъ драму съ рома- номъ, трагедію съ комедіею, исторію съ по- ззіею, дѣлитъ творенія, какъ ему угодно...» (справ. 372).

«Всѣ наши (то есть *Г. Полевого*) творенія необходимо должны носить на себѣ отпеча- токъ волненія, неопредѣленности, какого-то разрушительнаго порыва.....» (справ. 375).

Вопъ это хорошо, очень хорошо, чрезвы- чайно хорошо: добровольное признаніе *Г. Поле- ваго*, чпо его творенія необходимо должны носить на себѣ отпечатокъ волненія и како-

то дикаго порыва. . . . О милая опкровенность! . . .

«Викторъ Гюго естъ полное и совершенное изображение современнаго Французскаго романтизма.— Это Курций, погибающій въ пропасти, для спасенія общаго» (!!)

(спран. 376).
 Полно, не въ дикомъ ли порывѣ Г. Полевой писалъ и эпю спапью? На спранцѣ 372 онъ говоритъ, что Французскій романпизмъ не сущеспвуемъ, а на спраницѣ 376 утверждаетъ, что Викторъ Гюго естъ полное и совершенное изображение современнаго Французскаго романтизма! . . . изображение того, что не сущеспвуемъ.

«Скажемъ рьшительно: все, что писалъ Викторъ Гюго до изданія своего послѣдняго романа—*Notre Dame de Paris*— не могло удовлетворить насъ.» (спран. 376).

Опять противорѣчје самому себѣ: на одной и той же спранцѣ Г. Полевой называетъ Виктора Гюго: полнымъ и совершеннымъ (зажѣпье!) изображениемъ Французскаго романтизма и утверждаетъ рьшительно, что Викторъ Гюго всѣмъ, что написалъ, кромѣ *Notre Dame de Paris*, не могъ удовлетворить его (Г. Полеваго).

Въ заключеніе, Г. Полевой говоритъ: «естъ вольныя и невольныя припны; по которымъ статья наша не могла явиться (!) въ видѣ (!) болге удовлетворительнымъ.»

Да проспипъ васъ Аполлонъ, Г. крипикъ! и оппустипъ вольные и невольные грѣхи ваши, являющіеся въ видѣ ошибокъ пропивъ логики, рипорики и грамматикки, но да уличипъ васъ всякой благонамѣреннй липерапоръ за ваши вольно-умышленныя припирки, явное приспраспие и несправедливые опзывы о писапеляхъ и книгахъ: вопъ, что въ эпюй же спатпѣ Г. Полевой говоритъ о безспертномъ прудѣ вѣчно-незабвеннаго для Россіянъ исторіографа Н. М. Карамзина:

«Почему не бояться за сердце и голову, видя сына или дочь, читающихъ *IX томъ Исторіи Государства Россійскаго?* . . .» —

Не дикой ли эпю порывѣ? . . . Мы просимъ сердобольнаго крипика, оставипъ свою пуспую боязнъ и смѣло дапъ и сыну и дочери читатъ любой томъ *Исторіи Государства Россійскаго*: онъ обогатипъ ихъ умъ новыми

познаніями и разогрѣетъ юные сердца чпспю, прекрасною любовію къ Опечествуву. Не совѣпумъ полько, ни дѣпямъ, ни взрослымъ, ни спарымъ, ни малымъ, читатъ такъ называющуюся *Исторію Русскаго Народа*: ибо первые не поймутъ еѣ, а другіе напрасно поперляютъ время, читая эпю сугубую галлматпю, не опасную для сердца и ничтожную для разума.

Въ эпюмъ же 3-мъ номерѣ Телеграфа естъ чудная спатпья (спран. 434), подѣ заглавиемъ: *Смерть Гѣте*. Выписываемъ для любителей курѣзнаго ея начало:

«Человѣкъ великій, мудрецъ созерцапель Природы, Поэтъ возвышенный, глубокий, страшный (!!), очарователный, всеобъемлющій, оригинальный, пламенный, покойный, какъ время; представитель Генія всѣхъ Германскихъ Поэтовъ, Гѣте, великій Гѣте умеръ! . . .»

На концѣ, Г. Полевой присовокупляетъ, что смерть сего страшнаго Гѣте заставлетъ его, Г. Полеваго, погрузатъся (яко-бы) въ «мудрую думу! . . .»

Спатпья сія, о смерти Гѣте, написанная Издапелемъ Московскаго Телеграфа, напомнила мнѣ анекдотъ о томъ рыцарѣ, который дрался на поединкѣ съ поварипцемъ за одно слово, пропнесенное симъ послѣднимъ пропивъ Гомеровоу *Илліады*, и копорый, бывъ смертельно раненъ и умирая за честь *Илліады*, припался, что—не читалъ *Илліады*.

Терентій Исавъ.
 Москвитчъ.

Б Е З Д Ъ Л К И.

(Изъ Штейгенпеша.)

«Что тамъ такое?» вскричалъ Баронъ Глоссенъ въ испугѣ, и поропливо отворилъ дверь: ибо на лѣспницѣ послышался глухой грохотъ, какъ опъ падающей съ горъ лавины.
 — Ничего! бездѣлица! — простоналъ внизу пискливый голосъ.

«Опять бездѣлица!» воскликнулъ Баронъ, и сердито захлопнулъ дверь.

— Не прогнѣвайтесъ, господинъ Баронъ, я упалъ съ лѣспницы; — вздыхалъ управипель, робко отворяя дверь.

«Да скажите мнѣ» — спросилъ Баронъ съ сердцемъ — «что васъ понесло опять на лѣспницу?»

— Бездѣлица, господинъ Баронъ. Мѣсяцъ кончился, и я честь имѣю вамъ представить мои счѣты. —

Баронъ подошелъ къ нему утрюмо.

— Вотъ во первыхъ счѣтецъ бездѣлкамъ, присланнымъ изъ столицы для Высокоблагородной Баронессы, вашей супруги; — сказалъ управитель, — за нихъ слѣдуетъ 300 палеровъ. —

«Какъ?—300 палеровъ за бездѣлки?»—вскричалъ Баронъ, и вырвалъ изъ его рукъ бумагу.

— Господинъ Баронъ! это была крошечная коробочка; весь грузъ ея можно было вложить въ грецкій орѣхъ. —

— Ты одинъ?—спросила Баронесса, заглядывая въ кабинетъ.—Управитель почтительно опошелъ, и глаза его лукаво остановились на Баронессинной головѣ, на которой 300 палеровъ развѣвались въ образѣ кружевнаго покрывала. Глаза Барона послѣдовали направлению глазъ управителейъ, и онъ, ворча сквозь зубы, кругомъ обошелъ свою прелестную супругу.

— Я пришла попросить тебя, — сказала она: чтобы ты поѣхалъ со мною къ спарому Графу; изъ столицы получила я бездѣлку, которая изумитъ молодыхъ Графинь. —

Она показала ему покрывало, сквозь которое, сверкая, пробилась взоры Барона, какъ солнце сквозь облако.

«До завтра, Эбергартъ!» сказалъ Баронъ управителю, который, пожавъ плечами, удалился почтительно. «Послушай, душа моя!» — продолжалъ онъ: «мы теперь одни; знаешь ли, что стоить бездѣлка, которую хочешь ты выставить сегодня на показъ сосѣдкамъ?»

— Я это узнаю, милый другъ мой! —

«А я, къ сожалѣнію, уже знаю;» воскликнулъ Баронъ, и показалъ ей счѣты. — «Читай, душа моя! и сквозь покрывало можешь явственно прочитать 300 палеровъ.» —

— Что жъ дѣлать? — вздохнувъ, смиренно отвѣчала Баронесса: обвиняй въ этомъ нравы нашего вѣка, а не меня; модныя бездѣлки ужасно милы и ужасно дороги. —

«Душа моя!» вскричалъ Баронъ внѣ себя: «пусть языкъ будетъ бѣднѣ однимъ словомъ, которое насъ непременно сдѣлаетъ бѣдными! Эти проклятыя *бездѣлки* насъ въ конецъ разоряютъ! Вотъ!» продолжалъ онъ и раскрылъ свое бюро: «вотъ тутъ лежатъ двадцать уплаченныхъ счѣтовъ, а всё за *бездѣлки*. Вечера, четыре крестьянина, задыхаясь, впаскивали на лѣспницу два огромныхъ ящика; за ними тащилась пшоя горничная, навьюченная премо длинными карпонами. Она говорила, что это *бездѣлки*, которые для тебя выписаны изъ столицы! И даже въ счѣты управителя вкралось это роковое слово *бездѣлки!*» — —

— Баронъ! — отвѣчала супруга: я слушала васъ переплыво, будучи увѣрена, что вы надорвете грудь. Эта счастливая минута наступила, позвольте ея воспользоваться, и спросить у васъ: не ужели вы пріѣхали въ сей горный, скучный замокъ единственно за тѣмъ, чтобы править волковъ и медвѣдей, или хотите сохранить нѣкоторыя связи съ родомъ человеческимъ? —

«Не о томъ рѣчь, душа моя!»

— Нѣтъ, о томъ, Баронъ! Мнѣ очень бы хотѣлось знать вашу волю; потому что ваше своеволие, ваши причуды несносны. —

Баронъ вздохнулъ и безмолвно опушилъ глаза.

— И такъ, если вамъ угодно быть Нимвродомъ здѣшнихъ лѣсовъ, продолжала Баронесса: то вамъ не нужны *бездѣлки*, изображаемыя прихотью и модою; если же хотите иногда видѣть вашихъ сосѣдей въ человеческомъ образѣ, иногда бѣднѣ въ городъ; если не хотите отспать опять въка, то я вамъ совѣтую, не пренебрегать этими *бездѣлками*, онѣ сдѣлались закономъ, которому покоряются всѣ порядочные люди отъ береговъ Невы до береговъ Темзы. —

«Душа моя» — возразилъ Баронъ робко: «я намѣкнулъ только о томъ, что иногда подъ какимъ нибудь словомъ заключается идея, которая можетъ сдѣлаться пагубною, если робко примемъ сію идею такъ, какъ намъ ея на шею навязываютъ. Мы непримѣнно приучаемся говорить о *бездѣлкахъ*, покупать *бездѣлки*, заказывать *бездѣлки*; отъ этихъ без-

дьялокъ въ два года нашего счастливаго супружества мы исправили 10,000 палеровъ на *бездьялки*; богатое состояніе понѣсть, и когда нибудь сдѣлается *бездьялкою*. Признайся, что этой *бездьялки* нельзя оставить безъ вниманія.»

— Милый другъ мой!—сказала Баронесса, и нѣжно погладила его по щекѣ: у насъ два пропивуположные порока: вы поступаете съ жизнью, какъ черепаха съ своимъ черепомъ, къ которому она приросла и который съ усиліемъ на себѣ таскаетъ за собою; я какъ съ куклою, которую по прихоти одѣваю и раздѣваю. Кто изъ насъ счастливѣе? Наше внутреннее расположеніе придаетъ жизни цвѣтъ и цѣну.—

Баронъ пожалъ плечами и замолчалъ.

— Поѣдемъ-же, продолжала Баронесса—надобно навѣстить нашихъ сосѣдей; за это я общаюсь, вмѣстѣ съ вами, осмотрѣть ваши жилищныя и присутствовать, когда будете спречь вашихъ ненаглядныхъ мериносовъ.—

Баронъ приказалъ запрячь раскидную карешу, и бросилъ еще унылый взглядъ на покрывало, которое, какъ саванъ, облекло доходя съ пятидесяти Испанскихъ овецъ.—Карешу подвезли; Баронесса весело подала мужу руку, и они поскакали къ преспарфолу Графу Гаузену, который съ дочерью и внуками удалился отъ превогъ мірскихъ въ сіе тихое убѣжище. Веселый кругъ дѣтей разнаго возраста обступилъ Баронессу; молодыя дамы и дѣвочки привѣтствовали еѣ радушно и увели въ садъ, желая поскорѣе избавить отъ важнаго спарца, который, подобно древнему его замку, угрюмо сидѣлъ надъ розами юношества. Баронъ оспался съ нимъ.

— Почтеннѣйшій сосѣдъ! сказалъ Графъ, поднимая торжественно вверхъ покаялъ съ Токэйскимъ: «памяти нашихъ предковъ!»—

Баронъ осушилъ покаялъ, и вино мало по малу сперло съ спарческаго лица Графа угрюмая морщина. «Да, да, сказалъ Баронъ: въ спарину наши замки еще были приютомъ храбрости и семейнаго счастья.»

— Право?—сказалъ Графъ, и посмотрѣлъ на него съ коварною улыбкою: конечно, наши прадеды были славные люди; но они хорошо сдѣлали, что жили и умерли въ чепырнада-

помъ спольтін: дай Богъ имъ царство небесное! А то ихъ бы колесовали, еслибъ они дожили до осьмнадцатаго. Но жизнь, разумѣется, должна была казаться имъ возвышеннѣе и важнѣе. Назначеніе ихъ—быть Ангелами-испребителами той снраны, надъ коею они грозно парили, возвышало и расширяло ихъ понятія о *бездьялкахъ*, которую называемъ мы жизнью.—

«Бѣда, и вы спрашиваете къ *бездьялкамъ*?» воскликнулъ Баронъ: «какъ жаль, что и вы сдѣдуете системою жены моей!»—

— Скажу вамъ откровенно, любезнѣйшій Баронъ, ваша супруга слишкомъ молода, чтобы придерживаться какой нибудь системы.—

«Знаю!» возразилъ Баронъ: «это для нея слишкомъ важно. Соображать, обдумывать и доставать деньги она предоставляетъ мнѣ. Въ ея глазахъ всё *бездьялка*.»

— Да развѣ жизнь не игрушка, не *бездьялка*?—спросилъ Графъ: могу васъ уверить, что я знаю Свѣтъ вдоль и поперѣгъ: пресмыкающійся червь по зелени весенней, паденіе его со стебелька есть изображеніе нашей жизни. Повѣрите мнѣ, Баронъ: гусеница обязана я женою, кашлю полкомъ, спазмамъ орденомъ, мозоли удаленіемъ отъ Двора. Вы видите, что судьба постепенно довела меня до вѣры въ систему *бездьялокъ*.—

«Помилуйте, Графъ! сказалъ Баронъ: вы говорили теперь объ обстоятельстве, въ которыхъ и мнѣ не разъ бывало случалось, а у меня по сію пору нѣтъ ни полка, ни ордена. Познакомьте меня со способами, какъ посредствомъ сихъ вещей составить свое счастье?»

— Съ большимъ удовольствіемъ, возразилъ Графъ: имѣйте только терпѣніе выслушать часть исторіи моей жизни.—

«Вы найдете во мнѣ самага внимательнаго слушателя;» отвѣчалъ Баронъ, и сѣлъ на супротивъ Графа, который, улыбаясь, началъ рассказывать:—я былъ молодъ, Баронъ; имѣлъ высокія понятія о Свѣтѣ и людяхъ. По своему сердцу судилъ я о ихъ чувствахъ; по своимъ книгамъ о ихъ поступкахъ. Съ такимъ запасомъ вспушилъ я въ Свѣтъ. Я былъ богатъ; всѣ дома мнѣ были открыты; черные и голубые глаза меня слѣдили; вездѣ принима-

ли меня привѣтливо и ласково. Я усоялъ пропивъ всѣхъ очарованій красоты, пропивъ всѣхъ обольщеній чувствственности; но — пропивъ гусеницы не могъ усоять. —

«Эпо удивительно; — замѣтилъ Баронъ: я бы усоялъ.»

— Позвольте. Однажды въ полуденное время небольшое общество собралось въ саду. Госпи разбрелсь по кустарнику и рощамъ. Вино и солнце меня разгорячили; я опыскалъ самыя пѣнистыя ален и предавался шамъ сладостнымъ мечтаніямъ. Помогите, помогите! внезапно раздался голосъ опчаянія, и блѣдное личико прижалось къ моей груди. — Графиня! сказалъ я, заикаясь; — испугъ ея испугалъ и меня: я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ блѣднымъ личикомъ на моей груди, а ея нѣжныя формы еще сильнѣе дрожали въ моихъ объятіяхъ. — Помогите! возопила она еще пронзительнѣе, и дрожашею рукою указала на свою грудь. Глаза мои послѣдовали направленію ея указательнаго пальчика, и я увидѣлъ гнусную гусеницу, которая пряталась въ складкахъ косынки. Пальцы мои оспорожно крались вслѣдъ за чудовищемъ; но Провидѣніе бросило на Графинину косынку самую проворную изъ Германскихъ гусеницъ: такъ что пальцы мои наспигли её не прежде, какъ на прелестной округлости, съ которой я её съ трепетомъ отдернулъ. Щекотаніе пресмыкающейся гусеницы и преслѣдованія мои попушили въ красавицѣ послѣднюю искру жизни: она лежала безъ чувствъ въ моихъ объятіяхъ. Я положилъ её оспорожно на дерновую скамью, принесъ воды изъ ближняго источника, прыснулъ ей въ лице, покрытое смертною блѣдностію. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя, и ужаснулась безпорядка своей одежды; розы замѣшательства придавали ея лицу невыразимую прелесть. Я повелъ её назадъ къ обществу; она благодарила меня за оказанную ей услугу, благодарила такъ искренно, посмопрѣла на меня такъ выразительно голубыми глазами, ахъ! и — мѣсто, которое освободилъ я отъ гусеницы, было такъ прелестно! Баронъ! вы молоды, вы угадаете оспальное. Я получилъ позволеніе навѣщать её, и каждый день пользовался симъ позволеніемъ. Она пѣла; она играла на арфѣ; она говорила съ чувствомъ, и слезы блиста-

ли на глазахъ ея, когда случалось ей видѣть мѣрливую бабочку. Мы познакомились, познакомились коропко, мы влюбились; я былъ богатъ, она была бѣдна, и чрезъ при мѣсяца она сдѣлалась моею женою. Вотъ вамъ испорія моей гусеницы. —

«Да въдъ эпо, Графъ, по насоящему, испорія вашего сердца.»

— Въдъ я вамъ говорилъ, Баронъ, что оно усояло пропивъ всѣхъ прелестей, доколь эпо мерзкое живописное не возбуждало во мнѣ жалости и чувственности! Ахъ, какъ часто вспоминалъ я эту минуточку! Шестъ лѣтъ продолжалось наше супружество, и всякій разъ, когда я, въ послѣднее время, навѣщалъ жену, она дѣлала такое точно лице, какъ будто бы гусеница еще ползала подъ ея косынкою.

— Теперь, Баронъ, перейдемъ къ кашлю. —

«Я очень любопытенъ узнать, что-то онъ скажетъ, — замѣтилъ Баронъ: эпимъ недугомъ и я часто спрадаю.» — Графъ продолжалъ:

— Герцогъ, при самомъ рожденіи моемъ, пожаловалъ мнѣ чинъ гвардіи Прапорщика, и я уже былъ Капитаномъ, когда въ первый разъ надѣлъ мундиръ. Служба приковывала меня къ столицѣ. Въ послѣдніе годы моего семейнаго счастья, бродилъ я каждый вечеръ по темнымъ улицамъ, и картина угасающихъ свѣчъ и фонарей имѣла для меня меланхолическую прелесть, которой послѣ нѣсколькихъ вечернихъ прогулокъ обязанъ я былъ спялымъ кашлемъ. Я засѣлъ дома; однако кашель не проходилъ отъ комнатнаго воздуха, и я опять принялся за любимыя свои прогулки. Въ одинъ темный вечеръ бреду я по опдаленной улицѣ; кашель принуждаетъ меня оспановиться, и въ концѣ улицы поже кашляюшъ. Я впорочно вызываю эхо, и оно опять мнѣ отвѣчаетъ. Я иду по направленію звука; кашель въ третій разъ меня одолеваетъ, и внезапно нѣжная, поленькая ручка меня хватаетъ, тащитъ за собою въ маленькую попенную дверь. Въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ мы охотно позволяемъ маленькой, поленькой женской ручкѣ вести себя, куда она хочетъ, и я послѣдовалъ безъ сопротивленія. Выходимъ на лѣспницу, проходимъ слабо-освѣщенный коридоръ, отворяется тускло-освѣщенная комната; другія двѣ бѣлыя ручки, про-

спираюся ко мнѣ съ дивана; я сбрасываю съ себя плащъ; прелесныя ручки меня обнимаютъ и въ топъ же самый мигъ опять оппалкиваютъ съ ужасомъ. Какъ оглушенный громомъ споялъ я предъ полуобнаженными прелесными, предъ лицомъ, которое, вздыхая, скрывалось за двумя руками. Пальцы мои спарались и нѣжно и насильно опкрытъ глазамъ моимъ дорогу между ея пальцами. —

«Графъ!» прошепталъ дрожащій голосъ, и пылающее лице, на которомъ изображался стыдъ и замѣшательство: «не употребляйте во зло моей ошибки!»—Я бросился къ ея ногамъ: это была любовница Герцога; въ прекрасныхъ рукахъ ея находились бразды правленія. Вы повѣрите, любезнѣйшій Баронъ, что я въ ту пору былъ попригожѣ собою, чѣмъ теперь. Мои глаза умоляли о прощеніи, уста покланялись въ молчаливости и вѣрности. Тайна ея была открыта; она ласково на меня посмопрѣла, она ласково приподняла меня; мои глаза смопрѣли ей въ глаза, мои уста прилипли къ ея устамъ, и счастье мое уже совершилось, когда дѣвушка, меня введшая, постучалась въ дверь. Подъ окномъ, дрожа отъ холода, бродилъ взадъ и впередъ человекъ, который кашлялъ уже разъ двадцать. —

«Не отвѣчайте!» — сказала она шепотомъ; дѣвушка удалилась, и не прежде, какъ на зарѣ распался я съ красавицею. Счастье мое было сдѣлано. Моимъ заслугамъ, казалось, дополъ не знали цѣны, и судьба щедро спѣшила исправить свою прежнюю ко мнѣ несправедливость. Во всемъ, что я ни дѣлалъ, начали находить умъ, усердіе, способности. Я мастерски вѣдилъ верхомъ, танцевалъ легко, говорилъ умно, и Герцогъ находилъ по эспанцу; висѣвшему въ его кабинетѣ, что я имѣю большое сходство съ великимъ *Кондѣ*. Гусеница, закрававшаяся подъ косынку моей жены была на меня сполько же похожа, какъ я на великаго *Кондѣ*; но Герцогъ смопрѣлъ глазами любви, и рука любви сдѣлала меня полковымъ Командиромъ. —

«И это вы опять называете исторіею вашего кашля?» воскликнулъ Баронъ.

— Какъ же прикажете назвать это, Баронъ? Что опворило мнѣ дверь въ будуаръ

Герцоговой фаворитки? Безъ кашля мои заслуги по сю пору оспавались бы неизвѣстными, ненагражденными. Да здравствуетъ кашель! Извольте слушать далѣе. Жена моя скончалась, и съ тѣхъ поръ я посвящалъ все время свое Двору, по естѣ, особѣ Герцога и его любовницѣ. Веселости, праздники нерѣдко прерывались спазмами, которые напомнили ему о его смертности. Однажды, когда я вошелъ въ его кабинетъ, съ нимъ сдѣлался такой сильный припадокъ, что онъ, спеная, припалъ къ груди моей. Я поддержалъ его, уложивъ въ постелю, и теплыми руками распиралъ больной бокъ Его Свѣплости. Мои попеченія облегчили муки. Я оспался возлѣ него; моя веселость развеселила его, и онъ ласково пожалъ мнѣ руку, когда я опкланивался.—На другой день я получилъ отъ Его Свѣплости милосливый рескриптъ со вложеніемъ *ордена за заслуги* первой степени. На немъ небыло *honny soit, qui mal y pense*, но я съ этими словами надѣлъ алую ленту, и поѣхалъ благодарить Его Свѣплость. Извольте же послѣ этого доказывать, что *бездѣлки* ничего не значатъ въ жизни! Однако мнѣ пора кончить свою исторію. Желанія моего честолюбія исполнились.—Я приобрѣлъ дружбу моего повелителя, любовь его повелительницы; всѣ козни моихъ враговъ рушились, но что не удавалось ни зависли, ни злобѣ, то, наконецъ удалось *бездѣлать*—мозолы!!!—Гдѣ найсти человека, который не имѣлъ бы ни одного порока? А я имѣлъ непростибельный. Во весь періодъ моего счастья, восемь лѣтъ продолжавшійся, я не сдѣлался ни моложе, ни привлекательнѣе, а вокругъ меня и подлѣ меня находились люди, которые по справедливости слыли красавцами и любезными.—Отъ любви, воспламенной кашлемъ, до равнодушія одинъ шагъ. Мы, по естѣ, покровишельница кашля и я, непримѣтно сдѣлали этотъ шагъ, но формы приличія еще не были нарушены, по естѣ, мы безмолвно ненавидѣли другъ друга. Герцогъ вразумительнѣе обнаруживалъ свое нерасположеніе. Съ нимъ нерѣдко дѣлались спазмы, но они безъ меня проходили, и сходство мое съ великимъ *Кондѣ* со дня на день исчезало. Минута моего паденія приближалась; мозоль ускорила ея,

Дама, о которой я вамъ говорилъ, была единственная своего пола, то есть, она была причудлива, чего за другими, какъ известно, никогда не бываетъ. Одна изъ ея причудъ заключалась въ слѣпой любви къ природѣ и ея чадамъ: она распочала матернія ласки широкоплечему, дюжему дѣшнѣ лѣтъ семнадцати, котораго называла она дѣшпей, и котораго недѣль за шесть передъ тѣмъ, вырвали изъ рукъ деревенской природы и привезли въ Пажескій Корпусъ. Господь вѣдаетъ, какъ сей питомецъ природы, которой чужды и оковы и узкіе башмаки, напѣръ себѣ мозоль.... Я увѣренъ, что у деревенскаго олуха-Пажа это было единственное мѣсто, гдѣ онъ, какъ Ахиллесъ, могъ бытъ задѣтъ за живое.

Въ одно утро учтивость привела меня къ моей покровительницѣ. Тяжелые ботфорты военного человѣка издали возвѣстили о моемъ приходѣ. Уже въ передней, гдѣ не застаю ни одной души, я слышу шорохъ, и въ ту же минуту хозяйка въ испугъ выбѣгаетъ ко мнѣ на встрѣчу, и спрашиваетъ меня повелительнымъ голосомъ, чего я хочу. Въ послѣдніе годы моего семейнаго счастья я привыкъ къ выраженію испуга отъ моего появленія: наши отношенія были почти тѣ же самыя; и такъ, не смущаясь отъ сего холоднаго вопроса, я стараюсь силою проложитъ себѣ дорогу въ будуаръ. Она не пускаетъ меня; она хочетъ бытъ одна, она не въ духѣ, она никого не принимаетъ. Я говорю о дняхъ нашего прежняго счастья; она закрываетъ мнѣ ротъ рукою и указываетъ на дверь; я, напрошивъ, подаюсь впередъ; она пыща отъ гнѣва, загородила мнѣ дорогу; я увертываюсь, отскакиваю въ сторону..... жесткій каблукъ мой наступаетъ на что-то.... и въ то же мгнѣніе что-то сильно рванулось изъ подъ моего сапога—и изъ складокъ широкаго сапога, позади меня висѣвшаго, раздался ревъ такой спрашнѣй, что я въ первую минуту почелъ его за бычачій.—Оглядываюсь, и—дѣшя природы, жалостно споная, выступая изъ за роковаго занавѣса. Я хочу извиниться передъ моею дамою: она зашмыкаетъ уши и скрывается въ боковую комнату; я пихонько убираюсь вонъ.—Въ этотъ же самый день получилъ я повелѣніе: удалитъ-

ся въ свои деревни, потому, что Государству, какъ мнѣ объявлено, не нужна болѣе моя служба, въ слѣдствіе чего я прѣхалъ сюда съ дочерьми. Спукнемся, Баронъ, полными поклами; да здравствуютъ *бездѣлки!* Гусенща возвратила меня дочерямъ, мозоли обязанъ я свободою.—

«Всѣ такъ;» замѣнилъ Баронъ: «но я могу представить вамъ доказательства, звонкія доказательства въ пользу моей системы! Напримѣръ, покровительница *бездѣлокъ*, мода, спонитъ мнѣ большихъ денегъ.»

—Ваша супруга молода;—возразилъ Графъ: она любитъ наряды; кто въ правѣ осуждать её за то? Жена должна имѣть куклу, которою она играетъ; горе вамъ, если она броситъ эту куклу, и вздумаетъ забавляться другими куклами.—

«О, конечно!» воскликнулъ Баронъ: «въ вашей системѣ есть много справедливаго, надобно только соединитъ её съ моею. Я раздѣлю свой дневникъ на двѣ половины: въ одной спану записывать всѣ важные предметы жизни, въ другой бездѣлки. Но, Графъ;» продолжалъ онъ печально: «жена моя молода, богата, хороша собою; я каждую зиму ѣзжу въ столицу и ко Двору; скажите, если изъ отдѣленія важныхъ предметовъ вздумается ей перенести любовь, вѣрность, семейное счастье въ отдѣленіе *бездѣлокъ*, легкихъ произведеній моды? Графъ, вы долѣе меня жили на свѣтѣ, что мнѣ надобно будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ?»

—Опгадай, кто?—вскричала притворнымъ голосомъ рѣзвая Баронесса, которая, подкравшись въ комнату, закрыла ему сзади глаза руками.

—Тогда оставайтесь слѣпымъ, какъ теперь;—шепнулъ умный спарикъ Барону на ухо, который вывертывался изъ-подъ бѣлоснѣжныхъ ручекъ своей прелестной жены.

—Любезнѣйшій Баронъ;—прибавилъ Графъ, улыбаясь: вы съ успіемъ вырываетесь изъ счастливейшаго состоянія человѣка, которое заключаетъ въ себѣ истинную мудрость, истинное счастье; придетъ пора—и вы спанете раскаяваться, что ясно видите. Послушайте меня, продолжалъ онъ, заспавивъ супруговъ обнявшись: это сердце, безмятеж-

ная дружба, душевное спокойствіе и независимость, вотъ самые важные предметы вашей жизни. Храните ихъ свято, и длинная цѣпь бездѣлокъ, подобно вѣнку изъ цѣпковъ, обовѣетъ вашу жизнь.—Баронесса крѣпко прижала его съ сердцу; онъ забылъ одну половину своего дневника, и бездѣлка—поцѣлуй, сдѣлала его счастливымъ.

Съ Нѣм. В. Тило.

СЛОВЕСНОСТЬ. О БЕНГАЛЬСКОЙ ЛОКСИИ.

Исторія сей птицы показалась бы баснею, изобрѣтенною цвѣтущимъ воображеніемъ восточныхъ писателей, коимъ обiazаны мы повѣстью о любви соловья къ розѣ, если бы мы не были въ помъ удостовѣрены постоянными наблюденіями южныхъ естественныхъ писателей. Порода сія въ Индіи весьма многочисленна. Локсія, подобно вѣрной собакѣ, носитъ поноску, садится на палецъ къ хозяину и, по данному знаку, подхватываетъ брошенное въ колодезь кольцо, прежде, нежели оно долепшитъ до поверхности воды; она переноситъ любовные письма изъ одного дома въ другой, срываетъ съ головы молодыхъ Индіанокъ тонкую золотую бляшку (*tica, féronnière*), которую они употребляютъ для красоты между бровями, и приносятъ её любовникамъ, по ихъ желанію. Ко всему этому причаеяса она людьми; но природный инстинктъ ея еще удивительнѣе: она слѣпаетъ изъ правяныхъ стеблей гнѣздо на подобіе пкани, въ видѣ бупылки, прикрѣпляетъ его къ самымъ высокимъ вѣтвямъ фигового дерева или пальмы, надъ колодцемъ или журчащимъ ручьемъ; гнѣздо сіе прикрѣплено такъ, что при дуновеніи вѣтра качаеяса; а чтобы защититъ ппенцовъ своихъ отъ хищныхъ птицъ, Локсія дѣлаетъ входъ въ гнѣздо снизу.

Гнѣздо сіе, имѣющее два или три отдѣла, освѣщаеяса ночью свѣтлякомъ; Локсія хватаетъ живемъ сіе насѣкомое и прикрѣпляетъ его къ стѣнамъ маленькаго жилища своего жирною глиною. Для большаго удостовѣренія въ семь рассказъ, предлагаю подлинное описаніе опытовъ, сдѣланныхъ однимъ Англичаниномъ, живущимъ въ Индіи:

«Желая удостовѣриться въ истинѣ, во время оплета сей птицы, въ 4 часа по полудни, послалъ я слугу подсматривать за нею и не допуская её, пока я не осмотрю ея гнѣзда. Я открылъ оное и увидѣлъ свѣтляка, приклееннаго къ внутреннимъ стѣнамъ глиною, называемою Индійцами *тотит*. Зашивъ и поставивъ по прежнему гнѣздо, въ слѣдующій вечеръ я снова изслѣдывалъ его: я нашелъ другаго свѣтляка, менѣе прежняго, приклееннаго свѣжею глиною, близь того мѣста, гдѣ находился первый. Я повспорилъ изысканія свои надъ премою другими гнѣздами: въ двухъ изъ нихъ нашелъ я маленькихъ свѣтляковъ, а въ третьемъ только что приготовленную глину, а насѣкомое еще не было приклеено, и пр.»

Наблюдатель Локсіи сомнѣвается въ помъ, чтобы свѣтлякъ служилъ запасомъ для корма, ибо птица сія не питаетъ ночью, а только днемъ. Существованіе отдѣловъ въ гнѣздѣ, по мнѣнію его, не подлежаще сомнѣнію, и они служатъ не для вывода ппенцовъ, однихъ послѣ другихъ: ибо пкань гнѣзда одинаковаго цвѣта и дѣлаеяса за одну разъ, а не въ нѣсколько пріемовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕ ПОДХОДИ!

Не подходи и не ласкай
Меня апласною рукою,
Мой другъ, меня оставь! пускай
Всѣ буду болѣнъ я поскою,
Не за себя такъ грустенъ я!
Смотри! что сдѣлалось съ вѣкомъ?
Людей разразилась семья
И пересталъ быть человекомъ
Какимъ былъ прежде челоуѣкъ!
За то, вездѣ судьбы удары!....
Въ сей изможденный, дряхлый вѣкъ,
Вездѣ мятежъ или пожары,
Иль зной, иль бурные дожди,
Иль меткія недуговъ спрылы.
Крѣпись — пока еще мы цѣлы —
И, молча, на небо гляди!

Ө. Глигга.

ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ (*).

(Отрывокъ изъ неоконченной поэмы.)

- Слушайше; я расскажу вамъ, друзья, про
мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а истина была, говорятъ намъ;
но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милосердїю
просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужной часъ попу-
шится, посмѣляясь,
— Сказки послушай; а тѣхъ, кто любитъ
смотреть изъ подлобья,
Всюкую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ
покорно
Къ намъ не ходишь, и дома сидишь, да вы-
скаживаешь скуку.
Было прекрасное Майское утро. Квакутъ два-
десятью,
Царь знаменитой породы, власшитель ближ-
ней прясны,
10. Вышелъ изъ мокрой спаницы своей, окружен-
ный блестящей
Свишюй придворныхъ. Въ прыжку они
взобрались на пригорокъ,
Сочной правую покрывши, и шамъ, на цокѣхъ
усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружаю-
щихъ ночешныхъ
Спражей, вызвавъ бойцевъ, чшобъ его, Царя,
забавляли
— Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы; началось;
ужь много
Было лягушачьихъ мордъ Царю въ угожденье
разбито;
Царь хохоталъ; онъ смѣхъ придворная ква-
кала свина
Въ слѣдъ за Его Величествомъ; солнце воз-
шло ужь на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной
бѣленькой шубкѣ,
20. Съ тоненькимъ хвостикомъ, оспрымъ какъ спрѣл-
ка, на поненкихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ чепыре шакихъ
же, но въ шубкахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ бо-
лошу.
Бѣлая шубка, носикъ въ болошо ушкнувъ,
и поднявши
Правую ножку, началъ воду пшанушь, и каза-
лось,

- Былъ для него потъ напитокъ прїятнѣ
меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ уса-
спаго рыльца
Мѣлкимъ бисеромъ падала; вдоволь напив-
шись и лапкой
Рыльце обшерши, сказалъ онъ: какое раздолье
спуденой
Выпши воды, упомившись отъ зноя! Те-
перь понимаю
30. То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгъ
спѣвъ изъ мушиной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вку-
ше напитка!
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; пош-
часъ
Скачетъ она съ донесеніемъ къ Царю: изъ
лѣса де вышли
Пяшь какихъ-то звѣрковъ, съ усами Турецки-
ми, уши
— Длинныя, хвостики оспрые, лапки какъ
руки; въ осоку
Всѣ онъ побѣжали и царскую воду въ болошъ
Пьютъ. А кто и откуда они, не извѣстно.
Съ десяткомъ
Спражей Квакутъ посылаетъ хорунжаго Пыш-
ку, провѣдашь,
Кто незваные гости; когда непрїатели,
взявъ ихъ
40. Если дадутся, когда же сосѣди, прїшедшіе съ
миромъ,
Дружески ихъ пригласишь къ Царю на бе-
сѣду. Сосѣди
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минушу
узналъ ихъ:
Это мыши! невинное дѣло! Но мнѣ не слу-
чалось
Бѣлыхъ межъ ними выдашь, и это мнѣ чудно.
Смошрипешъ,
Слупникамъ шущъ онъ сказалъ, шкого не
обидѣшь. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что ска-
жетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый межъ шѣмъ, съ удивленьемъ великимъ
сморпѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригор-
ка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ
ихъ;
50. Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ,
и какъ скоро

(*) Изъ No 2-го журнала: *Европеецъ*.

Пышка съ своими къ болоту приближился:
здравспвуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему. Прошу не взыскашь,
что безъ спросу
Вашей воды напилея я; мы всѣ опъ охоты
успали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось;
благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и
сами гоповы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплашишь:
благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.
Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣспсвовалъ Пышка: Мило-
спи просимъ
Къ намъ, благородные госпи! Нашъ Царь о
приблпни нашемъ
60. Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда
вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ
сюда пригласишь васъ
Съ нимъ на бесѣду. Ради мы очень, что вамъ
показалась
Наша по вкусу вода: а плапы не пребуемъ;
воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ
воздухъ и солнце.
Бѣлая шубка учпиво отвѣспсвовалъ: Цар-
ская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ Его Величеству
съ вами
Вмѣспъ пойши, но только сухимъ пушемъ,
не водою;
Плаваши я не умѣю; я Царской сынъ и наслед-
никъ
Царства мышинаго. Въ это мгновение, спу-
спившись съ пригорка,
70. Царь Квакунъ со свипой своей приближался.
Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя Царя съ такою пол-
пою,
Нѣсколько спрусилъ: ибо не вѣдалъ, доброе-ль,
злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ опмичался
зеленымъ
Плапьемъ, глаза на выкапъ, сверкали какъ звѣ-
зды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлѣпалъ. Царевичъ
Бѣлая шубка,
Вспомнивши кто онъ, робоспъ своего побѣдилъ.
Величаво

Онъ поклонился Царю Квакуну. А Царь
благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: Любезному госпию
Очень мы ради; садись, отдохни; пы изъ
дальняго вѣрно,
80. Края: ибо до сихъ поръ тебѣ намъ видашь не
случалось.
Бѣлая шубка Царю поклоняся опяшь, на
зеленой
Травъ усѣлся съ нимъ рядомъ; а Царь продол-
жалъ: Расскажи намъ
Кто ты? кто пвой опецъ? кто мать? и
откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебѣ угоспимъ дружески, когда
не паяся
Правду всю скажешь: я Царь и много пмѣю
богачства;
Будетъ намъ сладко почпимъ дорогаго госпа
дарами.
Нѣтъ никакой мнѣ причпны, отвѣспсвовалъ
Бѣлая шубка,
Царь-Государь, упамваши испишу. Самъ я при-
роды
Царской, весьма на землѣ знаменипой; опецъ
мой, изъ дома
90. Древнихъ воинспвенныхъ Бубликовъ, Царь Дол-
гохвостъ Иринарій
Первый; владѣетъ пяпью чердаками, наслед-
дѣемъ славныхъ
Предковъ, но обласпъ свою онъ самъ разши-
рилъ войнами:
Три подполя, одинъ амбаръ, и двѣ шреши
вепчинни
Онъ покоришь, побѣдвши сосѣднихъ Царей; а
въ суѣруги
Взявши Царевну Прасковью-Пискуню, бѣ-
лую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ прида-
ное. Въ свѣспъ
Нѣтъ подобнаго Царства. Я сынъ Царя
Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*. Былъ
я воспитанъ
Въ нашемъ сполпчномъ подполѣ премудрымъ
Онуѣриемъ крысой.
100. Масперъ я рыпся въ мукъ, паскапъ орѣхи;
вскребаюсъ
Въ сырѣ, и множеспво книгъ ужъ изгрызъ
любя просвѣщене.
Хвапомъ же прозванъ я вошь за какое смѣло-
дѣло:

Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенишкокъ
Бѣгало по полю въ запуски; я, какъ шальной,
раззадорясь,
Вспрыгнувъ съ разбѣгу на Льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; Левъ проснулся и лапой огромной
Списнулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мышка;
Съ духомъ однако собравшись, я, высунувъ носъ изъ подъ лапы,
Левъ-Государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
110. Милость твою оскорбимъ;—поцѣди, не губи!
не ровень часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушашь успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услуживъ ты задумалъ. Добро, мы посмопримъ, какую
Милость окажешь ты намъ? Спустиай! Тогда онъ раздвинулъ
Лапу; а я давай богъ ноги; но вопъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ: смупилась, какъ будто отъ бури,
Вся страна;—Я не спрусиалъ; выбѣжалъ въ поле, и чтоже
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запущавшихъ въ крикихъ пенешахъ,
120. Мечется, бѣтется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь только себя онъ запущивалъ. Видишь,
Левъ-Государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минушу тебя мы избавимъ.
И потчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышашъ; принялись мы работашъ
Зубомъ; узлы перегрызли пенешъ, и Левъ распутался.
Важно кивнувъ головою космашой и насъ допусшивши
Къ Царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ

Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ припрыжка очутился
130. Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ.
По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою не утѣзишь спараюшь.—
Спрашнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣеть. Но должно однако признаваться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность: такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ правою Овца; съ Овцею голодный
Волкъ; Собака съ Волкомъ; съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ
Левъ; Человѣкъ же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ Мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонимелей: Совы, Ласпючки, Кошки, а всѣхъ ихъ
140. Злѣе козни людскія. И пляжко подъ часъ намъ приходивъ.
Я однако спокоенъ: я помню, что мнѣ мой насивникъ
Мудрый, крыса Онуфрей, швердилъ: бѣды насъ смиренню
Учашъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастье радъ, а въ несчастьи не хмурюсь.
Царь Квакунъ со вниманьемъ слушалъ Пепра Долгохвоста.
Госпъ дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Сколь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводяшь.
Мудрость такая, въ такія цвѣщущія лѣта!
Мнѣ сладко
Слушаешь себя: и приаппность, и польза!
Теперь, опиши мнѣ
150. То, что случилось когда съ мышинымъ нашимъ народомъ,
Что онъ враговъ перилди, и съ кѣмъ, когда воевали.—
Долженъ я прежде о томъ рассказашъ, какія намъ козни
Спроишь нашъ хипрѣй, двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбивъ одинъ, и съ Мышами

Въ вѣчной враждѣ. Не изчислишь всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избытъ замышляеши. Вошь на
примѣръ, онъ
Домикъ зашѣлялъ поспроишь: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъёмною дверью. —
Домикъ онъ эпошь поставилъ у самаго входа въ подполье.

160. Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что поладишь
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ госпитальницу. Жирный
Кусъ вепчины шамъ висѣлъ и манилъ насъ; вошь цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались въ домикъ забраться, безъ плашты
Въ немъ опобѣдашь и вѣрные вѣспы принесешь намъ.
Входяшь они, но только что начали дружно висячій
Кусъ вепчины пормоишь, какъ подъёмная дверь съ превеликимъ
Спукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула.
Тупъ поразило
Спрашное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ паскали за хвостикъ и въ воду бросали.

170. Всѣ они пали жертвой любви къ вепчинѣ и къ опчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множесство вкусныхъ для насъ пирожковъ, и разклялъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣпрень; мы лакомки; бросимась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ эпошь
Вспомнишь, морозъ подираетъ по кожѣ! Опкрылся въ подполье
Моръ: оправой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто пальные
Съ пиру пришли удамцы: глаза на выкашь, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью

180. Бѣгали съ пискомъ они; родныхъ, друзей и знакомыхъ

Болѣ не зная въ лицо; наконецъ упомаясь, обезсильвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ; запустѣла
Цѣлая обласъ отъ эпош бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
На долго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдспвіе намъ
Нынѣ въ помъ, что губилель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ Сибирскимъ копомъ, Эедомъ Мурлыкой.
Кошечій родъ давно враждуетъ съ мышнымъ. Но эпошь
Хитрый Копище Эедомъ Мурлыка для насъ наказанье

190. Божіе. Вошь какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунушь носъ изъ подполья. Но Машъ Царца Прасковья
Съ крысой Онуфриемъ крѣпко на крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидашь; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ; вижу камнемъ выспанный дворъ; освѣцало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣпились;
Пшицы лепали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Вспыши не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усастый, сизая шкурка,
200. Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидишь и за пшичками смотришь; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Попомъ онъ своею бархатной лапкой
Началь усастое рыльце себя умываешь. Облилося
Радостью сердце мое и я ужъ собирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, пакъ я и обмеръ. Какой-то

Спрашнѣй уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
 Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти кри-
 вые
 Съ оспрыми шпорами были на нихъ; на
 уродливой шеѣ

210. Длинные косы висѣли змѣями; носъ крючко-
 вапый;
 Подъ носомъ прясся какой-то мохнатый
 мѣшокъ и какъ будпо
 Красный съ мохнатою пшпкой колпакъ, съ го-
 ловы перегнувшись,
 По полу бился, а сзади какіе-то длинные
 крючья,
 Разнаго цвѣта, порчали снопомъ. Не успѣлъ я
 опъ спраха
 Въ память припши, какъ съ обоихъ боковъ
 поднялись у урода
 Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ,
 раздвоивши
 Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня
 какъ дубиной
 Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ под-
 полье, не помню.
 Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что слу-
 чилось со мною,
 220. Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ
 сказалъ мнѣ;
 Свѣчку ты долженъ поставилъ уроду, ко-
 торый такъ ксани
 Крикомъ своимъ тебя испугалъ: вѣдь это нашъ
 добрый
 Спорожъ пѣшухъ; онъ горланъ и съ своими
 большой забѣлка;
 Намъ же мышамъ онъ приносилъ и пользу: ко-
 гда закричилъ онъ,
 Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги;
 а пріятель,
 Такъ обольспившій тебя своей лицемѣрною
 харей,
 Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй запш-
 сной, объдало
 Кошъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы
 съ знакомспвомъ
 Къ этому плуцу подѣхалъ: тебя-бъ онъ
 порядкомъ погладилъ

230. Бархатной лапкой своею: будь же впередъ ос-
 порожень.
 Долго рассказывать мнѣ объ этомъ прокла-
 помъ Мурлыкѣ;
 Каждый день опъ него у насъ недочешъ. Раз-
 скажу я

Только то, что случилось недавно. Разнес-
 ся въ подпольѣ
 Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазуп-
 чики сами
 Видѣли это глазами своими. Вскружилось
 подполье,
 Шумъ, бѣгопша, пископша, скаканье, кувыр-
 канье, пляска;
 Словомъ, мы всѣ одурѣли; и самъ мой Ону-
 фрій премудрый
 Съ радости такъ напился, что подрался съ
 Царицей, и въ дракъ
 Хвостъ у нея опкусилъ, за что былъ и
 высѣченъ крѣпко.

240. Что же случилось потомъ? Не развѣдавши
 дѣла порядкомъ,
 Вздумали мы коша погребашъ, и надгробное
 слово
 Топчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэмъ нашъ
 подпольный
 Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ: та-
 кое прозванье
 Дали ему за то, что, спшхи чшшая, всегда
 опъ
 Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ какъ
 маятникъ спукалъ.
 Все изгошовивъ, опправились мы на помшкш
 къ Мурлыкѣ.
 Вылезло множество насъ изъ подполья; гля-
 димъ мы, и вправду
 Кошъ Мурлыка въ вешчиннѣ висилъ на бревнѣ,
 и повѣшенъ
 За-ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ
 палка

250. Выпянушъ весь, и спшна, и хвостъ, и перед-
 нія лапы
 Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не
 моргая.
 Всѣ запищали мы хоромъ: Повѣшенъ, Мурлыка!
 повѣшенъ.
 Кошъ окаянный! Довольно ты, кошъ, погу-
 лялъ! погуляемъ
 Нышче и мы! И шесшь смѣльчаковъ шопчасъ
 взобрался
 Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы
 распутать; но лапы
 Сами держались, когтями вѣшпвшисъ въ брев-
 но, а веревки
 Не было шамъ никакой, и лишь шолько къ
 нимъ прикоснулись
 Наши ребята, какъ вдругъ распушкшисъ когти
 и на полъ

Хлопнулся копь, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались

260. Въ страхѣ, и смопримъ что будетъ. Мурлыка лежипъ и не дышетъ,
Усь не прошепелъ, глазъ не моргнетъ; мершвецъ да и полько.

Вопъ ободрасъ, изъ угловъ мы къ нему подспунапъ по немногу

Начали; кто посмѣле, топъ дернетъ за хвостъ, да и пягу

Даспъ опъ него; топъ лапой ему ногрозипъ; топъ подразнипъ

Сзали его языкомъ; а кто еще посмѣле,

Топъ, подкравшисъ, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.

Копъ ни съ мѣспа, какъ пѣнь. Берегипсесъ, тогда намъ сказала

Спарая мышъ Степанида, которой Мурлыкины когни

Были знакомы, (у пей опъ весь задъ оборвалъ и на силу

270. Какъ-то она опъ него уплела.) Берегипсесъ; Мурлыка

Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а эпо

Знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,

Громко мы всѣ засмѣялисъ. Смѣйтесъ, чпобъ послѣ не плакапъ,

Мышь Степанида сказала опяпъ, а я не поварищъ

Вамъ. И посѣшно созавъ мышпшяпокъ своихъ, убралася

Съ ними въ подполье она. А мы принялисъ какъ шальные

Прыгапъ, скакапъ и копа шормошипъ. Наконецъ поуспавши

Всѣ мы усѣлисъ въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ нашъ

Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо

280. Сѣвъ, принялся опшуда чипапъ намъ надгробное слово,

Мыжъ при каждомъ спихѣ хохотапъ; и вопъ что прочелъ онъ:

«Копъ Аспраханской, жипель Казанской, породы Сибирской,

«Роспъ богатырской, сизая шкурка, усы какъ у Турка,

«Быль онъ бѣшенъ, на кражъ помѣщепъ, за то и повѣшенъ.

«Радуйся, наше подполье!»... Но только успѣлъ проновѣдникъ

Эпо слово промовипъ, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.

Мы бѣжамъ... Куда ты! Пошла ужасная правля.

Двадцать изъ насъ оспалосъ на мѣспѣ, а раченныхъ впрое

Болье было. Топъ ворошилсся съ ободрачнымъ пузомъ,

290. Топъ безъ уха, другой съ опѣвденной мордой; шному

Хвостъ былъ опорванъ; у многихъ шакъ спрашно искусаны были

Спишы, что шкурки мопалисъ какъ шряпки. Царицу Прасковью

Чупъ успѣли въ пору уволочъ за заднія лапки;

Царъ Иршиарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый

Крыса Опузрій съ Климомъ позшомъ доспалисъ Мурлыкѣ

Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончилсся шрѣ нашъ бѣдою.

З А Г А Д К А.

Въ огнѣ я распопляюсь,
Въ водѣ я распускаюсъ;
Черезъ огонь когда пройду,
Тогда я въ шпцу превращаюсъ;
Когдажъ въ водѣ я растворяюсъ,
Тогда преображаюсъ
Уже въ шшвѣ, а не въ вду.

1 ... 200 ... 8.

Въ № 45, помѣщенная шарада значипъ: *Port-aïl*.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ.

Изъ Болинброка.

Не думайте, чпобы мужеспво человека спостояло единспвенно въ силѣ и смѣлоспши: кто умѣетъ преодолѣвапъ гнѣвъ свой и прощатъ, топъ болѣе достоинъ уваженія,

Легче гору сдвинуть съ основанія, нежели исторгнуть гордость и суепное самолюбіе изъ сердца человѣческаго.

*

Жизнь настоящая и жизнь будущая противоположны между собою, какъ Востокъ и Западъ: чѣмъ болѣе приближаешься къ одному, тѣмъ болѣе удаляешься отъ другаго.

*

Здѣшній міръ есть поле, на которомъ съюсть для будущаго.

*

Тотъ счастливецъ, кто пріобрѣлъ необходимое для жизни будущей, и не смотря на то, называютъ благополучнымъ только обладающихъ дарами здѣшней жизни.

*

Хочешь ли чѣмъ поведеніе свое заслужило общую похвалу? не желай никогда шить съправедливо и несправедливо того, что не принадлежитъ тебѣ.

*

Не ищи ни дружбы, ни общесства злаго человѣка: ибо, обращаясь съ нимъ, можешь занять отъ него нѣкоторыя пороки, и не примѣчая того.

*

Замѣчай всегда хорошее, и не обращай вниманія на дурныя качества каждаго человѣка; прощай легко другимъ, дѣлай всѣмъ добро, и щцательно убѣгай общесства невѣждъ—упорныхъ и сварливыхъ.

*

Что можно сдѣлать лучшаго послѣ зла? — Добро, которое могло бы его загладить.

*

Кто хочетъ быть богатымъ безъ сокровищъ, тому только спойти—оставить грѣхъ и служить Богу.

*

Человѣкъ, сокрушающійся о несчастіи, которое можетъ послѣдовать съ нимъ, только прибавляетъ къ безпокойству своему еще новое; ибо случился ли то, чего онъ опасается, или нѣтъ—во всякомъ случаѣ сокрушеніе не принесетъ ему пользы.

*

Не удивляйся, ежели часто изъясляютъ болѣе уваженія собакъ, нежели человѣку, копо-

рый обыкновенно гораздо болѣе жаденъ. Собака изъ всѣхъ богатствъ земли, домогается только одной кости; тогда какъ все существующее въ мірѣ—не въ состояніи насытить взоровъ человѣка, или удовольствоваться ихъ.—Ударь собаку, она не покинетъ тебя, а сдѣлай добро человѣку и онъ—легко быть можетъ—оставитъ тебя.

*

Всякая скорбь, посылаемая отъ Бога, не должна носить сего имени. Благословенна скорбь, и счастливы перьящій еѣ, когда испосылается она свыше.

*

Нѣкоторые люди служатъ Богу изъ выгоды: это служеніе купцовъ; другіе служатъ Ему изъ боязни: это служеніе рабовъ, и наконецъ есть такіе, кои служатъ Ему изъ любви, и такое служеніе свойственно душамъ благороднымъ.

*

Большая часть несчастій людскихъ происходитъ отъ добровольнаго невѣжества, которое мѣшаетъ людямъ обращать вниманіе на то, что они уже знаютъ, и разсуждать о томъ, въ чемъ упражняются.

M O D E S.

C'est sans doute parce que nos modes sont si simples et si gracieuses qu'elles se conservent aussi longtemps sans changement. Cette année encore, nous verrons les mêmes manches, les mêmes proportions de corsage, et toujours des jupes unies; les nouvelles robes de la saison se font toutes ainsi.

Celles qui nous ont été montrées, venant de chez *Palmyre*, conservent cette simplicité de forme. Dans le nombre, une redingote pour un négligé très-élégant nous a paru digne d'être signalée. Elle est en mousseline blanche, brodée dans le plain d'une branche de clochettes, semée à distance. Le corsage froncé à devants croisés est également froncé dans le bas du dos, sous la ceinture. La manche est brodée au poignet d'une délicate guirlande de clochettes avec le feuillage. La pélerine ronde, à trois longs pans, est comme la robe, brodée dans le plain, et de plus, une guirlande semblable à celle du poignet suit les bords. Une dentelle est posée tout autour, relevée à très-petits tuyaux. Le col qui retombe est double et carré.

Une étoffe dont on avait déjà vu quelques pièces l'été précédent, et qui a reparu cette année avec beau-

coup de distinction, est une percale rouge à dessins noirs. — Elle est principalement destinée aux enfans qui ne peuvent porter rien de plus élégant; avec un pantalon blanc, une pélerine de jaconas ou baptiste qui laisse le transparent, c'est une charmante toilette. — Les femmes en font aussi de jolis peignoirs, ou des redingôtes négligées.

Les guêtres se porteront de préférence aux brodequins pour la campagne où les promenades à pied du matin: on fait pour l'été des guêtres de toile écrue, quelquefois de gros-de-Naples. Celles-ci doivent être de la couleur du soulier. Celles de toile se portent avec du maroquin noir.

Pl. No 16. Chapeau de paille de riz orné d'une plume frimatée. Robe de chaly à pelerine.

М О Д Ы.

Моды наши сохраняются столь долго без всякой переменны, вѣроятно потому, что онѣ такъ просты и такъ щеголеваты. И эпохѣ годъ еще, мы будемъ видѣть тѣ же рукава, шовъ же размѣръ лифовъ и все тѣ же гладкія юбки; новыя платья сего времени года всѣ сдѣланы такимъ образомъ.

Мы видѣли платья, сдѣланныя у Палмиры, онѣ сохраняютъ всю простоту сего фасона. Между прочимъ, рединготъ, весьма щеголеватое неглиже, показался намъ достойнымъ описанія. Онъ бѣлый кисейный, вышитъ весь въпками колокольчиковъ, разбросанныхъ въ нѣкопоромъ разстояніи. Лишь спереди собранный крестообразно, сзади спинка подъ поясъ также собрана. Рукава вышиты около кисии легкой гирляндочкой изъ колокольчиковъ. Пелеринка круглая съ шрема длинными концами, вышита вся какъ платье, и еще по краю такая же гирляндочка, какъ около рукавовъ; вокругъ обшита кружевомъ, сложеннымъ весьма мелкими прубочками. Опложной двойной четверугольный воротникъ.

Маперія, которой показалось нѣсколько штукъ прошедшимъ лѣтомъ, появилась опять нынѣшній годъ съ большимъ оплчѣемъ, — это красный перкаль съ черными узорами. — Его особенно употребляютъ для дѣтей, для которыхъ ничего не можетъ быть щеголеватѣе; съ бѣлыми панталонами, пелеринкой изъ жакозета или бapтиста не прозрачнаго, это прелестный нарядъ. Дамы дѣла-

ютъ изъ него красивыя упреннія платья, или рединготы за-просто.

Шпиблеты будутъ носить предпочпительнѣе сапожкамъ, въ деревнѣ или для упреннихъ прогулокъ въшкомъ; для льпа дѣлаютъ шпиблеты изъ небѣленаго полотна, иногда изъ гроденапля. Сіи послѣдніе должны быть подъ цвѣтъ башмаковъ. Полощяныя же носятъ съ чернымъ сафьяномъ.

Карп. No 16. Шляпка соломенная съ перомъ frimatée. Шалевое платье съ пелеринкою.

С М Ъ С Ъ.

Смертность.—Извѣстно, что въ городахъ смертность гораздо значительнѣе, нежели въ деревнѣ. Въ Лондонѣ умерло въ 1679 году 21,000, а въ 1797 году, не взирая на значительно умножившееся населеніе, только 17,000. Въ половинѣ прошлаго столѣтія смертность содержалась почти какъ 1 къ 30, въ 1811-мъ какъ 1 къ 35, а при будущей ревизіи вѣрно какъ 1 къ 42. И такъ, въкъ человѣческій въ семъ обширномъ городѣ ровно удвоился въ печеніи 70 лѣтъ. Такого результата не можетъ представить ни одна страна. Во всѣхъ мѣстахъ и во всѣхъ сословіяхъ Великобританіи смертность гораздо, менѣе, нежели въ какомъ либо другомъ Европейскомъ Государствѣ, потому, что богатый и бѣдный, больной въ госпитали, морякъ и солдатъ на службѣ и арестантъ пользуются выгоднѣйшимъ для здоровья положеніемъ. Климату и воздуху Лондонскому нельзя это приписать. Въ Манчестерѣ ежегодно считается одинъ умершій на 75 жителей, въ Боспонѣ одинъ на 49; въ Бирмингамѣ и Женевѣ на 43, въ Лондонѣ на 40, въ Нью-Йоркѣ на 35, въ Берлинѣ на 34, въ Парижѣ на 32, въ Мадридѣ на 29, въ Неаполь на 28, въ Споктольмѣ и Брюсселѣ на 26, въ Римѣ на 25, въ Прагѣ и Амстердамѣ на 24, въ Вѣнѣ на 22.

Слѣдующій No 48 Липер. Прибавленій къ Русск. Иав. будетъ раздаваться въ Среду 15 сего Юля.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 48.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюня 15 дня, 1852 года.

Въ комъ сердце такъ соворено,
Что дружбы, ни любви не чувствуетъ оно
И ненависть одну ко всемъ питаетъ,
Тотъ вслаго своимъ злодѣемъ почитаетъ.

Кривош.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДВѢНАДЦАТЬ ЧАСОВЪ ЕГО ЖИЗНИ.

(Его комната, вечеръ.)

«Какъ она мила! какъ прелестна! послѣдній поцѣлуй горитъ еще на щекѣ моей.... Какъ я буду счастливъ.... Да какъ же и ухитрися.... Ils voient tous midi à quatorses heures.... Все готово.... два друга свидѣтели.... квартира нанята.... лошади то же.... завтра она моя.... моя на вѣки.... О верхъ блаженства!.... Она моя.... дождусь ли я завтрашняго дня?.... Эй, трубку! *(слуга подаетъ ему трубку; онъ садится на диванъ; слуга уходитъ; нѣсколько минутъ молчанія.)* Comme je les ai tranquilisés.... опдалъ ея волосы.... ха, ха, ха! Поссорился съ нею.... ха, ха, ха!.... Прикинулся влюбленнымъ въ другую.... Oui, l'amour rend rusé.... что за сюрпризъ имъ всемъ!.... *(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ.)* Но какъ я ни буду счастливъ, а всё таки сегодня послѣдній день моей свободы.... Сегодня я свой, хопя ея.... завтра я весь ея.... завтра я принадлежу ей.... ей одной.... Мнѣ не жаль моей свободы,.... я не хочу холостой свободы.... эпой кипу-

чей, удалой свободы.... съ нею вмѣстѣ всюду рай.... Однако, что скажутъ родные?.... ха, ха, ха! — — — Надо будетъ оспавить службу — — — Обрубить уши двумъ или тремъ повѣсамъ.... ну, эпо не новое для меня.... Надо будетъ жить въ деревнѣ.... Можетъ быть даже, уѣхать въ чужіе края.... Не хопьлось бы однакожь разспаться съ родиной..... За по, она будетъ моя — — —

Завтра, я спеленный мужъ, мужъ обожаемой мною прелестной жены.... *(ходитъ долго и останавливается передъ часами).* Ба! полночь.... пора ѣхать; Ленскій давно ждетъ меня въ маскарадѣ.... я же всемъ своимъ сказалъ, что буду въ маскарадѣ.... ха, ха, ха!.... Какъ они радуются, что я развлекаюсь и её забылъ.... Мнѣ её забыть!.... Я ѣду въ маскарадѣ только, чтобъ дать Ленскому послѣднее наставленіе на завтрашній день.... Но пора.... Эй, сани, ермолку, халапъ, зимніе сапоги, полумаску, очки, и трубку; еще успѣю выкурить; эй, живо шевелиться!.... *(Сбрасываетъ сертукъ и надѣваетъ халатъ.)* Съ какимъ удовольствіемъ буду завтра курить изъ эпой трубки; она будетъ разливать чай.... она будетъ моя жена. — — Сани поданы. — —

(*Маскерадъ въ Большомъ Театрѣ.*)

Послушай, *Ленскій*, меня занимаетъ эта ложа; посмотри на эту даму въ бархатной маскѣ и на этаго франца въ венгеркѣ. Посмотри на его бурый усъ, выглядывающій изъ подъ полумаски.... Она не сводитъ глазъ съ него. Посмотри, онъ жметъ ей руку.... Она успремилла на насъ взоръ.... что-то шепчетъ ему. — Меня морозъ по кожѣ подираетъ. — Быть не можетъ! — Я сей часъ ворочусь къ тебѣ; оспавайся здѣсь.... (*быстро уходитъ, расталкиваетъ толпу; Ленскій слѣдитъ за нимъ взоромъ и кричитъ:*) куда ты?... ушелъ.... ужъ въ ложѣ.... сорвалъ съ неѣ маску.... Ахъ, это она!.... Вѣроломная.... Бѣдной другъ.... Но вопъ уже и Полиція въ ложѣ.... Пойду выручать его.

(*Опять его комната.*)

Онъ. Что ты нейдешь спать?....

Слуга. Я еще спать не хочу; ложись, баринъ, въ постелю; вы нездоровы.... васъ по въ жаръ, по въ ознобъ бросаетъ; не прикажете ли сдѣлать чаю? — — Ляжте, да окутайтесь пелѣе; вы на себя не похожи; выпъ пятый часъ утра.

Онъ. Пятый часъ? Проворный санц! Мнѣ надобно вѣхать. Пятый часъ! Скорѣе новый мундиръ, эксельбантъ, эполеты новые.... Санц! проворный, мнѣ надо вѣхать.

Слуга. Куда такъ рано? — Кучеръ еще закладываетъ.

Онъ. Не рано, а поздно; вели ему подавать. (*Смотритъ на медленно-уходящаго слугу.*) Добрый, вѣрный слуга; чумъ ли онъ не догадывается. Это не первый и не послѣдній. (*Открываетъ комода, вынимаетъ картонку и изъ неѣ бѣлую Турецкую шаль.*) Сюда сюрпризъ, приговоренный для вѣроломной! Твое назначеніе переменилось, вмѣсто одной невѣрной, ты покроешь двухъ неизмѣнныхъ.... (*закрываетъ комодную дверь ключемъ, вынимаетъ изъ ящика пистолеты, заряжаетъ ихъ и закрываетъ въ шаль.*) Никогда, друзья мои, не были вы въ такомъ дорогомъ чехлѣ.... (*Горько смѣется, закуриваетъ трубку и отпираетъ дверь.*).... J'étouffe... голова преципитъ. Ободришь, обманутое сердце.... Я

все поплъ же.... Sempet idem.... онъ.... она.... мы.... мы всѣ....

Слуга. Одѣваться гопово.

Онъ. Хорошо! — помады, — духовъ, — маленькую бальную шпагу, — новую шляпу, — Парижскій султанъ.... plumet de vauteur! — (*Одѣвшись, грустно смотритъ въ зеркало.*) Я насполющій женихъ. (*Злобно улыбается.*) Забылъ лишь выбраться.

Слуга. Что съ вами, баринъ? ради....

Онъ. Молчать!.... Трубку!.. Санямъ выѣзжать; я буду къ 10-ти или къ 11-ти часамъ домой. Ежели (*затягивается табаку нѣсколько разъ сряду*), ежели не буду, а за мной пришлютъ: по сыскають меня у *Ленскаго*.... слышишь? —

Слуга. Слушаю-сь. —

Онъ. Что дѣлаетъ братъ? —

Слуга. Давно почиваетъ изволивъ.

(*Онъ идетъ въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ возвращается.*)

(*Въ полголоса.*) Я его поцѣлювалъ. (*Громко.*) Эй, новую шинель! (*Беретъ свернутую шаль и уходитъ.*)

(*Казармы.—Квартира Ленскаго.*)

(*Низенькой, диванъ, столъ; на немъ пистолеты, полузакрытые бѣлого Турецкаго шалью; въ одноли углу трубки, въ другомъ горка прелестнѣйшихъ живыхъ цвѣтовъ; на креслахъ брошенъ мундиръ; онъ безъ мундира ходитъ по комнать.*) —

Онъ. Какъ долго нѣшу *Ленскаго*. Не ужели я его убилъ? Спранно, какъ онъ не попалъ въ меня.... я ловилъ.... я искалъ его пулю.... она.... (*подходитъ къ столу, обтираетъ пистолеты шалью и закрываетъ ихъ въ неѣ.*) — *Ленскаго* всё нѣшу.... Ухъ, какъ душно! Подай стаканъ холодной воды. (*Слуга приноситъ воду.*) Тепла, подай холоднѣе.

Слуга. Помплуйте, прямо изъ чана, вопъ и ледокъ еще сверху плаваепъ.

Онъ. Врешь, пепла.... Давно ли эти цвѣты у васъ завелся?

Слуга. Со вчерашняго дня; баринъ хопѣлъ ихъ куда-то послать, да... вашъ кучеръ привозилъ. —

Онъ. Знаю; это всё для неѣ. Дай мнѣ рюмку водки. —

Слуга. Извольте съ—(*Пьетъ и разбиваетъ рюмку объ полъ*).... Слаба.... Je crois, que je perds la tête..... il y aurait de quoui.... Дай трубку!

(*Слуга подаетъ трубку; онъ затягивается нѣсколько разъ сряду*). Только и хорошаго на свѣтѣ, чпо пабакъ.

Онъ. Дай мнѣ пудупъ *Ленскаго*; мнѣ холодно.

Слуга. У насъ пошло. (*Приноситъ трубку*).

Онъ. Убирайся!.... Je n'en puis plus.... А *Ленскаго* всё нѣту.... Эй, лошадей!....

Слуга. Развѣ прикажете привести извощика?

Онъ. А мой?.... да, они его повезли. (*Входитъ Ленскій*).

Онъ. А, *Ленскій*, ну, чпо?....

Ленскій. Живъ и живъ будешь.... На палецъ выше и ты былъ бы убійцею....

Онъ. Мнѣ легче, слава Богу, чпо онъ живъ... Теперь, лишь только бы позабыть....

Ленскій. Забудешь, отдохни; я боюсь за тебя, ты сляжешь. — Ты боленъ серьезно.

Онъ. Чѣмъ серьезнѣе, тѣмъ лучше.... Она....

Ленскій. Перестань дурачиться, она тебя недостойна; забудь её.

Онъ. Никогда....

Ленскій. Стыдись, я не узнаю тебя.... Отдохни, черезъ мѣсяцъ будешь влюбленъ въ другую.—(*Уводитъ его въ спальню*).

Н. Б — иль.

БРАБАНТСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА.

На огромныхъ часахъ церкви св. Петра пробило часъ утра. Ничто не нарушало ночной тишины, кромѣ шума, происходившаго отъ легкой лодки, которая быспро разсѣкала волны Тибра. Въ ней, кромѣ перевозчика, стоялъ у кормы еще другой человекъ, закутанный въ широкій плащъ, подъ складками котораго не трудно однакоже было оплечь его стройный и благородный станъ. Черные волосы вились густыми локонами по плечамъ его, по обычаю того времени, и хопя изъ всей его одежды, можно было видѣть только головной уборъ и башмаки, но красивая бархатная шляпа съ перомъ, прикрѣпленнымъ алмазнымъ аграфомъ,

пчрезмѣрная дѣла его шпшой обуви, обличали въ немъ щеголя XV столѣтїя.

Эпо было въ свѣсплую лѣспнюю ночь; луна сїяла на прекрасномъ Римскомъ небѣ, почпи всегда чпспомъ и безоблачномъ. Куполь св. Петра, гордо и величественно, какъ исполнѣмонархъ среди двора своего, возвышался надъ блестящими черпгами, его окружающими, и какъ бы споящими отъ него въ почпшптельномъ разсплнш. Раздавались еще послѣднїе звуки колокола, когда лодка причалила. Молодой кавалеръ вскопшл на землю, и пошелъ большими шагами по берегу рѣки. Вдругъ его останавлпваетъ препяспствїе споль же непрїяпное, какъ и нечаянное. Трое вооруженныхъ людей нападаютъ на него, преграждая ему дорогу, и принуждая заплапшл чпспыми деньгами за право продолжатъ пупь свой. Сброспшь съ себя плащъ, выдернуль шпагу и спать въ позпщю, чпобы воспрспвпшься сему нападению—было для нашего прекраснаго кавалера дѣломъ одной мпнупы. Въ самомъ дѣлѣ, положенїе его было весьма запруднптельно. По длиннымъ и ппжелымъ мечамъ нападающихъ, по толщпнѣ ихъ желѣзныхъ нагруднпковъ, по суровому виду, онъ безъ пруда узналъ въ нпхъ прехъ пзъ тѣхъ разбойнпковъ, копорыхъ, по спранному пропворѣчю, называли погда *Bravi*. Тѣ, не ождая найпш споль упорнаго сопрспвлениа, удвоили услїя, чпобы побѣдпшь ловкостъ и мужество своего пропвпника. Между тѣмъ, молодой Римляпншъ, прпслонясь къ спѣнѣ, долго опражалъ ихъ удары, какъ вдругъ шпага его дѣлаетъ промахъ и ломаетъ въ куски; пщепно онъ съ бѣспспвомъ дѣспвуетъ оставшпмся у него въ рукъ обломкомъ; самое опчаянїе спановпшся ему губельнымъ; одпнъ пзъ убїйцъ подпмаетъ руку; уже спрашпный ударъ угрожаетъ ему; но дѣспвїе вдругъ перемѣняется; являетъя чепвертый мечъ; онъ сверкаетъ, наносптъ удары, и одпнъ разбойнпкъ падаетъ полумертвый у ногъ новаго пропвпника. Сїе неожиданное явление успрашпло двухъ оспальныхъ, копорые послѣшно подпнявъ раненаго, пуспплпсь бѣжатъ отъ незнакомца. Чрезъ мпнупу слышался только опдаленный шумъ скорыхъ шаговъ пхъ.

«Клянусь св. Лукою! вскричалъ молодой кавалеръ; знаете ли, что никогда еще ударъ меча не приходится такъ кстапи. Но прошу васъ, мой храбрый пзбавитель, скажите мнѣ, кому я обязанъ эпою услугу?»

Топъ, къ кому онъ обращался, былъ молодой человекъ, котораго голубые глаза, блѣдный цвѣтъ лица, высокій и плотный станъ, свидѣтельствовали, что Испалія не была его отечествомъ. На немъ былъ кожаный кафтанъ, подъ которымъ оплщчался формы смѣлыя и крѣпкія.—Его аплепическое положеніе, взоръ, еще оживленный блпвою, окровавленная шпага, на которую онъ опирался, всё, даже панпсвенный свѣтъ, озарявшій мѣсто дѣйствія, придавали сему явленію какой-то спранный характеръ. Испаліанецъ смотрѣлъ на незнакомца съ изумленіемъ и чрезвычайнымъ удовольствіемъ; онъ находилъ въ немъ что-то сходное съ прекрасными образцами древности, и не переставалъ повторять своего вопроса. Наконецъ топъ прервалъ молчаніе.

— Вы хотите знать мое имя? сказалъ онъ; право, я не намѣренъ таить его. Я называюсь Кенпенъ *Матзисъ*, Антверпенскій оружейникъ; чтожъ касается до услуги, о которой вы говорите: то она не стоить ни малѣйшей благодарности. Трое пропивъ одного, чѣрпъ розми! Я раздѣлался съ однимъ изъ нихъ, не замѣтивъ даже, что моя шпага вынута изъ ноженъ! Но какъ теперь вы знаете, кто я таковъ, то прошу и васъ сказать мнѣ, въ свою очередь, кто эпотъ кавалеръ, который такъ ловко дѣйствуетъ своей шпагою, и съ которыми эпимъ бездѣльникамъ было такъ трудно управиться? —

«Называйте меня *Урбиномъ*, возразилъ Испаліанецъ, дружески пожмая руку молодого Фламандца. Но скажите пожалуйста, чѣмъ я могу служить вамъ? Вы иностранецъ, какъ видно, и можете спашься...»—Взоръ его обратился на одежду *Матзиса*, которая всего менѣе свидѣтельствовала довольства.

— О! что касается до моего кошелька, оплщчалъ оружейникъ краснѣя, то конечно теперь онъ не такъ тяжель, какъ въ то время, когда я ковалъ шишакп и лапы для Антверпенскихъ рыцарей; но, клянусь св. Ни-

колаемъ, онъ еще и не довольно легокъ, чтообъ идти такъ далеко просить милоспыни.—

«Но въ такомъ случаѣ, что же васъ привело сюда? спросилъ *Урбанъ* улыбаясь. Развѣ вашимъ Брабантскимъ мѣщанамъ не нужны кольчуги, чѣмъ нашимъ Римскимъ барамъ? Здѣсь бархатъ продается лучше, нежели желъзо. О! я вижу, тутъ кроется что нибудь иное. На примѣръ, какая нибудь красавица, съ русыми кудрями, съ нѣжными взглядами, а въ свѣдспвіе того, обѣщаніе идти на поклоненіе Богородицѣ! А, вы смѣшаетесь; я угадаю, не правдали-ли?»

— Клянусь св. Губертомъ! вы правы, и я позволяю вамъ эпому смѣяться, потому что такая глупость стоить другой. Но прежде выслушайте меня, и потомъ уже судите.—

«Съ охотою! Любовный рассказъ; да это счастье! Но прежде, мой храбрый другъ, вложите въ ножны свою шпагу; наши забіяки теперь далеко, а возвращенія ихъ эпоже нельзя опасаться, потому что вы порядкомъ ихъ проручили.»

— Такъ я начну; будьте покойны, я не болталъ, и не употреблю во зло вашего терпѣнія: знайте же, что у насъ въ Антверпенѣ есть нѣкто *Михаель Флорсъ*, славный живописецъ, о которомъ вы можете быть слышали.—

«*Михаель Флорсъ*? Кто не слышалъ объ немъ въ Испаліи? Онъ достойная подпора прекраснѣйшаго изъ всѣхъ искусствъ.»

— И такъ! у него есть дочь, и какая дочь, Синьоръ! Она также прелестна, какъ ученъ отецъ ея! Дѣло въ томъ, что я безъ ума въ неѣ влюбился, и не хвастаясь могу сказать, что Кенпенъ *Матзисъ* былъ ей также не пропивень. Увы! безъ проклятаго упрямства отца ея, давно уже во всемъ Антверпенѣ не было-бы чепы счастливые насъ. Но какъ вы думаете? гордость, или лучше сказать, оплщворенный дьяволъ, внушилъ ему мысль презирать меня и ремесло мое; спаркъ побоялся всѣмъ Святымъ, что я никогда не буду его зятемъ, — если только не научусь его искусству. Ну, что вы объ эпомъ скажете?—

«Клянусь честью, презабавная исторія. И такъ, безумецъ, вы бросили домъ, семей-

ство, друзей, всё изъ любви къ красавицѣ! О, это по героически! Но что, если между тѣмъ, ваша возлюбленная вздумаетъ поискать удовольствія въ кошелькахъ спарыхъ мѣщанъ вашихъ? . . .»

— Тише, Спнборъ, прервалъ съ живописцю оружейникъ; Фламандки, поклявшись въ любви, умѣютъ держать свое слово, по крайней мѣрѣ такъе хорошо, какъ ваши Римскія красавицы, хоня можетъ быть и не такъ легко дають его. —

При сихъ словахъ, онъ взглянулъ на висѣвшую у пояса Италіанца маленькую шипую перчатку, которал очевидно принадлежала женской рукѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ *Урбанъ*, спаралсь обратитъ разговоръ на другой предметъ; не ужъ-ли вы прибыли сюда за тѣмъ, чтобы предаться изученію великаго искусства?»

— А зачѣмъ бы иначе пошелъ я въ Римъ?— О! если бы вы могли мнѣ быть полезнымъ? Умоляю васъ, не оставьте меня; да и не предлагали-ль вы мнѣ сами сей часъ свои услуги? Такъ! вы мнѣ можете, я въ этомъ увѣренъ. За то, по первому призыву, рука Кенпеня *Матзиса* будетъ готова къ вашимъ услугамъ; имя ваше будетъ всегда упоминаемо въ его молитвахъ. Масперская, кспни, нѣсколько уроковъ! о, если-бъ вы знали! . . . съ утра до вечера . . . эта рука. . . —

«Пресвятая Дѣва, эта рука! Но, любезный другъ, не лучше ли чеканить лапы, чѣмъ мараить холстину: право, вы мнѣ очень смѣшны.»

— О! если такъ, по прощайте, Спнборъ; Римъ великъ, а Кенпень *Матзисъ* гордъ. —

И *Матзисъ* собирался оставить своего собесѣдника; но топъ удержалъ его, попрервавъ по плечу: «нѣтъ, нѣтъ, мой милый, я совсѣмъ не думалъ обижать васъ. Припомъ же слишкомъ много вамъ обязанъ. Я люблю посмѣяться, какъ видите, но еще никто не упрекнулъ меня въ неблагодарности. Такъ, мой храбрый защитникъ, положитесь на вашего руководителя, и когда ужъ вы непременно этого хотите, то надѣйтесь на меня. Если всѣ успія чловѣка, одолженнаго вамъ жизнию, могутъ. . .»

— Какъ! возможно-ли? . . . Вы сами живописецъ? —

«О, Боже мой, нѣтъ! Ничто иное какъ простой любитель.»

Фламандецъ закурилъ губы; попомъ взявшись за руки съ новымъ своимъ другомъ, они пошли вмѣстѣ въ средину города.

Прошло чепыре года, и въ Антверпенѣ всё еще недоспавало одного изъ лучшихъ гражданъ. Кенпень *Матзисъ* съ тѣхъ поръ не являлся. Тогда былъ Июнь мѣсяць; послѣдніе лучи заходящаго солнца орошали золотымъ дождемъ шпицы и своды спараго собора. Между тѣмъ наступала ночь, и скоро въ пустыхъ улицахъ не спало слышно ничего, кромѣ тяжелыхъ, мѣрныхъ шаговъ городскихъ дозоровъ, которые съ лапами на груди и съ бердышами на плечахъ, въ молчаніи, оберегали покой сей царицы Брабанта.

У окна дома, лежащаго въ главной улицѣ города, сидѣла молодая женщина, которой задумчивые взоры показывали, что горести опередили для нея годъ. Длиныя русыя косы обвивались вокругъ прелестнаго чела ея. Руки ея были сложены крестомъ на груди, сильно вздымавшейся подъ узкимъ апласнымъ корсетомъ, и тѣмъ измѣнявшей тайнѣ необыкновеннаго волненія. Это была прекрасная Лестелла *Флорсъ*, Брабантская жемчужина. Названіе сіе сдѣлалось военнымъ восклицаніемъ многихъ храбрыхъ рыцарей; не одинъ благородный Графъ желалъ получить ея руку, и не одна прекрасная дама завидовала красотѣ ея. Однакоже, къ большому прискорбію опца *Лестеллы*, пріятности брака до сихъ поръ еще не могли пѣннить еѣ.

Слеза каплась по щекѣ бѣдной дѣвушки. — «Но въ самомъ дѣлѣ, сказала она въ горестномъ раздумьи, не безумно-ли отказываться отъ столькихъ блистательныхъ партій, допуская батюшку изнывать отъ горести, и всё это для того, кто можетъ быть. . . . Увы! но я не стану болѣе говорить о немъ.»

Тупъ она опошла отъ окна, и небрежно взяла свою гитару, по которой скользнула раза два или три ея хорошенькая ручка; но и гитара, какъ будто служа эхомъ сердцу своей владѣтельницы, издала печальные и жа-

лобные звуки. Скоро она выпала изъ рукъ ея, и бѣдная *Лестелла*, облокотясь на свои кресла, горько заплакала.

«О мой *Кентень*, вскричала она, о мой возлюбленный! Нѣтъ! я не могу вѣрнѣе пакому несчастію. Подъ такою красотою не можетъ скрываться сполько вѣроломства! И однакожь, то, что они говорятъ...»

— О! не вѣрь тому, что они говорятъ!—

Лестелла вскрикнула; но поцѣлуй милого пошчасъ заградилъ ей уста.

— О моя *Лестелла!* мое сокровище, моя радость! такъ, ты моя, моя навсегда!—

И счастливый *Матзисъ* прижималъ къ груди своей восхитенную дѣвушку.

«А бапишка!» вскричала она, вырвавшись вдругъ изъ его объятий.

— Я говорю по же, что и онъ, дочь моя; божусь тебѣ, я говорю по же, что и онъ! вскричалъ добрый *Михаель Флорсъ*, который былъ не замѣченнымъ свидѣтелемъ сей сцены. Такъ, моя *Лестелла*, это твой *Кентень*, и клянусь св. Николаемъ! не позже, какъ завтра и свадьба... Ну, что ты успавила на меня глаза? Мнѣ кажется, что всё это довольно ясно. Твоя маленькая ручка, дѣши мое, была сотворена не для кузнеца; теперь еѣ просишь художникъ, такъ могъ-ли я отказать ему?

Ну, дѣши, теперь поговоримъ на свободѣ, а завтра и за свадьбу.—

Дѣйствительно, на завтра, едва только разсвѣло, во всемъ городѣ раздался уже колокольный звонъ, а въ полдень подъ спарыми сводами собора произнесены были кляпвы счастливѣйшей чепы.

Имя Брабантской жемчужины сохранилось во Фламандскихъ хроникахъ, а имя ея супруга заняло высокую степень въ лѣтописяхъ живописи. Путешественникъ, посѣщающій его гробницу въ Антверпенскомъ соборѣ, и до сихъ поръ еще можетъ услышать отъ церковнаго спорожа разсказъ о томъ, какъ любовь привела его въ Римъ, и какъ онъ имѣлъ случай спасти жизнь *Рафаэлю*.

Пер. *Ип. Глбовъ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ПЛЯСКУ А. А. Ж.....ОЙ.

Когда при радужныхъ огняхъ,
Какъ будто Фея на крылахъ,
Вчера предъ нами ты лепала;
Когда, подъ звукъ форто-піанъ,
Свивала свой ты гибкій станъ,
Прильнувши пожкой къ полу зала,
Иль на-лепу его развиль,
Вдругъ мимо насъ неслась спрѣлою, —
Въ груди дыханье припавъ,
Слѣдилъ я взоромъ за тобою;
Желаній вспыхнувшихъ порывъ, —
Сей тайный демонъ - искуситель,
Очарователь, соблазнитель,
Моей душою овладевъ:
Я пренепалъ, я пламенель;
Обуреваемый спрасками,
Я пожиралъ тебя очами, —
И отъ пвоихъ прелестныхъ погъ
Я взора оторвать не могъ!

Сѣловъ.

Варшава.
Ноября 24, 1851.

Л А Н Д Ы Ш Ь.

(Въ альбомъ *N.*)

Ты знаешь ли, ландышь, цвѣточикъ весны?
Смирненно цвѣтешь онъ въ роскошной полянѣ,
Красой не блистая, среди пишины,
Онъ льетъ ароматы для васъ, поселяне!
О, будь же ты, дѣва, какъ ландышь, мила,
Красуйся смиренно подъ кровомъ домашнимъ;
Пусть свѣта къ тебѣ не коснется хвала,
Пусть будешь чувствъ скромныхъ предметомъ
всегдашнимъ.

*

Что свѣта пустаго пустыхъ хвалы?
Что радости шумныя?... Спраспи людскія,
На жребій, на жизнь, заговоръ и хулы —
Онъ умерщвляютъ цвѣты полевые.
Подъ кровомъ смиреннымъ, вдали отъ суесть,
Сбираются дружба, любовь и участие;
Тамъ сладкая доля для смертныхъ цвѣтовъ:
Спокойная совѣсть, сердечное счастье.

Карлгофъ.

КЪ ЗАВИСТНИКУ ДАРОВАНІЙ.

Завистникъ юныхъ дарованій!

Почто ты гибель прорекалъ,

И, чуждъ возвышенныхъ мечтаній,

Пьвцу ты пушь къ нимъ заграждалъ?

*

Ты говорилъ: вопще поэмомъ

Младой приплецъ желаетъ быть.

И передъ симъ холоднымъ свѣтомъ,

Его спарался ты чернишь.

*

Но онъ, на зависть не взирая,

Въ своемъ приюмѣ пихомъ пѣлъ;

Досуги Музѣ посвящая,

Избралъ покой и прудъ въ удѣлѣ.

*

Орлу такъ съши разставляетъ

Ловецъ, но щещно онъ грозитъ;

Орель презрѣнемъ отвѣчаетъ,

И къ сѣрамъ выпренимъ лепитъ!...

М. Делидовъ.

Нижній-Новгородъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Берѣзанька-ль

Кудрявая,

Опъ въпра гнешя —

Ломнися;

А розочка

Душистая

Ко правкѣ жалко

Клонилися.

*

Такъ дѣвица

Красавица

По миломъ другъ

Плачешя,

Какъ водополь

Весеняя

По чисту лугу

Льешъ рѣкой.

*

«Кольцо мое,

«Завѣшное!

«Безъ друга, друга

«Милаго,

«Мнѣ золопомъ

«Кого даритъ?

«Скажише: чшо мнѣ

«Въ золомѣ?»

*

Сняла кольцо

Съ руки своей

И въ быспры воды

Кинула:

«Неси волна,

«Шуми волна!

«Любовь свою

«Я съ нимъ дарю!»

И. Петровъ.

Красноярскъ.

CHARADE.

Lecteur, regarde dans la lune,

On y voit, dit-on, mon premier;

Mais prends bien garde que ton pied

Ne fasse en ce moment sa rencontre importune;

Ton nez pourrait fort bien n'en pas sortir entier.

De notre humaine architecture

Mon dernier cache les ressorts;

Il ajoute aux charmes du corps,

Dans certaines beautés l'orgueil de la nature.

Mon tout, peuple utile, indolent,

Préfère, au séjour de la ville,

Des champs l'humble et paisible asile:

Pourvu qu'il mange, il est content.

Въ No 46 и 47, помѣщенная загадка значить: *Сахаръ.*

MODES.

Les coiffures en cheveux ont pour seul ornement des nœuds de ruban posés sur le côté. Les grecques et les feronnnières sont encore conservées. Mais ces coiffures ne siënt qu'aux figures très-régulières, et encore beaucoup moins bien que les papillottes en touffes légères; et par derrière, des coques, des boucles relevées qui accompagnent le visage en marquant le sommet de la tête.

Le bleu de ciel est fort à la mode pour les chapeaux du matin. Un bouquet blanc de fleurs de serres, posé dans les nœuds de ruban bleu. Les fleurs

posées sur le côté tombant en dehors de la passe avaient trop de grâce et de simple prétention pour ne pas être généralement adoptées: aussi n'ont-elles fait que paraître dans le monde élégant, elles ont été de suite abandonnées. Dès qu'une femme vraiment à la mode retrouve son chapeau sur toutes les têtes, dans toutes les boutiques, ce chapeau n'est plus le sien. Si les fleurs sont posées sur un chapeau simple, ce doit être en bouquet, et attachées sur la forme.

Rien de plus élégant et de plus recherché que les cannes et les cravaches en corne de rhinocéros. Rien n'assure à la mode la plus luxueuse de conserver sa faveur; du moins le prix élevé de ces objets leur garantit pour toujours de la distinction. On voit chez *Marcadée* de petites cravaches de femme, dont le manche est travaillé avec le plus grand soin. Le bout n'est point tressé, mais il est aussi flexible et en corne amincie du même morceau que le manche.

М О Д Ы.

Прически изъ однихъ волосъ украшающяся одними баншиами изъ ленщъ, пришиленныхъ съ боку. Греческая прическа и ферроньеры всё еще въ употребленіи; но вообще всё уборы такого роду идущъ только къ совершенно правильнымъ лицамъ, и шо не столько, сколько легко сбихыя букли; сзади носятъ изъ волосъ пепли, которыя украшающъ физиогномію, означая верхъ головы.

Небесно-голубой цвѣтъ въ большой модѣ для упренныхъ шляпокъ; букетъ изъ бѣлыхъ оражерейныхъ цвѣтовъ, приколонный въ баншѣ изъ голубыхъ ленщъ;— цвѣты, пришиленные съ боку и упадающія на поля, дѣлающъ такой красивый видъ и такъ щеголеваты при простотѣ своей, что вошли въ общую моду—но очень скоро и вышли изъ оной.—Причиною сему есть то, что испанная щеголиха, увидя на всѣхъ магазинахъ своей шляпку и находя её во всѣхъ магазинахъ, уже не считалась её своею. Цвѣты на простой шляпѣ должны соспавлять букетъ и быть пришилены къ тульѣ.

Ничего нѣтъ щеголеватѣе и красивѣе просточекъ и хлыспиковъ изъ Носороговой кости. Мода самая роскошнѣйшая, и которая вѣрно долго удержитъ свое владычество; но крайней мѣрѣ, цѣна ихъ дасть имъ право на всегдашнее преимуще-

ство. У *Маркадея* продаются маленькіе дамскіе хлыспики, у коихъ ручка самой высокой работы. Кончикъ не заплемёнъ, но также гибокъ и выдѣланъ изъ той же кости, изъ коей сдѣлана ручка.

С М Ъ С Ы.

Физиогномія Лондона.—По послѣднему исчисленію, населеніе Лондона простирается до 1,273,000 душъ, въ томъ числѣ, согласно официальнымъ донесеніямъ, можно полагать до 20,000 человекъ, которые не имѣютъ дневнаго пропитанія и даже ночлега на слѣдующую ночь; до 10,000 слугъ обоюго пола, не имѣющихъ мѣста, 115,000 мошенниковъ или воровъ и 3,000 скупачей краденаго. Нельзя представить себѣ, сколько случается воровства въ Лондонской гавани; болѣе 2,000 плутовъ, которыхъ весь промыселъ состоитъ въ томъ, чтобы скипаться по ночамъ около кораблей и верфей, упаскиваютъ все, что имъ ни попадется. Въ Лондонѣ находится до 5,000 кабаковъ, кои служатъ приспанью всякой сволочи, гибелью для ремесленниковъ и испочникомъ безчисленныхъ беспорядковъ. Въ немъ считается болѣе 43 игорныхъ домовъ. Число нищихъ превышаетъ 16,000 человекъ, и болѣе 2,500 человекъ ежегодно предаются въ руки правосудія.

Наполеонъ, говорятъ, подарилъ 500,000 франковъ тому чиновнику, который въ первый разъ въ официальной бумагѣ употребилъ слово *sujet*.—Когда Принцъ Леопольдъ Бельгійскій былъ въ Антверпенскомъ пеапрѣ, то не было тамъ ни одной дамы, что весьма не понравилось Королю.—Цвѣтущій некогда Греческій городъ Аливали на берегу малой Азии, разоренный Турками при возстаніи Грековъ, нынѣ опять населяется выходцами, которымъ Султанъ возвратилъ все принадлежащее имъ недвижимое имѣніе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 49.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Іюня 18 дня, 1852 года.

Спокрапъ пріишви, дома сидя,
Соблазновъ Свѣта въ немъ не видя,
Съ своей семьёю просто живишь!
И скромно время провождая,
Уму и сердцу угождая,
Дрова въ каминъ шевелить.

Князь Долгорукий.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШУАНЫ.

Гдѣ, когда, слышалъ я слѣдующій разговоръ—не скажу. Разговаривали двое. Одинъ высокій, превысокій; другой желтый, прежелтый.

Высокій порчалъ на Волперовскихъ креслахъ и кривлялся; Желтый шагаль по кампашъ и махаль руками.

Высокій. Точно *моншеръ!* ты правъ! у насъ нѣтъ ни липературы, ни липераторовъ!

Желтый. Рѣшишельно нѣтъ! и я эпо докажу. Оспавимъ ребяческія погремушки, квасной папріопизмъ, и — какъ Европейцы, какъ люди новѣйшаго поколѣнія, бросимъ высшій взглядъ на нашу, пакъ называемую липературу и прославленныхъ липераторовъ. Какая нелѣшца предспавитъ намъ! Кто наши славные? говори—а я буду разоблачать ихъ.

Высокій. *Комансонъ!* (ш. е. començons!) *Ломоносовъ.*

Желтый. Бѣдный рыбакъ, самъ собою выучившійся грампѣ, — хопѣлъ бытъ всѣмъ—и сторѣлъ въ собственномъ огнѣ своемъ!

Высокій. *Шарманъ! шарманъ!* (charmant! charmant!)

Желтый. И при помъ,—онъ не липераторъ и не ученый, эпотъ *Ломоносовъ.* *Липераторъ, омъ де летръ* (homme de lettres) человекъ свободный, не озабоченный службою, а—*Ломоносовъ* служилъ въ двадцати мѣспахъ!

Высокій. *Державинъ?*

Желтый. Писаль порядочно—самъ не зная, чпо пишеть. Да! писалъ, не зная грампическихъ правилъ—и по по заказу—между дѣла. Для него поэзія была дѣломъ поспороннимъ—игрушкою. —

Высокій. *Фонвизинъ?*

Желтый. Случайно попалъ въ писатели. — Цѣлю его были чины, награды, а не слава липературная.

Высокій. *Грибоедовъ?*

Желтый. Написаль комедию — между прочимъ занятіями по службѣ; изъ удовольствія побранилъ нѣкопорыхъ изъ своихъ Московскихъ знакомцевъ. Когда ему было думать о липературѣ!

Высокій. Делисье! (п. е. délicieux!) Я запишу слова твои—и напечапаю нашъ разговоръ въ Телеграфъ.

Желтый. И вотъ наши лучшіе, славные императоры! Одинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, и пріе Спартскихъ Совѣтниковъ! Все служащіе! Какіе же это императоры? О прочіихъ и говорить нечего! Князья, Графы, Генералы, Губернаторы, Камергеры, Камеръ-юнкеры—для которыхъ написать что нибудь въ журналъ, то же, что съѣздишь куда нибудь съ визитомъ, или разкуришь трубку.. Гдѣ же императоры! (*)

Высокій. А мы?

Желтый. О, мы такъ напримѣръ—оно со всемъ другое! Мы посвящали себя исключительно одной импературѣ.

Высокій. Слѣдовательно, мы настолщіе императоры!

Желтый. Скажи лучше: единственные предсавители Русской импературы! Безъ насъ—на Русіи—не знали бы, что *Нибуръ* первый исторіографъ нашего времени; что въ Парижѣ есть нѣкто Викторъ *Гюго*, написавшій романъ: *Notre Dame de Paris*; что Англичане ведутъ значительную торговлю съ Китаемъ,—и что *Гёте*, великій *Гёте* умеръ въ прошедшемъ мѣсяцѣ!

Высокій. Боже мой! какъ мы велики! Ахъ *моншеръ!* мнѣ кажется, что я съ побоею парю на облакахъ, и съ высоты величія, смотрю внизъ на жалкій муравейникъ, въ которомъ роются наши, такъ называемые императоры! Ахъ *моншеръ!* какое великое дѣло совершилъ ты своимъ перомъ! Потомство воздвигнетъ тебѣ мраморный обелискъ! Я плачу отъ восторга! На тебя усремлено вниманіе всей Россіи—цѣлаго свѣта..

Желтый. Это вздоръ! Вотъ когда я заведу свою типографію—о, тогда—кончено! Никто не осмѣлится ни писать, ни печатать безъ моего вѣдома! Всѣ типографіи въ прахъ! Всѣ, что пишутъ, исчезнутъ, или перейдутъ ко мнѣ въ переписчики и корректоры! Тогда—о тогда, Россія будетъ имѣть свою импературу.

(*) Просимъ взглянуть въ 24 Но Телеграфа 1851 года.

ру—а я одинъ, какъ солнце въ небесахъ, буду освѣщать и плодотворить почву импературы Русской.

Высокій. Ахъ *моншеръ!* какое блаженство! Тогда мы навѣрное получимъ тысячь пять сотъ годового дохода!

Желтый. Кспати. Если Б. пришлетъ за деньгами, скажи, что я уѣхалъ на дачу. О времена! о варварство! плащи за стихи, плащи за прозу, плащи за рецензіи—и кому? импературной черни! однако, мнѣ пора ѣхать—сегодня у насъ присутствіе. — Эй! Иванъ! одѣвайся! вице-мундиръ!—портфель!

Высокій. А я съѣзжу за спартями въ университетъ! *Адиу!* (Adieu!)

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОЛАНДОВЪ ЗАМОКЪ.

(Повѣсть Вилькена.)

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, вислицихъ надъ водою,—

Въ священномъ сумракѣ дубравы,
Задумчиво брожу, и вижу предъ собой

Слѣды пропекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки—грознаго вала—поросшіи лакомъ ровъ—
Столбы—и вѣхій мостъ съ чугунными цѣпями—
Твердые мшистые съ гранитными зубцами—

И длинный рядъ гробовъ.

Однажды, въ прекрасный осенній вечеръ, въ веселомъ обществѣ возвращался я въ Боннъ съ прогулки по живописнымъ окрестностямъ. Последніе лучи заходящаго солнца еще горѣли на высокихъ лѣсистыхъ вершинахъ горъ, и казалось, неохотно распавались съ сею райскою спраною;—вечерняя заря прешаля въ тѣмныхъ волнахъ Рейна, по которому скользилъ нашъ легкій челнокъ, какъ орелъ по голубому ээиру.

Громкія пѣсни и веселый звонъ покаловъ, коими мы привѣсповали почтеннаго спарца Рейна, умолкли; непримѣнно воцарилась глубокая тишина, и всякій давно ужъ погрузился въ созерцаніе живописныхъ окрестностей, когда подъѣхали къ оспрову Нонненверпу, на которомъ возвышается древній

женскій монастырь съ своими мрачными стѣнами и ржавыми кровлями. — Нѣсколько сотъ шаговъ далѣе, рѣка, сжавая двумя огромными скалами: Драконовою (Drachenfels) и Роландовою (Rolandseck), шумя и пѣнясь, спѣшнѣе къ ближней равнинѣ. — На каждой изъ сихъ скалъ сползъ развалины древняго зѣмка, подобно грознымъ привидѣнїямъ; мрачно сперегуть онѣ цвѣшущую долину, — печальный памятникъ минувшаго могущества и величїя.

Посматривая на грозную высоту, вспоминалъ я тѣ времена, въ которыхъ сїи стѣны оглашались веселою жизнїю, и существа, созданные, подобно намъ, для горести и утѣхъ, для скорби и радости, наслаждались въ нихъ бытїемъ скоротечнымъ. —

Преданїе о паденїи Роландова зѣмка, живущее въ устахъ народа, живо представилось душѣ моей. Вотъ его содержанїе:

Зарумянился востокъ, и яркое утренняя солнце взошло на тѣмно-голубое небо. — Башни гордаго Драконова зѣмка вспыхнули въ отблескъ утренней зари; надъ полями и нивами клубился бѣлованный туманъ, и веселый жаворонокъ взвился подъ голубое небо, когда небольшой опрядъ всадниковъ медленно подымался по извилинамъ лѣсной нагорной тропки, ведущей къ ворогамъ зѣмка.

Послѣ долгой разлуки съ опечеснвомъ, послѣ тяжкой борьбы съ судьбою и на кровавомъ полѣ чести, молодой *Роландъ* наконецъ увидѣлъ опять сполъ драгоценную ему родину. Кто послѣ долгой, долгой разлуки съ опечеснвомъ, увидѣлъ опять поприще своихъ младенческихъ лѣтъ, тѣ мѣста, гдѣ онъ игралъ будучи младенцемъ, гдѣ пробужденїе безыменныхъ, сладостныхъ чувствованїй волновали юную грудь и наполняли сердце пламенными грезами о славѣ и могуществѣ, о любви и добротѣ, сполъ пойметъ невыразимое блаженство возвратившагося. — Всѣ вокругъ его сіяетъ въ розовомъ блескѣ воспоминанїя; — ярче отражается для него солнце въ зыбкомъ серебрянн пруда, сладостнѣе шумитъ ближняя рощица, и звонче раздается пѣнїе веселаго зябляка, на гибкой вѣтви качающагося.

Но не одни сїи чувствованїя волновали грудь молодого рыцаря; не одни только безмолвные, безжизненные свидѣтели давно протекшихъ лѣтъ привлекли его опъ роскошнаго Двора Римскаго императора сюда, въ сїе глубокое уединенїе; — въ зѣмкѣ обитало существо, для котораго сердце его еще радостнѣе билось, — *Матильда*, милая подруга его юности. Еще разъ взглянуть ей въ томно-голубые глаза, въ которыхъ онъ сполъ часто читалъ отблескъ своихъ собственныхъ чувствованїй, было настоящею цѣлю сего далекаго путешествїя.

Узнаетъ ли она его послѣ сполъ долгой разлуки? Вспрѣтнть ли она его ласково, привѣтливо? Увидитъ ли въ немъ незнакомаго рыцаря, созрѣвшаго въ буряхъ жизни, или поварища протекшаго младенчества? Еще носилъ онъ тѣмную перевязь, которую она, въ залогъ пензвѣнной вѣрности, въ минуту прощанїя, повязала ему вокругъ руки; не улыбнется ли она теперь сему подарку, какъ младенческой игрушкѣ? Не изгладилась ли въ душѣ ея и многїя другїя воспоминанїя? — Вотъ вопросы, которые обуревали сердце *Роландова* и заставили его забыть всё его окружающее.

Занятый своими мыслями, онъ доѣхалъ до того мѣста, гдѣ пропннка, которая доселѣ извѣдалась лѣсомъ и ущелїями, и только изрѣдка доставляла открытый видъ на зѣмокъ, прямо и крупно ведетъ къ ворогамъ онаго. — Близость зѣмка пробудила юношу изъ грезъ, которыми онъ предавался. Вонзивъ шпоры въ ребра коня, онъ мигомъ доскакалъ; подѣмный мостъ, гремя, опустился предъ знакомымъ знаменемъ, и вскорѣ *Роландъ* припалъ къ сердцу своего воспитателя, преспарѣлаго *Драценфельса*, который съ опеческою любовью обнялъ давно ожиданнаго. — Между тѣмъ *Матильда*, по тѣмному предчувствїю, по сильному бїенїю сердца, узнавшая въ прїѣземъ *Роланда*, съ громкимъ крикомъ радости сбѣжала съ лѣспнницы, и спояла уже на послѣдней ступени, прежде, нежели успѣла опдапъ себѣ опчепъ въ своихъ чувствованїяхъ и поступкахъ. —

Къ нему спѣшаютъ ошець съ невѣстою молодой
И лики Бардовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоишь безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣешь,
Почуя ясный взоръ, краснѣешь и блѣдишь,
Какъ мѣсяць въ небесахъ....

Прекрасная, какъ радостная будущность, милая, какъ оправданная надежда, она, краснѣя, предстала предъ юнаго госпя, который, будучи изумленъ, пораженъ ея красою, щепотно искалъ отборныхъ словъ, коими хотѣлъ привѣтствовать возлюбленную, но въ замѣшательствѣ могъ произнести нѣсколько только невнятныхъ словъ.

Шумнымъ ширшествомъ праздновали приближенныя молодого рыцаря. Между тѣмъ, какъ няжкая чаша еще переходила изъ рукъ въ руки ширяющихъ, *Роландъ* оставилъ обширную рыцарскую залу, дабы прохладнымъ дуновѣнiемъ вечера освѣжить пылающую грудь,—и можетъ быть.... но онъ почти не смѣлъ самому себѣ сознаться, чего еще желалъ, какъ изъ отворенной боковой комнаты раздался пикiе, вѣжные звуки арфы, и, казалось, предвѣщали ему исполненiе его пламениѣйшаго желанiя. Тихонько подошелъ онъ къ двери. Полный мѣсяць проглядывалъ изъ-за серебряныхъ облаковъ восточнаго неба; бѣловатый, тяжелый туманъ, клубясь, носился надъ ущелiями и надъ вершинами отдаленнаго лѣса, и Рейнъ блестящимъ исполиномъ-змѣемъ вился по обширной равнинѣ.

Матильда стояла на балконѣ, смотря въ неизмѣримую глубину, гдѣ быстрая рѣка дробила свои огромныя волны объ утесистый берегъ.— Она только что прочла романсъ, и помныя звуки арфы ея пробудили въ дѣтственномъ сердцѣ дремлющiй генiй любви;—одолившая могуществомъ сладостныхъ чувствованiй, она покинула арфу.—Ея длинныя, каштановыя волосы, зыблемые легкимъ дуновѣнiемъ вечера, густыми кудрями упали на бѣлую шею, и препетали на полныхъ персяхъ, волнуемыхъ помпильно-сладостнымъ чувствомъ.—*Роландъ* долго стоялъ неподвижно, разсматривая прелестныя формы. Невыразимыя чувствованiя, какъ бы слышныя изъ горести и радости, угрожали разорвать крѣпкую

грудь его, пока наконецъ, увлеченный пыломъ любви, не подошелъ онъ къ ней, чтобы пламенными словами изобразить ей то, что обуревало его сердце.—Но какой языкъ въ соспоиши выразишь то, что въ подобныя минуны волнуется нашу душу! Скорѣ живописецъ изобразилъ на холстѣ полуденное солнце во всемъ его великолѣпiи, или бурю возмущенное море, чѣмъ удалось смертному переложить на свой бѣдный языкъ пламенныя чувствованiя упоеннаго любовiю сердца!

Одинъ взглядъ возлюбленной—и съ горячностью первой любви обнялъ онъ прелестную. Блаженная минуна, достойная небожителей, быстро пролетѣла надъ главами юныхъ счастливицевъ.—

(Окончанiе въ слѣд. листкѣ.)

О ПРОИСХОЖДЕНIИ ФАМИЛИИ ФОНЪ ГОЛЛАУЭРЪ-ГОГЕНФЕЛЬЗЕНЪ.

Въ окрестностяхъ Инспрука, близъ зѣмка Фрагенштейнъ, показываютъ превысокой обрывистый утесъ, замѣчательный по серновой охотѣ Императора *Максимилiana*. Посреди сей отвѣсной спремнины находится пещера, называемая по имени сего Государя, въ память случившагося съ нимъ происшествiя; передъ нею поставленъ крестъ, висящiй надъ пропастью. Однажды *Максимилianъ* гонясь за серною, очутился на самомъ краю пропасти, и копые выпало изъ рукъ его. Глубина пропасти, надъ которою онъ увидѣлъ себя висящимъ, заставила его содрогнуться. Онъ употребилъ всѣ усилiя, чтобы освободиться изъ сего опаснаго положенiя, но изъ шести желѣзныхъ лапъ, прикрѣпленныхъ къ ногамъ его при выѣздѣ на охоту, оставалась только одна: прочiя были сломаны. Отчаясь въ помощи человеческой, онъ предался судьбѣ своей и размышлялъ о двухъ крайностяхъ, въ которыхъ онъ находился: умереть съ голода, или погнупь ннзвергшись въ пропасть.

Между тѣмъ, подоспѣвшая на крикъ его свитпа увидѣла всю опасность его положенiя; но послѣ щепотныхъ попытокъ извлечь его изъ онаго, съ ужасомъ увѣрилась, что нѣтъ никакой надежды спасти его. Тогда единственною заботою приближенныхъ къ Государю бы-

ло, доставить ему послѣднее упокоеніе вѣры, подобно человѣку, борющемуся съ кончиною. Надъ нимъ начали чинить опходную. Унылый звонъ колокола въ ближнемъ селеніи возвѣщалъ вѣрнымъ о несеніи св. Даровъ къ подошвѣ скалы, дабы несчастный Монархъ могъ видѣть совершеніе сего печальнаго обряда. Въ это время одинъ охотникъ, по имени *Цинсъ*, случайно зашелъ въ то мѣсто, гдѣ Императоръ находился между жизнью и смертію. Съ удивленіемъ увидя человѣка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ могли скакать однѣ только легкія серны, онъ вскричалъ: «Гей! (Holla)! кто вы таковы?» Императоръ, указавъ на торжественный обрядъ, совершавшійся у подошвы скалы, спокойно отвѣчалъ: я наблюдаю, что тамъ происходитъ (*ich laure*). — «Хорошо, подхватилъ охотникъ, понявшій смыслъ сихъ словъ; но что мѣшаешь мнѣ сойти къ вамъ? Для чего вамъ не отважиться выйти со мною опсюда?» — Прикрѣпивъ свои лапы къ ногамъ Императора, онъ подаль ему руку и черезъ нѣсколько минутъ они были уже внѣ опасности. — «Съ этой минутой, — сказалъ *Максимилянъ* своему избавителю, — ты уже не будешь называться *Цинсомъ*, но въ память избавленія моего, *Голлауэромъ*, составленнымъ изъ восклицанія твоего: *Holla!* и моего отвѣта: *ich laure*. Какъ скала сія безъ твоей неожиданной помощи была бы для меня гробомъ, по опнынѣ ты и попомощво твое будешь носить пишло дома Голлауэръ Фонъ Гогенфельзентъ (высокая скала), съ приличнымъ гербомъ.»

МЫСЛИ НА ВѢТЕРЬ.

Совершенно новый родъ жизни производить такое же дѣйствіе, какъ зимою холодная баня: всегда боишься избрать его.

— Женильба поже, что деньги: никогда не найдемъ ихъ, когда за ними гоняемся.

— Смѣшное есть самый клейкій составъ для памяти.

— Старая пословица: *огонь съ водой никогда не соидется*, всего ближе можетъ быть примѣнена къ воображенію: оно составляетъ рѣдкую способность души для того, кто умѣетъ имъ владѣть.

— Въ нравственномъ, какъ и въ естественномъ отношеніи, все принужденное бываетъ непрочно: сильная спрасъ преждевременно сводитъ насъ въ могилу, подобно какъ слишкомъ сильный и ранній цвѣтъ изсушаетъ дерево въ оранжерей.

— Замѣчательно, что горестъ, которой мы предаемся, часто становится потребностью нашей жизни, какъ курительная трубка въ болописномъ краю.

— Большую часть біографій можно раздѣлить на три опредѣленія: *на глупости, ошибки, несчастія*.

— Разсказываясь съ особами, послѣ перваго посѣщенія, болѣе всего осперегайтесь, чтобы не сказать глупости: ибо они всегда почти судятъ о новомъ знакомцѣ по послѣднимъ словамъ его.

— Нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ измѣрять счастье и способности свои мнѣніемъ о себѣ другихъ. Болѣзнь показавшаяся проспакомъ, составляетъ главный недугъ нашего вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, собственныя наши слабости причиняютъ намъ въ тысячу разъ болѣе замѣшательства и сожалѣнія, нежели ошибки!

— Для васъ желанія превращаются въ надежды, надежды въ увѣренность. — Вы еще слишкомъ молоды!

— Для молодыхъ людей надежда служитъ оракуломъ: такъ далеко видимъ мы въ двадцать лѣтъ!

— Нѣтъ такой чрезмѣрной печали, которая бы не очищала сердца.

— Въ памяти менѣе всего заключается эгоизма, обладающаго нами.

— Нельзя не пожалѣть, что такъ скоро въ насъ изглаживаются первыя впечатлѣнія, наши дѣтскія мысли, которыя представили бы намъ много замѣчательнаго. Мы увидѣли бы тогда, какъ легко приобрѣли и непримѣнно самыя полезныя знанія. Всякой изъ насъ очень твердо помнитъ, какихъ трудовъ стоило намъ выучиться грамотѣ; но кто знаетъ, какъ научился говорить, различать цвѣты, и пр.?

— Всякая наука или опкрытіе сначала принимается въ дурную сторону, и не прежде доспигаесть успѣха, какъ переставъ бысть собспвенностью избобрѣпапеля, спановишся общею принадлежностью.

— Нечаянности, подобно наслѣдству и несчастью, всегда вспрѣчаюшся намъ полною.

— Привычки суть такія чувспвованія, которыя принадлежатъ къ соспоянію окаменѣлости.

— Воображеніе для любви еспь то же, что газъ для воздухоплавателя.

— Любовь, удивленіе и самоотверженіе соспавляютъ при загадкѣ, которыя значатъ: *разогарованіе, сомнѣніе и неблагодарность.*

— Наспоящее насъ удерживаетъ, а будущее безпреспанно привлекаетъ: мы *лучше любимъ* привычныя удовольствія, а *предпочитаемъ* новыя.

— Въ небольшихъ бѣдахъ мы сохраняемъ меньше пвердоспи, нежели при великіхъ несчастьяхъ.

— Спраненъ и жалокъ удѣлъ человека! При хорошихъ склонностяхъ мы бываемъ такъ счастливы, что вовсе не заботимся о развитіи ихъ; на пропивъ того, дурныя склонности, до тѣхъ поръ превожатъ насъ, пока мы не предадимся имъ.

— Надобно, чтобы ревность имѣла спшкомъ прагическую развязку; иначе она смѣшна.

— Опыты учить насъ, это правда; но всегда пропусти пору. Всякая бѣда, всякая неудача даетъ намъ урокъ, который навсегда остаеися въ памяти; но попытайшесь закликать на себя бѣду, чтобы воспользоваться симъ урокомъ...

— Папріоны должны бы поучишся у спрастной женщины, какъ жертвоватъ собою Опечеспву.

— Нѣсколько лѣтъ потребно для того, чтобы описаъ все, случившееся въ одну минуту на цѣломъ земномъ шарѣ.

(Съ Англійскаго).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЩАНІЕ СЪ ЮЖНЫМЪ КРАЕМЪ.

Простите Подоліи злачной луга,

Край тихій, богатый, привольный,
Вы—Чернаго моря чужіе берега,

Вы—сінія, шумныя волны.

Когда васъ впорично увидишь солдатъ,

Бышь можешь, не будешь онъ молодецъ;

Въ немъ чувспва окрѣпнуишь, въ немъ мысль омрачаешь

И годы, и сѣверный холодъ!...

*

Простите Подоліи злачной луга,

Край тихій, богатый, привольный,
Вы—Чернаго моря чужіе берега,

Вы—синія, шумныя волны.

Я васъ не забуду, беру васъ съ собой

На родину—памятью ясною—

И буду васъ помнишь: какъ мрачной зимой

Мы помнимъ день льда прекрасный!...

Карлгофъ.

П Ъ С Н Я.

О чемъ горюешь дѣвица

Надъ бѣлою скалою?

Не спонъ ли моря синяго

Сроднилъ тебя съ поскою?

*

Что такъ блѣдна красавица,

Любуясь зарею?

Какъ видно, разлучается

Заря на вѣкъ съ побою?

*

Сбылась попка злобѣщая,

Заря погасла въ тучѣ.

Въ ночь самый мигъ *безстрашный* палъ,

Пронзенъ спрѣлой лепучей.

*

Не даромъ слезно плачешь ты

Въ полуночи глубокой,

Послѣдній вздохъ съ зарей шебъ

Прислалъ онъ издалѣко.

*

Заря взойдетъ веселая,
И заиграетъ море;
А ты, жди друга милого,
Но неупишино горе!

Трилуныи.

СВИНЬЯ ВЪ ОГОРОДѢ.

(Басня.)

Сибирская Свинья, безвѣспною жила
На винокуренномъ заводѣ,
(Безвѣспнымъ въ свѣсп жипь, и у людей не въ модѣ)
Такъ въ славу доплеспись перяхъ мысль при-
шла,
И счастлиа искашь—на эпо въ огородѣ.
Знашь подспрекнулъ Хавронью бѣсъ;
Иль можешъ спашься,
Наскучило въ грязи купашься,
Но только рѣшено—на чудо изъ чудесъ:
Възъжаешъ ужъ въ Москву она съ свиньями пышно,
А всё о ней въ Москвѣ—еще не слышно!
«Узнаешъ же, кщо я, Московскій весь народъ;» —
Хавронья хрюкнула, вломила въ огородъ,
А въ немъ хозяина, на грѣхъ, не видно было,
Хавронья по грядамъ прилѣжно водилъ рыло,
И что-то начала искашь, да землю рышь,
Сама взѣрошила въ щепины,
Однако ничего, нигдѣ не могъ найппишь—
По вкусу, умъ ея свининый.
«Всѣ плохо, плохо здѣсь!»
Прохрюкнула Хавронья, съ видомъ важнымъ:
«Я огородъ пересадила-бъ весь,
«На образецъ врялямъ пуспишнымъ;
«Здѣсь мѣсто заняла-бъ капустой, да правой,
«Тупъ должно-бъ посадишь крапивы полевой,
«А шупъ бы съ бардой чанъ поставишь;
«Какую пользу-бъ намъ могли они доставишь!
«Но все у нихъ не такъ; о, я, какъ захочу,—
«Ужъ ихъ за эпо проучу!—
«Я всё, что шупъ роспешъ, на славу въ грязь
впопчу!»
Что долго думашъ? принялася;
Ну перебиши капусту съ грядъ,
Укропъ, и мяпу, и салашь,
Не полевымъ кропомъ, а бурей поднялася;

Левкою, алыи макъ,
Пепрушку, спаржу, пуспарнакъ,
Смѣшала съ грязью въ ковардакъ.
Случись къ тому: Ословъ изъ дальнихъ спранъ
шупъ гнали;
Успавя лбы въ заборъ, ослы захохотали:
«Ну Хрюкушка! одинъ Осель сказалъ,
«Такой я смѣлоспи въ тебѣ не ожидалъ!
Теперь-то ужъ смѣкнулъ, и вопъ мои догадки:
«Вѣдъ ты умнѣй,
«Смѣльй,
«Но даже и Чудскихъ свиней;
Такія чудеса—кпобъ сдѣлалъ безъ ухвапки?»—
Хавронья голову вскружила похвала;
Хавронья рыло подняла,
(До честпобіа и свиньи видно падки!)
Раздумалася такъ: «какъ вопъ я какова!
Теперь уже гремишь вездѣ о мнѣ молва,
И ппицамъ и звѣрямъ, я думаю, извѣспно;
Ахъ! какъ бы мнѣ опъ нихъ хвалу услышашъ лестно!
Тогда бы я и въ садъ работашъ забраласъ:
Тамъ добраго вѣдъ нѣшь, а всё-бъ впопшала въ грязь.
Но Соколь наградилъ еѣ такимъ опвѣпомъ:
«Какая польза въ эпомъ,
«Чпобы добра съ худымъ не различашъ?
«Да брашься разбирашь?
«А швой разборъ такой, чтобъ грязью всё марашъ.
«Подумаи! сколько ты хорошему вредила,
«Но эшимъ лишь однихъ Ословъ ты размѣшила,
«А намъ тебѣ хвалишь—какая спашъ?»

*

Педашъ-Зоилъ такъ нагло пишешъ,
И даже въ крипикъ самъ глупой спѣсью дышешъ!
Опъ даромъ награжденъ: хорошее марашъ,
И дѣльнымъ и плохимъ,—какъ куклами играшь;
Пускай бы ужъ чужихъ швореній недоспашки,
Для зависти казались сладки,
А то нашъ шарлапанъ-Зоилъ,
Добро и худо,
Въ одно воропишь блюдо,
И радуясь, что пѣмъ глупцовъ опъ размѣшилъ,
Самъ думаешъ: ужъ и безсмертѣ заслужилъ!

Кр. *Егоръ Алитановъ.*

О М О Н И М Ъ.

Кю митъ, Графъ Уголнинъ! и пы *ко митъ, Таншаль!*
Спѣшите! спѣшите!

Свирѣпство голода вы *много* уполните.—

Кю митъ, Графъ Уголнинъ! и пы *ко митъ, Таншаль!*
Спѣшите! спѣшите!

Чтобъ жажды огонь палишь вамъ языки престалъ.

1...200...%

Въ No 48, помѣщенная шарада значить: *Trou-реан.*

M O D E S.

Les toilettes étaient simples au concert de l'Opéra, dans lequel a paru Paganini. Les coiffures en cheveux avaient pour seul ornement des nœuds de ruban posés sur le côté. Les grecques pures sont rares et cette mode en perdant de sa faveur, perd aussi de sa distinction. Les grecques et les feronnieres sont encore conservées par habitude, mais elles sont abandonnées généralement. Ces coiffures ne siéent qu'aux figures très-régulières.

A l'Opéra, beaucoup de bonnets. Un grand nombre avec une guirlande de roses-nymphes relevant la blonde d'un côté.

Chapeaux. — Les têtes des chapeaux sont très-penchées en arrière vers la nuque. Les nœuds de rubans, placés très en arrière, retombent presque sur les épaules, tant les bouts en sont longs.

Les chapeaux en paille à jour sont pris avec une telle fureur, qu'on peut aujourd'hui les compter par milliers. La forme de la passe en est assez variée, plus ou moins *bibi* ou évasée, mais la tête est toujours assez étroite du haut, et très-rejetée en arrière. Beaucoup de ces chapeaux doublés en crêpe paille ou rose sont ornés d'une seule fleur, ou d'un bouquet de fleurs des champs, telles que des coquelicots, des bleuets, etc.

Les chapeaux en paille de riz sont les seuls auxquels on donne une forme ronde un peu évasée. On en voit dont le dessous de la passe est orné de fleurs, et même de petites têtes de plumes.

Il y a des *bibis* tellement exagérés dans leur exiguité, que le bord de la passe ne dépasse pas les touffes de cheveux. Au matin, on porte souvent, sous un *bibi*, des petits bonnets garnis d'une ruche de blonde.

М О Д Ы.

Въ концертѣ, въ Оперномъ театрѣ, въ которомъ участвовалъ Паганини, наряды были весьма просны.

Въ Оперѣ видно было много чепчиковъ. Много съ гирляндю изъ розъ—нимфъ, приподнимающею блонду съ одной стороны.

Шляпки.—Тульи у шляпокъ чрезвычайно наклонены назадъ къ затылку. Банты изъ ленъ прищипываютъ также весьма назадъ; концы ихъ такъ длинны, что висятъ почти до плечъ.

Шляпки изъ прозрачной соломы весьма въ большомъ употребленіи, ихъ можно считать тысячами. Форма полей довольно разнообразна, болѣе или менѣе *биби*, или опкрытыя; но тульи всегда довольно узки къ верху, и весьма опрокинуты назадъ. Многія изъ сихъ шляпокъ подложены крепомъ розоваго или соломеннаго цвѣта, и опдѣланы однимъ цвѣткомъ или букетомъ полевыхъ цвѣтковь, изъ насурцій, васильковъ и проч.

Однимъ полемъ басовымъ шляпкамъ дѣлаютъ нѣсколько круглую и немного опкрытую форму полямъ.—Поля снизу опдѣлываютъ цвѣтами и даже маленькими верхушками перьевъ.

Есть *биби* съ такими маленькими полями, что край оныхъ ровень съ кустыками волосъ. Утромъ часто надѣваютъ подъ биби небольшіе чепчики съ блондовымъ рюшемъ.

С М Ъ С Ъ.

Публичность.—Ни въ одномъ Европейскомъ городѣ не господствуетъ такая публичность, какъ въ Неаполѣ. На улицахъ ѣдятъ, пьютъ, варятъ, доятъ коровъ, кормятъ пелятъ, занимаются разными ремеслами, покупаютъ и продаютъ товары, пишутъ письма и прошенія. Тутъ весь Божій день куютъ, тамъ шьютъ, пекутъ, пкутъ, варятъ, жарятъ, шиятъ, спружатъ, завиваютъ, брѣютъ и проч. Даже коровы, овцы, свиньи, куры, утки и гуси пользуются сею свободою и имѣютъ позволеніе цѣлый день прогуливаться по многолюднымъ улицамъ, гдѣ онѣ нерѣдко пробѣгаютъ между ногъ у пѣшеходцевъ.

№ 49 № Литерат. Прибав. къ Р. М.

1832 года

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 50.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Іюня 22 дня, 1852 года.

Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчать;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потопствѣ дальномъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ОПИСАНІЕ ВАРЯГО-СЛАВЯНО-РУССКАГО
ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЕУМА ИВАНА ГЕРА-
СИМОВИЧА ДУРИХИНА.

И заиграли маршь!

Излайловъ.

Россія славится великолѣпными картинными галереями, собраніемъ статуи и древностей, богатыми кабинетами минералогическими, ботаническими, зоологическими, многочисленными библіотеками.

Грановитая Палата изумляетъ взоры Европейца-путешественника, Кунсткамера С. Петербургской Академіи Наукъ содержитъ въ себѣ такіе предметы, каковыхъ напрасно спали бы мы искать въ Лондонскихъ и Парижскихъ кабинетахъ рѣдкостей.

О Библіотекѣ графа *Бутурлина*, картинныхъ галерейхъ графа *Строгонова* и князя *Блосельскаго*, Музеумъ *Демидова*, сгорѣвшемъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, ученые отзывались съ глубочайшимъ уваженіемъ. Музеумъ графа *Румянцева* обезсмертилъ сего Русскаго *Мецената*. Шуйскаго уѣзда помѣщикъ *Г. Киселѣвъ* обладаетъ картинами перво-

класныхъ живописцевъ и дорогимъ собраніемъ рѣдкостей. Музеумы *Николаевскій* и *Одесскій* уважаются знаатоками древностей.

Но всѣ сіи Кабинеты, всѣ сіи Музеумы хвалялись любопытными, чудными прозведеніями природы всѣхъ пяти частей міра, твореніями искусства иноземныхъ болѣе, нежели коренныхъ Славянскихъ и Русскихъ.

Касапельно опечиственныхъ рукописей ни въ государственныхъ, ни въ частныхъ хранилищахъ нѣтъ столько древнихъ, сколько рѣдкихъ, какія видѣлъ я у покойнаго Надворнаго Совѣтника *Салакадзева*, продаваго въ Англію, за дорогую цѣну, два списка пѣсни о полку *Игоревъ* и обмануваго *Державина* оракулами языческихъ Новгородскихъ жрецовъ, собственнаго его издѣлія. Сіи оракулы были чипаны *Державинскими* въ бестѣдъ любителей Россійскаго слова и потомъ напечатаны. Киевскій Митрополитъ *Евгеній* обнаружилъ фальшь.

Надобно отдать справедливость почтеннѣйшему *П. П. Свиньину*: онъ первый возымѣлъ мысль составить Россійскій Музеумъ.

«Уже нѣсколько разъ Пчелка» говоритъ *Г. П—овъ*: «разносла по всей Россіи пріятныя извѣщенія объ открытіяхъ Павла Петровича *Свиньина*, и конечно, не только жаркій

«патріотъ Русскій, но вообще всякой благомыслящій человекъ и теперь порадуется, узнавъ, что прудное и, скажу, дерзкое предприятие Г. *Свинина* собралъ Русскій Музеумъ, часть опъ часу увѣнчивается новыми успѣхами, а потому дѣлается часть опъ часу драгоценнѣе (1).»

Чухломскій помѣщикъ Иванъ Герасимовичъ *Дурихинъ*, въ патріотической ревности своей, простерся еще далѣе, и если предприятие Г. *Свинина* названо дерзкимъ: то я смѣлю могу придавъ эпитетъ отважнаго предприятию Г. *Дурихина*. Онъ рѣшился составить Варяго-Славяно-Русскій Музеумъ—и, 23 года поспоянно спремья къ своей, для *квасныхъ* патріотовъ (*) недостижимой цѣли, соединилъ въ своемъ селѣ Красномъ такія древности, такія рѣдкости, которыхъ *диге* (***) найпти прудно: ибо они сами удивляются, увидя себя вмѣстѣ, подъ одною крышкою.

Музеумъ Г. *Дурихина* помѣщенъ въ двухъ круглыхъ залахъ: одна изъ нихъ вышиною во 100 аршинъ (2); другая въ 10 (3). Первая освѣщена люстрою изъ 8 лампъ; впорал изъ 338,000,008.

Къ чести Г. *Дурихина* опносятся, что онъ, имѣя весьма посредственное состояніе, успѣлъ собрать столь дивныя дѣла, столь чудныя чуда. Я испросилъ позволеніе позѣвать на сокровища сего Музеума (4), и сообщаю любителямъ патріотическихъ диковинокъ многія достопамятности, оныя украшающія.

Модель церкви *Циклопическаго* зодчества (5).

Сельди, изъ которыхъ уха не уступаютъ сперляжбей (6).

Три волоса изъ бороды *Вадима*, Новгородскаго Посадника, вырванные раздраженнымъ *Рюрикомъ*, въ присутствіи *Гостомысла* и *Огнищанъ*, на Софійской площади.

Голова коня *Олега вѣщаго*; та самая, изъ которой выползъ змѣй—и уязвилъ сего Великаго Князя.

(1) Свѣд. Писла 1829, No 56.

(*) Выраженіе Николая Алексѣевича *Полеваго*. (**) Выраженіе Николая Алексѣевича *Полеваго*.

(2) Лип. листки О. В. *Булгарина*, No 4, стр. 51.

(3) Тамъ же. (4) Свѣд. Писла 1828, No 100. (5) Тамъ же. (6) Тамъ же.

Видъ Кремля, снятый при Великомъ Князѣ *Василѣ* Ивановичѣ *Тѣлтоль*. На первомъ планѣ сей картины изображенъ Правительствующій Сенатъ и Иванъ Великій. За ними снѣются Воробьевы горы; внизу по зелени извѣщается Москва рѣка.

Кусокъ самородной соли во 100 пудъ вѣса, найденный въ развалинахъ Старорусскихъ союварень, съ археологическимъ замѣчаніемъ, въ коемъ сказано: «всѣмъ вѣдомо, что соль «вывозилась изъ Новгорода на военныхъ корабляхъ (самодѣльщицѣ) въ Америку.»

Статуя Венеры, изваянная плотникомъ *Варламомъ Обрубавыль*. Подъ нею выдoblено крупными словами: *Koslovsky fecit*.

Видъ Казанскаго Собора, изображеннаго пишпиглавымъ.

Картина, подъ кою подписано: *О. Кипренскій*, написанная помѣломъ маляра *Гришки* *Вараксина*.

Оригинальный щипъ *Оскольда*, изъ плащны Валдайскихъ горъ.

Старинный мечъ изъ сланцовой глины.

Сапоги славнаго *Долгота* изъ раковистаго песчаника съ рухлякомъ.

Окаменѣлый чугунный горшокъ, который плавать по избѣ съ карпофелемъ 7 Ноября 1824 года, во время цаводненія (7).

Портретъ бабушки хозяина Музеума, умершей за 80 лѣтъ прежде, написанный въ Большой Рыбацкой природнымъ живописцемъ, который пишетъ портреты наизусть, по разсказу, изъ памяти (8). Въ семъ портретѣ Г. *Дурихинъ*, никогда не выдавшій своей покойной бабушки, *удивляется* сходству и *восхищается* опдѣлкою апласа.

Живописное путешествіе по Россіи in folio, соч. *Гольмана*, Англичанина и *Сльпаго*. Онъ былъ опъ роду лѣтъ 25, когда посѣтилъ Петербургъ, приятной наружности и путешествовалъ изъ любопытства: всё замѣчалъ, всё *осматривалъ* (9).—«Это покажется страннѣмъ;» замѣчаетъ о семъ дивномъ явленіи

(7) Лип. листки О. В. *Булгарина* 1824, No 25 и 24.

(8) Отечественныя Записки П. П. *Свинина* 1825, No 35, стр. 14 и 15. (9) О. З. 1823.

почтеннѣйшій П. П. *Свиньинъ*: «мы сами «эпому не вѣрили, но неоднократные опыты «доказали намъ, что онъ понимаетъ вещи не «хуже *зрѣлаго*, одиѣ пылкимъ воображеніемъ «спремъ изъ разсказовъ, а другія по осяза- «шно.»—

Гольманъ, при посѣщеніи отечественнаго Музеума Г. *Дурихина*, показалъ невѣроятные опыты догадливости: знаменитый слѣпецъ всё *осматривалъ*, всему *удивлялся* и *здорово судилъ* о произведеніяхъ искусствъ. Онъ съ такою же легкостью узналъ бюсты *Петра Великаго*, *Екатерины II*, *Румянцева*, *Суворова*, *Кутузова*, *Долгорукаго*, *Алишосова*, *Державина*, а это пѣтъ затруднительнѣе казалось, что иные изъ нихъ мраморные, другіе бронзовые, третьи гипсовые.

Картина, *панорамическій* (10) взглядъ на Казань. Въ ней городъ—написанъ однимъ живописцемъ, небо—другимъ, вода—третьимъ, зелень—четвертымъ. Подъ нею подписано: *письма Дурихинъ*.

Картина, изображающая лодку, пристающую къ берегу; надпись гласитъ: *берегъ плаванію по Волгѣ* (11).

Мордовская лютия (12).

Синеватые оклики часовыхъ, положенные на музыку *Чувашемъ* (15).

Три превосходные сельскіе виды: первый представляетъ *красивую видность* (14); второй изображаетъ *лугоскатъ* (15); на третьемъ разбросаны *подоболитныя цвы* (16).

Новѣйшая, *отмѣнная* опись всѣхъ другихъ ланкарта Бессарабіи: на оной рѣка *Сереть* впадаетъ въ *Прутъ*, тогда, какъ всѣ Географы заставляють её впадать въ *Дунай*. Извѣстный курганъ *Рябал могила* описанъ за 100 верстъ отъ настоящаго своего мѣста (17).

Въ собраніе рукописей недавно вошли многіе любопытные и достопримѣчательные документы (18).

(10) Отечественныя Записки 1824, No 1, стр. 11. (11) Тамъ же, стр. 1. (12) Въ той же книжкѣ стр. 4. (13) Тамъ же, стр. 19. (14) О. З. книжка L, стр. 347. (15) Тамъ же, стр. 357. (16) Та же книжка, стр. 373. (17) О. З. 1821, No 9. (18) Свѣ. Писма 1828, No 36.

Укажемъ на важнѣйшіе: 1) О казни *Маровы Посадницы* въ 1478, при Царѣ *Юаннѣ Васильевичѣ Грозномъ*, вступившемъ на престолъ въ 1533 году (19); 2) О томъ, что въ Москвѣ находилась болѣе оригинальныхъ картинъ, чѣмъ въ другихъ Европейскихъ государствахъ и даже въ Италіи (исключая Англію) (20); 3) О владычествѣ *Татаръ* въ Великомъ Новгородѣ, доказываемая изображеніемъ креста надъ луною на главѣ Софійскаго собора (21); 4) О пирамидахъ царицы *Селиралиды* (22).

Модель галіота, остановившагося во время наводненія, въ *Кирогной* улицѣ, гдѣ совсѣмъ не было наводненія, на крышкѣ одной изъ хижинъ, копорыхъ тамъ не существуетъ (23).

Окаменѣлый карпюфель, плававшій въ чугунномъ горшкѣ по избѣ, на кровлѣ копорой остановился галіотъ, вмѣстѣ съ банею и хламомъ, принесенный волнами Невы, а на печи сидѣла хозяйка съ дѣтьми (24).

Паровая машина, изобрѣтенная Русскимъ Подмосковнымъ самороднымъ мужичкомъ.

Фонарь, съ копорымъ жена знаменитаго Механика *Кулибина* хаживала въ хлѣвъ доить коровъ.

Самоваръ *Владиміра Монохаха*, подаренный ему (какъ явствуетъ изъ надписи) *Оельмистоломъ*, послѣ побѣды при Манпинѣ.

Четыре *позоложенные* и семь *посеребрѣнныхъ* овечьихъ зубовъ, найденныхъ въ Крыму, на землѣ деревни *Османчика*, верстахъ въ 30 отъ *Судака*.

«У тамошнихъ овецъ (Отечественныя Записки 1826, Мартъ, стр. 503) въ осеннее время бьются зубы, какъ будто позолочены искуснымъ золотаремъ; у иныхъ посеребрѣныя и, что странно, сіе замѣчено только у старыхъ овецъ.»

Посеребрѣныя удила. «Извѣстно, что въ Крыму лошадь одного *Татарина*, вырвавшись, скинула съ себя уздечку и волочила «долго по землѣ; когда поймали лошадь, по

(19) Отечественныя Записки П. П. *Свиньина* 1821, No 7, стр. 337. (20) О. З. 1820, No 2, стр. 253. (21) Тамъ же, No 15, стр. 8. (22) Тамъ же, 1821, No 4, стр. 189. (23) Тотъ же журналъ П. П. *Свиньина* 1824, No 55, стр. 345. (24) Тамъ же, стр. 369 и 370.

«удила оказалась посеребрённая (25).» Г. *Дурихинъ* за большіе деньги приобрёл сн удила.

Компасъ воинспвеннаго *Святослава*, бывший съ симъ Великимъ Княземъ въ морскомъ походѣ подъ Царь-градъ.

Закопшѣлое стекло, въ которое Ржевскій (26) мясникъ-Аспрономъ созерцалъ звѣзды изъ тёмнаго погребя. (Опечеств. Записки 1820).

Глазъ вышепоказаннаго мясника-Аспронома, на которомъ, опъ долгаго, напряженнаго смотрѣнія на звѣзды,росло бѣльмо. (О. 3. 1820).

Красный сафьянный альбомъ Великой Княгини *Евдокии*, супруги *Димитрія Донскаго*. Сей альбомъ принадлежалъ *Малюгу* и найденъ въ его шапрѣ, послѣ побѣды на Куликовомъ полѣ.

(О немъ неоднократно упоминается въ Русскомъ Вѣспникѣ, изданномъ Сергѣемъ Николаевичемъ *Глинкою*.)

Кнупъ (немного подержанный), копорымъ съкли *Ваньку Каина*.

Порпы *Стеньки Разина*, изъ полосатой песпряди съ алымъ шелковымъ гайпаномъ.

Его же сапоги съ мѣдными скобками.

Вышпый изъ мѣди быкъ, копорому покланяются Крымскіе Татары; взяпъ изъ главной Бахчисарайской мечепи.

Спальный чепецъ *Марфы Посадницы* à la *Nipon*, весьма важный въ испорическомъ смыслѣ: ибо изъ него *Высоковзглады* и *Высоносы* могутъ вывести неоспоримые выводы о томъ, что Великій Новгородъ принадлежалъ къ Ганзеатическому союзу, имѣлъ своихъ присяжныхъ (цѣловальниковъ, югу), своихъ префектовъ и свой муниципалитетъ (27).

Найденный въ городѣ Тмушаракани надгробный камень съ надпсью на прѣхъ языкахъ: Скандинавскомъ, Варлажскомъ и Славянскомъ, и съ изображеніемъ на бронзовой доскѣ Московскаго герба—Побѣдоносца Георгія, поражающаго копьемъ крылапаго дракона.

(25) То же періодическое изданіе П. П. *Свинкина* 1826, № 17, стр. 504.

(26) Городъ Ржевъ Тверской Губерніи, разположенъ опъ Москвы 257 $\frac{3}{4}$; опъ С. Петербурга 600 $\frac{1}{2}$ верстъ.

(27) Исторія Русскаго Парода, томъ I, II, III.

Надгробная чугунная плита Великаго Князя *Игоря I*, убіеннаго Древянами, обрѣпная однимъ Археологомъ-пушеспвенникомъ въ Москвѣ на Лазаревомъ кладбищѣ.

Копье и спрѣлы, найденныя въ гробницѣ *Мстислава удалаго*, служащіе несомнѣннымъ знакомъ, что сей Великій Князь былъ ростомъ 17-пн сажень и 2-хъ вершковъ (28).

Два старпнные кирпичи: одинъ изъ Старой Руси, другой изъ Новгорода, съ виду обыкновенныя, а свойство чудное имѣютъ: какой впбудъ *Барантъ*, *Гизо*, *Полевой* или *Тацитъ* могутъ доказать ими, что *Старая Руса* гораздо старѣ *Новаго Новгорода*.

Собраніе стихопвореній самороднаго (29) Россійскаго креспьяннина-стихопворца, попорной работы Б. М. *Ө*.

Овчинный пулупъ, въ копоромъ безсмертпый *Ломоносовъ* ловилъ рыбу въ Бѣломъ морѣ.

Овчинный праздничпый пулупъ природнаго креспьяннина-стихопворца (30).—«Опъ (п. е. «природный стихопворецъ») нынѣшнимъ (1826) «годомъ прѣхалъ въ Москву и съдокомъ и куче-«ромъ;» повѣспвуетъ Меценантъ самородныхъ опечеспвенныхъ *Геніевъ*, П. П. *Свинкинъ* (31): «вмѣспъ съ сеспрою въ овчинномъ празднич-«номъ пулупѣ, копорый не опнималъ у него «благороднаго вида, полученнаго имъ въ удѣль «опъ природы.»

«Другой овчинпый тулупъ восхваляетъ *Елисавету* (32)»—сказалъ о сей рѣдкостп одинъ орапоръ по случаю Оды, написанной юнымъ поэтомъ-креспьянникомъ въ похвалу сей Императрицѣ.

Достопамятное изреченіе, копорымъ всего приличнѣе окончить описаніе Музеума опечеспвенныхъ рѣдкостей.

А. *Кораблинскій*.

(28) Русскій Вѣспникъ Сергѣя Николаевича *Глинки*, Дорожкия Записки П. П. *Свинкина* и Пушеспствія *Гуляйсера*. (29) Сей эпипетъ въ первый разъ употребленъ почтеннѣйшимъ П. П. *Свинкинмъ* въ Опечеспвенныхъ Запискахъ 1826, № 17, стр. 507, стр. 20-я сверху. (30) Петра *Борисова*, изъ села *Допаснъ* (31) О. 3. 1826, № 17. (32) Тамъ же.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РОЛАНДОВЪ ЗАМОКЪ.

(*Окончаніе.*)

Броню завѣшу, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненной рукой,
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длани:
Тебѣ онъ обреченъ, о Богъ, Властитель брани,
Всегда, и всюду Твой!

На прѣпье упрю, когда едва померкли звѣзды на тѣмно-синемъ сводѣ и солнце обогрѣнило восточное небо, веселые зыки роговъ, вызывая эхо изъ ближайшихъ ущелій, пробудили опть сна обитателей Драхенфельса. — Вскорѣ послѣ пого *Роландъ*, держа въ могучей рукѣ своей нѣжную руку *Матильды*, вышелъ на внутренній дворъ замка, гдѣ давно уже бодрый конь его неперпѣливымъ конькомъ разрывалъ землю. — Но въ помныхъ очахъ его не сверкалъ уже мечтательный пылъ счастливой любви; на рѣсницахъ его блистала слеза разлуки, и рыдая, возлюбленная закрывала лице свое нѣжными руками; и какъ чистая роса скользитъ по листочкамъ лиліи, такъ одна слеза за другою пробиралась сквозь полуотверстыя пальцы. — Еще разъ напечатлѣлъ онъ прощальный поцѣлуй на блѣдныхъ ланитахъ невѣсты, а потомъ преклонилъ колѣно предъ своимъ воспитателемъ. Старецъ, благословивъ юношу, сказалъ пвердымъ, торжественнымъ голосомъ:

«Иди, сынъ мой, исполни обѣтъ, который произнесъ я нѣкогда въ юныхъ лѣтахъ, и исполненіе коего невозможно теперь для дряхлаго старца; иди къ гробу Спасителя, къ священному Сіону, и помоги Христіанамъ исторгнуть Обыванную землю изъ рукъ невѣрныхъ; и когда возвратишься, тогда *Матильда* обовѣсть побѣдоносное чело пвое лаврами, и на груди ея пы отдохнешь опть бывшѣ и тягостей знойныхъ пустынь Сиріи!» —

— Папникъ! воскликнулъ вдохновенный юноша: за вѣру и любовь я буду сражаться, и надежда, въ образѣ *Матильды*, будетъ носить надо мною въ часы опасности! —

Еще одинъ взглядъ, послѣдній, вперилъ онъ на плачущую невѣсту, и легкій конь помчалъ его внизъ по крутой пропщкѣ.

На крыльяхъ радости лепимъ къ своимъ друзьямъ,

И что-жь? ихъ урны обнимаемъ.

Ночь набросила черный покровъ свой на берега Рейна; на небо нахлынули тяжелыя тучи; мѣсяцъ изрѣдка проглядывалъ сквозь разорванныя облака, и вдали замирали послѣдніе перекапы грома.

Матильда сидѣла въ уединенномъ черпогѣ замка; темныя кудри ея въ беспорядкѣ упали на грудь и шею, и попухающее пламя високаго камелька опть времени до времени освѣщало багровымъ сіяніемъ блѣдныя черты задумчивой дѣвы. — Давно уже рыцарь *Годесбергъ*, пипая злобу и мечь въ суровомъ сердцѣ, ждалъ благопріятной минуты, чтобы отомстить за отверженную любовь. — Теперь, когда *Роландъ* съ опборнѣйшими войнами оставилъ замокъ, онъ объявилъ войну владѣтелю онаго, и все пѣснѣе обступалъ стѣны Драхенфельса, жилища коего, упомянутые обороною и недоспачкомъ въ сѣспныхъ припасахъ, со спрахомъ ожидали пощ минуты, въ которую они должны попастъ въ руки ихъ злѣйшаго непріателя.

Онп хоща неоднократно извѣщали *Роландъ* о крайности ихъ положенія; но щепшно. Невѣста смотрѣла въ даль съ высокой спорожевой башни замка: — одни непріательскіе всадники рыскали по равнинѣ, и новыя полчища поспѣшали на помощь къ осаждающимъ. — Въ эпопъ день замѣтно было въ непріательскомъ станѣ необыкновенное движеніе, и помимая предчувствіемъ ужасовъ, еѣ ожидающихъ, *Матильда* сидѣла одна въ опустѣвшемъ черпогѣ.

Тутъ съ завываніемъ буря внезапно смѣшался невнятный шумъ, и скорѣ дошелъ до слуха ея спужъ мечей. — Будучи увѣрена, что теперь завязался послѣдній, рѣшительный бой, она упала на колѣни, и воздѣвалъ руки къ Небу, умоляла Властителя брани о защитѣ и спасеніи. — Смятеніе спановилось всё громче и сильнѣе; непріатель уже взошелъ на валъ, и опчальная сѣча всё болѣе и болѣе приближалась къ внутреннему двору замка, слабо освѣщенному багровымъ заревомъ горящихъ домовъ; бой на эпопъ мѣстѣ продолжался еще нѣсколько времени съ большимъ ожеспоченіемъ, попомъ онъ началъ ослабѣвать, по мѣрѣ

того, какъ ослабѣло сопропивленіе, и вскорѣ *Матильда* увидѣла изъ высокаго окна полько опца своего, окруженнаго немногими вѣрными, и съ напряженіемъ послѣднихъ силъ, обороняющаго входъ въ замокъ. — И вдругъ, снова поднялась страшная превога за замкомъ, новые воины ворвались на дворъ, и въ дикомъ смятеніи, по видимому, всё смѣшалось въ одинъ хаосъ. — Наконецъ, одинъ рыцарь вырвался изъ густой толпы сражающихся, сквозь немногихъ защитниковъ входа проложилъ себѣ дорогу во внутренность замка, и вскорѣ устращенная дѣва услышала въ передней залѣ твердые звонкіе шаги; дверь съ прескомъ растворилась, высоко вспыхнуло пошухающее пламя каминна, будучи раздуто рѣзкимъ сквознымъ вѣтромъ; — какъ будто пронуныя невидимою рукою привидѣнія, зазвенѣли струны арфы и.... *Матильда*, упомянутая быспрымъ переходомъ чувствъ, въ сладостномъ забытіи принала къ груди возлюбленнаго, — ибо это онъ въ сію роковую минуту явился Ангеломъ-избавителемъ.

Такъ они, упоенные любовію, долго держали другъ друга въ объятіяхъ, пока тихо опворилась дверь и слуги внесли окровавленнаго и умирающаго старца, съ которымъ *Роландъ*, не узнавъ его, сражался при пускломъ свѣтѣ мѣсяца. — Шлемъ скапился съ головы его, и острый кинжалъ *Роланда* еще торчалъ въ обшпой кровію груди. Съ воплемъ ужаса *Матильда* вырвалась изъ объятій *Роланда*, который однимъ взглядомъ узналъ свое невольное преслушеніе.

Какъ несчастный, который, будучи объятъ сладостнымъ сномъ въ душливой пещицѣ, грезитъ о зеленыхъ нивахъ родины, о золотой свободѣ, а теперь внезапно пробужденный стукомъ цѣпей, не тотчасъ освобождается отъ сладостнаго обмана чувствъ, такъ и *Роландъ* нѣсколько минутъ стоялъ въ смертномъ оцѣпенѣніи, куда могъ измѣрить глубину пропасти, въ которую низвергли его коварныя силы рока.

Еще успремилъ онъ взоръ на умирающаго друга и опца, на потерянную невѣсту, которая, какъ олицетворенная горестъ, повергшись на милый пруть, жаркими поцѣлуями

покрывала охладѣвшія ланиты родителя, — и опромешью бросился онъ пуда, гдѣ *Фурія* брани еще попрысала свой кровавый факель.

И гдѣ-жъ сей Ангель дпесъ! и гдѣ твое блаженство?
Увы! всё въ мірѣ семъ мечта, несовершенство!

Дни и недѣли прошли съ того времени; предцапъ разъ уже солнце взошло и закапилось надъ *Роландсбургомъ*, и падшіе въ боѣ, побѣдители и побѣжденные, грудь съ грудью давно уже нѣли на лонѣ сырой, миршпальной могилы; — *Матильда* уже посприглась въ монахини, и плакала въ ближайшемъ монастырѣ на могилѣ родителя, умерщвленнаго, увы! рукою возлюбленнаго, когда *Роландъ*, впервые опкрывши мутные глаза, приподнялся на одрѣ болѣзни, къ которому приковала его сильная горячка. — Молодость на сей еще разъ испоргла его изъ объятій смерти; но какъ нѣжное распеніе, почимое лдовцпымъ червемъ, хотя нѣсколько времени и зеленѣетъ еще, но съ каждымъ днемъ всё ниже и ниже опускаетъ помную маковку: такъ и его силы чахли и примѣпно приближался онъ къ гробу. —

Глубокая задумчивость опупала душу его черною пканью, и разспроенная память его пщепно старалась предспавить себѣ ясную картину недавнихъ ужасовъ. Ему всё казалось, какъ будто тяжкій сонъ его окувываетъ, и одна только мысль представалась ему ясно, что навсегда лишился *Матильды*.

Каждый день, когда солнце восходило изъ-за синихъ горъ, онъ съ балкона своего замка смотрѣлъ неподвижно на монастырь, который посреди шумнаго Рейна проспирался у ногъ его, какъ широкая могила; — и тогда только, когда вдоль высокихъ оконъ монастырскимъ мелькало что-то блрое, — блдныя, безжизненныя черты его оживлялись горестною улыбкою, — и

Разъ — шуманно утро было —

Мертвъ онъ пнуть сидѣлъ,

Блденъ ликомъ и уныло

На окно глядѣлъ.

Съ Нѣмецк. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУПАЛЬНЯ.

Плыви, о Волга голубая!
 Съ своимъ кипучимъ жемчугомъ,
 И обтекай меня кругомъ
 Спруей узорчатой играя....
 Въ пвоей живительной волвѣ
 Переродилось всё во мнѣ:
 Увы! на долго-ль? Море зноя
 Въ Юльскомъ воздухѣ кипишь,
 Душа боится и болишь,
 Заранѣ помлнемъ поля....
 Такъ гдѣ-шо, въ царствѣ неземномъ,
 Поэтъ пѣетъ жизнь и запахъ розы,
 И вдругъ опять—въ бышу родномъ,—
 Въ пустыняхъ душныхъ жалкой прозы.

О. Глинка.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Г. Ч—ОЙ.

Что впишете въ вашъ альбомъ солдатъ,
 Сей на распутии жизни спранникъ?...
 Онъ вдохновенемъ не богатъ;
 Изъ храма мирныхъ Музъ изгнаникъ,
 Онъ любилъ биввы и булашъ.
 Давно забывши звукъ цѣвницы,
 Съ Парнаскимъ богомъ незнакомъ,
 Среди разсыпанной сполиты,
 Что впишете въ милый онъ альбомъ,
 Въ кошоромъ пайною искусства
 Такъ сладко высказаны чувства;
 Гдѣ счету пѣтъ именъ друзей,
 Похвалъ, сравненій, удивленія,
 И рѣзвой шалости зашпѣй,
 И звучныхъ пѣсенъ вдохновенья?...
 Улыбку вызову-ли я,
 Когда неизъяснимо-скучно
 Тягчишь яноска давно меня,
 Какъ злой знакомецъ неразлучный?...
 Пріятно-ль будетъ вспрышишь шамъ
 Печаль глубокую Позна,
 Извѣстную бышь можетъ вамъ,
 Но вѣрно чуждую для свѣта?...
 Скажите-жь: для чего мнѣ вплестъ,
 На зовъ войны леша въ край дальный,
 Въ вѣнокъ, цвѣтвъ нелзя гдѣ счестъ,
 Цвѣпокъ свой грустный и печальный?....

Карлгофъ.

Г.

Въ Аравіи, подъ зноемъ лѣша,
 Успалось, жажду и поску
 Влачишь поклонникъ Магомета
 По раскаленному песку;
 Но далека святая Мекка,
 А путьъ ни пѣни, ни воды;
 Тутьъ запуспѣнія слѣды
 Напечашлѣлися ошь вѣка;
 Тутьъ жизни нѣтъ—и упомень,
 У Неба смерти просишь ошь!
 Но вопъ—Оаза! и унылый
 Последнія собираетъ силы
 И привсгиваетъ: «туда! туда!»
 «Тамъ пѣнь, и правка, и вода,
 «Тамъ есть и мѣсто для могилы!»

Другъ! есть Оаза и для насъ!
 Рука паниспвенной Свяпыни
 Насъ извлечетъ, въ урочный часъ,
 Изъ раскалившейся пустыни.
 Но какъ, однимъ ли мы пушемъ
 Съ побой до цѣли добредемъ?...
 Возми-жь съ собою, въ путьъ далекій,
 Мои пророческія спроки:
 Тебя послалъ Предвѣчный Богъ
 Жнецомъ на жашву просвѣщенія,
 И самъ Онъ грудь твою облекъ
 Броней холодного шерпѣня,
 И будешь Самъ вождемъ твоимъ
 Къ высокой цѣли, гдѣ съ побой,
 Спасенны Промысломъ Свяпымъ,
 Мы обновленною душою
 Его дѣла благословимъ!

Ал. Шинковъ 2.

Тверь.

ЭПИГРАММА.

Рецепшишь всѣхъ своихъ переморилъ друзей:
 Ахъ, если-бъ онъ попалъ въ друзья къ женѣ мой!

Силковъ.

Варшава.

4 Сентября 1831.

LOGOGRIPE.

A mon aspect le soldat laboureur,
 Semblable au loup, sent renaître sa joie.
 L'un et l'autre en mon sein n'abordent pas sans peur,
 Et viennent y chercher une innocente proie.
 Le guerrier qui m'enlève honore sa patrie
 Et l'enrichit en même tems;
 Il ôte à l'ennemi maint de ses combattans
 Et lui prend de l'artillerie.
 Enfin je suis, lecteur, une belle conquête.
 Si tu veux me couper la tête,
 Soudain tu me connaîtra,
 Car jadis dans les combats
 De moi l'on faisait usage
 Aprésent, comme autrefois,
 Souvent les Princes et les Rois.
 Me trouvent sur leur passage.

Въ № 49, помѣщенный омонимъ значить: *Осетръ* рыба, *Осетръ* рѣка.

MODES.

Robes.—On voit une grande quantité de redingotes en moire marron, arbre de Judée, macassa; elles ont de grandes pélerines, la plupart entourées d'un seul ourlet. En général, les formes sont très-simples.

Les corsages des robes se voient peu, étant presque toujours accompagnés d'une pélerine: ce n'est qu'en soirée qu'ils se portent avec un fichu à la vierge en dedans.

On fait, pour le matin, beaucoup de peignoirs blancs, et souvent garnis de mousseline de l'Inde ou d'une dentelle à petits tuyaux.

Des fichus plats en batiste ou mousseline faits en pointe devant et derrière, ou à pans très-courts, sont souvent garnis d'une petite bande de mousseline brodée, à un seul rang.

Habits d'homme.— Pour habits on emploie beaucoup de draps noirs. Les couleurs de fantaisie sont les beaux grenats, les bronzes foncés ou les bleus vifs. Sur des habits de cette dernière couleur on met des boutons jaunes à diverses facettes. Chez quelques tailleurs on fait des habits à larges basques couvrant les hanches; ailleurs on les fait étroites et longues; ce dernier genre est le plus nouveau.

Gilets.— Pour gilets on a fabriqué quantité de pi-
 qués imprimés sur de nouvelles dissositions; celles qui
 sont les plus remarquables, sont des dessins imitant le
 cachemire; on fait aussi les mêmes dispositions sur des
 châlys, ce qui est d'un très-bel effet; il est seulement
 à regretter que le châly soit une étoffe si faible.

Pantalons.— Pour pantalons, les étoffes en fil, soit
 à carreaux, à rayures ou à petites côtes, sont très de-
 mandées.

Pl. No 18. Amazone de Casimir de la façon.

МОДЫ.

Платья.—Видно очень много редингетовъ изъ
 обьяри, цвѣта кашпановаго, Иудейскаго дерева,
 Макасса; ихъ дѣлають съ большими пелеринками,
 по большой части просто съ рубцомъ. Вообще
 фасоны весьма просты.

Личы у платьевъ мало видны, бывъ всегда по-
 чти закрыты пелеринками; только вечеромъ надѣ-
 вають подъ низъ косыночку à la vierge.

Для ушра дѣлають бѣлые шафроки, обшива-
 ють ихъ Индѣйской кисей или кружевомъ, сло-
 женнымъ мелкими прубочками.

Гладкія бапшиповыя или кисейныя косыночки,
 съ мысками сзади и спереди, или короткими кон-
 чиками, часто обшивають узенькой, вышитой ки-
 сейною полоской въ одинъ рядъ.

Мужскія платья.—Фраковъ дѣлають много изъ
 чернаго сукна. Модные цвѣта: хорошіе гранато-
 вые, бронзовые темные, или ярко-голубые. На фра-
 ки сего послѣдняго цвѣта нашивають желтыя
 пуговицы, разнымъ образомъ вышитыя. У
 нѣкоторыхъ порпныхъ дѣлають фраки съ широ-
 кими фалдами, закрывающими бока; у другихъ же
 съ узкими и длинными; сии послѣдніе новѣе.

Жилеты.—Для жилетовъ сдѣлано множеству
 пике печатныхъ новыми узорами; замѣчательнѣе
 прочіихъ, на подобіе Турецкихъ узоровъ; дѣлають
 съ пакими же узорами *шалы*, что чрезвычайно
 красиво; жаль только, что *шалы* весьма не проч-
 ная матерія.

Панталонг.—Для панталонг, шпильныя матеріи,
 съ клѣпками, полосками, или рубчиками, въ боль-
 шомъ употребленіи.

Карш. No 18. Казмировое Амазонское платье.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 51.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюня 25 дня, 1832 года.

Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиспа,
По лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даешъ возможность,
И ваша слава ужь не та.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ: *НАИМЕНОВАНИЕ ВЕНЕРЫ*,
сох. И. И. П.—С. П. буревъ. Въ Тип. Байкова.
1832, въ 12-ю д. чепырнадцать стрн. (въ
концѣ книжки чётко написнута: цѣна два
рублн.)

Говорятъ, будто бы это сочиненіе дѣвицы,
будто молоденькой, будто бы пригоженькой;
мы не вѣримъ.

Попѣшимъ Публику однимъ стихотворе-
ніемъ: оно выписано вѣрно (*); правописаніе
Автора соблюдено строго (**).

О НАСТАНИ ЛѢТА.

Лѣто красно	Запахъ разсыюшь
Наспаешъ	И ручіочикъ
Вся природа	За журчишь и лучъ
Воспаешъ.....	Опъ солнца
И лѣсочикъ зеленѣешъ	За блестяшь.....
И правка воспаешъ....	Зифирь.....
И цвѣпочки	И гривой въ часъ
За алеюшь.....	Упра лиспочкамъ
Нѣжной.....	Шевелишь.....

(*) Въ чемъ свидѣтельствую.—Изд.

(**) Въ чемъ также свидѣтельствую.—Изд.

Ппички....	На работу та
Радосно съ вѣпки	Идушь....
На вѣпку....	Какъ камарики
Пирепырхиваюшь.	Ползушь....
Трудолюбивой	А садовникъ въ
Муравей.....	Работъ упомлясь
Воспаешъ въ норы	Спишь подъдеревомъ.....
Своей.....	Свернясь какъ
Земледѣлецъ?	Праздничка.....
Опъ сна.....	Дождась
Вспаешъ!	Спарики
Хвалу Богу	Бога молясь
Воздаешъ....	Какъ ребяпки
На работушку	Въ праздникъ
Идешь какъ	Вспаюшь скорый
Кресьянинъ та....	На улицу бѣгушь
Вспаешъ и дѣшей	И поварицей
Своихъ зовѣшь	Созываюшь.....
Работашъ	Игру начинаюшь
Въ поля	Красны дѣвушки
Идѣшь всѣ	Вспаюшь....
Въ деревнѣ	И ко бѣденкѣ
За шумяшь	Идушь какъ
Про работу....	Спарухи та....
Говоряшь....	Вспаюшь въ печки

Дрова кладушь.	Съ веселясь
Печки зашопляють	Изъ-сіянія....
Ошь обѣди....	Луны вьють
Дѣшей ождають	Изъ розъ
Какъ дѣвушки	Они вѣнки
Ошь обѣденки	Изъ пускають
Придушь на улицу	Ихъ на воды
Гуляшь идущъ	Изъ плетають
Забавляясь	Хороводы....

Рецензентъ запрудняется: съ чего начать похвалу?

В. В.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАСТУХЪ ШЕНБЕРГСКОГО ОЗЕРА.

(Моравское преданіе.)

Однажды, въ день воскресный, собралось нѣсколько рыбаковъ въ Шенбергскомъ загородномъ шинкѣ. Едва успѣли они усѣсться за столъ и поднести къ губамъ свои кружки, какъ вошелъ солдатъ Шенбергскаго гарнизона.

«Тѣфу пропасть!» вскричалъ онъ, вздрогнувъ: «что за погода! меня промочило насквозь.»

Рыбаки поставили свои непочатые кружки опять на столъ, и посмотрѣли на него съ удивленіемъ. —

День былъ прекраснѣйшій; на свѣпломъ вечернемъ небѣ не видавъ было ни одного облачка.

«Ну, что вы, ропозѣи, на меня выпаращили свои свиные глаза!» закричалъ онъ на нихъ громовымъ голосомъ, и грозно попрыскалъ саблею.

— Да помилуйте, господинъ служивый! — осмѣлился замѣтить одинъ изъ рыбаковъ: вѣдь время-то у насъ, слава Богу, ясное, педлое; посмотрийте, солнышко яркимъ золотомъ горитъ на небѣ; дождя нѣтъ ни капли. —

«Молчать! Ахъ ты безмозглый тюлень!» закричалъ онъ еще пуще: «да какъ ты смѣешь мнѣ проповорѣчить? Я говорю, что погода прескверная, и ты долженъ мнѣ вѣрять.»

И съ этими словами онъ подошелъ къ рыбаку и далъ ему такую пощечину, что онъ со скамьи повалился подъ столъ. Другіе, не дожи-

даясь, пока до нихъ дойдетъ очередь, сами поспѣшно переселились къ товарищамъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ грозномъ молчаніи. Наконецъ герой нашъ смягчился и сказалъ: «вставайте, ребята; я вамъ великодушно дарую прощенье, но впредь не прекословите.»

Рыбаки, по справедливости опасаясь, что противорѣчіе снова пробудитъ изъ дремоты гнѣвъ богатыря, робко выползли изъ-подъ стола и, молча, заняли опять свои мѣста.

Вонъ снисходительно подселъ къ нимъ, и выпивъ почти въ одинъ духъ первую попавшуюся ему въ руки кружку, сказалъ: «братцы! расскажите-ка мнѣ что-нибудь про ваше собачье деревенское житіе-бытѣе: я насмѣюсь до сыта.»

— Наше дѣло деревенское, — замѣтили опважнѣйшіе изъ нихъ: оно покажется скучнымъ такому знаменитому герою, какъ ваша милость, который всё видѣлъ, всё извѣдалъ, и прошелъ весь свѣтъ съ конца въ конецъ. Лучше вы, господинъ служивый, расскажите намъ что-нибудь изъ вашей жизни и вашихъ подвиговъ; мы будемъ васъ слушать съ открытыми ушами и ртами. —

Сія лещъ была нашему герою по сердцу; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предостерегъ своихъ слушателей: не дышайте даже громко; ибо въ проповномъ случаѣ подвергнутся опасности испугать всю плясать его гнѣва.

Рыбаки охотно согласились, и тутъ-то выпязь началъ громоздить такое зданіе лжи и хвастовства, что они развѣсили уши: такого вѣрно никто еще не спросилъ о твореніи міра. Слушатели, душевно забавляясь рассказами о чудесныхъ подвигахъ его силы и геройства, почти забыли его угрозы, и когда наконецъ, въ доказательство своей богатырской силы, привелъ онъ случай, какъ однажды, поссорясь съ Туркою, зарѣзалъ его охотничьимъ ножомъ, а потомъ какъ зайца застрѣлъ въ ранецъ (надобно замѣтить, что онъ за минутой предъ тѣмъ описывалъ имъ Турокъ великанами, вышиною съ башню), тогда всѣ въ одинъ голосъ громко захохотали, и одинъ изъ рыбаковъ даже опважился замѣтить, что ранецъ-то знаетъ у него былъ прогромный; когда, по его собственному раз-

сказу, самый маленькій изъ сего языческаго народа былъ такой вышины, что обыкновенный человекъ едва доставалъ ему до колѣна.

Солдатъ, задыхаясь отъ ярости, схватилъ смѣльчака, который опивался сомнѣваться въ справедливости его словъ, и разбивъ ему носъ до крови, еще больше толкнулъ его подъ сполъ, и, какъ будто ничего не случилось, преспокойно сѣлъ опять на скамью, и объявилъ другимъ рыбакамъ, что гнѣвъ его заснулъ, прохолодившись въ крови дерзкаго ихъ товарища, а посему онъ прощаетъ имъ, и даже чувствуя усталость, позволяетъ имъ убаюкать себя какою нибудь исторіею, что однакожь должны они вмѣнить себя въ великую честь.

— Исторія про Пастуха нашего озера вѣрно произведетъ свое дѣйствіе, — замѣнилъ одинъ изъ рыбаковъ.

«Хорошо!» захохоталъ воинъ: «это будетъ очень забавно; въ такую бурную погоду, какъ теперь, когда на озерѣ шумятъ и прыгаютъ бѣлыя овцы, ихъ Пастухъ долженъ быть большой уродъ!»

Съ ужасомъ слушали рыбаки такіа оскорбительныя для Духа озера рѣчи; они уговаривали солдата переспать. Берегитесь, господинъ служивый! приговаривали они: чтобы этакъ Пастухъ не сломилъ вамъ шеи. Но солдатъ, бранясь и проклиная озернаго Пастуха пуще прежняго, хвалился, что умертвилъ его. Пастухи шепнули ему на ухо: что онъ безплотный духъ. Тутъ кто-то постучался въ окно: солдатъ побѣднѣлъ и припихъ. — Это ей, ей, озерный Пастухъ! возопили рыбаки въ смертельномъ страхѣ, и съѣжились въ клубокъ; даже солдатъ, хотя и упрекалъ ихъ въ трусости, однако сидѣлъ какъ вкопанный и не пошелъ открывать дверь, чтобы ихъ приспыдить. Вошь въ другой разъ постучала въ окно, и слышался поненькій женскій голосокъ, который просилъ ночлега.

«Ну, не говорилъ ли я вамъ, дурален!» вскричала солдатъ: «что это сапана, а не озерный Пастухъ! Ну, шевелитесь что ли! не по сабля моя поставитъ васъ на ноги!»

Одинъ рыбакъ отперъ дверь, и вошелъ молодой рыцарь, нѣжный и румяный, какъ дѣвца, въ блестящемъ панцырѣ и звонкихъ шпорахъ,

развалился на мѣстѣ воина, не удостоивая присупствующиыхъ ни одного взгляда, и пискливымъ, почти младенческимъ голосомъ потребовалъ кружку вина, которую ему немедленно принесла служанка.

Рыбаки удивлялись смѣлости молодого господчика, ежеминутно ожидая, что старый солдатъ вспыхнетъ, и что дѣло дойдетъ до драки; но сей послѣдній, косясь на него издали, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, а молодой человекъ между тѣмъ небрежно покачивался на скамьѣ, и такъ неосторожно положилъ свой палашъ на сполъ, что всѣ кружки опрокинулись и вино полилось на ноги рыбаковъ и на полъ; потомъ началъ жаловаться на пѣснопу; схватилъ безъ всякихъ околичностей двухъ ближайшихъ рыбаковъ за воротъ, и выбросилъ ихъ изъ окно на улицу.

Послѣ такой молодецкой выходки сѣлъ, отпѣдалъ вина, швырнулъ вслѣдъ за ними полную кружку, съ ужасною бранью потребовалъ къ себѣ хозяина, называлъ его оправивелемъ и кричалъ, что одни только гнусные мерзавцы могутъ пить такую кислящину.

Рыбаки видя, что они изъ полья попали въ воду, старались раззадорить стараго воина противъ молодого: напрасно. Богатырь-Туркождъ, перпѣливо сносилъ насмѣшки молодого рыцаря, который опчасу болѣе наступалъ на него. Онъ заговорилъ съ нимъ спѣсивымъ, обиднымъ тономъ; а потомъ отпѣчалъ ему такъ скромно и почтительно, что рыбаки не вѣрили глазамъ и ушамъ своимъ.

Молодой человекъ захохоталъ, и шутъ-по нашъ старый выпязь-хваспунъ немножко приосамился. Онъ опять далъ волю языку и продолжалъ лгать и повирать о своей храбрости, о чудесныхъ своихъ подвигахъ; но едва сорвалось у него съ губъ, какъ онъ при Ольмуцѣ дрался съ Турками, вдругъ молодой рыцарь осмервеннѣлся; онъ вскочилъ, схватилъ его за горло, и до тѣхъ поръ кулакомъ колопилъ хваспуна въ спину, пока онъ на колѣняхъ не признался, что бѣжалъ еще до сраженія и въ глаза не вдалъ ни одного Турки, ни Тапарина, исключая мерпвыхъ, которыхъ на другой день грабилъ на полѣ битвы. Рыцарь съ поненькимъ голоскомъ спросилъ у солдата: и

у тебя доспало на это духу? Спарикъ отвѣчалъ опкрovenно: чего ихъ было бояться; вишь никто изъ нихъ не шевелился.

— Ну, такъ знай-же, — возразилъ рыцарь, что ты бишь рукою женщины. Въ этой груди бѣется сердце, какого нѣтъ ни у одного изъ васъ, прусовъ и мерзавцевъ. —

У рыбаковъ подкосились ноги отъ изумленія, а приспыженный, бишый виплязъ пихонько выбрался вонъ изъ шинка и произнесъ объшь поспричься въ монахи. — Хозяинъ сомнишельно покачивалъ головою, и когда рыбаки разбрѣлись: то женщина-рыцарь, оборотясь въ знакомаго озернаго Паспуха, мгновенно исчезъ съ пронзительнымъ хохотомъ.

Лѣтъ триста спустя, жилъ въ городѣ Шёнбергъ зажиточный гражданинъ, по имени Прокошій *Стернадъ*, который и за женою взялъ значительное приданое, и собственностью своею могъ бы жить припѣваючи, еслибъ рассказы о сокровищахъ Великаго Могола не заронили въ сердце его ненасытной жадности къ золоту. Когда, бывало, слушалъ онъ рассказы про его несмѣшныя богатства или только воображалъ себя его сокровища: то у него глаза сверкали и разбѣгались, и онъ пвердо рѣшился, не прежде положивъ свою голову въ могилу, какъ сдѣлавшись Великимъ Моголомъ своего опечесва. Но какъ наживалъ добро прудомъ и бережливостью показалось ему слишкомъ медленнымъ: то придумывалъ онъ другія средства, — и путешествующій алхимикъ, котораго случай завелъ въ Шёнбергъ, нашелъ прилѣжнаго ученика въ бѣдномъ *Прокоши*, ни мало не сомнѣвавшемся, что алхимія чрезвычайно скоро сдѣлаетъ его Моравскимъ Моголомъ. Сидя, запершись съ алхимикомъ въ пашпвенной лабораторіи, онъ воображалъ себя въ богатыхъ рудникахъ Перу или Мексики, и черпалъ опшуда мечпательные червонцы пригоршнями. На дѣлѣ же, алхимія, вмѣсто того, чтобы набивать золотомъ его ларцы и сундуки, мало по малу опораживала его домъ и сараи. Съ послѣднимъ золотымъ гульденомъ исчезъ и алхимикъ, а *Прокошій* съ женою и дѣшми, къ коимъ сердце его, спрашное золота, давно уже охладѣло, увидѣлъ себя нищимъ.

Впрочемъ, надежда еще не совсѣмъ его оставила: правда, что искусство дѣлать золото довело его до нищенской сумы, но за то преданія о сокровищахъ, будто бы хранящихся на пшниспомъ днѣ озера, оживили его новою надеждою. Онъ былъ увѣренъ, что ему сподѣшть только польспишь, да приласкаться къ Паспуху озера, чтобы воропшть и прѣжнее имущество, и получить несмѣшныя богатства.

Прокошій пошелъ, и еще до заката солнца стоялъ на берегу озера; упоменный долгимъ путемъ, онъ бросился на песчаный берегъ, размышляя о томъ, какъ бы лучше поддѣлаться къ хранилелю сокровищъ и вкрасься въ его благорасположеніе.

Тутъ вышелъ изъ-за куста человекъ, который имѣлъ видъ рыбака и несъ въ рукахъ неводъ. Онъ спросилъ нашего спранника: ты вѣрно пришелъ вымалывать себя милости у Хозяина озера?

Прокошій признался ему опкрovenно, что онъ точно за тѣмъ пришелъ, а рыбакъ возразилъ, что и онъ за тѣмъ же самымъ прибрелъ въ эту сторону, но дня три уже ходилъ напрасно вдоль берега. Можетъ спаться, — продолжалъ онъ — тебѣ скорѣе удастся: вопъ тебѣ мой неводъ! закинь его въ эту мупную воду, гдѣ Паспухъ любитъ купаться. Если поны будетъ удачна, то спудай домой и оставь мой неводъ тупъ — я ужъ найду его.

Рыбакъ поспѣшно удалился; *Прокошій*, вытащивъ неводъ изъ озера, нашелъ въ немъ огромный, тяжелый мѣшокъ. Будучи пвердо увѣренъ, что въ немъ содержится желанныя сокровища, онъ въ сердечной радости своей взвалилъ его на себя, и опромешью побѣжалъ домой. — Тамъ развязалъ его, и что же! вмѣсто золота увидѣлъ ослиную голову, а въ зубахъ у ней маленькій лоскутокъ пергамента, на которомъ было написано:

«Жена и дѣшп истинныя наши сокровища; но чтобы ты опять могъ обзавестись хозяйствомъ, то подъ каждымъ зубомъ пвого подобія найдешь по золотому гульдону. Молись и прудись, или я приду и сломаю тебѣ шею.»

Съ Нѣм. В. *Тило*.

ИСТОРИЯ АЛМАЗА.

Одинъ купецъ, жившій въ Константинополѣ, весьма неудачно велъ дѣла свои, такъ что съ каждымъ днемъ рушились его надежды, которыя заставили его оставить Марсель, свою отчизну, и милую невѣсту.

Однажды является къ нему невольникъ; онъ вошелъ украдкою, и увѣряя, что они безъ свидѣтелей, началъ такъ: «Христіанинъ, при дни шелъ я въ Спамбулъ; я работаю въ рудникахъ, гдѣ нашелъ неоцѣненный алмазъ. Продашь его здѣсь нельзя; но, если хочешь, уступлю его тебѣ за пятьдесятъ цехиновъ. Конечно, еслибъ Пророкъ сжалился надъ вѣрнымъ работъ своимъ и мнѣ удалось бы пройти въ Европу, то я продалъ бы его не иначе, какъ Султану и самому богачѣйшему; но едва ли достало бы его казны на уплату за мой алмазъ. Я слышалъ, что ты честный человекъ; я полагаюсь на тебя; иначе измѣна твоя стоила бы мнѣ жизни, и только для опроверженія подозрѣній я выпросилъ съ тебя споль малую цѣну.»

Купецъ занялъ пятьдесятъ цехиновъ, и получилъ алмазъ.

«Невѣрный, сказалъ невольникъ, оставляя его, жизнь моя въ твоихъ рукахъ: одно слово, и Кади лишитъ меня жизни. Удались какъ можно скорѣе изъ Спамбула для собственной своей безопасности.»

Купецъ продалъ за безцѣнокъ остальные свои повары, заплашилъ долги и тайно ночью удался. Изъ вырученныхъ имъ за повары денегъ, онъ нанялъ дорогѣй цѣною погонщика верблюдовъ, который довелъ его до взморья; но только что они завидѣли море, какъ погонщикъ сказалъ ему: «купецъ, ты спасаешься отсюда бѣгствомъ; дай мнѣ тысячу цехиновъ; иначе я донесу на тебя.»

Купецъ не хотѣлъ заплашить сей суммы, ибо у него не было сполько денегъ. Онъ предложилъ ему приспа цехиновъ, то есть, половину всего своего имущества. Погонщикъ не хотѣлъ уступить ни одного цехина. Корабль долженъ былъ оплыть на другой день, следовательно купецъ подвергался опасности быть схваченнымъ, и смерть его была бы неизбежна. Уступая отчаянію и еспешвенно-

му побужденію защищать жизнь свою, онъ схватываетъ пистолетъ и раздробляетъ голову погонщику.

Вспутивъ на корабль, онъ уговорился въ цѣнѣ за провозъ; нѣкто предложилъ ему: застраховаться съ поварами на случай бури или морскихъ разбойниковъ.

Онъ заплашилъ двѣсти цехиновъ.

Онъ прибылъ въ Марсель; корабль разбилъ въ виду гавани, распояниемъ на одну милю отъ оной. Нашъ путешественникъ бросилъ свои документы и наличныя деньги; онъ удержалъ при себѣ одинъ только алмазъ и спасся вплавь. Въ Марсели онъ нашелъ свою невѣсту и всѣ несчастія были забыты.

«Свѣтъ очей моихъ, сказалъ онъ ей, привыкнувъ къ восточнымъ выраженіямъ: счастье намъ улыбается; случай доставилъ мнѣ то, чего, при всѣхъ успѣхахъ и перипетіяхъ, не могъ я приобрести въ печеніи прехъльствъ.»

Надобно было ѣхать въ Парижъ и продать алмазъ; до отъѣзда своего купилъ онъ на взморьѣ красивый домикъ. Ничто не могло быть живописнѣе мѣстоположенія сего жилища; онъ купилъ мебели, лошадей и нанялъ прислугу; занявъ денегъ на дорогу, онъ снова застраховалъ свой алмазъ и сказалъ возлюбленной: «душа души моей! черезъ два мѣсяца я возвращусь къ тебѣ;»—и невѣста провожала глазами корабль, пока онъ совсѣмъ исчезъ въ туманной дали. Мы не спанемъ говорить о ужасной бурѣ, которая сто разъ готова была поглотить корабль. Когда счастье благопріятствуетъ кому, тогда все идетъ по желанію; фортуна распочипельна какъ въ дарахъ своихъ, такъ и въ бѣдствіяхъ; она не раздаетъ ихъ, а осыпаетъ ими своихъ любимцевъ. Нашъ купецъ приѣзжаетъ въ Парижъ, обращается къ придворному ювелиру, которому, по словамъ его пріятелей, лучше всего можно продать подобную драгоценность. Онъ застаетъ художника за журналомъ

Ювелиръ, обернувъ нѣсколько разъ и попробовавъ алмазъ, опвѣчалъ купцу: это рѣдкость, самая богатая шпуча горнаго хрустала, какую только мнѣ случалось видѣть: это стоить не менѣе 24 копейкъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А. Д. Н. Ой.

Вчера войдя въ пвой кабинетъ,
Я долго, чувствомъ увлеченный,
Склоняся на экранъ, къ камину прислоненный,
Глядѣль на пвой поршрешъ,
Написанный назадъ пому пол-года.—
Онъ вѣрною рукой срисованъ съ красопы:
Твой въ немъ млыма черпы;
Но всё картина—не природа!
Гдѣ дивный взоръ пвоихъ очей,
Который въ глубь души спрѣлою проникаетъ
И вѣчный слѣдъ въ ней покидаетъ?
Гдѣ сей волшебный звукъ рѣчей,—
Твой голосъ сладоспный, до сердца доходящій,
И насъ гармоніей своей
Въ воспоръ и препенъ приводящій?
Гдѣ та небесная улыбка успъ пвоихъ,
Которая чаруя
И спариковъ и молодыхъ,
Томпшъ ихъ жаждой поцѣлуя?
Гдѣ прелеспи сіи?—Ихъ нѣшь!
Художнику ли ихъ изобразить рукою?—
Ахъ, сколько разноспи имѣюпъ межъ собою
Прелеспный подлинникъ и сходный съ нимъ пор-
шрешъ!

Сіловъ.

Варшава.

6-е Нолбря 1831.

ВОИНЪ И САБЛЯ.

(Изъ Кёрнера.)

Воинъ.

Сабля, другъ мой, чпо такъ ясно
Взоръ пвой молніей горипшъ?—
Взглядъ пвой огненный и спраспной
Сердце друга веселишъ.

Сабля.

Храбрый воинъ мной владѣетъ;
Онъ шого мой взоръ свѣплѣетъ;
Душъ свободныхъ сила—я.
Вопъ, чпо радуешъ меня.

Воинъ.

Такъ! свободенъ я;—душою
Лишь владѣешъ ты одна;
Ты одна любима мною—
Ты со мной обручена.

Сабля.

Душу я мою спальную
Отдаю тебѣ;—ты мой!
Но когда же молодую
Позовешъ на пиръ съ собою?

Воинъ.

Только лучъ зари проглянешъ—
Музыки раздаспся громъ—
Вѣсповая пушка грянешъ—
Я скажу тебѣ: пойдѣмъ!....

Сабля.

О блаженный день! о радость!
Долго я тебя ждала.
Дѣва я.—Красу и младоспъ
Я для друга берегла.

Воинъ.

Сабля! чпо съ побоею спало?
Вижу гнѣвъ спроншпвый пвой—
Ты въ ножнахъ запрепешала—
Сабля, другъ мой, чпо съ побой!

Сабля.

Близокъ бракъ нашъ—я невольно
Трепещу—я вся въ огнѣ—
Душно здѣсь мнѣ—душно, больно—
Крови, крови дай ты мнѣ!...

Воинъ.

О, какъ долго время длился!
Въ груспномъ перемѣ своемъ
Подожди краса-дѣвица—
Скоро я скажу: пойдѣмъ.

Сабля.

Поле бипвы, поле славы,
Покажи мнѣ; дай узрѣшъ
Садъ любви, средъ розъ кровавыхъ
Какъ разгуливаешъ смерпъ.

Воинъ.

Такъ идижъ въ объашпль къ другу;
Недалекъ желанный бой;

Поведу мою супругу
Въ домъ опцевъ моихъ со мной.

Сабля (обнаженная.)

Ахъ, свободна я! Вотъ поле!
Слышу всюду брачный хоръ—
Видишь, милый, какъ на волѣ
Мой огнистый блещетъ взоръ?

Воинъ (къ друзьямъ.)

О друзья, на полѣ брани
Поспѣшимъ! за мной! впередъ—
И съ собой пусть каждый въ длани
Нареченную несѣтъ.

*

Ждашь ей въ перемѣ уныло;
Въ полѣ пусть блещетъ красой;
Сочеташься-жъ, други, съ милой
Должно правою рукой.

*

Общій бракъ здѣсь торжествуемъ—
Други, милыхъ по мѣстамъ!...
Спрашиваемъ, жаркимъ поцѣлуемъ
Къ ихъ спальнымъ прильнемъ уснамъ.

*

Ихъ лобзаніе прибавишь
Намъ опважности въ бою;
Смѣшно будетъ, кто оспавишь
Нынѣ милую свою.

*

Пой же, сабля, съ брачнымъ хоромъ.—
Пѣснь веселія—пора!
Заблестай огнистымъ взоромъ
Сабля милая—ура!...

N. N.

БОЛЬНОЕ ДИТЯ.

(Изъ стихотвореній Римлянки Фаустинъ.)

Единое дитя мое, что спалось
Съ веселіемъ твоимъ? Куда теперь дѣвалась
Улыбка на устахъ? Гдѣ милый взоръ, живой?—
Лежишь ты, мучишься, помаясь болѣзною злой:
Она, жестокая, малюшку разрушаетъ,
Тебя отъ моего объятія опрываетъ;
Разлуки близокъ часъ, я къ Небу вопію

И, какъ иззякшій ключъ, несчастная, спую
И приближаюсь къ твоимъ ланитамъ блѣднымъ;
Но ихъ, увы! своимъ лобзаніемъ привѣннымъ
Не въ состояніи запечатлѣть ужъ я;
Надъ ними и рыданъ не можетъ масть пвоя.

Пер. *И. Покровский.*

ИСТИННОЕ БЛАЖЕНСТВО.

Блаженъ, кто слабому опрадой
Умѣетъ въ нуждахъ сердца быть,
И сильного презрѣвъ досадою,
Свящую истину любить.

*

Блаженъ, кто мудростью надежной
Смирено оградилъ себя,
Какъ даръ святыни безмятежной
Её душею возлюбя.

*

Блаженъ герой въ вѣнцѣ лавровомъ,
Внесенный въ лѣпописъ вѣковъ,
Когда онъ дѣломъ, а не словомъ,
Вспрѣчалъ въ бою своихъ враговъ.

*

Блаженъ юристъ миролюбивой,
Тогда, какъ овладѣвъ перомъ,
Внималъ онъ совѣсти правдивой
И велъ законъ ея пушемъ.

*

Блаженъ богачъ великодушный,
Щедролюбивый къ нищезѣ;
Влеченью сладкому послушный,
Онъ знаетъ радость не въ мечпѣ.

*

Блаженъ въ бесѣдѣ напоенной
Любимецъ Музъ и недругъ сна;
Цѣвницы ими вдохновенной
Игра волшебная славна.

*

Блаженъ, кто сердцемъ пергѣливымъ
Быль очарованъ въ жизни сей,
Кто равнодушіемъ счастливымъ
Охолодилъ порывъ спраспей.

*

Но пошь блаженный, о Марія!
 Кто будетъ, милая, съ побой
 Всѣ наслажденія земныя
 Дѣлать безпечною душой.

Черкасскъ.

Тобольскъ.

Ш А Р А Д А.

(Г... И..... К..... въ день его Ангела.)

Гармонія и громъ *начальное* вмѣщаютъ.
 Срединѣ премѣнивъ названіе свое,
 Не премѣнила бытіе; —
 Въ Каспійскій Понть она спруи свои вливаетъ.
 Впорого Праопца былъ первенецъ — *конецъ*;
 А *цѣлому*, въ сей день, пошли благій Творецъ —
 Здравья, счастья, всѣхъ радостей возможныхъ,
 Прямыхъ, не ложныхъ.

4-е Марта.

1... 200... %.

Въ No 50, помѣщенный логотипъ значить: *Parc*, въ
 коемъ заключастся *arc*.

М О D E S.

Coiffures. — Les coiffures en cheveux sont pour le moment assez peu nombreuses. La saison des bals d'hiver est passée, il y a longtemps, et celle des fêtes champêtres n'est pas encore venue. Profitant de ce moment de repos, nos artistes, en fait de coiffures, se sont occupés à faire quelques innovations; nous en avons déjà admiré une, et nous sommes persuadés que toutes les élégantes y donneront leurs suffrages. Il s'agit d'une *épingle-saule*, de l'invention de M. Amable Normandin. Nous reproduirons incessamment le modèle de cette nouveauté, qui sera, sans contredit l'ornement des coiffures d'été, et que l'on reverra plusieurs fois encore pendant l'hiver prochain.

Chapeux. — Les petits chapeaux (Bibis) deviendront sans doute extravagamment petits, s'ils doivent encore être soumis à quelque diminution, car on en voit maintenant, dont le bord de la passe entoure la figure comme un bonnet. Une blonde attachée au bord les rend beaucoup plus gracieux.

Sous les chapeaux, auxquels on conserve la passe un peu grande et évasée, on met toujours des ornemens en rubans. Les plus nouveaux sont un ruban tressé, qui traverse le front. Cela va assez bien à la physionomie. Les deux extrémités de la tresse viennent se fixer sous les mentonnières en blonde.

La majorité des capotes est couleur paille.

Bien que la paille de riz soit déjà beaucoup portée, on voit encore si peu de chapeaux en paille d'Italie, qu'on peut avancer qu'ils se porteront en petit nombre cette année. Avec plus d'assurance encore, on peut assurer que jamais ils ne seront assez rares pour être ridicules ou même remarqués; nos premiers magasins nous en offrent même d'élégans modèles.

М О Д Ы.

Прически. — Причесокъ проспо изъ волосъ весьма немного. Время зимнихъ баловъ давно уже прошло, а сельскихъ праздниковъ еще не настало. Пользуясь симъ опдыхомъ, наши парикмахеры занимаются новыми изобрѣшеніями; мы удивлялись уже одному, и увѣрены, что всѣ щеголихи одобряютъ его. Это *épingle-saule* (булавка на подобіе ивы), изобрѣшенія Г-на Amable Normandin. Мы скоро представимъ образецъ этой новоспи, которая въ-роянно будетъ украшеніемъ лѣтнихъ причесокъ, и слѣдующей зимою также будетъ видима.

Шляпки. — Маленькія шляпки (bibis) будутъ безобразно малы, если онѣ еще нѣсколько уменьшатся, потому что теперь видно нѣсколько, у которыхъ край поля окружаетъ лице, какъ чепчикъ. Блонда, пришитая въ краю, дѣлаетъ ихъ щеголеватѣе.

Шляпки, у которыхъ поля побольше и открытѣе, опдѣлываютъ снизу лентами. Самая новѣйшая опдѣлка: сплетенная лента, положенная по лбу. Это довольно украшаетъ физиогномію. Коса съ обѣихъ сторонъ прикрѣплена подъ блондовыя манпоньеры.

Басповыхъ шляпокъ много уже носятъ, а Италіанскихъ соломенныхъ видно весьма немного, и кажется можно сказать, что ихъ мало будутъ носить нѣтъшнимъ лѣтомъ. Еще съ большею увѣренностію скажемъ, что онѣ никогда не будутъ споль рѣдки, чтобы быть смѣшными или замѣшными. Въ нашихъ первыхъ магазинахъ видны даже весьма щеголеватыя соломенные шляпки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 52.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинами модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сшавкою и пересылкою 35` рублей.

СРЕДА, Іюня 29 дня, 1832 года.

Гдѣ ладъ—тамъ и успѣхъ,
А отъ раздора всё на Свѣпъ погибаетъ.

Хелницерь.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Клятва при Гробѣ Господнемъ; *Русская быль XV вѣка; сочиненіе Николая Полеваго. — Москва, — въ Универс. Типографіи. Часть 1-я, 238 стрн. и часть 2-я, 299 стрн.*

Два знаменитѣйшіе Московскіе книгопродавца В. В. *Логиновъ* и А. С. *Ширяевъ*, не щадя издержекъ, трудовъ и прогаго и прогаго, приобрѣли покупкою—первый, *Василій Васильевичъ*, приобрѣлъ *Шелякинъ Судъ*, романъ П. П. *Свиньина*; второй, ш. е. Александръ Сергѣевичъ, купилъ *Василья Косаго*, романъ Н. А. *Полеваго*. Романъ П. П. *Свиньина* почти уже весь оппечатапанъ—романа Н. А. *Полеваго* написаны только двѣ часпи. . . А эпоху изъ Русской исторіи выбрали они оба одну. . . Какъ бытъ? Чпобъ не засѣспъ совеѣмъ съ своею драгоценною покупкою, А. С. *Ширяевъ* рѣшилъ пуспипъ въ Свѣпъ хоть двѣ первыя часпи *Василья Косаго*—а по перебѣспъ *Шеляка*! И вопъ явились двѣ часпи романа *Полеваго*! Но вмѣсто *Василья Косаго*,—роману дано названіе позапѣйлпвѣе и позадорнѣе, именно: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*. Тупъ замѣшалпсь и коммерческіе расчеты,—и А. А. *Орловъ*. Да! Александръ Анфимовичъ *Орловъ*! Вздумалось и ему написать

романъ, подѣ названіемъ: *Василій Косой*. . . Разумѣется, чпо послѣ *Василья Косаго*, *Орлова*, не спали бы чипатъ *Василья Косаго*, *Полеваго*—и послѣдній нашелся принужденнымъ перемѣнитъ пипуль своей книги, и черезъ пріятелей своихъ, купилъ за 21 рубль рукопись *Орлова*! И вопъ, *Косой Орлова* навсегда остпался подѣ спудомъ—и передѣ почпенной Публпкою явлпется *Косой Полеваго*, подѣ названіемъ: *Клятва при Гробѣ Господнемъ*! Чудо чпо за названіе! Хоть бы въ бенефисную аѣшкѣ! Но съ измѣненіемъ пипула, *Василій Косой* остпался въ числѣ второстепенныхъ лицъ—а главнѣйшее дѣйствующее лице, на комъ основана вся сказка, на комъ лежиптъ клятва,—естъ *Иванъ Гудочникъ*, (онъ же *Иванъ Положникъ*)—мужъ ппачпспвенный,—грознаы незнакомецъ.—Онъ явлпется вездѣ и всюду—вездѣ какъ свой, и у Великой Княгини, и у Удѣльныхъ Князей, и у Архимандрита, и у Болръ, и съ мужиками. Говориптъ, по какъ лѣшописъ о мяшежахъ—по какъ *Фингалъ*—по какъ *Издапель Телеграфа*.

Изъ выданныхъ 2-хъ частей чипапелъ узнаѣптъ только, чпо *Косой* и *Шеляка* перебрапипсь въ Великою Княгиніею *Собіею* на свадьбѣ у ея сына.—За по чѣмъ не нашпгованъ романъ? Еспъ и сказка о Сивкѣ-буркѣ—и старинныя пѣспн, и описаніе Москвы въ

родъ описанія Парижа В. Гюго — въ *Notre Dame*. — Но всего задалчивѣе *предисловіе!* Николай Алексѣевичъ знаетъ, чѣмъ значить хозовый конецъ, знаетъ какъ поваръ лицомъ продашь, и въ подражаніе разговора Автора съ книгопродавцемъ (*), начинаеть *разговоромъ съ читателемъ*. Разговоръ не маленькій — на 64 страницѣхъ — а о чемъ — извѣстно! О своей драгоценной персонѣ — о своихъ твореніяхъ изданныхъ, неизданныхъ, и впредь могущихъ издаться — о своей славы — о своей любви къ Отечеству. Все по же подражаніе объявленіямъ: о Турецкомъ умываньи, о бальзамѣ отъ всѣхъ болѣзней *Самохотова*, и чудесной ваксы *Хотунцова!* Да и самъ Авторъ говоритъ на стр. XXXI: «*кто имѣлъ терпѣніе читать все писанное мною, тотъ скажетъ, что я одинъ и тотъ же — подъ личиною живописца, во взглядѣ историка, и въ критикѣ.*» Чѣмъ правда, то правда! Та же несчастная самонадѣянность, — по же слѣпое самолюбіе, — по же самохвальство, ничѣмъ не извинительное, — та же суматоха въ идеяхъ, — та же нескладница въ изложеніи, которыя такъ видны и въ живописцѣ, и въ историкѣ, и въ крипикахъ Издавателя Телеграфа. Хотя на стр. 88-й, I-го тома, и говоритъ онъ, что «*не въ первый разъ люди услышатъ рассказъ о важныхъ дѣлахъ по замѣткамъ невѣжды,*» но мы ничего не узнаемъ изъ его замѣтокъ, ни важнаго, ни новаго. Видимъ того же задорнаго и близорукаго журналиста, который принимаетъ свое домашнее общество за цѣлую Россію — и воображаетъ о себѣ Богъ знаетъ что, тогда, какъ онъ дивитъ лишь свой муравейникъ! Но кто спорить съ Н. А. *Полевымъ* послѣ того, какъ онъ началъ клеветать *Карамзина*, и издалъ первый томъ *Исторіи Русскаго Народа*. Однако же, долгъ справедливости обяываетъ насъ сказать, что при частіи *Исторіи Русскаго Народа* лучше историкъ *Василья Косаго* — здѣсь на каждой страницѣ описануто сбивыми липерами, — что Авторъ совсѣмъ сбился съ полку — и пишетъ на удачу — такъ! — пишетъ потому, что пишутъ и *Гурьяновы*, и *Сиговы*, и *Оливы*, и *Кс...*

Мая 15.

Зв. Н. П.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КРЕСТЬЯНКА,

Сдѣлавшаяся знатного господсего.

(Истинное происшествіе.)

«Тоскана есть садъ Италіи, ежели Италія есть садъ Европы.» *Гольдони* правъ. Столица сей Тосканы, споль плѣнительной, представляеть въ себѣ, въ свою очередь, Аѳины Италіанцевъ. Но какъ бы ни любилъ путешественникъ природу и искусства, онъ принужденъ оставить Аѳины и ихъ сады. Я выѣхалъ изъ Флоренціи съ Графомъ Т..., молодымъ, весьма любезнымъ Полякомъ, съ которымъ я познакомился во время пребыванія своего въ Римѣ. Я возвращался во Францію, хотя и не совсѣмъ добровольно, и Графъ долженъ былъ сопутствовать мнѣ до Генуи. Торопиться намъ не было нужды, а потому и рѣшились мы ѣхать тихимъ шагомъ, въ *седль*, открытомъ кабриолетѣ, употребляемомъ въ тамошнемъ краю. Мы отправились сначала въ Ливорно, потомъ въ Пизу, Лукку, Массу, Сарзанъ, а на седьмой день мы находились въ Генуѣ, проѣхавъ въ недѣлю пятьдесятъ миль. Вотъ, безъ сомнѣнія, самый лучший образъ путешествія.

Посмотрѣвъ на великолѣпный заливъ Спецію и красивый городъ Кіавари, мы проникли въ горы, гдѣ проложена трудная дорога, извѣстная подъ именемъ прохода *Богетты*.

Въ одно прекрасное пѣшкомъ на крупизну сего живописнаго пути. Не подалеку отъ одного дурнаго пракипера, стоящаго на самой большой въ семъ мѣстѣ возвышенности, къ намъ вышла на встрѣчу маленькая дѣвочка, и подала намъ, въ корзинкѣ, плоды и цвѣты. Мы какъ бы оцѣпенѣли отъ чрезвычайной красоты сего ребѣнка. Ни рубище, ни самая неопрятность не могли разрушить ея прелести. Въ ней представлялась одна изъ пѣхъ Рафаэльскихъ головъ, которыхъ изображенія оспались только въ Мадоннахъ божественнаго Урбинскаго живописца; очеркъ лица имѣлъ неподражаемую обрисовку: лобъ, всѣ черныя запечатлѣны были чудеснымъ совершенствомъ; глаза заслуживали особенное удивленіе, а взглядъ

(*) А. С. Пушкинъ.

сіялъ непорочностію, прелестію Ангеловъ; словомъ, предъ нами спояло одно изъ пѣхъ чистыхъ созданій, которыя едва ли могутъ зародиться и въ самыхъ грезахъ воображенія. Мы спросили у малюпки, какъ называлась она, сколько было ей опъ роду лѣтъ, и она сказала намъ, что имя ей *Жюльета*, и что ей девятый годъ. Пріѣхавъ въ пракпиръ, который содержала ея мать, мы продолжали, за чашкою молока, разговаривать съ милымъ дитяшею, которое забавляло насъ привлекательнымъ просподушіемъ своихъ отвѣсовъ.

« Не согласишься ли ты отдать мнѣ эту малюпку? » сказалъ я матери. Я не женатъ; возьму пвою дочь на свое попеченіе, и усвою еѣ себѣ вмѣсто дочери. »

— Извольте, — отвѣчала она.

« Но подумай, я увезу еѣ въ свое опеченіе; можетъ быть, ты никогда еѣ не увидишь: уже ли можешь ты разспасться навсегда со своимъ дитяшею? »

Вопъ ея отвѣтъ:

— Вопъ тебѣ на! сказала пракпирщица, у меня, кромѣ неѣ еще двое. —

« *Кроить неѣ еще двое!* » Это слово, въ устахъ матери, въ мнуну все испортило: оно было для насъ, какъ театральнй занавѣсъ, когда онъ нечаянно спускается въ среднѣ занимательнаго явленія. Мы запламили за молоко, плоды и цвѣты, дали небольшую серебряную монету *Жюльетѣ*, и опята съли въ нашу седію. Прекрасная малюпка долго провожала насъ изумленнымъ взоромъ. Упешъ скрылъ еѣ изъ нашего вида.

« Нечувствительность этой женщины приводитъ тебя, любезный Графъ, какъ и меня, въ изумленіе и негодованіе. »

— Я не сполько изумленъ, какъ негодую. Бѣдность. . . —

« Такъ, но материнское чувствованіе, это врожденное побужденіе природы. . . »

— Бѣдность, любезный мой, бѣдность подавляетъ иногда самый голосъ сердца; она усыпляетъ угрызения совѣсти. Негрипянки продаютъ своихъ дѣтей. Спанемъ разспаивать вещи въ самомъ ихъ основаніи. Эта несчастная, возбуждающая въ тебѣ гнѣвъ, имѣетъ, можетъ быть, не такое каменное сердце, какъ то кажется; она могла находить въ пво-

емъ предложеніи большую выгоду для своего дитяши, и. . . —

« Понимаю; но плакая прозорливостъ не должна быть мгновенною; она не первое побужденіе у матери въ упоминаемомъ случаѣ. »

— Согласенъ; первому побужденію надлежало быть добрымъ; оно было злымъ, звѣрскимъ. Повторяю: бѣдность, происходящее опъ одной огрубѣніе и негодованіе, раждающееся опъ недоспапка въ необходимомъ, портишь очень часто самый спочиникъ нашихъ природныхъ чувствованій. Означенная женщина служивъ пому доказательствомъ. —

« Черта весьма оскорбительная для чело-вѣчества! »

— Вы совершенно правы. —

« Прервѣмъ сей разговоръ; онъ увлечетъ насъ даље и скорѣе, нежели седія, въ которой мы ѣдемъ. Теперь я думаю, какая будущность предспоитъ этому бѣдному дитяши. Черезъ семь, восемь лѣтъ она выйдетъ за какого нибудь грубаго мужика; сполько прелестей доспанулся, можетъ быть, въ добычу разбойнику: очень жалъ. »

— Должно полагать, что таковъ ея жребій; но, можетъ спастся, она будетъ и не сполько несчастлива. Намъ неизвѣстно, что суждено *Жюльетѣ*. Легко случится, что другой путешественникъ исполнишь предположеніе, сдѣланное тобою въ шутку. —

« Подумавъ, я нахожу эту мысль не сполько сумазбродною. По испинѣ, ежели бы я былъ богатымъ, и могъ совершенно располагать собою и своими поступками: то, мнѣ кажется, я исполнилъ бы слова свои на самомъ дѣлѣ. Дитя не безъ понятливости; хорошее воспитаніе развернуло бы его способности. Представъте себѣ эту дѣвушку, въ осьмнадцатилѣтнѣ, украшенною не однимъ наружнымъ прелестями, но и добрымъ сердцемъ и образованнымъ умомъ. Попомъ видите вы, она соединена, по своей волѣ, съ какимъ нибудь любезнымъ мужчиною. . . Какъ знаешь, можетъ быть, со мною? И вопъ чувствованіе мое къ ней, сначала опцовское, наконецъ переходить, сливается въ супружескую нѣжность, и опъ добраго дѣла моего происпекаетъ взаимное наше благополучіе. »

— Милый романъ! Вы сдѣлали бы почто по, что случилось съ однимъ моимъ знакомымъ. —

«Въ самомъ дѣлѣ? Разскажете.»

— Охотно. Польскій Князь *Станиславъ Ловинскій* много разъ путешествовалъ во Францію. Вы не знали его въ Парижѣ? —

«Я слыхалъ объ нёмъ, но не видалъ его никогда.»

— Вотъ какъ это было; я знаю всѣ обстоятельства изъ вѣрнаго источника, и ручаюсь за ихъ справедливость.

Князь *Станиславъ*, двадцати лѣтъ отъ роду, наследовавъ славное имя и большія богатства, наслаждался свободою, и былъ сильно предубѣжденъ пропивъ брака. Въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, онъ предпринялъ путешествіе въ Испанію. Онъ провелъ зиму 1802 года въ Римѣ. Опшуда онъ прїѣзжалъ, подобно намъ, въ древній Лаціумъ. Князь *Ловинскій* посѣтилъ, попеременно, Тиволи, Фраскати, Альбано, Неми и другія занимательныя мѣста сей знаменитой земли. Однажды онъ находился во Фраскати, и пробрался къ развалинамъ Тускулума, какъ повспрѣчался, также какъ и мы, съ дѣвочкою, которой черпты, особенно прекрасныя, его поразили. Князь спалъ её разспрашивать: *Паолина* было десяти лѣтъ; родители ея, бѣдные поселане, высылали младшихъ дѣтей своихъ просить подаванія по дорогамъ, гдѣ проѣзжаютъ путешественники, а сами воздѣлывали землю, едва доставлявшую имъ дневное пропитаніе. Однимъ словомъ, *Паолина* собирала милостыню, въ которой нерѣдко ей отказывали. Но только поразиительная красота *Жюльеты* могла идти въ сравненіе съ очаровательною наружностію маленькой нищей изъ Фраскати. *Станиславъ* имѣлъ сердце доброе и чувствительное; при томъ, воображеніе у него было живое и романтическое. Вдругъ онъ рѣшился усвоить себѣ эту прелестную малютку; онъ пришелъ въ бѣдное жилище ея родителей. Они, удивленные предложеніемъ, сначала не соглашались на оное, чего и надлежало отъ нихъ ожидать; изъ нихъ ни тотъ, ни другой не сказали потчасъ, какъ мать *Жюльеты*: *погелу-жь и не такъ? у меня и кроить неѣсть*

еще дѣти; однако, наконецъ склонились на убѣдительныя просьбы Князя и обѣщаніе пенсіона; къ чему еще болѣе побудила ихъ, безъ сомнѣнїя, мысль о выгодахъ, какія дѣти ихъ должно было получить отъ такового покровительства. Сдѣланы были условїя, и, черезъ три дня, *Станиславъ* возвратился за *Паолиною*. Её одѣли прилично ея новому состоянію, и посмотрѣли бы вы, какъ, освобождаясь отъ нищенскаго рубища, была она прелестна въ своемъ нарядѣ. Не буду распространяться. *Паолина* поѣхала отъ своихъ родителей въ блистательной коляскѣ, сопровождаемая ихъ благословенїями и прощанїями, которыми были не безъ слѣзъ.

Сей случай произвелъ впечатлѣніе въ обществахъ въ Римѣ. Одни одобряли Князя и превозносили его великодушїе; другїе громко порицали его, выславляя чудаконъ, какъ обыкновенно называютъ въ свѣтѣ всякаго, уклоняющагося отъ общихъ обыкновенїй; но большая часть, очарованная прелестїями дѣтящи, и, проявившимися въ нёмъ, счастливыми душевными расположенїями, желала успѣха предпрїятїю *Станислава*. Однажды вечеромъ разговаривали объ этомъ у Герцогини *Анати*, женщины съ большимъ умомъ.

«Происхожденїя не упавшь, сказалъ Князь *Кастельнуово*; что ни дѣлай Князь *Ловинскій*, но онъ только потрапитъ напрасно время и труды. Воспитаніе, навѣкъ въ свѣтѣ, всѣ возможныя успїя къ преобразованію *Паолины*, не успѣютъ сдѣлать изъ неѣ свѣтскую женщину. Ежели даже (предположеніе весьма несбыточное) она вступишь въ бракъ съ челоѣкомъ изъ высокаго круга, то всё останется только *Паолиною*, и въ ней видна будетъ прежняя крестьянка.» — Безъ всякаго сомнѣнїя, вскричали въ одинъ голосъ, Кардиналъ *С.* и Маркиза *дѣ Рикіоли*, малютка родилась отъ крестьянъ, происхожденїя ея ничѣмъ не скроешь. — «Французскій Король *Генрихъ IV* говаривалъ, что *сельданный богѣнокъ пахнетъ всегда сельдями*» (*), примолвилъ *Г. Бернола*, радуясь, что могъ блеснуть ученостью.

(* У пась, Русскихъ, говорится: *каковъ въ колѣбелу, таковъ и въ могилку*. — Прим. Пер.

Герцогиня *Амати* начала говорить.

«Нѣтъ, Милостивые Государи, сказала она съ нѣкоторымъ жаромъ, будемъ пользоваться преимуществами, представленными намъ случайностію рожденія, или, лучше сказать, волею Божіею; такъ, спанемъ пользоваться такими преимуществами; но зачѣмъ выводимъ изъ того для себя исключительныя доказательства, или дѣлать заключенія чрезмѣрныя, оскорбительныя для человѣчества? Будемъ опкровенны; мы можемъ сознаваться между нами, что между нашими благородными Римлянами есть весьма дурныя собою; напримѣръ..... (чуть я не промолвилась)! Что касается до меня, то я утверждаю, что ежели Князь *Ловинскій* возьмется за дѣло, какъ слѣдуетъ (а на это слишкомъ спанеть у него ума), примышь его сдѣлается совершеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отвѣчаю за *Паолину*. Пусть пройдетъ только шесть лѣтъ, вы сами увидите, что изъ неѣ выйдетъ. Говорятъ о происхожденіи; но небесное происхожденіе не начертано ли на семъ пѣниптельномъ лицѣ? Добродѣтели и красота не также ли права на благородство?»

Разговоръ Герцогини *Амати* принялъ, въ сей вечеръ, совсѣмъ не шуточное направленіе. По счастью, доложили, что пріѣхалъ Французскій Посланникъ: за нимъ вошелъ Князь *Ловинскій*. Появленіе ихъ прекратило споръ, въ которомъ вырвалось бы, можетъ быть, у нѣкоторыхъ изъ гостей, какое нибудь неумѣстное слово.

Между тѣмъ, *Станиславъ*, хулимый одними, выхваляемый другими, шѣлъ своею дорогою, заботясь столь же мало о прощаніяхъ, какъ и о похвалѣ, и ужѣ успѣхъ начиналъ соопвѣпспвовать его надеждѣ. Распорядившись, чпобы пожизненный пенсіонъ былъ всегда выплачиваемъ родшпелямъ *Паолины* безъ задержанія, онъ отправился, при наступленіи весны, со своею молодой воспитанницею въ Варшаву.

Не нужно говорить, что были взяпы самыя отличныя наставники; не было упущено ничего, входящаго въ составъ благоразумнаго и твердаго воспитанія: съ каждымъ годомъ, шшлое дшпа дѣлало быстрые успѣхи, возрастающая въ прелестяхъ, умѣ и добродѣтеляхъ.

Паолина, въ осьмнадцать лѣтъ, отличалась основательными свѣдѣніями безъ педантизма, самыми пріятными дарованіями безъ припязаній, чистымъ сердцемъ и здравымъ сужденіемъ. Всѣ сіи драгоценныя качества возвышаемы были обворожительною красотою. Маленькая крестьянка изъ Фраскаши сдѣлалась совершеннымъ образцемъ всего, что желательнo было найпы въ женщинѣ, и пророчество Герцогини *Амати* исполнилось. Присутствіе *Паолины* въ обществахъ возбуждало всеобщее удивленіе, которое, вскорѣ смѣнилось въ душѣ нѣкоторыхъ молодыхъ господъ, чувствованіемъ болѣе нѣжнымъ. Забывъ происхожденіе Фраскапянки, и восхищаясь одними рѣдкими ея достоинствами, они явно домогались ея руки; но сердце сироты не было еще, по видимому, доступно впечатлѣніямъ любви. *Станиславъ*, самъ не зная отъ чего, досадовалъ на таковыя искапельства. Онъ увидѣлъ наконецъ, что неудовольствіе его походило на ревность, и спалъ думать, что и самъ онъ, въ свою очередь, влюбился. Узнавъ свое положеніе, онъ сначала испугался онаго. «Между тѣмъ, говорилъ онъ самъ себѣ, кто болѣе меня умѣлъ и будетъ любить сію очаровательную дѣвушку? Кто лучше меня цѣнитъ еѣ? Кто, столько какъ я, посвятитъ себя ея благополучію? Правда, что я спарѣе еѣ пятнадцатію годами; но ужели столь велика эта разность? Такъ, я объяснюсь съ нею, открою ей свое сердце: ежели она любитъ другаго... что-жь!... я не буду пропившсь ея склонности... этопъ счастливый смерпный будетъ ея супругомъ. Ежели предложеніе мое будетъ принято, то *Паолина* сдѣлается моею женою; я на то рѣшился.»

Добрый *Станиславъ*, при всей рѣшимости, какую онъ предполагалъ въ себѣ, хранилъ молчаніе. Воспшпатель спалъ робкимъ, смущался передъ своею воспитанницею. При каждомъ случаѣ, благопріятномъ для изъясненій, признаніе умирало на устахъ влюбленнаго, и разборчивость превозмогла въ немъ желаніе. Съ такимъ праводушнымъ и простосердечнымъ человѣкомъ, сіе состояніе не могло быть продолжительнымъ. Князь объяснился; онъ говорилъ съ жаромъ, потому что любилъ истинно. О сладостная нечаянность! признаніе его

принято было со слезами утешения. Князь былъ въ восторгѣ. Между тѣмъ, радость его вдругъ смутилась. Онъ боялся, не одна ли признательность совершила его благополучіе. Вскорѣ *Станиславъ* увѣрился, что онъ обязанъ счастьемъ своимъ любви. *Паолина* любила его: они соединились бракомъ.

Въ 1813 году, Князь *Ловинскій* получивъ одно важное порученіе къ Императору *Наполеону*, прибылъ во Францію: онъ привезъ жену свою въ Парижъ. Никто изъ тѣхъ, которые, по положенію своему въ свѣтѣ, призваны были тогда въ позолоченные залы столицы, не забылъ, конечно, сей споль блистательной и споль скромной женщины, съ прелестями которой могутъ сравняться одни ея душевныя качества.

Паолина, маленькая нищая изъ Фраскати, Княгиня *Ловинская*, еще молода; ей только придаютъ пять лѣтъ. Красота ея, въ зрѣлости своей, приняла удивительный отпечатокъ достоинства, которое придаетъ ей истинное благородство. Имъ надѣяется, не смотря на мѣлочныя наши предразсудки, природа, усовершенствуемая разсудкомъ. *Паолина*, будучи достойною обожанія и обожаемою супругою, превосходною матерью, сдѣлалась украшеніемъ своего пола. —

«Теперь, другъ мой, какъ тебѣ кажется? «не согласишься ли ты, что Принцъ *Ловинскій* вѣлъ себя съ особеннымъ благоразуміемъ?»

— Безъ сомнѣнія, и мнѣ кажется, что онъ былъ еще болѣе счастливъ, нежели благоразуменъ. Напрасно будемъ мы знать науку жизни, ежели удача не примѣшается нѣсколько въ наши дѣла. —

«Что скажешь ты объ этомъ союзѣ? Назовешь ли его плодомъ разсудка, или супружескимъ любовью, или бракомъ для приличія?»

— Яснымъ кажется мнѣ только то, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ приличіе и разсудокъ были въ согласіи съ любовью; а всё вмѣстѣ составило счастливое супружество, не малую рѣдкость!

Съ Франц. *И. Покровскій*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

Тяжко мнѣ: поска, какъ камень,
На груди лежитъ моей;
Попушило горе пламень
Свѣтлыхъ юноши очей!

*

Скорбь глубокая морщины
На чель мнѣ провела,
И безвременно сѣдины
Въ русы волосы вплела!

*

Рапо жизнию опцвѣшій,
Испытавъ людей сердца,
Я, жилецъ полу-умершій,
Жду, какъ блага, дней конца!

*

Такъ на степелѣ изсыхаетъ
Безъ дождя въ степи цвѣтокъ,
Такъ въ пустынь угасаетъ
Позабытый огонекъ.

Сіановъ.

Варшава.

10-е Сентября 1831.

Г Р О З А.

(И. Л. Ч... еу.)

День гаснулъ; знойное свѣтло
Свой путь завѣтный совершило,
Но къ сиротѣющей землѣ
Лучи прощальныя бросало,
И вѣчера въ прозрачной мглѣ
Тонуло все, все исчезало;
Лишь ярко на верху горы
Огнемъ пурпурнымъ обливало
Темнобагровые пары.

*

Темный, темнѣе тѣнь ночная,
И сизой пеленою мгла
Всё небо тихо облегла;
Клубясь, чернѣя, ужасая,
Надулись тучи; въпрѣ завывъ;
Громъ съ прескомъ разразился ярый:
Спена, капающа удары,
Вдругъ тучи пламень охватилъ,

И очи ослѣпилъ собою...

Пылаеть пѣма!—чудесный свѣтъ
То блѣднопламенной спруею
Туманъ разрѣжеть, шо прольеть
Пожаръ по безднѣ мглы; широко
Гуляеть въ глубинѣ высокой;
Исчезъ—и вновь чудесный блескъ!
Сильнѣе вѣпръ, и дождь рѣкою;
Спрашнѣ громъ:—гремятъ грозою,
Замолкъ—и вновь раскапъ и прескъ!

*

Всѣ пихо; смолкнулъ голосъ бури,
И грозно Посвиства рука
Погнала съ неба облака;
Свѣжъ воздухъ; ярче цвѣтъ лазури;
И мѣсяца сребриспый лучъ
Игралъ съ грядой разбишыхъ пучъ.

Иванъ Нагибинъ.

Тобольскъ.
1-е Мая 1832.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ГЪЯУРА

(Поэмы Лорда Бейрона.)

Посвящено Р...

1.

Упешъ огромный надъ водою
Унылый, мрачный кажеть видъ;
И надъ поверхностью морскою
Далеко пѣнь его лежишь.
Ладьей опаснаго Майнопа (1)
Онъ представляется въ дали;
И рыбака онъ сей земли
Влечеть пугливая забота.
Довольный ловлей и собою
На брегъ Леонскій онъ плывешъ,
И пѣсни счастья поешъ:
Любуясь полною луною
Ночей восточныхъ красосою.—
.....
Но кто сей всадникъ?... Онъ несется
Какъ вихрь средь горъ и средь лѣсовъ;
Какъ перекашный звукъ громовъ,

(1) Майнопы нынѣ обипашели Лаконш. Нѣкоторые изъ ученыхъ людей полагають ихъ истинными потомками Спартацевъ. — *Прим. Л. Б.*

Въ ущельяхъ горныхъ раздается
Могучій бѣгъ его коня. —

Съ попухшими лучами днѣ
Просперлась пишина на море:
Но съ пишиной, съ судьбою въ ссорѣ,
Младой Гьяуръ, душа пвоя.—
Быть можешь, съ яростнымъ спремецею
Вновь завтре бури зашумишь:
Но не сравнишь съ пѣмъ волненьемъ,
Что въ злой душѣ пвоей кипишь.
Ты не знакомъ мнѣ;—проклинаю
Спрупу, гдѣ въ мѣрѣ родился ты.—
Какія спрашныя черпы
Въ пвоемъ лицѣ я замѣчаю:
Изгладилъ ихъ одна могила!
То мрачная печать спрасшей,
Копорыхъ гибельная сила
Гасишь огонь младости пвоей.—
Я узнаю—ты помѣ, кого
Должны поклонники Пророка,
Какъ злова генія порока,
Гнашь онъ жилища своего.—

2.

И долго, долго мои очи
Слѣдили всадника во пѣмъ.—
Вопъ онъ исчезъ, какъ призракъ ночи,—
Исчезъ—но сердца въ глубинѣ
Зловѣщій видъ его оспался,
И долго въ слухъ опзывался
Бѣгъ скакуна при пишинѣ.—
За той огромною скалою,
Что надъ поверхностью морскою,
Спрашишь такъ мореходца взоръ,
Сокрылся онъ, какъ метеоръ.—
Сокрылся—по коня безмолвно
Остановилъ онъ передъ пѣмъ,
Привспалъ на спременахъ проворно
И оглянулся вдругъ.... Зачѣмъ
Онъ въ ближній лѣсъ спремишь такъ взоры?
Чего онъ ищетъ тамъ?... Луна
Лешъ сребриспый блескъ на горы;
Еще вездѣ всѣ чужды сна;
Лампады въ мечешяхъ блискають;
Слышна спрѣльба и шупиъ и шамъ,—
И правовѣрные вспрѣчають

M O D E S.

Robes. — Aux Tuileries, ce sont force cachemires qui dissimulent une partie de la toilette, mais on peut reconnaître que les robes d'été seront pour la plupart, choisies dans les tissus de laine ou de soie. La finesse et la légèreté de leurs dessins rendent aujourd'hui ces étoffes propres à toutes les saisons.

Des pélerines négligées en jaconnas sont à longues pointes croisées sous la ceinture, avec une seconde pélerine ronde par-dessus, et le collet carré rabattant; le font découpé à dents pointues doublées en jaconnas, est d'un joli effet.

Les manches ont toujours une ampleur excessive, surtout du haut; sur le bras, près du poignet, un haut parement coupé de pointes qui se boutonnent l'une à l'autre, maintient l'ampleur de la manche en lui faisant former des plis assez réguliers.

Avec une robe de moire ou de cachemirienne, des écharpes de blonde noire sont très-bien. Celles de mousseline Thibet n'en sont pas moins les plus généralement portées et plus simples.

M O Д Ы.

Платья.—Въ Тюльерійскомъ саду Турецкія шали прикрываютъ часть нарядовъ; но можно видѣть, что льнія платья будутъ дѣлать по большей части изъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій. Легкость узоровъ дѣлаютъ ихъ свойственными всѣмъ временамъ года.

Проспѣя пелеринки изъ жаконета дѣлаютъ съ длинными концами крестообразно подъ поясъ; сверху другая круглая пелеринка и четвероугольный опложной ворошничекъ; вокругъ вырѣзаны острыми зубцами, подложенными жаконетомъ; это весьма красиво.

Рукава продолжаютъ дѣлать чрезвычайно широки, особливо вверху; широкій обшлагъ, вырѣзанный мысками, которые застегиваются одинъ на другой, прихватываетъ рукавъ, сложенный довольно правильными складками.

Къ обьярнинному или кашемировому платью весьма приличны черныя блондовые шарфы. Изъ Тибетской кисеи проспѣе, но не менѣе въ употребленіи.

Веселый праздникъ свой Байрамъ. (1)

Но кто ты незнакомецъ чудной?

Зачѣмъ средь темноты ночной,

Чуждаясь насъ, въ глуши безлюдной

Блуждаешь будно демонъ злой?—

Вошь на мнуну появился

Въ его лицѣ какой-то страхъ,

И вдругъ на ненависть смѣнился:

Не вспыхнувшій огонь въ глазахъ,

И не румянецъ щекъ мгновенный

Тѣ чувствва въ немъ изобразилъ,

Но взоръ недвижный, испуганный

И блѣдность мрамора могилъ.—

И вошь, съ поникшею главою,

Казалось, душой онъ обьявля:

Вернешься ли ему назадъ

Иль мчашься избранной пропой?—

Но вороной конь вдругъ заржалъ,

Дрожа подъ нимъ ошъ неперпѣнья;

Рука Гьяура на кинжалъ.

Упала быспро;—изъ забвенья

Онъ вдругъ конемъ былъ извлеченъ

.....

В. Трубниковъ.

Рязскъ.

S H A R A D E.

Pour prouver ce qu'il dit, un logicien, je gage,

Dans sa phrase d'abord, placera mon premier.

Pour te peindre un combat qui sur la mer s'engage,

Après le mot combat, j'ajoute mon dernier.

Une fois tous les ans reparaît mon entier

Escorté des plaisirs, suivant un vieil usage.

Въ No 51, помѣщенная шарада значить: *Ге-ра-симъ.*

(1) Байрамъ масляница Турецкая.—Пушечные выспрылы означаютъ начало онаго при захожденіи солнца.—Ночью же, стрельба изъ ружей и пистолетовъ и освѣщеніе мечетей возвышаютъ, что наступилъ сей праздникъ.—*Прим. Л. Б.*

К О Н Е Ц Ъ Ш Е С Т О Й Ч А С Т И.

кѣ № 52. Сум. Муд. кѣ П. У.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ВТОРОЙ

НА
1832 ГОДЪ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Къ Господину П. . . Славц	стр. 217.
Новый живописецъ общества и литературы; соч. П. Шибакова	225.
Новый рѣдкій подарокъ	241.
Праздникъ въ 1489 году; пер. В. Соколова	249.
Росповѣщикъ; соч. А. Кораблинскаго	257 и 265.
Нѣсколько словъ въ похвалу книгъ: Искусство одѣ- ваться	273.
О прежнихъ и новыхъ актёрахъ; пер. В. Соколова	281.
Таможенный чиновникъ и мумія; пер. В. Соколова	289.
Шарлатаны, гаэры, паяцы, гадалычички, гадалычичи- цы, балаганные комедіанши, продавцы: всеоб- щаго лѣкарства, воды живой и мѣривой, по- рошковъ красоты, эссенціи молодости, и проч.; пер. В. Соколова	313.
Путешествіе по комнатамъ; соч. В—ра Влад—аго	321.
Опытъ словаря; соч. А. Шишкова 2-го	329.
Завѣщаніе Полковника Джона; пер. В. Соколова	337.
Проклятіе моего дѣдушки; пер. Ипполита Глѣбова	345.
Наблюденія изъ окна, письмо къ другу; соч. Н. Б—ина	253.
Литературныя замѣтки; соч. Т. Исеева	361.
Литературныя Шуаны	385.
Описаніе Варяго-Славяно-Русскаго Отечественнаго Музеума Ивана Герасимовича Дурихина; соч. А. Кораблинскаго	393.
Стихотворенія: Наименованіе Венеры; соч. В. Вл	401.
Московская промышленность; соч. Зв. Н. П.	409.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Повѣдка изъ лагеря; повѣсть Г. Клаурена; пер. В. Тило	209 и 218.
Графъ Гуго; пер. В. Соколова	226.
Пѣшеходъ на Лондонскихъ улицахъ	228.

О янцѣ	стр. 219.
Ужасная исторія; пер. В. Соколова	242.
Ужасный случай изъ Испанской войны; пер. В. Соколова	250.
О происхожденіи шляпъ	252.
Чяжикъ, истинный анекдотъ; пер. В. Соколова	259.
Собака дикаря; пер. В. Соколова	268.
Маркграфиня Барейнская; пер. В. Соколова	275.
Русскій стагъ подъ Нарвою; повѣсть Барона Унгернъ-Штернъ-Берга; пер. В. Тило	283, 290 и 297.
Возвратъ, баллада Кёрнера	300.
Донна Ковха, повѣсьи; пер. В. Романовича	306.
Вятская калачница; изъ записокъ Сенатора И. В. Лопухина	318.
Замокъ Роберта-Дьявола, повѣсьи	324.
О красномъ цвѣтѣ въ природѣ и искусствахъ; пер. В. Соколова	330.
Исторія большаго мечтателя; соч. Валтеръ-Скот- та; пер. Ф. Дьякова	338.
Фингалова пещера	340.
Привидѣніе	346 и 356.
Бездѣлки; изъ Штейншеша; пер. В. Тило	362.
О Бенгальской Локсіи	368.
Двѣнадцать часовъ его жизни; соч. Н. Б—ина	377.
Брабантская жемчужина; пер. Ил. Глѣбова	379.
Роландовъ замокъ, повѣсьи; пер. В. Тило	386 и 397.
О происхожденіи фамилии Фонъ Голлауэръ-Гоген- фельзенъ	388.
Пастухъ Шёнбергскаго озера; пер. В. Тило	402.
Исторія алмаза	405.
Крестьянка, сдѣлавшаяся госпожею; пер. И. По- кровскаго	410.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ альбомѣ В. А. П.; соч. Лобасова	212.
На смерть Барона Дельвига; соч. Н. И. Гнѣдича	222.

Зайцевскому; соч. <i>А. Шишкова</i> 2-го	стр. 223.
Элегія; соч. <i>Суходольскаго</i>	—
Два часа; соч. <i>А. Хомякова</i>	—
Прогулка въ степи; <i>К. Вяземскаго</i>	250.
Къ могилѣ поэта <i>Дельвига</i> ; соч. <i>М. Деларю</i>	247.
Осель и кроликъ, басня; соч. <i>М. Суханова</i>	—
Отрывокъ изъ послѣдней главы <i>Евгенія Онегина</i> ; соч. <i>А. С. Пушкина</i>	253.
Напоминаніе; соч. <i>П. Манассеина</i>	261.
Прозанку; соч. <i>А. Шишкова</i> 2-го	—
На скалахъ Енисея; соч. <i>И. Петрова</i>	262.
Василѣкъ, басня; соч. <i>М. Суханова</i>	—
При посылкѣ канарейки; соч. <i>Θ. Н. Глипки</i>	270.
Эпиграмма; соч. <i>Сянова</i>	—
Отрывокъ изъ трагедіи: <i>Портретъ</i> ; соч. <i>Гувадь- да</i> ; пер. <i>Коведлева</i>	271.
Въ альбомѣ <i>А. Н. Зубовой</i> ; соч. <i>Сянова</i>	279.
Стансы; соч. <i>В. Романовича</i>	—
Кремль; соч. <i>Н. Станкевича</i>	—
Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-Кале; 15-й Крымскій сонетъ <i>Мицкевича</i> ; пер. <i>Познанскаго</i>	287.
Обезьяны, басня; соч. <i>Алипанова</i>	—
Буря; соч. <i>М. Дельидова</i>	295.
Просьба; соч. <i>А. Хомякова</i>	—
Отрывокъ изъ поэмы: <i>Байронова урна</i> ; пер. <i>Три- луннаго</i>	303.
Къ сестрѣ въ день Свѣтлаго Воскресенія; соч. <i>В. Долгоитовича</i>	304.
Жестокой; соч. <i>Сянова</i>	319.
14-е Января; соч. <i>М. Деларю</i>	—
Поцѣлуй; соч. <i>П. Чижова</i>	—
Неравная борьба; соч. <i>А. Глѣбова</i>	310.
Посланіе къ П—у; соч. <i>А. Гвоздева</i>	—
Пѣснь Русской дѣвы; соч. <i>Θ. Н. Глипки</i>	326.
Къ Фаши; соч. <i>Карлгофа</i>	327.
Цвѣтокъ; соч. <i>Якубовича</i>	—
Что значить это? соч. <i>Карлгофа</i>	335.
Посланіе къ брату; соч. Княжны <i>Шаховской</i>	—
Неизвѣстность; соч. <i>Θ. Глипки</i>	342.
Къ привратнику; пер. <i>Сянова</i>	—
Лучшій цвѣтокъ; соч. <i>Карлгофа</i>	—
Ручей и прохожій, басня; соч. <i>Суханова</i>	—
Ларисѣ; соч. <i>Сянова</i>	350.
Два пупа жизни; соч. <i>Карлгофа</i>	351.
Тайна не старѣется; соч. <i>Л. Якубовича</i>	—
Заходящее солнце; соч. <i>Карлгофа</i>	360.
Не подходи! соч. <i>Θ. Глипки</i>	368.
Война мышей и лягушекъ, отрывокъ изъ неокон- ченной поэмы соч. <i>Жуковскаго</i>	369.

На пляску <i>А. А. Ж...ой</i> ; соч. <i>Сянова</i>	стр. 382.
Ландышъ; соч. <i>Карлгофа</i>	—
Къ завистнику дарованій; соч. <i>М. Дельидова</i>	383.
Русская пѣсня; соч. <i>И. Петрова</i>	—
Прощаніе съ Русскимъ краемъ; соч. <i>Карлгофа</i>	390.
Пѣснь; соч. <i>Трилуннаго</i>	—
Свинья въ огородѣ, басня; соч. <i>Ег. Алипанова</i>	381.
Купальня; соч. <i>Θ. Глипки</i>	399.
Въ альбомѣ <i>А. Г. Ч—ой</i> ; соч. <i>Карлгофа</i>	—
Г.; соч. <i>А. Шишкова</i> 2-го	—
Эпиграмма; соч. <i>Сянова</i>	—
А. Д. Н....ой; соч. <i>Сянова</i>	406.
Вонюхъ и сабля, изъ <i>Кёрнера</i> ; соч. <i>И. И.</i>	—
Большое дитя; пер. <i>И. Покровскаго</i>	407.
Истинное блаженство; соч. <i>Черкасова</i>	—
Безнадежность; соч. <i>Сянова</i>	414.
Гроза; соч. <i>Ив. Нагибина</i>	—
Отрывокъ изъ <i>Гяура</i> , поэмы <i>Лорда Байрона</i> ; пер. <i>В. Трубникова</i>	415.

IV.

КРИТИКА.

Стихотворенія <i>Василія Романовича</i>	213.
Дочь купца <i>Жолобова</i> , романъ въ 4-хъ частяхъ; соч. <i>И. Калашикова</i>	254.

БИБЛИОГРАФІА.

Стихотворенія <i>А. С. Пушкина</i> , часть третья	262.
---	------

V.

СМѢСЬ.

Печатались почти въ каждомъ номерѣ.

VI.

ШАРАДЫ, ШАРАДЫ-ОМОНИМЫ, ШАРАДА-АНАГРАММА, ЛОГОГРИФЫ, ОМОНИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія: *Шарады*: 1) Казна-чей; 2) Око-рокъ; 3) Пол-ов-цы; 4) Елена; 5) Ге-ра-симъ; *Шарада-омонимъ*: 6) Из-юмъ; *Шарада-Анаграмма*: 7) Софа и Сафо; *Логогрифы*: 8) Клѣнъ и лѣпъ; *Омонимы*: 9) Кисть; 10) Очки; 11) Осетръ рыба, Осетръ рыка; *Загадки*: 12) Сахаръ.

Французскія. — *Шарады*: 1) Mou-lin; 2) Sou-pente; 3) Thé-âtre; 4) Port-ail; 5) Trou-peau; 6) Car-naval; *Логогрифы*: 7) Carène; 8) Bride; 9) Parc; *Загадки*: 10) Montre à répétition; 11) Aujourd'hui; 12) Mai.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пестербургскихъ модахъ были помещены на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ.